

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ
ВАЖНЕЙШИХ ТАНКОВЫХ СРАЖЕНИЙ XX ВЕКА

ТАНК ПРОТИВ ТАНКА

КЕННЕТ МАКСЕЙ

К Е Н Н Е Т М А К С Е Й

ТАНК ПРОТИВ ТАНКА

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ
ВАЖНЕЙШИХ ТАНКОВЫХ СРАЖЕНИЙ
XX ВЕКА

МОСКВА
2007

Печатается по изданию

Kenneth Macksey

TANK VERSUS TANK

The illustrated story of armored battlefield
conflict in the twentieth century

Grub street 1999

Перевод с английского Александра Колина

Художник Максим Горбатов

Максей К.

М 17 Танк против танка. Иллюстрированная история важнейших танковых сражений XX в. / Кеннет Максей; [пер. с англ. А.З. Колина]. – М.: Эксмо, 2007. – 192 с.: ил. – (Иллюстрированная история войн XX века).

ISBN 978-5-699-20451-9

Книга «Танк против танка. Иллюстрированная история важнейших танковых сражений XX в.» – волнующее и глубокое исследование, в котором наглядно прослеживаются этапы эволюции танковых войск в XX веке. Это великолепное издание снабжено многочисленными фотографиями, схемами, диаграммами и специально для него выполненными панорамными иллюстрациями, на которых отражены ключевые моменты описываемых сражений.

Написанная майором Кеннетом Максеем, бывшим офицером Королевского танкового полка, участвовавшего в боевых действиях в Европе, начиная с 1944 г., книга не разочарует как подготовленного читателя, так и того, кто лишь начинает свое знакомство с историей военного дела.

УДК 355/359
ББК 63.3(0)/68.513

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

БОЕВЫЕ МАШИНЫ – СТАРЫЕ И НОВЫЕ ... 4

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТАНКОВЫЕ ВОЙСКА НА ПОДЪЕМЕ. 1918 Г. ... 24

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ... 40

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОТ ПАССИВНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ
К АКТИВНЫМ БОЕВЫМ ДЕЙСТВИЯМ. 1940 Г. ... 60

ГЛАВА ПЯТАЯ

СТОЛКНОВЕНИЕ БРОНИРОВАННЫХ АРМАД ... 81

ГЛАВА ШЕСТАЯ

АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ... 104

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОЕДИНКИ ЧУДОВИЩ ... 127

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ – НОВЫЕ ТАНКИ ... 150

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ТАНКОВЫЕ СРАЖЕНИЯ БУДУЩЕГО ... 172

ГЛАВА ПЕРВАЯ

БОЕВЫЕ МАШИНЫ —
СТАРЫЕ И НОВЫЕ

НАД ПОЛЕМ СРАЖЕНИЯ ЛЕЖАЛ ГУСТОЙ ТУМАН, стелился ядовитый дым и вилась пыль от падавших на протяжении более чем двух часов немецких фугасов и снарядов с отравляющими газами, а 14 странных, если не сказать диких машин, весивших каждая ни много ни мало 32 тонны, урча моторами, медленно выдвигались вперед, чтобы наступать на британские позиции. За мрачными чудовищами, называвшимися А7V, пригибаясь спешили пехотинцы, ради облегчения задачи которых по овладению вражескими рубежами как раз и строились первые в Германии танки. Люди становились чем-то вроде пешек на шахматном столе вооруженного конфликта, в ходе которого на передний план, спеша громче заявить о себе, все увереннее выходила техника. Впереди лежали цели — села Виллер-Бретонне и Каши, — каждую из которых обороняли весьма боеспособные британские и австралийские пехотные части, усиленные полевой артиллерией. Как «приятный» сюрприз для ожидавшейся в последние двое или трое суток немецкой атаки наготове стояли три британских тяжелых танка Mk IV, бывших примерно одних габаритов с немецкими, а также семь 14-тонных «Уиппетов», способных развивать скорость до 13 км/ч, вдвое превосходящую данный показатель у более тяжелых машин. С большим трудом продвигаясь по непростой местности, то и дело останавливаясь из-за механических неполадок, немецкие танки смогли по большей части достигнуть поставленных целей. К крайнему удивлению оборонявшихся и к немалому собственному недоумению, танкисты вошли в Виллер-Бретонне, а также подступили к Каши, настолько обогнав своих, что командирам пришлось даже разворачивать машины, чтобы подавить очаги вражеского противодействия, которое не позволяло немецкой пехоте продвигаться ни на шаг.

У танкистов хватало дел: им приходилось вести в бой до отчаяния ненадежные машины, прокладывая себе путь по незнакомой и трудной местности, стараясь не сбиться с пути, да еще и помогать собственной пехоте. В общем, запахи не страдали от скуки и вполне могли бы обойтись без дуэлей на коротких дистанциях с коллегами из стаи противника, со стороны которых немцам и предстояло встретить жесткий отпор южнее Виллер-Бретонне. Паля из орудий, британцы спешили положить конец бесчинству А7V. В условиях все улучшавшейся видимости, которая позволяла открывать огонь с 400 м, начался первый бой между танками.

БОЕВЫЕ ПОВОЗКИ

С момента изобретения гонимого крута на Ближнем Востоке в далеком прошлом — вероятно, где-то в 3000 г. до н.э. — человек задумался о создании транспортного средства. Выполненное из скрепленных между собой медными скобами деревянных планок, иногда оббитое металлом, колесо дало возможность сконструировать телегу, передвигающуюся за счет тяги, обеспечивавшейся запряженными в нее животными. Помимо чисто хозяйственных и торговых надобностей,

представлялось возможным применить телегу в целях повышения подвижности воинов, а при благоприятных условиях создать на ее основе оружие, способное занять центральное место на поле боя. Переход от тяжелых, медленно продвигающихся телег к легким повозкам целевого назначения — колесницам, вьючным лошадям специально выведенных для этого пород, — стал своего рода естественным этапом развития процесса, стимулированного изобретением железа и его приходом на смену меди и бронзе. Более легкое и прочное колесо с износостойким ободом, спицами и осью с втулкой появилось примерно в одно время с качественным совершенствованием режущего оружия, необходимым в условиях, когда металл все чаще шел на смену коже в защитном вооружении людей и животных.

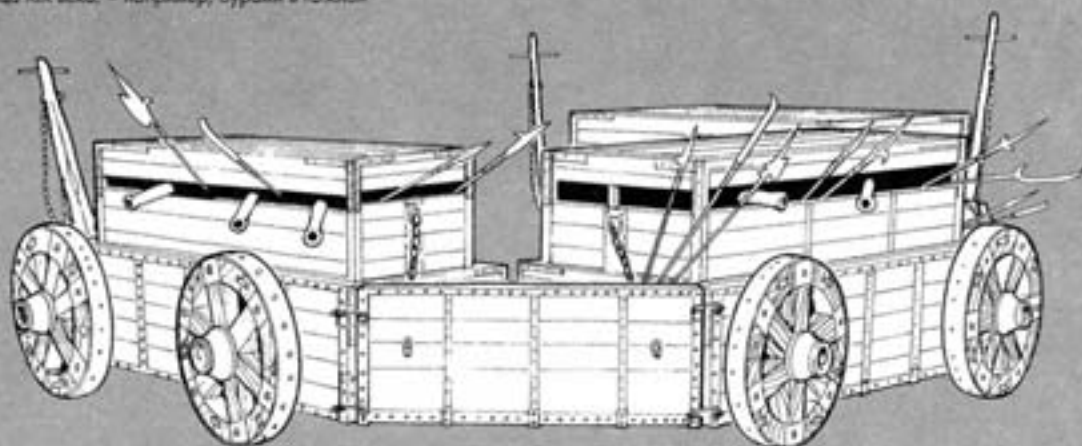
Однако же с самого начала любому военному становился понятен основополагающий фактор, затруднявший приход на поля сражений боевых бронированных машин — предшественниц танка. Животные обладали очень ограниченной силой, выносливостью и грузоподъемностью. Кроме того, они поглощали большое количество пищи, требовали отдыха при довольно низкой отдаче. Не говоря уже об их уязвимости перед лицом

разного рода метательного оружия вроде длинных валлийских луков, арбалетов и пищалей, вошедших в жизнь по мере развития технического прогресса в Средние века. Нельзя не признать, что изобретение пороха и применение его в огнестрельном оружии в XIV столетии прозвучало первой тревожной нотой грозного набата, ознаменовавшего собой в итоге конец многовековой и даже многотысячелетней истории использования лошадей как главного средства обеспечения подвижности на войне. Нарастание толщины пластины доспехов, необходимой для того, чтобы защитить всадника и коня от обладавших высокой степенью поражения стрел длинных луков или арбалетов, делало лошадей фактически неспособными к галопу и, следовательно, снижало маневренность и скорость кавалерии. По завершении XV века доспехи стали все увереннее выходить из употребления, по мере того, как солдаты убедились в том, что решением будет облегчение массы снаряжения, предоставляющего большую степень свободы маневра, при одновременном увеличении темпа стрельбы и скорости поражения вооруженного неприятеля на поле битвы. Данное открытие создало довольно парадоксальную ситуацию, просуществовавшую на протяжении свыше 300 лет, в которой воюющие практически отказались от привычного прежде защитного вооружения – доспехов – ради повышения собственной боевой эффективности. Вместе с тем применение брони вообще оставалось вполне желательным. На протяжении истории развития оружия и роста его поражающей способности технологии фортификаций претерпели весьма существенные изменения, вызванные необхо-

димостью сделать укрепления способными выдержать сокрушительную мощь воздействия тяжелой артиллерии. Гордо возвышавшиеся на холмах высокие башни и дожонны Средних веков уступили место зарывавшимся в землю многочисленным поясам эшелонированной обороны, прикрывавшим стратегически важные пункты, господствовавшие над узлами линий коммуникаций и вынуждавшие завоевателей прибегать к продолжительным осадам с целью сломить сопротивление гарнизона, либо искать себе более легкой добычи в каком бы то ни было другом месте. Предпринимались попытки соединить защитное оружие с наступательным, обеспечив ему некоторую степень подвижности, то есть применять боевые повозки, перемещаемые лошадьми с места на место, для создания в определенной точке временной крепости или форта, который позволял бы находившимся внутри него воинам выстоять перед лицом атакующего неприятеля. Наиболее выдающийся пример использования подобного рода техники относится к XV столетию, в первой половине которого в Центрально-Европейском регионе разгорелся религиозный конфликт на почве распространения реформаторских идей Яна Гуса, известный как Гуситские войны (1419–1434 гг.). В ходе их первого этапа вождь повстанческих войск, называвших себя таборитами, выступал одиозный, но весьма деятельный и энергичный Ян Жижка. Усовершенствованные крестьянские телеги имели высокие подъемные борты, а также снабжались специальными сколоченными из досок ширмами, с помощью которых прикрывались открытые участки между повозками, служившими защищенными боевыми позициями

www.farpost.ru

Табор, или лагерь из повозок, по образу и подобию тех, что применял Ян Жижка и его последователи в XV столетии, в том или ином виде продолжал использоваться вплоть до конца XIX века. – например, бураны в Южной Африке.

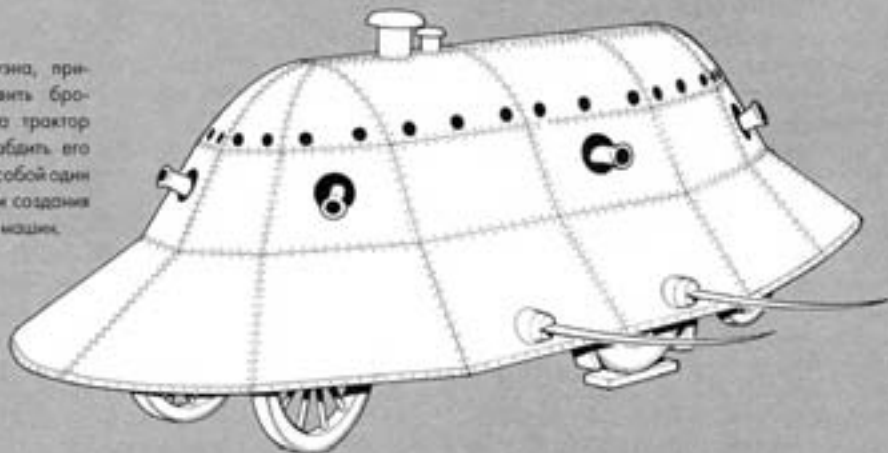
ПАРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПОСТУПАТЕЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ПАРОВОГО ДВИГАТЕЛЯ, начавшееся после того, как в 60-х годах XVIII века Джеймс Уатт разработал более эффективные способы заставить пар лучше служить людям, неминуемо вело к совершенствованию средств транспорта — появлению паровозов, пароходов и паромобилей.

Трактор Бойделла представлял собой весьма передовой образец техники, особенно по сравнению с обладавшими весьма узкими колесами машинами, повреждавшими не приспособленные к подобным нагрузкам дороги XIX столетия. Покрывки, или «башмаки», помогали ровнее распределить давление на грунт, что повышало проходимость машины на пересеченной местности и сохраняло дорожное покрытие.

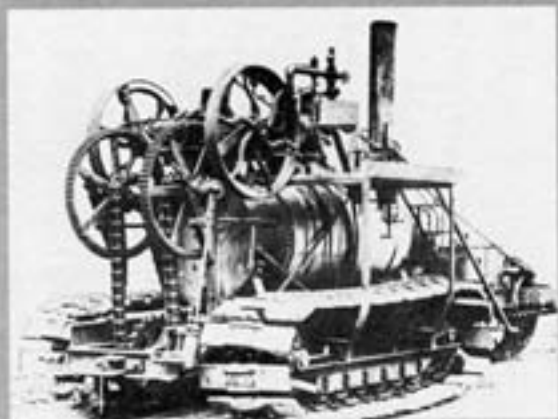
Затем Джеймс Коуэн, придумавший установить бронированную защиту на трактор Бойделла, а также снабдить его пушками, представлял собой один из первых шагов на пути создания боевых бронированных машин.

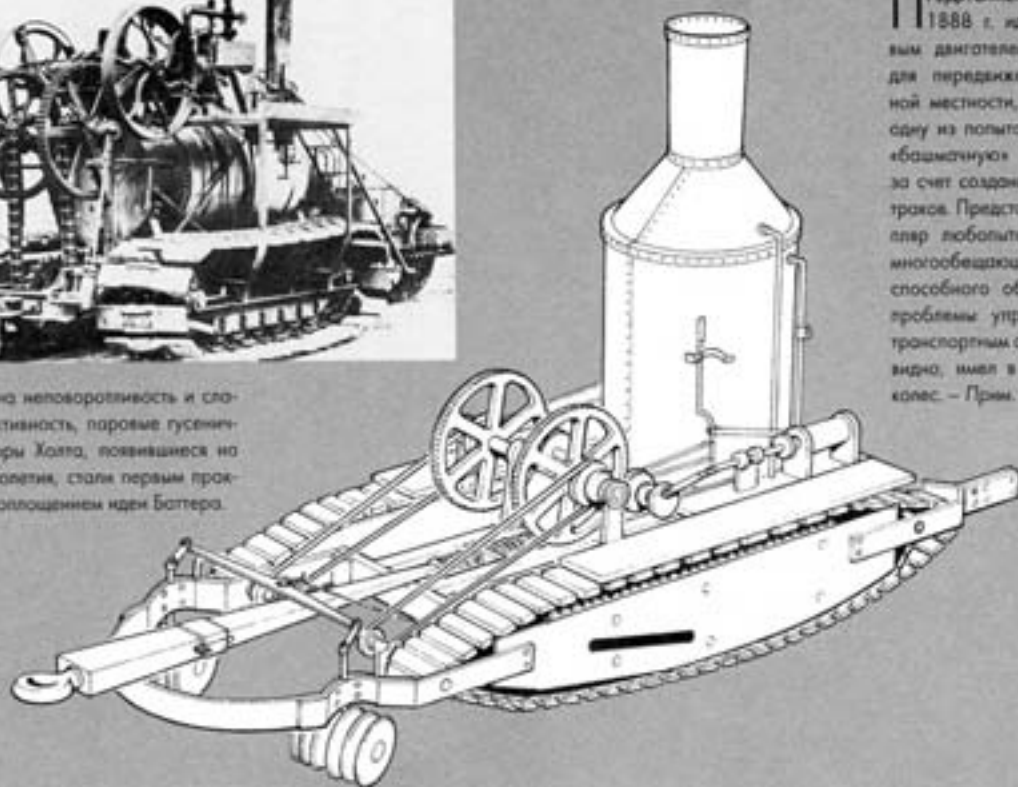
для арбалетчиков и примитивной артиллерии. Обычно табориты изматывали неприятеля — особенно рыцарскую конницу, — который нес большие потери при попытках прорвать оборону табора, затем, когда напор противника угасал и начинала колебаться его уверенность в победе, гуситы расцепляли повозки и бросались на врага в контратаку.

Краеугольным камнем в решении главной проблемы на пути к созданию универсального вооружения, способного сочетать в себе необходимые для успеха на поле боя качества — как то: подвижность, огневую мощь и живучесть, — являлась разработка подходящей силовой установки. Идея Гвидо да Виздживано, выдвинувшего концепцию машины, которая двигалась бы за счет лопастей ветряных мельниц (1472 г.), стала первой в цепи конструкторских озарений, призванных служить достижению вышеозначенной цели за счет самого простого и дешевого средства — ветра. Модель Леонардо да Винчи, предложившего использовать ручки (1500 г.), несмотря на все сложные зубчато-шестеренные передачи, никогда не смогла бы — лишь при условии применения усилий только самого ездока — как просто передвигаться, так и давать возможность людям внутри бронированного корпуса сохранить достаточное количество сил, чтобы сражаться. До появле-

ния более или менее соответствующего задачам двигателя прошло еще немало времени. Минувло почти триста лет, когда во второй половине XVIII века Джеймс Уатт создал его, чтобы вскоре затем, в 1769 г., Николай Кюньо смог продемонстрировать передвигающееся за счет силы пара транспортное средство (трехколесный тигач для артиллерийских орудий. — *Прим. пер.*). Несмотря на низкий КПД и огромную «прожорливость», силовые установки подобного типа продолжали оставаться привлекательными объектами для усовершенствования. Так, к 1846 г. удалось создать более или менее экономичные двигатели, предназначенные как для гражданских, так и для военных целей, в том числе в конструкции Джеймса Бойделла. Преимущества этого трактора перед прочими аналогичными машинами заключались в применении своего рода покрывок, или «башмаков», позволявших равномерно распределить массу при движении, что обеспечивало ему меньшее удельное давление на грунт и позволяло успешнее преодолевать неровные и вязкие участки местности. Нельзя сказать, что в Крымскую войну (1854–1856 гг.), когда машину использовали для перевозки военных грузов, армия не смогла бы обойтись без нее, однако конструкция, несомненно, послужила важным источником вдохновения для творчества других

Несмотря на неповоротливость и слабую эффективность, паровые гусеничные тракторы Холта, появившиеся на заре XX столетия, стали первым практическим воплощением идеи Баттера.

ТРАКТОР БАТТЕРА

Предложенная Баттером в 1888 г. идея машины с паровым двигателем, приспособленной для передвижения по пересеченной местности, представляла собой одну из попыток усовершенствовать «башмачную» колесную покрывку за счет создания замкнутой цепи из траков. Представленный здесь экземпляр любопытен наличием у него многообещающего приспособления, способного облегчить разрешение проблемы управления гусеничным транспортным средством (автор, очевидно, имел в виду пару передних колес – Прим. пер.).

инженеров в следующие шесть десятилетий. Появились идеи и предложения внедрить «замкнутые в цепь траки». Но самым интересным стал проект, выдвинутый в 1855 г. Джеймсом Коуном, суть которого заключалась в том, чтобы установить на тракторе Бойделла куполообразный снабженный по бокам косами литой панцирь (вроде того, что мыслится и да Винчи), который позволил бы находящимся внутри людям передвигаться по полю боя в относительной безопасности, несмотря на значительно возросшую огневую мощь стрелкового оружия и артиллерии. И неважно, что премьер-министр Британии, лорд Палмерстон, отверг подобное оружие как «нецивилизованное», рождение концепции танка состоялось, замысел обрел форму, и противостоять ему по мере роста поражающей способности винтовок, пулеметов и пушек становилось все труднее.

РОСТ ТЕМПОВ РАЗВИТИЯ ВОЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Вторая половина XIX века стала свидетелем будущего воображение процесса акселерации темпов технического прогресса, инноваций и изобретений, протекавшего бок о бок с экспансией производственного потенциала, которую в значительной мере подстегнула возможность по-

лучения значительно более дешевых источников энергии, ставших доступными ввиду усовершенствования парового двигателя Джеймсом Уаттом. Конструкторы оружия немало потрудились, подливая воду на мельницу этой технической революции. Так, например, в основе изобретенного британским оружейником Генри Бессемером в 1856 г. конверторного метода получения стали лежало стремление найти способ получения как можно большего количества дешевого материала для обеспечения возросших в связи с Крымской войной заказов на производство боеприпасов. Обнаружив, что существующие стволы неспособны выдерживать требуемого давления, он был вынужден использовать сталь, которая до него и до изобретения Вильгельмом Сименсом мартена являлась дефицитным и дорогим материалом. В свою очередь появление более скорострельного казнозарядного стрелкового оружия и пушек, ставшее возможным благодаря изобретению в 20-е годы XIX века фон Дрейзе так называемого «игольчатого ружья», а также усовершенствование боеприпасов, вдохновило работу изобретателей, искавших способы создания чего-то вроде полуматематического пулемета. В 50-е годы появилась модель с ручным приводом, которая прошла апробацию во время Гражданской войны в США (1861–1865 гг.). Все это ознаменовало собой

заметные шаги на пути повышения убийного потенциала оружия. Бездымный порох, подаренный миру в 80-е годы Альфредом Нобелем, сделал возможным создание в 1885 г. Хайремом Максимом полностью автоматического пулемета с ленточной подачей, способного поддерживать темп постоянного огня 400–500 выстрелов в минуту. Неслыханная прежде вещь. Однако профессиональным солдатам понадобилось время, чтобы осознать, что под смертоносным градом пуль такого оружия неспособен уцелеть ни один человек, если только он не найдет себе какого-то надежного бронированного укрытия.

Но вот пришел черед вступлению в жизнь явления из числа тех, которые так часто выравнивают или балансируют расклад сил между соперничающими научными достижениями и технологиями. Одновременно с усилением поражающей способности оружия — пулеметов и скорострельных артиллерийских орудий — были посеяны семена древа прямо противоположной тенденции. В 1882 г. Роберт Хадфилд представил марганцевую сталь, способную обеспечить значительно большую степень защиты, чем применявшиеся прежде пластины из ковкого чугуна и мягкой, или малоуглеродистой, стали. Затем, в 1885 г., заявила о себе никелевая сталь Марбо. Как и марганцевая сталь, она обеспечивала надежную защиту от пуль и снарядных осколков, хотя и обходилась дороже. В свою очередь эти изобретения подтолкнули оружейников к разработке более твердых боеголовков, способных поразить броневые листы из последних сплавов (речь идет, конечно же, пока не о танках, а о кораблях и фортификационных сооружениях. — *Прим. пер.*). Однако еще более важным явлением стало продемонстрированное Готлибом Даймлером в Германии в 1883 г. двухколесное транспортное средство с четырехтактным бензиновым двигателем на базе тяжелой силовой установки фирмы «Отто и Ланген». В 1885 г. Даймлер представил четырехколесную машину. Призванный заменить лошадь легкий бензиновый двигатель тотчас же подвергся анафеме со стороны любителей лошадей под предлогом того, что он слишком шумный, слишком дурно пахнущий, слишком медленный и ненадежный. Вышеприведенные возражения имели под собой вполне основательную почву, но нельзя забывать того факта, что все новые механизмы всегда требуют времени на доводку, которая, если наличествуют перспективы, непременно будет произведена.

В случае с оснащенной бензиновыми двигателями техникой потребовалось 15 лет на то, чтобы такие машины достигли скорости 30–35 км/ч, кроме того, появление их требовало радикального улучшения качества существовавшей тогда сети дорог, что в свою очередь толкало мир к перемене, которым суждено было найти отражение как в военной, так и в гражданской сфере деятельности человечества. В 1899 г. некто Ф. Симмс представил в Британии четырехколесное транспортное

средство с пулеметом Максима, смонтированным за бронированным щитом. Спустя год сотрудничество между компаниями Виккерса и Максима принесло плоды в виде полностью бронированного «боевого автомобиля» с 1,5-фунтовой пушкой, двумя пулеметами, 6-мм бронированием, способного передвигаться по дороге со скоростью 10 км/ч.

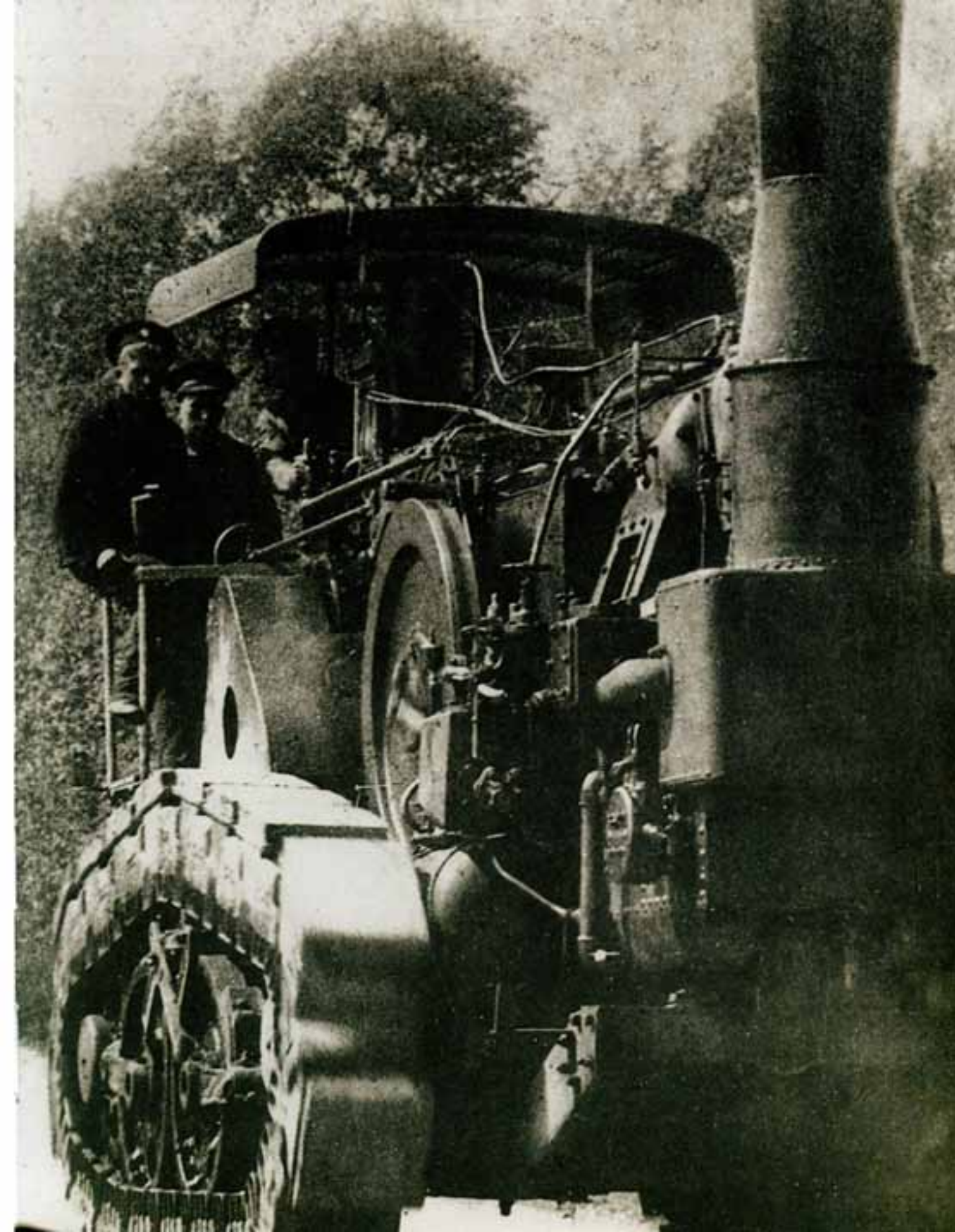
БРОНЕАВТОМОБИЛИ И ТРАКТОРЫ

В последующее десятилетие бронированные или же просто вооруженные машины послужили полем экспериментаторской деятельности конструкторов многих европейских фирм. Одним из множества вариантов стала в 1906 г. зенитка немецкого производителя Эрхардта — установленная на самодвижущейся платформе 50-мм пушка, предназначенная для уничтожения наблюдательных воздушных шаров, которые использовались тогда для того, чтобы иметь возможность увидеть «что там за холмом», то есть что происходит на территории неприятеля. В те времена применение машины против машины в бою как-то не вписывалось в горизонты фантазии разработчиков, однако необходимость повышать скорость стала уже требованием, особенно с появлением в конце 90-х годов оснащенных бензиновыми двигателями летательных аппаратов, развивающих скорость до 25 км/ч. В тот момент предназначенная для поражения шаров зенитка, способная преодолевать в час 20 км, представлялась хорошим средством противодействия первым аэропланам.

Скверные дороги того времени, препятствовавшие развитию моторной техники и уже ранее подталкивавшие конструкторов вроде Бойделла к разработке «башмаков», указывали машиностроителям путь к «непрерывной цепи», или «бесконечным рельсам». В 1883 г. живший в Буэнос-Айресе Гийом Фандер выдвинул уже вполне знакомую нам идею: соединенные между собой траки, приводимые в движение цепным колесом и проходящие по ленивцу и каткам. Система портативного железнодорожного полотна Фандера опережала технологию тогдашнего времени, поскольку его подвеска была свойственна определенной степени гибкости, помогавшая добиваться относительной плавности хода. Затем в 1888 г. некто Ф. Баттер из Соединенных Штатов представил гусеничную машину с паровой силовой установкой, попытавшись в этой конструкции одновременно разрешить и еще одну серьезную проблему — изменения направления движения. Шаг за шагом подобные машины, соревнуясь между собой и уснащая по ходу дела разного рода новшества, такие как «обутое» колесо, привели к появлению в Британии в 1904 г. парового гусеничного трактора Дэвида Робертса, а в Соединенных Штатах в 1906 г. — трактора Холта, предназначенного прежде всего для применения в условиях заболоченных территорий Луизианы, но и не только.

Робертс, изделие которого производила фир-

Трактор Роберта Ростона, изначально оснащавшийся паровой силовой установкой, а позднее 70-сильным двигателем внутреннего сгорания, валався передовым по своему времени изобретением, во многом благодаря удачной подвеске и системе управления, которые обеспечивали машине значительную по тем понятиям подвижность и скорость на пересеченной местности. Поначалу британская армия видела в тракторе лишь транспортер военных материалов и тягач для артиллерии, потом, однако, его предложили — хотя и без успеха — применить в качестве ходовой базы для боевых бронированных машин.

На рубеже веков появились и нашли ограниченное применение в локальных «малых» войнах первые колесные бронемашин (броневомобили).

Внизу: В самом начале Первой мировой войны бельгийцы и британцы имитировали в области применения броневомобилей для сдерживания немецкого натиска. Бельгийская «Минерва» являлась обычной машиной, на которую установили броню и пулемет.

Внизу справа: Британский «Роллс-Ройс» конца 1914 г. представлял собой более изощренное изделие, обладавшее вращающейся башней по типу той, что использовалась на военных кораблях, которая обеспечивала экипажу возможность кругового обстрела. По сути дела, этот автомобиль можно назвать предвестником будущих танков.

ма «Хорисбат», значительно опережал Холта, поскольку первый сумел применить на гусеничной машине весьма удачную пружинную подвеску, а к тому же еще и механизм управления, позволивший отказаться в модели трактора от выносных передних колес вроде тех, что предлагал Баттер и которые перенял в конструкции своей машины Холт. Трактор Робертса, в версии 1907 г. оснащенный 70-сильным двигателем, работавшим на жидком топливе, представлял собой довольно многоцелевую машину, способную разогнаться почти до 15 км/ч, не говоря уже о высокой проходимости и известной доле маневренности. Специалисты из британского Военного министерства провели ряд углубленных и вполне успешных испытаний трактора в роли средства подвоза боеприпасов и артиллерийского тягача. Участвовавший в испытаниях майор Деннохью предложил снабдить изделие противотанковой броней и установить на нем орудие. Отсидка идея не нашла. Более того, военные приобрели всего одно изделие. В общем, «Хорисбат» перепродажа патент Холту, которому не терпелось запатентовать сверхсовременный механизм управления движением.

БРОНЕАВТОМОБИЛИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

В преддверии разгоревшегося в 1914 г. крупного европейского конфликта жизнь успела уже не раз продемонстрировать, что оборонительное вооружение способно безраздельно господствовать на поле боя, где ни кровь, ни плоть, ни храбрость не в силах противостоять ему, а бездарное растрачивание солдатских жизней в бездумных лобовых атаках (что прекрасно показала уже Русско-японская война 1904–1905 гг.) ведет лишь к подрыву физических и моральных сил армий. Тем не менее Центральные державы (Германия и Австро-Венгрия, — *Прим. пер.*) с энтузиазмом бро-

сились в наступление против союзников (французов, сербов, русских и британцев), которые вполне достойным образом ответили на вызов. На протяжении первых трех месяцев Первой мировой список потерь рос с устрашающей скоростью, в равной степени быстро улетучивались и надежды на скорую победу. Причина стагнации, скоро охватившей фронт, заключалась в том, что обе стороны пользовались возможностью окапываться и занимать позиции за заграждениями из колючей проволоки, прикрываемыми пулеметами и артиллерией, что не давало атакующим сколько-либо заметного шанса сокрушить вражескую оборону. К концу октября 1914 г. непрерывный пояс полевых фортификаций протянулся через всю Западную Европу от Северного моря и до швейцарской границы, преодолеть его стало практически невозможно, и солдатам приходилось гнить в грязи окопов без малейшей надежды одержать победу. Единственным средством выхода из тупика оставалась артиллерия, применяемая массированно для уничтожения проволочных заграждений, пулеметных гнезд и живой силы в окопах. Однако в течение следующих месяцев и это оружие доказало свою неспособность полностью справиться с задачей. Сотни тысяч и даже миллионы снарядов просто перепачкали землю, превращая ее поверхность в этаким лунный пейзаж, обстреливаемые же часами отсиживались под землей, чтобы, когда огонь стихнет, встретить наступающих как подобает. Ни о какой подвижной войне в таких условиях и при тогдашней технике не могло идти и речи.

И все же в начальной стадии войны, когда дороги еще оставались открытыми, когда поля не перерезали траншеи и рвы, оружие, обладавшее жизненно важным огненным потенциалом, подвижностью и живучестью, находило применение, и при том успешное. Когда началось массированное

вторжение войск Германии в Бельгию, когда тяжелая артиллерия немцев сломала сопротивление защитников прикрывавших Льеж фортов, что позволило солдатам кайзера через Брюссель и Мюнх устремиться к цели политической стратегии, к Парижу, командование воспользовалось для прикрытия оголенного правого фланга традиционными в таких случаях войсками, состоявшими из кавалерии, пользовавшейся поддержкой пулеметчиков и легкой артиллерии. Чтобы обнаруживать врага и наносить удары по немцам захватчикам, бельгийцы применили быстрые спортивные машины «Минерва» с открытым верхом, оснастив их пулеметами, а при первой же возможности и бронированием. В качестве усиления этих скромных по численности отрядов «москитов» пришли вооруженные британские автомобили «Ланкастер» и «Вулкан», которые тоже быстро совершенствовались — для защиты важных узлов и экипажа добавили бронирование. Появление британского соединения на 50 автобусах (бригады Королевской морской пехоты, поддерживаемой морской авиационной эскадрилей) стало результатом инициативы Уинстона Черчилля, который как первый лорд Адмиралтейства отвечал также за воздушную оборону Британии. Он хотел не только помочь бельгийцам защитить порт Антверпен и способствовать ослаблению вражеского натиска на отступающие в каждом направлении союзные армии, но также и воспрепятствовать оборудованию немцами авиабаз в опасной близости от Англии и прежде всего от Лондона. 5 сентября по предложению командора (морское звание, соответствующее званию бригадного генерала в армии. — *Прим. пер.*) Марри Сактера первый лорд потребовал установления воздушного патрулирования над участком в радиусе 100 миль (160 км) от Дюнкерка при поддержке вооруженных автомобилей Королевских ВМС, действовавших бы на су-

бину до 50 миль (80 км) от побережья под началом отважного коммандера (капитана 2-го ранга. — *Прим. пер.*) Самсона.

Трудно переоценить значение бронемашин в их действиях против немцев. Малым числом удалось достигнуть очень многого. Бронесамомобили сновали там и тут, доставляя обычные разведданные и устраивая засады на вражеские дозоры. Кроме всего прочего, сами экипажи оставались в относительной безопасности, поскольку единственным оружием, которое мог противопоставить им противник, являлась полевая артиллерия, снаряды которой тогда отличались относительно низкой скоростью полета, что — при большом рассеивании огня — определяло шансы расчета попасть в неподвижную цель с расстояния всего около 300 м как 30 к 1, не говоря уже о том, чтобы поразить автомобиль, развивавший скорость 50 км/ч и более. С самого начала военных действий наметилась тенденция к быстрому и необратимому упадку немецких кавалерийских дивизий, который лишь ускорился за счет влияния на обстановку тех немногих бронесамомобилей, каждый из которых мог в ту пору по эффективности быть приравнен к пехотной роте. Никогда более на Западном фронте немцы не осмеливались на массированное применение конницы. Куда с большим эффектом и с меньшими потерями представлялось возможным применять кавалерию на Восточном фронте, где отсутствовала непрерывная линия оборонительных траншей.

Но даже и на востоке немцам приходилось сталкиваться с бронесамомобилями, поскольку командование русской армии выискивало большой интерес к подобной технике, оно приобретало британские и бельгийские машины, а также строило свои. Однако же немцы, по какому-то лишь им понятным причинам, предпочли отмахнуться от проблемы, поскольку, как мы увидим, за период между 1904 и 1917 гг. они построили всего 15 бронесамомобилей, которые к тому же довольно редко применяли, отправляя на задания по одной или две за раз в Румынии и на русском фронте. В результате нам не приходится читать о столкновениях между бронемашинами, что могло бы иметь место, если бы центральные державы (подобно британцам, французам, бельгийцам и итальянцам) широко задействовали вооруженную моторную технику, разместив ее, допустим, на Ближнем Востоке, где на огромных ровных пространствах такие машины могли бы наилучшим образом развернуться.

Британские части бронесамомобилей росли особенно бурно, благодаря энтузиазму кучки моряков, которым удавалось достигать высоких результатов в стычках с противником до тех пор, пока траншейная война не достигла Ньепорта во время первой битвы под Ипром, ознаменовавшей собой окончание маневренной войны. Королевские ВМС создали ядро бронесамомобильных частей, которые получили дальнейшее развитие в 1915 г., однако к концу года были пере-

направлены в распоряжение армии и включены во вновь созданный Пулеметный корпус. Фактически по окончании первого сражения за Ипр моряки участвовали в жизни механизированных войск больше тем, что касалось технологической стороны дела, и подавали яркие идеи в этаким истинно морском духе. Как, скажем, конструкция того же броневомобиля «Роллс-Ройс», снабженного вращающейся башней с пулеметом, что тоже являлось воплощением замысла специалистов из ВМС, осуществленного ближе к концу 1914 г.

ПОЯВЛЕНИЕ «СУХОПУТНЫХ КОРАБЛЕЙ»

ВМС занимались поисками решения чисто сухопутной проблемы, суть которой заключалась в том, чтобы выйти из тупика статичности за счет создания машины, способной преодолеть глубокие и широкие рвы, подавляя при этом огнем вражеские огневые точки. Поддерживаемые Уинстоном Черчиллем и вдохновляемые изобретательными офицерами и сотрудниками из военных и гражданских структур, включая морских конструкторов и Альберта Стерна, деятельного финансиста без какого бы то ни было военного опыта, ВМС повсюду проявляли к поиску ответа даже больший интерес, чем армия, проблема которой пыталась решить флотское начальство. По сути дела, в направлении выхода из тупика армия сделала лишь одну попытку — причем попытку полуофициальную, — но, как выяснилось позднее, очень удачную. Полковник Эрнст Суинтон из Королевского инженерного корпуса являлся военным историком, послужившим на действительной во время Бурской войны. Будучи официальным военным корреспондентом в штабе Британских экспедиционных сил во Франции, он одним из первых осознал, к чему ведет создававшаяся на фронте обстановка, и задумался о путях выхода из кризиса. Ничего не зная об усилиях моряков, Суинтон нащупал решение в октябре 1914 г., когда наблюдал траншеи вокруг Ипра и представлял, как некая бронированная машина — основанная на чем-то вроде трактора Холта, который полковник видел до войны, — пре-

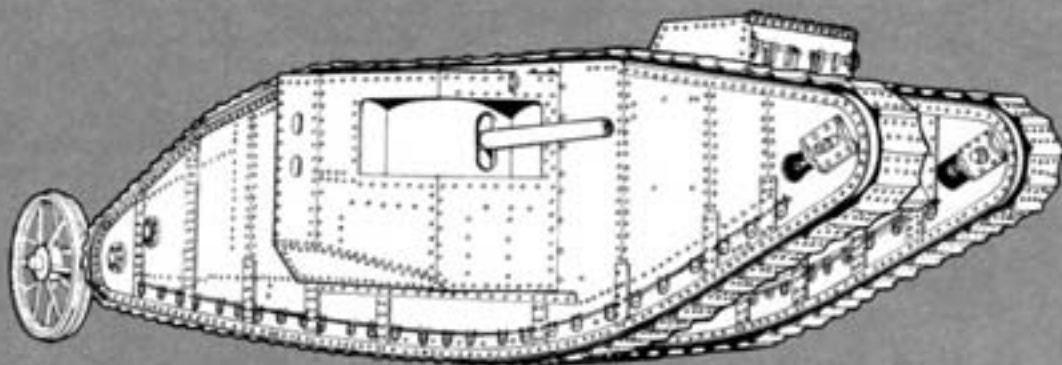
одолеет препятствия и позволит прорвать вражеский фронт. Суинтон, похоже, не знал даже о тракторе Робертса, несмотря на проводившиеся армией испытания, вероятно, из-за очень ограниченного распространения технической информации среди военных. В те времена интерес к механизации у последних проявляли лишь одиночки, причем большинство офицеров, получивших классическое образование, смотрело на таких белых ворон с презрением.

Не встретив понимания в штабе, Суинтон обсудил идею со старинным приятелем, подполковником Морисом Хэнки, служившим секретарем в Имперском комитете обороны в Лондоне, а также в Военном совете. Хэнки поддержал замысел Суинтона, а кроме того, способствовал пробуждению подлинного интереса к нему со стороны Военного министерства и Кабинета, в то время как Черчилль и Адмиралтейство искали собственное решение. У морских специалистов дело спорилось, но вот наконец исследователи узнали о шагах, предпринимаемых Военным министерством, где делами заправлял тогда сам лорд Китченер. Отцы изобретения, которому судяно было войти в историю под названием «танк», пользовались морской терминологией и называли детище «сухопутным кораблем», а технологи ломали голову над тем, на чем же лучше остановиться — на больших колесах или на гусеницах.

К лету 1915 г. полным ходом шли дотошные пробы и всесторонние испытания подвесок — они оказались наиболее технически трудной составляющей задачи — и формулировка технических условий изделия Суинтоном. Суинтон требовал от машины способности преодолевать 8-футовый ров (позднее планку подняли до 12 футов: около 2,5 и 3,5 м соответственно. — *Прим. пер.*), достижения скорости 6,5 км/ч на ровной местности, бронирование должно было быть в состоянии выдерживать воздействие бронебойных пуль, а в качестве вооружения предполагалось установить два пулемета или 2-фунтовую (40-мм) пушку. Команде Стерна, таким образом, было на что опираться. В качестве силовой установки выбрали 105-сильный двигатель фирмы «Даймлер», который в тот момент производился для оснащения им тракторов Холта, закупавших армией в качестве средства обеспечения тяги артиллерийским орудиям. Пушки и бронирование предстояло изыскать в «закромах» ВМС. От колес в итоге отказались, сделав уверенный выбор в пользу гусениц. Однако никакие существующие траки или подвеска не удовлетворяли нагрузкам, которые предстояло выдерживать машине, преодолевая участки изрытого рвами и рибой от снарядных воронок земли. Помимо гусениц наличествовали и другие узлы, некоторые из которых в целях экономии времени конструкторы предпочли позаимствовать у уже существовавших машин. Компонентов, предложенная Уильямом Триттоном из фирмы «Фостер-энд-Ко», напоминала ту, которая уже зарекомендовала себя на проверенном броневомобиле

«Маленький Вилли» представлял собой попытку британцев построить гусеничную бронемашину с вращающейся башней. Проект в итоге не дал результата, поскольку машина оказалась неспособна преодолевать широкие рвы, тем не менее подвеска, трансмиссия и гусеницы пригодились позднее и пригодились кстати при создании первого в истории танка.

ТАНК МК I

МК I (ИЗВЕСТНЫЙ В ФОРМЕ опытного образца как «Мама») был построен в 1916 г. и стал первым в мире танком, вступившим в боевые действия 15 сентября того же года. Модификация Mk IV претерпела незначительные усовершенствования, если не считать наращивания толщины бронирования, участвовала в большинстве танковых сражений в 1917 г.

Вес: 28 тонн

Скорость: 6,5 км/ч

Бронирование: 10 мм

быле «Роллс-Ройс»: увеличенный круткой вращающейся башней стальной ящик, укрывающий собой мотор, топливные баки, трансмиссию и экипаж. Авторство полностью оригинальной гусеницы принадлежало Уолтеру Уилсону, помощнику Триттона, весьма и весьма опытному инженеру-автомобилестроителю, который отвечал за разработку трансмиссии и поворотных механизмов, столь примитивных, что для их обслуживания требовалось сразу четыре человека. 22 сентября заявила о себе новая гусеница, призванная нести изделие, нареченное тогда машиной Триттона, но позднее перекрещенное в «Маленького Вилли». Однако на смену ему уже спешила другая боевая машина — совершенно новая, — удовлетворявшая в полтора раза увеличенным требованиям и способная преодолевать ров шириной в 12 футов.

Ничего похожего никто никогда не видел ни прежде, ни потом: этакая ромбоидальная самодвижущаяся машина с 10-мм бронированием, гусеницы которой «обтекали» корпус, снабженная «спонсонами» с 57-мм пушками и/или пулеметами с бортов. Звавшееся поначалу «Сороконожкой», потом «Большим Вилли», в итоге «Мамочкой» изделие представляло собой первый в мире «танк» — имя, присвоенное лишь из соображений секретности, чтобы все не посвященные в тайну думали, что речь идет всего только о цистерне для воды. От башни отказа-

лись, а это означало, что командир, размещавшийся впереди рядом с водителем, не мог непосредственно контролировать ни стрелков в их спонсонах, ни ответственных за обслуживание трансмиссии четырех членов экипажа. Ревер двигателя внутри танка заглушал даже крик, однако никаких попыток установить нечто вроде переговорного устройства не предпринималось, поскольку подобные системы тогда просто отсутствовали. «Мама» впервые отправилась в путь на своих собственных гусеницах 16 января 1916 г. и на протяжении следующих трех недель прошла серию испытаний, вызвав удовлетворение со стороны как законопирателей предприятия, так и правительства. Заказ на сто изделий марки Mk I производители получили в феврале, после чего принялись набирать экипажи и комплектовать соответствующие части обслуживания. В августе появились первые машины и люди, которым предстояло их обслуживать. Экипажи, набранные в армии, в машиностроительной промышленности или просто среди обычных гражданских лиц, приступили к обучению и тренировкам, чтобы затем отправиться вместе с танками во Францию и принять участие в последней битве на Сомме, которая стартовала еще в июне и не давала результатов ни одной из сторон, несмотря на огромные человеческие жертвы.

ТАНК ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ВОЙНУ

В августе 1916 г. в штабе британского главнокомандующего сэра Дугласа Хаига царило уныние, провал попыток добиться прорыва и победы на Сомме делал его готовым хвататься за любую соломинку. Танки — пусть неизвестное и еще не опробованное оружие, к тому же недоступное пока в больших количествах — предлагали хоть какой-то выход. Командующий потребовал, чтобы ему предоставили максимально возможное количество машин к запланированному на 15 сентября новому генеральному наступлению, не слушая увещаний Суинтона и других участников проекта в том, что ради достижения наибольшего эффекта следует подождать и собрать больше группировки танков, чем это было возможно к запланированной дате начала операции. В ином случае не приходилось рассчитывать навести немцам сокрушительный и, быть может, смертельный удар. Именно таковой точки зрения придерживались и французы. Дело в том, что тайно от союзников они тоже занимались строительством танков, или «шар д'ассо» (*charr d'asso* — букв. штурмовых машин. — Прим. пер.), с целью наконить их побольше и применить массово при первой подходящей возможности в 1917 г.

Нельзя не признать разумности аргументов тех, кто предлагал оттянуть удар и нанести его по совершенно неподготовленному противнику тогда, когда новое оружие будет доступно в больших количествах, в то же время трудно не согласиться с теми, кто считал, что неплохо бы в принципе попробовать танк и посмотреть, каков его потенциал в условиях реального боя. Ничего не говорило в пользу того, что тактические методики, обрисованные Суинтоном и в основном использованные Британскими экспедиционными силами 15 сентября (хотя руководство Суинтона и не достигло действующих частей), сработают так, как надо. Ничего также не позволяло с уверенностью заявлять, что командиры на фронте, которым предложат поставить успех планов и жизни людей на одну карту, выраженную странным и по меньшей мере непроверенным оружием, возьмут на себя подобный риск. Густой туман секретности, окутывавший новинку, влек за собой результаты, которыми часто и оборачивается завеса строжайшей тайны. Одним словом, секретность порождала лишнее недопонимание, ошибки и катастрофические промахи, насаждавшиеся один на другие. Одним из факторов стало предположение, что вражеская артиллерия расстреливает столь крупные цели, когда те появятся вперед. Суинтон учитывал данную опасность, которая лишний раз заставляла его придерживаться идеи массированного применения танков, чтобы потери среди них не могли помешать наступающим достигнуть победы.

В день дебюта 32 танка из имевшихся 50 достигли исходных позиций. Новое оружие превзошло все ожидания, но в то же время сблизилось

и многие из предсказаний как доброхотов, так и противников танков. Машинки развернулись на восьмикิโลметровом фронте атаки, где им предстояло действовать исключительно в качестве средства поддержки пехоты (которая не получила никаких специальных указаний в отношении корректировки собственной тактики с целью лучшего взаимодействия с танками), и достигали или не достигали успеха в зависимости от количества примененных на том или ином участке машин. Там, где танки действовали в совершенном одиночестве и не ломались или не застревали раньше времени, они становились источником притяжения внимания всех огневых средств противника, который и брал в итоге верх в противостоянии. Однако там, где бронетехника действовала относительно крупными скоплениями, как, скажем, на открытой местности возле села Флер, ей удалось продвинуться. В один момент танки опрокинули оборону противника в передовых траншеях и вышли в пределы видимости полевых орудий, с которыми и вступили в поединок. К удовлетворению Суинтона, машины оправдали его надежды. Они без особого труда сокрушали провололочные заграждения, преодолевали препятствия в виде рвов, окопов и снарядных воронок, помогая пехоте сравнительно легко выполнять поставленные задачи. Что еще важнее, — хотя едва ли кто-то с британской стороны со всей полнотой осознавал это в тот момент, — танки не только способствовали поднятию боевого духа британских солдат, но и чрезвычайно устрашала немцев, которые теперь поднимали руки с куда большей готовностью, чем раньше.

Вместе с тем предостережения тех, кто не хотел признавать достоинств танков, упирая на их ненадежность и уязвимость, тоже оказались вполне оправданными. Количество случаев поломок достигало примерно 50 процентов, и это лишь после нескольких километров пути. Урон от огня полевых пушек тоже поднялся до высокой отметки, поскольку наводчики за щитами 77-мм орудий имели больше шансов как следует прицелиться, чем стрелки бортовой артиллерии монстров. Под Флером, где разыгралась первая настоящая битва танков с пушками, вскрылся серьезный недостаток, связанный со сложностью управления огнем машины со стороны командиров танков. Получив информацию о наличии вражеской пушки и обнаружив ее местоположение, командиру приходилось покидать свое место, подходить к стрельке в спонсоне и, напрыгав связки, на громком крике инструктировать его в отношении того, куда смотреть и куда стрелять. Затем командиру предстояло вернуться обратно, чтобы отдать распоряжения водителю — сказать ему, куда ехать и когда притормозить, так, чтобы в момент остановки стрелок, видя цель, смог бы прицелиться. После этого командир был вынужден вновь спешить к стрельке, чтобы отдать приказ произвести выстрел.

Однако источник смертельной угрозы для

Мк I 15 сентября исходил не только от артиллерии. Чего не знали британцы, это того, что немцы в 1915 г. создали пулеметные пули, способные поражать стальные листы, которые союзники все чаще использовали для защиты амбразур огневых точек. Эти бронебойные пули и оказались вполне эффективными против танковой брони. Однако, несмотря на потери 15 сентября и в последующие несколько суток, танки доказали собственную полезность, одержав несколько маленьких локальных побед. Уже тогда стало понятно, что успех или неуспех танков в будущем будет зависеть во многом от способности грамотно взаимодействовать с другими участниками боя, не полагаясь на одно лишь собственное всемогущество. Данный факт показала стычка за участок обороны противника под названием «Гера Тренч», где единственный танк, поддерживаемый артиллерийским огнем и действовавший на бреющем полете авиацией, продемонстрировал способность довольно легко сломить противодействие неприятеля и позволить пехоте захватить вражеские окопы сравнительно малой ценой.

О том, какую степень уважения испытал генерал Хайг к новому оружию, говорит тот факт, что еще до завершения битвы на Сомме британский главнокомандующий решил закрепить их статус, поместив танки под командование отдельного штаба, который в итоге превратился в Штаб танкового корпуса. Командиром Хайг назначил подполковника Хью Иллеса, а начальником штаба – капитана Джинфарда де Кью Мартела. Оба являлись саперами, обладавшими техническими знаниями и талантом военных, и уже имели дело с танками до этого назначения. Спустя несколько месяцев в корпусе появился один пехотный офицер, которому предстояло занять должность начальника штаба, майор Джон Фредерик Чарльз Фуллер. Помимо присущего ему саркастического остроумия, не способствовавшего любви и признанию его со стороны консервативных элементов в армии, которых Фуллер презирал, он обладал также и огромным военным талантом, что делало его одним из выдающихся солдат своего времени.

В период с конца ноября 1916-го и по 9 апреля 1917 г., когда танкисты вновь вступили в боевые действия, Иллес со своим штабом лихорадочно трудился над обобщением опыта Соммы, стремясь превратить находки в основу тактической доктрины, которая помогла бы повысить боевую эффективность новых машин и сделать из них оружие победы. Количество поступающих с заводов в Англии машин и членов экипажей во Франции увеличивалось, что давало возможность перейти от теорий к практике. Сами танки подвергались постоянному усовершенствованию, главным из которых следует назвать наращивание толщины брони до 12–16 мм, что позволяло устранить угрозу со стороны бронебойных пуль. Однако 60 имевшихся в распоряжении Мк I

и Мк II, которые 9 апреля 1917 г. вступили в бой под Аррасом, все еще имели первозданное бронирование; их усовершенствования ограничились лишь удалением колесной пары, введенной на Мк I для облегчения управления машиной, но не дававшей совершенно никакого выигрыша. Последних Мк IV, которым по-прежнему были присущи свойственные Мк I неуклюжая система управления ходовой частью и руководство боем, фронту предстояло еще дождаться – они появились не ранее июня.

Жизненно важные вопросы снабжения, численности и применения танков тесно переплетались с тем, что касалось их по-прежнему низкой механической надежности и боевой живучести. В июне 1916 г. британцы ломали головы над тем, какой танк должен будет прийти на смену Мк I. Они попытались совместить идею относительно дорогой, снабженной противоснарядной броней машины с потребностью в широких поставках более дешевого и, следовательно, более массового танка, обладавшего бы маневренностью, которая сама по себе могла обеспечить ему повышенную степень защиты. Решающее слово в итоге сказал размах производственных сложностей и себестоимость 100-тонного тяжелого танка, проект выпуска которого отложили в сторону, отдав предпочтение 14-тонной машине, развивавшей скорость 13 км/ч, или среднему танку «А» (известному как «Уиппет»); бронирование его было таким же, как у Мк IV, тогда как вооружение состояло лишь из пулеметов. В то же самое время Уилсон и его коллеги-конструкторы раздобыли более мощный двигатель для изделия-наследника Мк IV и переработали механизм управления машиной так, чтобы с ним справлялся один человек без привлечения ассистентов, как прежде.

Дебют британских танков на Сомме и осознание французами и британцами того, что направление мышления в сфере создания боевых бронированных машин повышенной проходимости идет у них одним и тем же путем, привело к обмену информацией между союзническими КБ и даже некоторому сотрудничеству. В конструктивном плане французская модель явно претерпела сильное воздействие гусеничных машин типа трактора Холта, но была принята без всесторонних испытаний и проверок, в отличие от того, как это происходило у британцев. В апреле месяце, в ходе боев за Шмен-де-Дам, французам пришлось испытать немало неприятностей из-за несовершенства подвески. Процесс танкостроения находился под влиянием полковника Жан-Батиста Этьена, который сумел убедить французский Генеральный штаб и заправил промышленности попытать счастья с боевыми бронированными машинами. Как артиллерист, Этьен стремился пойти дальше создания просто способного преодолевать проволочные заграждения трактора, оснастив машину штурмовой пушкой: в результате представленные фирмами «Шнейдер» и «Сен-Шамон» модели имели установленные в

добовом броневом листе 75-мм пушки. Несмотря на все механические недоработки, оба французских «шар д'ассо» выигрывали от того, что применялись сравнительно массово (изготовители успели отпустить военным к битве при Шмен-де-Дам около 400 машин) и от простоты руководства боем, в ходе которого командир мог направлять действия стрелка, ведущего огонь из 75-мм пушки прямой наводкой. В том обстоятельстве, что битва при Шмен-де-Дам превратилась в очередную кровавую мясорубку для французской пехоты, виновато скорее отсутствие фактора внезапности атаки для немцев, а не неадекватное участие танков; явно приходила пора менять доминирующее в тактике артиллерийское мышление.

ОТВЕТ НЕМЦЕВ

Очевидная неэффективность действий союзнических танков не дала немцам ясности в отношении потенциала бронетехники. В октябре 1916 г. для изучения предмета была создана комиссия (названная А7V в целях поддержания секретности). К Рождеству работа принесла плоды в виде машины, в основе которой лежала подвеска Холта. Однако в отличие от британцев и французов разработчики немецкого танка не получили столь же энергичной «спонсорской» поддержки и встретили довольно прохладный интерес со стороны главного командования. Недостаточный энтузиазм властей обуславливался целой цепочкой факторов. Генеральный штаб кайзеровской армии вообще весьма слабо поддерживал внедрение в армии моторной техники — более чем странное отношение со стороны военных страны, в которой и был, собственно говоря, разработан двигатель внутреннего сгорания. До войны руководство германской армии вкладывало основные средства в железнодорожный и гужевой транспорт, поскольку и то, и другое давало заметную отдачу в ходе победоносных европейских кампаний в 60–70-е годы XIX века. Таким образом, побудительные мотивы к смене выигрышной комбинации как будто бы отсутствовали. Но среди немецких военных уже находилось немало таких, кто видел причину провала служб тылового обеспечения в ходе броска к Парижу в 1914 г. в излишнем доверии к железнодорожникам, тогда как неспособность инженерно-строительных служб своевременно восстанавливать взорванные мосты лишала снабженцев возможности поспевать за наступающей армией. То же касалось и гужевого транспорта, который не справлялся с грузопотоком при доставке военных материалов от расположенных в тылу станций к передовой.

Главным образом отсутствие острых потребностей в танках со стороны военных вкупе с ошибочным перспективным мышлением — вот что стало в 1917 г. бронемашину в список низкоприоритетных у немцев вещей. В то время как союзникам приходилось прибегать к наступлениям под давлением соображений экономического и политического характера в условиях необходи-

мости изгнать захватчиков с французской и бельгийской земли, центральные державы были готовы — да и вынуждены, по причине потерь — держаться оборонительной тактики на западе на протяжении всего 1917 г., сосредоточивая силы на том, чтобы покончить с Россией на востоке. Танки, как считали многие, не требовались в обороне, а также казались неуместными в России, где на огромных просторах уже деморализованный и разложенный деятельностью революционеров противник и без того оказывал лишь слабо согласованное противодействие старомодным пехим и конным армиям. Так, комиссия А7V напрасно потратила год в нерешительных экспериментах, пока 1 декабря 1917 г. производственники не получили заказ на первые 100 боевых машин массой 30 тонн. А7V имел усовершенствованные гусеницы изделий Холта, приводился в движение 100-сильным двигателем фирмы «Даймлер», развивал максимальную скорость 13 км/ч, а в качестве вооружения нес 57-мм пушку в носовой части корпуса плюс шесть пулеметов. Подобно другим существовавшим тогда танкам, А7V страдал от чрезвычайной механической ненадежности и множества конструктивных ошибок, из которых самой опасной являлось, вероятно, хрупкое бронирование.

Следует, пожалуй, считать лишь чистым совпадением тот факт, что заказ на эти танки выдали 1 декабря 1917 г. В то же время, очень похоже, что в подоплассе решения лежали возникшие страхи в отношении того, что проволоочки нескольких прошедших месяцев могли повлечь за собой губительные для Германии последствия. Поскольку 20 ноября на Западном фронте разгорелось сражение близ Камбре, которое убедило военных всех противоборствующих сторон в том, что танки представляют собой смертоносное оружие, которое пришло на поля боя всерьез и надолго.

НАСТУПЛЕНИЕ ПОД КАМБРЕ

На протяжении лета и осени 1917 г. союзники продолжали растрачивать танковый потенциал в сражениях, которые велись по старым правилам. После Арраса и Шмен-де-Дам в июне удалось овладеть Мессинской грядой, действуя в ортодоксальной осадной манере, при этом новейшие Mk IV впервые хорошо показали себя, хотя не в главной роли. Потом в июле стартовало сражение, которое Фулдер не без сарказма нарек «последней большой артиллерийской битвой». Оно и стало следствием попытки Хэйга прорубиться через плотную неприятельскую оборону в ходе третьей битвы при Ипре и сломить сопротивление врага за счет так называемого изматывания — то есть метода, который то и дело и без всякого успеха применялся начиная с 1915 г. Вот и Mk IV тоже бросили в этот пылающий котел, отдавая в жертву тому же артиллерийскому и пехотному Молоху, вновь без какого-то убедительного результата, но на сей раз фактически с катастрофическим исходом для самих

«ШНЕЙДЕР» И «СЕН-ШАМОН» M16

СОЗДАНЫЕ на шасси «гусеницы» проктора Холта, французские танки (обычно законно называемые штурмовыми орудиями) провалили очень серьезную задачу: конструкции на пересеченной местности, кроме того, их тактические возможности серьезно ограничивались ограниченным углом горизонтальной наводки главного вооружения. Тем не менее начиная с апреля 1915 г. и до окончания Первой мировой войны эти машины применялись с заметным успехом, их можно считать предвестниками самоходных орудий вплоть до самых современных.

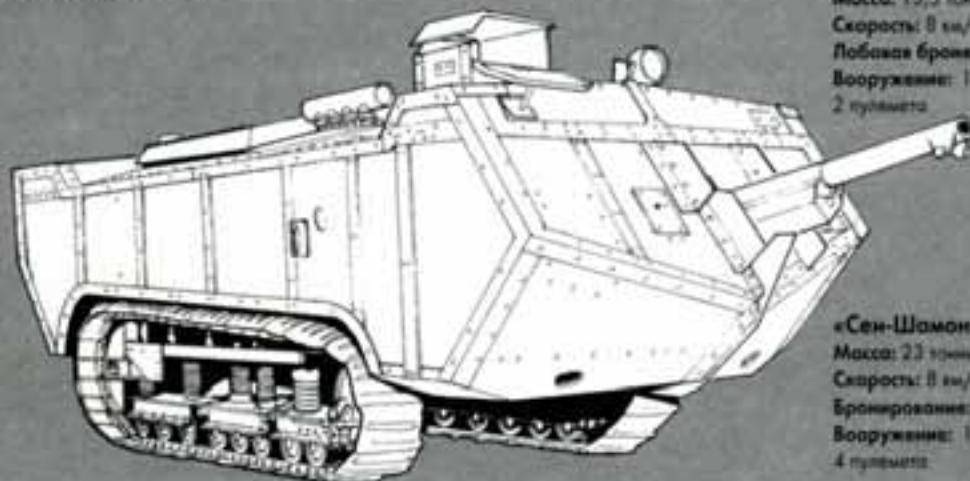
«Шнейдер» M16

Масса: 13,5 тонны

Скорость: 8 км/ч

Лобовая броня: 24 мм

Вооружение: 1 пушка 75-мм,
2 пулемета

«Сен-Шамон» M16

Масса: 23 тонны

Скорость: 8 км/ч

Бронирование: 17 мм

Вооружение: 1 пушка 75-мм,
4 пулемета

машины. При удельном давлении 11,6 фунта на квадратный дюйм и соотношении мощности к массе всего в 3,7 л.с. на тонну, танки буквально вращались в вязкую грязь, в которую превратилось поле боя вследствие выведения из строя снарядами артиллерии дренажной системы. Многие послужили неподвижными мишенями для немецких канониров. Боевой дух военнослужащих Танкового корпуса буквально камнем пошел на дно.

Правильно применять танки (равно как людей и животных вместе с ними) означало, как уверяли Иллес и Фуллер, применять их на почве, совместимой с характеристиками проходимости машины — то есть на сравнительно ровной и плотной, не разбитой снарядами землей, чтобы позволять действующей совместно пехоте и, если будет возможно, кавалерии идти нога в ногу с продвигающейся бронетехникой. В июне Иллес поддержал план Фуллера, заключавшийся в том, чтобы сделать танки ударными головными частями крупномасштабных рейдов на вражеские позиции. Замысел этот находился в процессе проработки и развития, когда началась третья битва у Ипра, и поначалу был отвергнут, однако вновь

возвращен на рассмотрение, когда генеральное наступление Хайга забуксовало в траншеях на подступах к Пашендельской горной гряде. Почва на участке перед Камбре, которому отдавал предпочтение Фуллер, представляла собой довольно плотный известняк, к тому же на ней еще не велись серьезные боевые действия. На данном направлении немцы могли противопоставить противнику казавшиеся неприступными укрепления мрачной «линии Пивденбурга», на которую они отошли в марте 1917 г. Густые «заросли» колючей проволоки выросли на краю широкого противотанкового рва, за которым ряд за рядом лежали пояса заранее подготовленных траншей, снабженных глубокими землянками и блиндажами, которые защищали солдат от артиллерийских обстрелов. На большой глубине располагалась артиллерия, способная выполнять роль средства противотанкового противодействия. На данном участке отдыхали войска, вымотавшиеся в боях под Ипром, так что немецкие солдаты прозвали его «санаторием во Фландрии».

Выдохшееся наступление Хайга под Ипром предоставило танкам первый шанс показать свою мощь, выступая в главной роли и действуя в усло-

ниях, подходящих для их применения. В противном случае их выход на авансцену событий мог быть отсрочен по меньшей мере еще на полгода. Однако Хайгу отчаянно требовалась победа, способная как-то компенсировать кошмарные поражения того года. К середине октября, несмотря на владевшую им непреодолимую уверенность в том, что танки слишком ненадежны, слишком неповоротливы и уязвимы, а потому годны лишь на вторые роли в качестве этакого прищипка к пехоте, отчаявшийся Хайгу согласился предоставить им «солную партию» в предстоящей операции. Более того, он перешагнул через конвенцию простого танкового рейда, или ударного броска — *coup de main*, — и заменил ее полнокровным наступлением. В этом запоздалом решении могли наконец проявиться идеи танковой тактики, разработанной Фуллером, равно как некоторые тактические инновации, введенные в ходе проходивших на протяжении года и остававшиеся пока как бы за кадром проб и экспериментов. Что еще важнее, подобный подход являлся возвращением к тактике неожиданного удара — главнейшего военного принципа, отодвинутого за кулисы в пользу пресловутой идеи артиллерийского парового катка, который шумно возвещал о предстоящем начале каждого наступления.

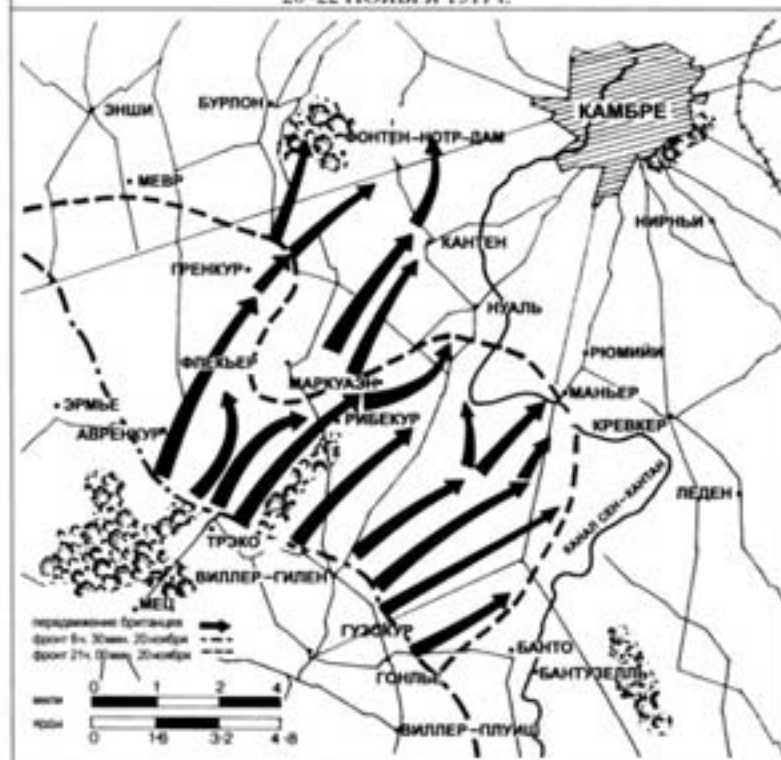
На фронте протяженностью всего 8 километров около 400 танков должны были на рассвете 20 ноября послужить авангардом штурмующих. Во взаимодействии с шестью пехотными дивизи-

ями им предстояло прорвать брешь, устремившись через которую кавалерийский корпус смог бы овладеть важным узловым центром Камбре и таким образом блокировать линии коммуникаций противника с участком фронта в районе Арраса. В роли поддержки служили целые батареи пулеметов, готовые поливать свинцом передовые вражеские позиции и траншеи. В небе, если бы позволила погода, в дело вступил бы Королевский летный корпус, чтобы бомбить неприятельские оружейные позиции, снабженческие склады и дорожные развязки, не говоря уж о выполнении главнейшей задачи — предоставлении информации о характере продвижения и реакции неприятеля. Но что наиболее важно, помимо массированного применения танков, точно определялась и роль 1003 артиллерийских стволов, которым предписывалось сыграть свою партию по новым правилам. Начиная с 1915 г. шел процесс поступательного развития манеры ведения огня без «замера» состояния мишени, то есть без пристрелки, руководствуясь точными баллистическими данными и сведениями о характере погоды. Коль скоро задача уничтожения проволочных заграждений полностью отдавалась танкам, некоторые из которых даже оснащались своего рода «градами» для подобных нужд, артиллерия могла сконцентрировать усилия на уничтожении вражеских укреплений и огневых точек, вместо того чтобы тратить время и боеприпасы на размалывание проволоки, сводя при этом на нет любые надежды на внезапность. В качестве дополнительного подспорья силам наступления предполагалось за счет дымовых снарядов создать завесу перед главными узлами неприятельской обороны и ослепить вражеских артиллерийских наблюдателей, которые в противном случае помогли бы своим определить местонахождение атакующих танков и пехоты.

Строжайшее сохранение тайны и отвлечение внимания противника — вот что служило становым хребтом плана Танкового корпуса, штабисты которого и составляли схему действий всех прочих штурмовых частей. Танки, орудия и живая сила скрытно вышли на исходные позиции ночью, днем прикрываемые от попыток выследить их с воздуха сильными истребительными дозорами. Были распушены слухи, что концентрация войск производится с целью оказать помощь итальянскому фронту, на котором враг совсем недавно добился громкой победы. В результате, несмотря на то что немецкое командование получило кое-какие отрывочные сведения о предстоящем наступлении, оно не приняло кардинальных мер, исходя главным образом из того умозаключения, что противник сам, как обычно, подает знак о скором переходе в атаку традиционным продолжительным артобстрелом, что даст возможность не спеша перебросить подкрепления туда, куда потребуются.

Основополагающим моментом для операции служила способность или неспособность наступающих танков уничтожить проволоку, преодо-

БИТВА ПОД КАМБРЕ 20-22 НОЯБРЯ 1917 г.

леть противотанковый ров и подавить вражеские опорные пункты. Не менее важным было, однако, четкое взаимодействие между танками и пехотой. Помимо решения задачи сокрушения гигантских заграждений, танки оснастили и связками хвороста весом в 1½ тонны, казываемыми на языке военных фашинами и предназначенными для заполнения противотанковых рвов. Планировалось следующее: когда танки преодолеют передовые позиции, головные машины возьмут на себя роль огневой поддержки пехоты, которая проследует через брешь в проволочных заграждениях, сопровождаемая второй волной танков, и приступит к подавлению уцелевших очагов обороны. По завершении этого этапа следующие группы танков с пехотой, при содействии также и кавалерии, должны были устремиться на вражеские пушки и позиции резерва с задачей уничтожить оружейную службу противника, если неприятельские орудия не удалось вывести из строя артиллерийским огнем и бомбардировками.

АТАКУЮЩИЕ ВСТУПАЮТ В СРАЖЕНИЕ

Как ни удивительно, столь сложный и даже революционный план сработал. Когда танки запустили моторы и покатились вперед, покадая укрытия, открыла огонь артиллерия, а небо над полем сражения оживило, и с него обороняющихся принялись поливать пулеметным огнем пилоты. По ставшей уже инстинктом привычке, немцы на передовой бросались прятаться в землянки и блиндажи. Начать с того уже, что с немецких артиллерийских позиций почти никто не ответил огнем. Многие из них заранее выслали самолеты-разведчики, и теперь расположения вражеских батарей накрыли тучи фугасов. Те, кто уцелел, ожидали приказов, но они не поступали, поскольку серый туман раннего утра (сильно затруднявший и работу авиаторов) и клубы белого дыма ослепили пункты наблюдения на высотах у передовой. Плохая видимость не мешала, однако, танкам ползти в направлении целей — проволочных заграждений, — останавливаясь затем лишь, чтобы завалить ров фашинами, а потом продолжать продвижение дальше и дальше во вражеский тыл. Машины неутомимо переползали через траншеи, обрабатывая их из пушек и пулеметов, прежде чем вступала в дело подоспевшая пехота, доделывая за танкистов работу гранатами и штыками. Задачи удалось выполнить ценой поразительно малых потерь, но вот наступление достигло промежуточных позиций неприятеля, где тот наконец начал оказывать сопротивление.

Плотности пулеметного огня из рассеянных тут и там точек, где по наступающим строчили не желавшие сдаваться немецкие расчеты, вполне хватило, чтобы отрезать танки от пехоты, для которой скорость движения в 5 км/ч по пересеченной местности была и так довольно высокой, не говоря уже о том, сколько времени уходило на

подавление уцелевших пулеметных гнезд противника. Танки же на правом крыле и в центре, оказавшись на открытом склоне при ясном свете дня, стремились как можно скорее достигнуть заключительных целей. Они состояли в пересечении канала Эко, который один лишь и преграждал им путь к Камбре, на левом крыле — во вятии гряды Флекьер, овладение которой служило залогом успеха в битве, а также подступов к лесу Бурлон, господствовавшего над важными маршрутами, которые вели в Боном и в Аррас.

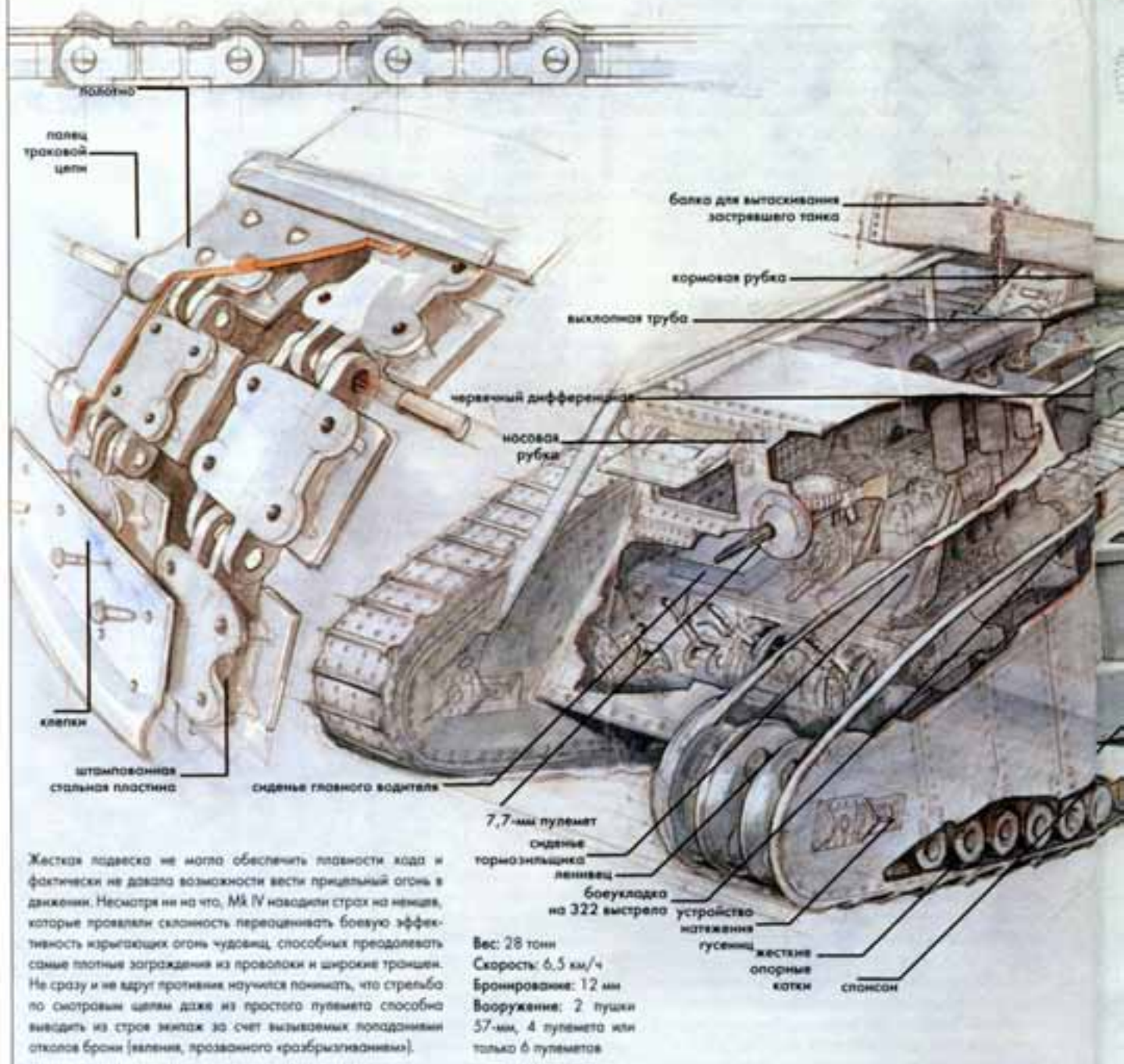
Несколько танков вышли к водной преграде на два или три часа раньше самых передовых частей пехоты. Они могли бы переправиться на другой берег почти без противодействия со стороны неприятеля, но единственный мост, способный выдержать их вес, оказался ослаблен подрывным зарядом. Он рухнул, когда на него вышла первая же машина. Конечно, танки все равно смогли бы форсировать канал, если только предусмотрительность военных и тогдашние технологии сумели бы снабдить их штурмовыми мостами, которые несли бы на себе сами танки, но подобные новшества лишь еще предстояло создать в будущем. Однако всесторонней предусмотрительности в ту пору и в условиях сложной и многогранной обстановки трудно было бы от кого-либо ожидать. В любом случае план развить успех за счет кавалерии провалился. Командиры конницы (когда та наконец прибыла на поле боя уже во второй половине дня, вскоре после пехоты) сочли, что первые свидетельства наличия неподдающегося вражеского противодействия на противоположной стороне слишком тревожны. Если не считать единственного эскадрона канадской кавалерии и немногих пехотных рот, которые перебрались так через канал, при этом почти не встречая сопротивления неприятеля, можно сказать, что наступление остановилось само по себе, несмотря на стоявшие открытыми ворота Камбре.

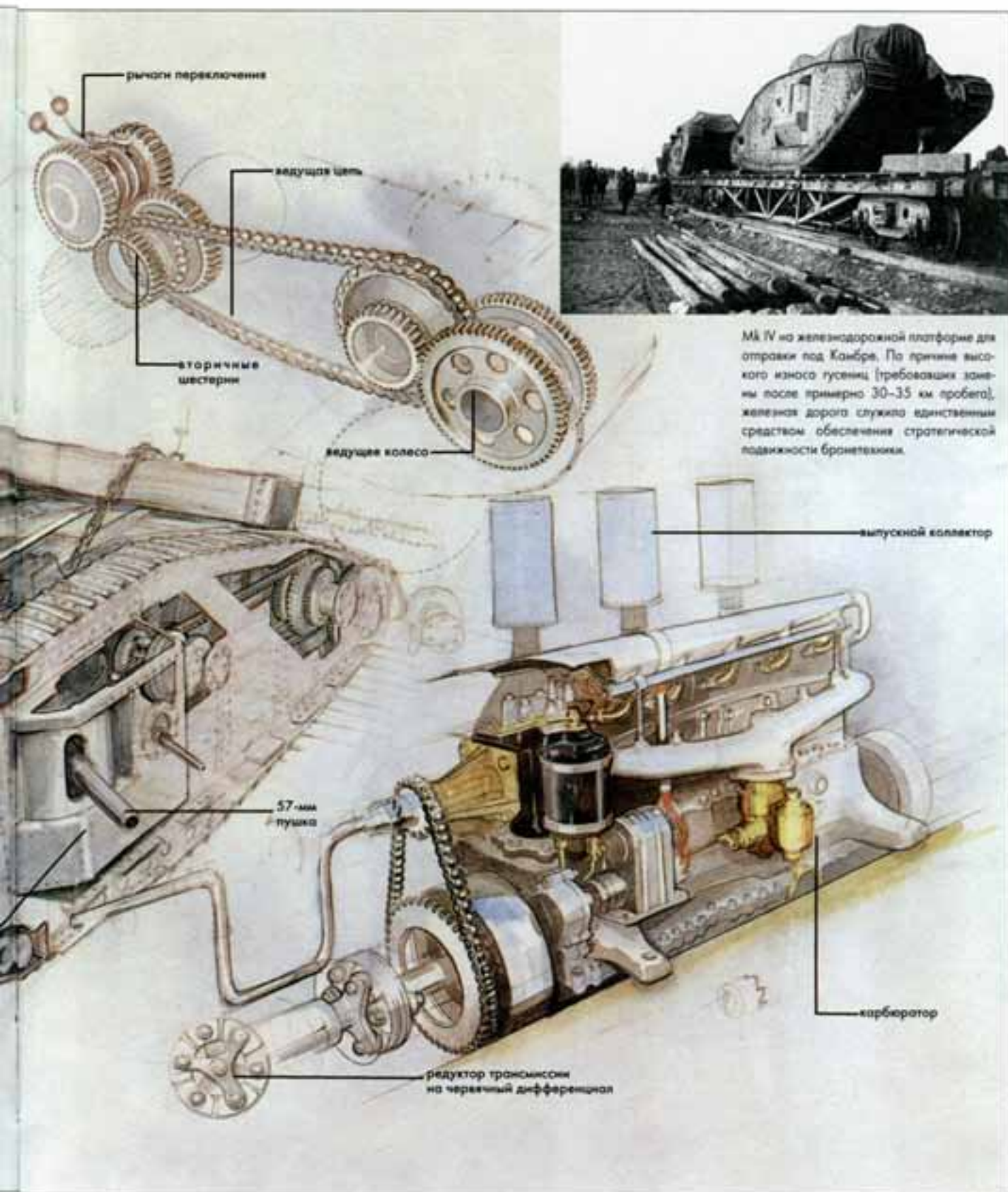
Оставалась еще возможность прорыва на участке гряды Флекьер, если бы пехота поспевала за танками, чтобы развить достигнутый ими на начальном этапе успех. Однако солдаты запутались в лабиринтах траншей сильнейшего из бастионов вражеской обороны, который оставили за спиной танкисты. Танкам же, вышедшим к вершинам гряды, оставалось либо остановиться и ждать, либо выйти на линию горизонта, став мишенями для притаившихся впереди неприятельских пушек. Случилось так, что большинство орудий вышло из строя в результате артиллерийского обстрела. Уцелевшие же пребывали в плачевном положении, расчеты находились в состоянии нетоварности, потому что многие лишь накануне ночью прибыли с русского фронта, кроме того не хватало боеприпасов, но еще хуже — артиллеристы обнаружили, что снаряды им привезли нового типа, а потому в отсутствие подходящих инструментов не представлялось возможным устанавливать взрыватели. Все, что требовалось от британской пехоты, — перевалить

МК IV

ОСНАЩЕННЫЙ 105-СИЛЬНЫМ МОТОРОМ «ДАЙМЛЕР» ТАНК Mk IV серьезно страдал от нехватки мощности силовой установки, а потому нуждался в более или менее ровной поверхности, чтобы достигнуть надлежащей подвижности. С экипажем из восьми человек (задних четырех из которых состояло в том, чтобы только управлять ходом машины) и в отсутствие средств внутренней коммуникации, Mk IV представлял собой сложное оружие для командира,

которому приходилось постоянно перемещаться по интерьеру танка и отдавать распоряжения, стараясь переключать реверс двигателя и трюки пушек. В то время как посредством наращивания лобовой и бортовой брони машины до 12 мм удалось устранить опасность со стороны немецких бронированных пушек, неповоротливый и тихоходный танк продолжал оставаться чрезвычайно уязвимым перед артиллерийским огнем и легко воспламенялся в случае попадания.

ПИОНЕРЫ БРИТАНСКОГО ТАНКОВОГО ДЕЛА

ГОРДОН УИЛСОН

Уильям Гордон Уилсон (род. в 1874 г.), пожалуй, более дружно всех других в разработке первого танка. Незадолго до начала войны он служил морским офицером. В 1899 г. изобрел первый бензиновый двигатель для самолета Перси Пеннера, однако Пеннер погиб в катастрофе. С тех пор вместе с Пеннером Уилсон сконструировал самолеты. В 1904 г. Уилсон начал работать на фирму «Армстронг-Уитворта», для которой создавал кружки и винтовые артиллерийские пушки. В 1914 г. он поступил в Королевский ВМС и, прежде чем вернуться в коллектив разработчиков танков, служил в составе бронеполковника во Фландрии. В 1915 г. он участвовал в создании модели, прототипа поздней «Маленькой Битвы», однако потом разработал его ромбовидной модели, которую британцы назвали «Уилсон», позднее «Сороконожка», затем «Большой Битва» и наконец «Майор» — так Mk I.

Позже вместе Уилсон занимается с разработкой трансмиссии и более всего, автоматизацией клапанных систем. Впоследствии Уилсон занимал офицерские места среди британских танковых конструкторов и как член порождающего Танкового корпуса принимал участие во всем будущем проекте. В 1917 г. он стал главным конструктором и принял участие в разрешении проблем, связанных с трансмиссией и управлением. Именно ему обязан был Mk V клапанной коробкой передач, что позволило отказаться от ассистента водителя и упростить траек-

торию заноса, необходимые на Mk I и IV. Именно Уилсон, когда закончилась Первая мировая война, начал работать над автоматизацией коробки передач для легковых и танков и системы трансмиссии и рулевого управления, передачу из которых и спробовали установить на опытный образец танка Mk II. В свою очередь данная конструкция была применена на легковом танке «Моттор», а также на крайстерских «Каммандера» и «Крусейдер», послужив в итоге стимулом для разработчиков при создании коробки с управляемыми дифференциалами, собственная конструкция всем современным танкам.

С началом Второй мировой войны, в 1939 г. Уилсон вместе с коллегами по работе в Первую мировую включился в работу над сверхтяжелым танком T26 (аббревиатура от The Old Song, что должно переводиться примерно, как «старая псалмодия» — Прямая речь). Затем произошла, поскольку, танки все время трясло, изделие унаследовало старую башню первых танков — она не служила для управления. Будущим изобретением человека во взаимоотношениях с коллегами и подчиненными, Уилсон все же внес большой вклад в траекторное и дорожное движение танков, которые руководствовались инструкциями в разработке бронетехники вплоть до наших дней.

ФИЛИП ДЖОНСОН

Филипп Джонсон (род. в 1879 г.) получил инженерное образование и на гражданской службе участвовал в обустройстве железной дороги в Южной Африке во время войны с бурями. С июля 1906 г. он перешел в военную службу и занялся работой над паровыми котлами и тракторами, предназначенными для операции в Индии. В апреле 1916 г. он поступил в механико-инженерную транспортную школу, однако почти сразу же получил назначение в качестве инструктора на подготовку водителей для первых Mk I, чтобы затем вместе с ними работать в бое на Сомме. В марте 1917 г. он делался

начальником танковой мастерской во Фрингем, однако это быстро превратилось в значительное повышение инженерной части Танкового корпуса. С того момента Джонсон оказался включенным в конструкторскую и экспериментальную деятельность. Среди его танковых разработок можно отметить особые гусеницы, прицепные танки Mk IV, взбираться на стены морских укреплений в ходе предпринятого тогда (но так и не состоявшегося) высадки во время танкового наступления на Дюнкерк, но самое интересное — модернизированный метод подвеса, созданный им в 1918 г. и использовался танком «Уилсон» развивать скорость танка 30 км/ч, что было превысило обычные показатели машины. Удалось в последнем проекте сделать первый шаг на пути к разработке идеального танка «D», тем и поручили заниматься Джонсону, когда в ноябре 1918 г. прекратилась военная деятельность.

Как гражданский служащий Экспериментального управления танковых разработок, Джонсон продолжал трудиться над средним танком «D», вращающимся шасси с гибкой регулируемой подвеской и более совершенными трансмиссиями. Фуллер отправил его в Индию с целью изучения возможности применения танков в условиях жаркого климата и гористой местности. В 1920 г. отчеты Джонсона подтвердили совместимость британских с условиями Индии, однако они содержали также и рекомендации технического и конструктивного характера, предлагая инновационную идею создания танка из восьми машин на базе одного шасси основного боевого танка, легкого танка, артиллерийской платформы (CAV), бронетранспортера и так далее. Результатом стало предложение заметной заинтересованности в отношении танков со стороны Военного министерства и компании «Виккерс» после того, как в 1923 г. было упразднено Управление разработок и прекращены работы над средним танком «D».

После этого вместе с коллегами из Управления разработок Джонсон основал Комитет транспорта высокой проходимости и занялся исследованиями в области строи-

тельных машин для танков в том, подобная машин как прямо военного, так и гражданского назначения, включая полугусеничные аппараты для исследовательских работ в условиях пустынь, льды, для тяжелых орудий и артиллерийских орудий. Кроме того, он сконструировал колесные и гусеничные аппараты для служебных и береговых транспортных средств. Под конец карьеры Джонсон разработал специальные большие резиновые шины для установки на четырехколесные автомобили и бронированные танки образцы, можно смело утверждать. Филип Джонсон стал у истоков строительства боевых бронированных машин, создания военной авиации, танков, находящихся применении во всем мире.

Д-р Ф. Ч. ФУЛЛЕР

Джон Фредерик Чарльз Фуллер (род. в 1878 г.) был офицером легкой пехоты, человеком глубокого интеллекта и танков, если не сказать этого явно. В 1916 г. против своего желания Фуллер получил назначение на должность начальника штаба тогда еще «экспериментальной танковой школы». В реальности бывшая действительная он участвовал во время бурской войны, когда служил в составе пехоты и легкой пехоты. Военный талант с технической жилкой и выдающейся способностью к самовоспитанию. Фуллер оказал доминирующее влияние на танковую стратегию и тактику, впервые продемонстрировал заботу и действенность инженерно-технической доктрины в битве под Камбре в 1917 г. Спрингс доказал, что основное преимущество танка заключается в надежности и глубине продвигания. Фуллер руководил конструи-

рованием разработки инженерных машин с большим радиусом действия — танков, которые имелись на образцах разработок, бы еще концепции танковых дуэлей и прорыва британскими в глубокие тылы противника. Последняя идея нежилась в начале войны 1919 г.

В период между 1919 и 1928 г. Фуллер проявил особую активность в получении официального одобрения на эксперимент — создание полноценной британской танковой бригады. Путем изучения условий и использования на ряде доставляемых поставленной идеи различных постов, которые ему принадлежали, в то же время время времени, в 1927 г. он добился формирования экспериментального инженерно-технического соединения, ставшего по сути ядром будущей британской танковой бригады, они механизированные, двукратные. Однако острый климат и неумение растопить перед использованием не позволили Фуллеру занять экономическую должность в сформированной его сторонники части. В 1928 г. откровенность этого отношения и признания фактора военных исследований и сторонников радикальных идей сослужили ему службу. Фуллер стал в меньшинстве. Его идеи были больше похожи на не родные, а за рубежом, а именно у немцев, которые в то же время его за считанные часы.

Личный вклад в развитие доктрины продвижения по ступеням служебной лестницы в течение 30-х годов. Фуллер вернулся к журналистской работе и в политике, не безвременно занимаясь деятельностью в пользу старых немецких друзей. Танки выжили у союзников, танки в его личности, Фуллер не получил никаких официальных назначений во время Второй мировой войны, но занимался разработкой дальнобойных артиллерийских, одного флотского так и не использованной (системы отведения CO₂ (гидролиз) от так называемой «ветровой обшивки» корпуса. Canal Defence Light. — Прямая речь). Подобно другим пророкам, он не видел подлинной войны в своем отношении, однако добился все же неслыханного признания заслуг в конце жизни.

через вершину и перестрелять орудийную при-
слуту, чтобы позволить танкам почти беспрепят-
ственно продвигаться к Бурлонскому лесу, кото-
рый, практически лишенный неприятельских
заслонов, располагался недалеко — всего лишь в
трех километрах. Однако танкистов бросили на
произвол судьбы, вследствие чего они сделали-
сь удобными мишенями для немногих годных к
стрельбе пушек, открывавших огонь прямой на-
водкой, стоило только танку высунуть нос за
вершину гряды.

Вечером 20-го немцы организовано отоварили с
Флеккера, достигнув перед отступлением своих
целей — срыва развития британского наступле-
ния. 21-го британцы не смогли сколь-либо заметно
продвинуться из-за больших потерь в танковых
частях. Пехота же вымоталась, резервы отсутство-
вали (множество народа уже погибло на фронтах,
других же пришлось отправлять на усиление войск
в Италию), кавалерия же оказывалась практиче-
ски бессильной, стоило у врага застрочить един-
ственному пулемету. На протяжении следующих
шести суток, когда немцы спешно подтягивали
подкрепления для заткывания брешей, прорванной
в их обороне (вследствие чего едва не отдали при-
каз об отводе войск из Арраса), поскольку брон-
етехники стало меньше, сражение стало развиги-
раться по традиционному уже для боевых действий на
западе шаблону. Однако противостояние показало,
что в будущем господство на поле боя будет
принадлежать боевым бронированным машинам,
а лошади наконец-то избавятся от прямого участ-
тия в наводивших на них страх битвах.

Как показало время, в боях под Камбре 20
ноября участвовали все основные составляющие
сражений будущего: бронетехника, действующая
без предварительной пристрелки артиллерия,
дымовые завесы, пулеметный огонь, интен-
сивная поддержка с воздуха, в то время как пехота
применялась больше для зачистки позиций про-
тивника, чем в качестве возделывающей наступле-
ния силы. Случившееся можно назвать револю-
ционной в военном деле, правда и немцам тоже
довелось принести в нее собственный вклад,
причем на том же «игровом» поле. 30 ноября,
когда они сумели отбить у противника многое из
того, что потеряли 20-го числа. К гибкому при-
менению артиллерии они добавили и свое сло-
во, применив усовершенствованную пехотную
тактику, выразившуюся в инфилтрации на вра-
жеские позиции так называемых итурмовых
групп в виде сводных отрядов из частей самого
разного назначения, кроме танковых и кавале-
рийских. И все же уязвимость немцев обуславли-
валась отсутствием у них танков, что отличало
бой под Камбре от будущих столкновений этой
войны.

Вместе с тем, если немцы и не располагали
еще своими А7V, они уже имели подвижную про-
тиотанковую установку высокого потенциала —
77-мм полковую пушку, смонтированную для отра-
жения атак авиации на способной передвигаться

платформе, — наследницу пушки Эрхардта
1906 г., предназначенной для уничтожения
аэростатов наблюдения. И вот одно такое орудие
из батареи, спешно переброшенной в Маньер из
Камбре 20-го, вступило в поединок с танком на
дистанции 500 м, в итоге уничтожило объект,
израсходовав 25 выстрелов, и дожило до следую-
щей стычки трое суток спустя, когда британцы
попытались осуществить последний прорыв к
Бурлонскому лесу. В ходе обороны селения
Фонтен довольно большое количество таких ус-
тановок приняло участие в столкновении с брон-
етехникой, они вывели из строя пять танков и
в значительной степени способствовали тому,
что продвижение в итоге остановилось. Немец-
кие зенитчики с таким энтузиазмом посвящали
себя исполнению новой роли, что главному ко-
мандованию пришлось даже издать специальную
инструкцию с напоминанием, что основной зада-
чей орудий противовоздушной обороны являет-
ся уничтожение самолетов.

Камбре стал местом жалоб и падений как для
британцев, так и для немцев. Бой показал бри-
танской стороне наличие у нее громадного техни-
ческого преимущества над врагом, который едва
ли мог преодолеть разрыв и тем более вырваться
вперед в 1918 г. В то же самое время, зная, что
окончание военных действий в России позволит
немцам перебросить крупные подкрепления на
запад, союзники осознавали, что их ослабленная
пехота в 1918 г., вполне возможно, не сдержит
натиска противника, даже если тот будет продол-
жать воевать в традиционной манере. Британцы
опасались, что в обороне танки могут оказаться
куда менее эффективными, чем в наступлении,
хотя во время неприятельской контратаки под
Камбре 1 декабря бронетехника немало сделала,
чтобы остановить продвижение противника. Со
своей стороны немцы, очнувшись от этаким тех-
нической и тактической летаргии под воздей-
ствием «танкобояни», как они это называли, не
могли не испытывать удовлетворения от того, что
новая тактика их артиллерии и пехоты показала
себя на западе ничуть не хуже, чем прежде — хотя
и на меньшем уровне — под Ригей и — в гораздо
больших масштабах — в Италии. Успех позволял
им надеяться, что последняя попытка выиграть
войну, которая остается им на западе до того, как
американцы сосредоточат во Франции достаточ-
ное количество войск для вступления в войну в
1918 г., может принести успех, причем в незави-
смости от того, будут или не будут принимать участ-
ие в наступлении немецкие танки.

Они бы так не благодумствовали, если бы
знали, что некто по фамилии Фуллер морщил
лоб в раздумьях, изучая донесения, стекавшиеся
из мест боев в штаб Танкового корпуса, и извле-
кая важные уроки из приобретенного опыта. Он
уже набрасывал план, которому предостит фун-
даментальным образом изменить военное дело и
в изрядной мере определить судьбу немцев в про-
тивостоянии в Европе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТАНКОВЫЕ ВОЙСКА
НА ПОДЪЕМЕ. 1918 г.

РЕАКЦИЯ НА ТРИУМФАЛЬНЫЙ ВЫХОД ТАНКОВ ПОД КАМБРЕ последовала довольно энергичная, несмотря на сдержанное отношение со стороны тех, кто не чувствовал себя в силах повести прогресс в темпе галоп, тогда как рысь — если уж пользоваться кавалерийской терминологией — представлялась более подходящей в том, что касается тактического развития, особенно перед лицом технических трудностей. Безнадежно отстававшие в бронетанковой гонке немцы, которые построили всего 20 A7V, «приватизировали» 40 британских Mk IV, доставшихся им в виде трофеев под Камбре, и передали их в распоряжение зарождавшихся собственных танковых войск. В Италии с 1912 г. существовал заметный интерес к бронезавтомобилям, что послужило источником вдохновения и в отношении создания танков, правда образцом итальянцам служила французская разработка. Американцы, которые поначалу не обратили особенного внимания на танки, ухватились за идею и сформировали Танковый корпус под началом полковника С. Рокенбаха. В США приступили к производству танков и даже в голос заговорили о том, чтобы сделать оружие массовым и с помощью его выиграть войну. Американцам не хватало собственных танков, и поначалу они полностью зависели от французских и британских машин. За счет них комплектовалась танковая бригада США полковника Паттона, которая вступила в боевые действия в 1918 г.

Наибольшее внимание притягивали к себе прежде всего британские и французские танковые войска, которые вступили в 1918 год, имея несколько новых моделей в качестве замены или дополнения к тем маркам, что «несли флаг» в 1917 г. В начале года появились первые британские 14-тонные средние танки «А», или «Уинпет», спроектированные в июне 1916 г. Вскоре затем пришли 29-тонные Mk V, первые британские машины с одним водителем, оснащенные 150-сильным двигателем «Рикардо», ставшие хорошей сменой для Mk IV, которые постепенно выходили из строя и замещались машинами новой модели. Французы представили революционную машину с экипажем из двух человек, дешевый «Рено» FT массой 6,5 тонны, вооруженный одиночным пулеметом или специальной противотанковой пушкой калибра 37 мм с начальной скоростью полета снаряда 388 м/сек. «Рено» являлся собой детище Эттьена, который продемонстрировал дальновидность, рано распознав потребность в подвижной бронированной пулеметной платформе, способной служить дополнением к передвижной штурмовой пушке, создание которой некогда спонсировал.

«Уинпеты» и «Рено» представляли собой самые серьезные инновации. Ни одна из машин не претендовала на роль средства преодоления широких рвов, разработчики исходили из соображений, что подобные задачи будут решаться иным образом, как, скажем, под Камбре, когда

фашини свели на нет труд множества копавших противотанковые рвы солдат, выраженный в напрасных затратах многих тысяч человеко-часов. Рвы явно не справлялись с задачей, представляя собой скорее досадную помеху, чем серьезное препятствие на пути бронетехники, и скоро им на смену пришли мины нажимного действия, изготавлявшиеся фронтовыми умельцами на ходу из футасов и минометных мин.

Главное преимущество более компактных и дешевых машин заключалось в том, что промышленность оказалась способной производить их в массовых количествах в довольно короткие сроки (5000 единиц «Рено» было заказано в 1917 г.), что приближало время, когда применение больших масс танков на узких участках фронта позволит сокрушать оборону уже за счет одной только их численности. В то же самое время «Уинпет» демонстрировал способность возглавлять преследование противника после того, как тяжелые танки опрокинут рубежи обороны, заменяя собой таким образом конницу в ее первоначальной роли. Обладавший намного более высокими характеристиками проходимости на пересеченной местности по сравнению с маленькими «Рено» FT, «Уинпет» страдал, однако, от отсутствия пушки, позволявшей бы разрушать заграждения и уничтожать вражеские танки, когда те появлялись у противника, чего рано или поздно следовало ожидать. Французы не сделали подобной ошибки. Они заказали примерно по две машины с пу-

Средний танк «А» «Уиллетт», призванный заменить традиционную кавалерию.

шечным вооружением на каждый «Рено» с пулеметом, а позднее заменили 37-мм орудие 50-мм. Что же до Этьена, с которым Фуллер познакомился на исходе года, британский энтузиаст танкового дела написал не без раздражения и презрения:

«МАЛЕНЬКИЙ и забавный невежда. Ни в чем другом, кроме пушек и женщин, снова женщин и снова пушек, не способен даже думать. Хочет пошатнуть на свои танки 75-миллиметровых, а квартир набить хрипотками... В военной науке он решительно ничего не смыслит».

Как ни странно, но Фуллер, похоже, ничуть не играл в слова и не упреждался в остроумии, когда писал эти строки (поскольку повторял подобное и после войны). Довольно странное противоречие, поскольку сам он уже прорабатывал новую танковую тактику, включая и вариант поединков между танками, а подобная концепция неминуемо требовала замены пулеметов пушками.

Когда постоянно возрастающая угроза наращивания сил немцами стала все более реальной для ослабленных союзников, между командованием войск и штабом Танкового корпуса разгорелись жаркие и энергичные дебаты относительно того, как снизить исходящую от врага опасность за счет применения танков. В ткань британских стратегий и тактики влетела политика, связанная с проблемами, порожденными угасанием кавалерии и заботами о том, как усилить серьезным образом поредевшие пехотные части. Вполне понятно, что, стоя перед необходимостью перемен, старые гвардейцы, кавалеристы и

пехотинцы, в главном штабе стремились к сохранению значения древних родов войск, готовые делать это за счет новых и новейших боевых структур, из которых Танковый корпус представлял собой, естественно, наименее новую. Иллесу и Фуллеру пришлось насмерть сражаться за жизнь Танкового корпуса, прежде всего отстаивая собственную точку зрения относительно того, как наиболее разумно применять танки в рамках оборонительной стратегии.

Главной мерой Фуллер называл превентивные рейды силами танков и пехоты, численностью разом до трех дивизий, нацеленные на уничтожение живой силы и техники противника, на срыв его планов и создание условий, в которых неприятель оказался бы вынужден снимать с фронта несообразно большие по численности части в целях усиления собственной обороны. Когда же главный штаб отверг этот замысел Фуллера, не дав ему, что называется, раскрыть рта, тот заметил, что бездействие вызовет падение боевого духа в лагере британцев, что, к несчастью, и произошло. Затем он обратился к менее агрессивным схемам действий, изложенным тем не менее с примечательным знанием дела и умением заглядывать вперед, поскольку в следующих цитатах из написанного им еще в те времена мы находим фактически описание основ противотанковой тактики будущего.

В письме в главный штаб 30 декабря 1917 г. Фуллер писал:

«ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ ТАНКОВ могут применяться самые различные снаряды. Наносить удары

«РЕНО» FT

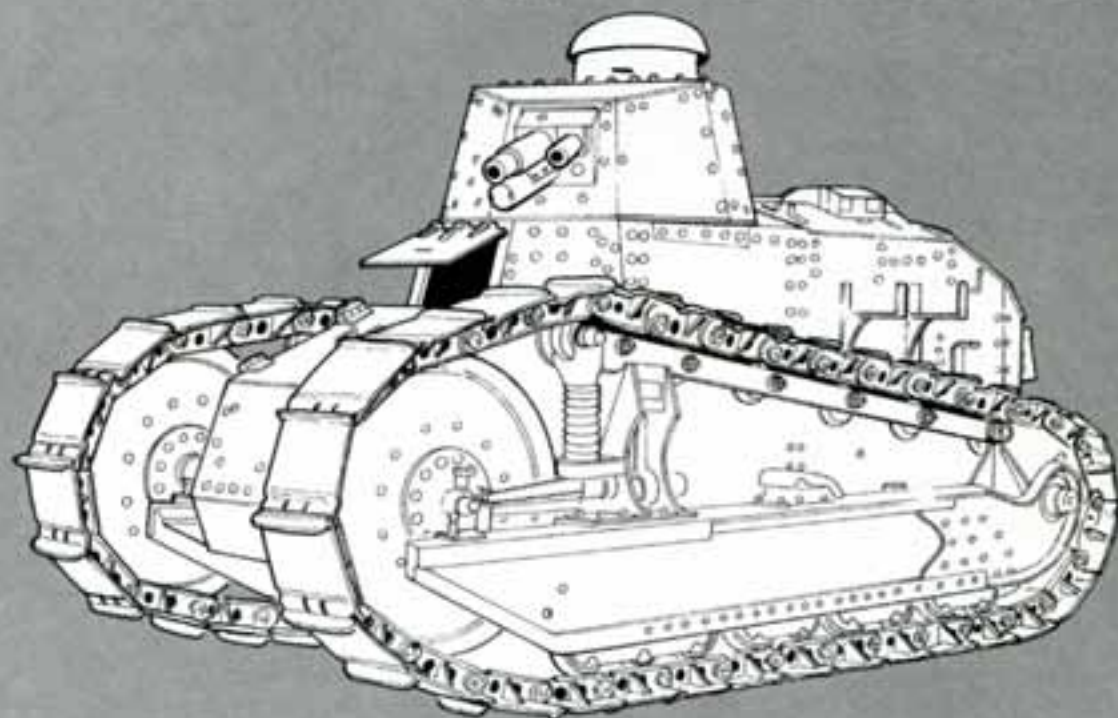
ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ ЗДЕСЬ ФРАНЦУЗСКИЙ ТАНК «РЕНО» FT задумывался как простая и дешевая в производстве, но обладавшая немиссией проходимостью модель пулеметной платформы, призванная поддерживать пехоту в ходе штурмов вражеских рубежей.

Вес: 6 тонн

Скорость: 8 км/ч

Лобовое бронирование: 22 мм

Вооружение: 1 пушка 37-мм или 1 пулемет

способны как артиллерия, пехота, так сами танки и авиация».

Он настаивал на том, что:

«ПОДВИЖНАЯ ПРОТИВОТАНКОВАЯ ОБОРОНА, это сочетание, самое сильное из имеющихся на сегодняшний день. ... Танки обладают важнейшим преимуществом перед артиллерией ввиду того, что движатся за счет бензиновых моторов, а не на конной тяге».

Настойчивые увещевания Фуллера побудили главный штаб разобраться в проблеме, что выразилось в итоге в датированном 15 января письме Танкового корпуса, подтверждавшем детальные предположения Фуллера. Определив наиболее

вероятные стратегические, тактические и административные задачи танковой атаки, тип местности, в условиях которой придется действовать, и приемы, которые предстоит применять, Фуллер обрисовал характер танкового поединка, как он себе его представлял, выделяя два направления: (а) Отдельные танки, действующие как подвижные артиллерийские батареи; (б) Танковые части, взаимодействующие с другими родами войск против атакующих вражеских танков и пехоты:

«ДЕЙСТВИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ТАНКОВ будут сходными с действиями подвижных тяжелых пушек. Успех

их применения будет зависеть от (а) мощи и маневра, (б) меткой стрельбы, (в) взаимодействия с неподвижной и подвижной обороной на участке, на котором они применяются...»

«Последнее требует хорошего знания построения обороны на вышеобозначенном участке, равно как и местности, на которой, возможно, придется проводить операцию».

«Если на участке представлены средства противотанковой защиты, т.е. пушки, специальные рны и т.д. (включая мины), противодействующую танкам бронетехнику надо держать в тылу, чтобы задействовать в целях контратаки или же на случай отражения наступающего неприятеля, прорвавшегося через брешь в противотанковых заслонах, при этом следует дислоцировать бронетехнику так, чтобы она могла вести огонь прямой наводкой...»

«Предназначаемая тактика должна строиться на понимании того, что нужно сосредотачивать огонь как можно большего количества [наших] танков на неприятельских танках, чтобы уничтожать их по очереди один за другим. От дуэлей же один на один необходимо воздерживаться».

«Основы принципов действия против вражеской танковой атаки, поддерживаемой пехотой, состоит в том, чтобы наша выступающая в противотанковой роли бронетехника применялась как истребитель танков; то есть цель ее — танки неприятеля, а не его пехота, роль ликвидации которой должна быть отведена [нашей] пехоте...»

«Все это будет означать, что в ходе крупной атаки танков и пехоты против танков и пехоты [нашим] танкам придется выиграть бой с танками противника до того, как начнется бой между пехотными частями. Задача достижения превосходства в танковом противостоянии повлечет, по всей видимости, определенные действия танков раньше пехоты и потребует не только использования передовых танковых эшелонов, действующих как истребители танков, но и применения чрезвычайно подвижных и легко бронированных танков со скорострельными или даже автоматическими пушками, способных к ведению крутового огня. Задача такого эшелона бронетехники будет, вероятно, состоять в разрушении строя вражеских танков и в охватывании половины их с фланга (и с тыла) с последующим уничтожением сосредоточенным огнем, чтобы затем проделать то же самое с другой половиной. Иными словами, необходимо применять прием Нельсона в боевых действиях на суше».

Фулдер знал, что с теми машинками, которыми располагал Танковый корпус, замыслы его не поддаются реализации в полной мере. Он даже и не заикался о целесообразности управления боем по радио (о чем заговаривал еще Сунитон, имея в виду необходимость обеспечить танки средствами коммуникации друг с другом), что попросту тратить слова на то, чего все равно нет,

хотя «радиотанки» и использовались как передовые пункты оповещения уже под Камбре. Не казался Фулдер и неизбывных механических слабостей, которые делали невозможной никакую продолжительную подвижность: сами по себе танки оставались неспособными покрыть более 30-35 км без замены траков, в то время как нехватка железных дорог не позволяла быстро перебрасывать большое количество бронетехники с одного участка фронта на другой. Именно отсутствие стратегической подвижности побуждало главный штаб распределять небольшие группы танков по всему фронту, чтобы вообще иметь шанс применить их тогда, когда это будет необходимо, а кроме того, изобретать недоброй славы тактику «дикого кролика» — то есть прятать отдельные танки в специальных ямах, откуда те, выскочив неожиданно, могли бы бросаться и «кусать врага» подобно диким кроликам. Фулдер напрасно полностью отрицал действенность подобного приема, по сути дела представлявшего собой танковую засаду; однако ему нельзя отказать в правоте, когда он указывает на то, что данная тактика ведет к удалению машин от источников тылового обеспечения, что грозит превращением их в заложниц капризов судьбы, главным образом, сделав экипаж бессильным перед лицом поломки или же нехватки топлива.

Несмотря на то что уже в 1916 г. Королевские ВМС перестали участвовать в разработках танковой темы, морские адмиралы прочно привлеклись к танкистам. Еще в ноябре 1916 г. Мартел вышел с письменным предложением о создании «танковой армии, которая полностью формировалась бы за счет боевых машин» — машин, которые бы классифицировались как боевые танки, истребители танков и торпедные танки (последние предполагалось вооружать минометами или гаубицами для нанесения ударов по врагу с 500 м тяжелыми снарядами). В воображении Мартела рисовались битвы, подобные морским баталиям, где бы флоты танков сосредотачивались на базах, защищенных минными полями и заграждениями, откуда бы выходили, чтобы схлестнуться в поединке с танковыми флотами неприятеля. Хотя поначалу Фулдер и отметал подобное воззрение, ближе к концу 1918 г. он стал постепенно соглашаться с ним, забывая — как и любой, кто проникался маринизацией танковой идеи, — что морская гладь и суша отличаются друг от друга прежде всего тем, что на последней существуют разного рода топографические особенности и что неровности ландшафта создают естественные укрытия и препятствия, что предоставляет танковым командирам множество тактических вариаций, незнакомых морскому военному делу.

Утверждая, что вражеские танки вот-вот появятся, и появятся в массовом порядке, что повлечет за собой неизбежную утрату союзнической стороной существующего превосходства, Фулдер был, конечно же, неоспоримо прав. Однако он не представлял себе, сколь неожиданно инерт-

Захваченный британский Mk IV в «женской» версии (т.е. пулеметный, в отличие от вооруженного пушками «мужского» танка. — Прим. пер.) на службе у немцев поддерживает пехоту пулеметами «Льюис», один из которых выглядывает из слопсона. Из-за твердого сопротивления танковой идее немцы приходилось применять трофейные британские танки, добытые в ходе контр наступления под Камбре в декабре 1917 г.

Немцы проявил себя немцы в вопросе обеспечения собственных войск танками, и не рассчитывал, что угроза в данном направлении возникнет куда позднее и не будет столь серьезной, как он того опасался. Привыкшие ждать 21 марта 1918 г., когда пятичасовая артиллерийская подготовка противника возвестила британцам о начале операции «Михаэль», после чего все танки, которые сумели наскрести немцы, — целых четыре А7V и пять ранее принадлежавших британцам Mk IV — покатались к вражеским позициям. Незнавшие тогда британскому командованию, машины эти достигли под Сен-Кантен куда больше, чем от них ожидалось. За 24 часа они продвинулись на глубину до 8 километров, причем без серьезных потерь, сыграв важную роль в крушении британской обороны, вызвав коллапс, быстро и широко охвативший значительный участок британского фронта. Через 15 суток после начала операции «Михаэль» немцы прошли до 30–35 км на фронте шириной в 50 км, однако танки в этом прорыве участия уже не принимали. Немцы полагались на тактику инфилтрации силами сводных боевых групп из артиллеристов, саперов и пехотинцев. Британские танки — особенно когда они контратаковали группами — добились ряда успехов, если не отбросив врага, то хотя бы задержав его продвижение на отдельных участках. Вместе с тем не противодействие неприятеля, а типичный провал недостаточно механизированных служб тылового обеспечения немецкой армии в итоге привел к потере наступательного темпа, что спасло союзников от поражения. Из той сотни или даже более британских танков, которые пришлось занести в список потерь, подавляющее большинство не сыграло никакой заметной роли в обороне, пав в основном жертвами не вражеского огня, а поломок и нехватки горючего. Отдельные танки приносили мало выгоды. Зафиксированных случаев воединков танков с танками в тот период не отмечалось. В следую-

СРЕДНИЙ ТАНК «А» «УИППЕТ»

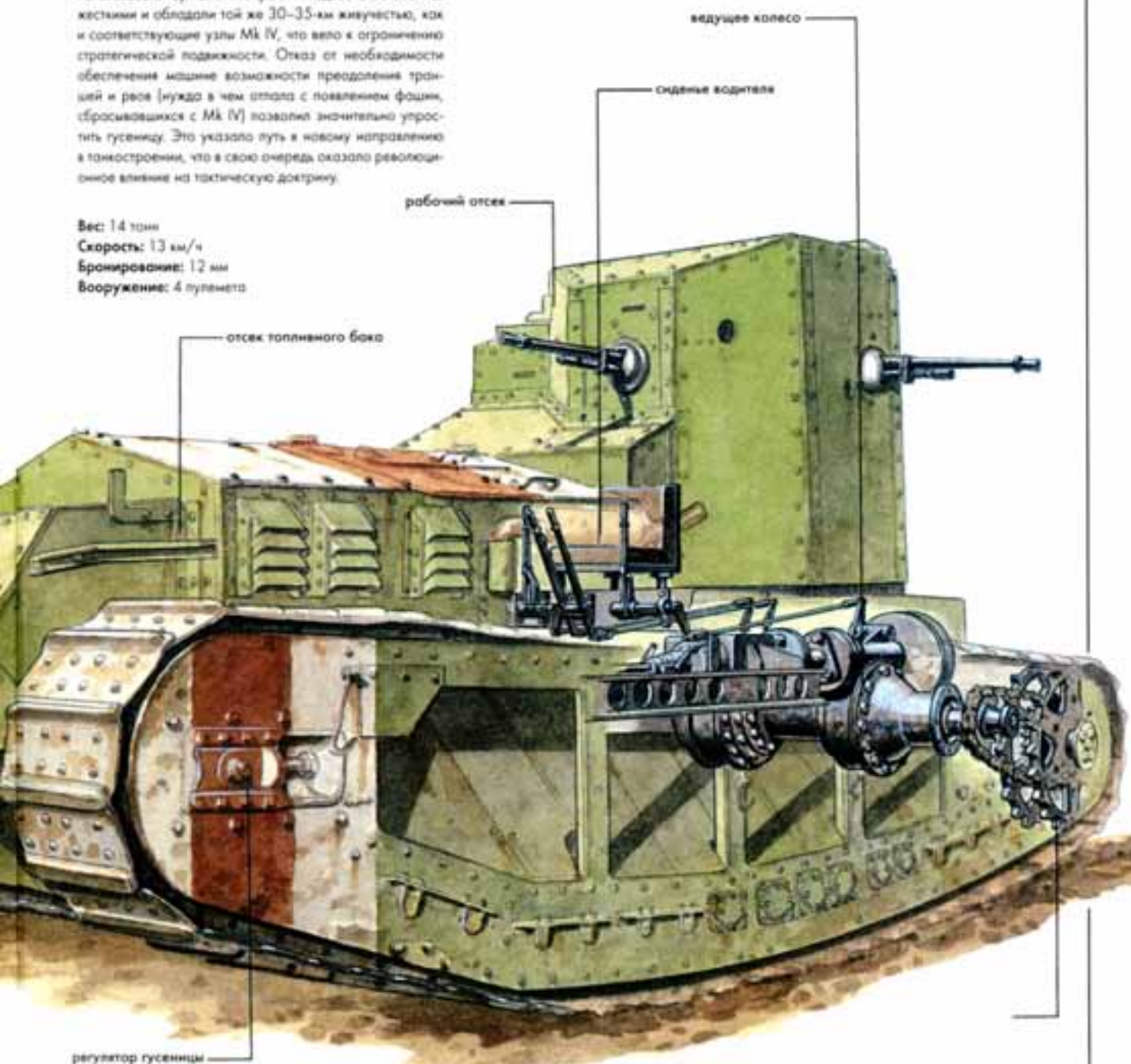
БРИТАНСКИЙ «УИППЕТ» ПРЕДСТАВЛЯЛ собой попытку создать средство, которое сделало бы возможным быстрое развитие тактического успеха, достигнутого тяжелыми танками, после того как последние прорвут вражескую оборону. Несколько менее увязимая по сравнению с Mk IV машина получила предпочтение перед 100-тонным танком с противоснарядной броней из-за ее простоты в производстве, что позволяло быстро выпустить и поставить фронту большое количество таких средних танков.

моторный отсек
со двойными двигателями

Машина оснащалась двумя 45-сильными двигателями «Тайлер», каждый из которых при посредстве конической зубчатой передачи и поперечного вала приводил в движение одну гусеницу. Управление осуществлялось рулем за счет изменения скорости вращения одного мотора по отношению к скорости другого, хотя для резких поворотов представлялось возможным использовать торможение. Траки и подвеска оставались жесткими и обладали той же 30–35-км живучестью, как и соответствующие узлы Mk IV, что вело к ограничению стратегической подвижности. Отказ от необходимости обеспечения машины возможности преодоления траншей и рвов (нужда в чем отпала с появлением фаши, сбрасывавшихся с Mk IV) позволила значительно упростить гусеницу. Это указало путь в новому направлению в танкостроении, что в свою очередь оказало революционное влияние на тактическую доктрину.

Вес: 14 тонн
Скорость: 13 км/ч
Бронирование: 12 мм
Вооружение: 4 пулемета

Вверху: «Женская» версия Mk V — удлиненный по предложению Фуллера на шесть футов (около 180 см) танк Mk V (см. стр. 37). Суть затеи заключалась в увеличении пространства внутри танка, что давало бы возможность размещать там десант из пехоты с пулеметами, который мог бы высаживаться в тылу у врага и преграждать ему путь для отхода. На практике из этой затеи ничего не вышло, поскольку загуженность внутри отсека в значительной мере выводила левитинцев из строя. Однако так родилась идея создания бронетранспортера.

Справа: Первая танковая рация, устанавливавшаяся на Mk IV использовалась как центр передового оповещения в ходе боя под Камбре. Объемистый и тяжелый передатчик с конденсаторным искровым разрядником, находившийся вдобавок применение в ту пору, позволял послать сообщения только азбукой Морзе, что замедляло и делало ненадежным процесс получения информации. Под Камбре такие рации не оправдали ожиданий. Однако британцы и французы не отбросили идею, включившись в активную работу по ее развитию, твердо веруя в то, что не за горами тот день, когда все танковые экипажи смогут переговариваться друг с другом по рации.

ней фазе наступления — в ходе так называемой операции «Георг» — немцы вообще не применили танков. Они нанесли удар по союзникам во Фландрии и — как и в случае с операцией «Михаэль» — остановились по причине переутомления личного состава частей и атрофии тылового обеспечения. Только 24 апреля танки с обеих сторон приступили к действиям, в которых прослеживалось направление танковых сражений будущего.

ДУЭЛЬ ПОД ВИЛЛЕР-БРЕТОННЕ

Первый поединок танка с танком произошел 24 апреля и стал не следствием возобновившегося генерального немецкого наступления в центре фронта под Амьеном, а как бы побочным продуктом локальной атаки. Генерал фон дер Марвиц намеревался захватить господствующие высоты за селами Виллер-Бретонне и Каши с намерением продвинуться на данном направлении к важной дороге на Амьен, что пролегло в 8 км восточнее, дабы дать возможность артиллерийским наблюдателям корректировать огонь по этому маршруту. В случае если бы союзнический фронт вновь подался бы вспять, тогда... «Что ж, мы будем действовать по ситуации», — подытожил начальник немецкого Генштаба, генерал Эрих Людендорф. Однако располагая всего пятью дивизиями и незначительными резервами, которые могли действовать в ходе штурма два корпуса, причем при острой нехватке боеприпасов, немцы имели немалый шанс развить и поддержать успех, если бы им удалось его достигнуть. Кроме того, находившееся формирование из всего 15 див

изи А7V (наиболее крупное сосредоточение танков в одной точке у немцев) не могло серьезным образом повлиять на обстановку. Точно-точно в соответствии с привычной практикой союзников и немцы не ожидали от своих танков ничего иного, кроме поддержки пехоты. После прорыва через вражеские траншеи на передовой бронетехнике возлагалось отойти. Штабисты, планировавшие операцию, осознавали, какой опасности подвергаются танки ввиду ожидаемого противодействия со стороны британских 18-фунтовых (83,8-мм) полевых пушек, не говоря о нескольких танках, которые разведка заметила в лесу за Виллер-Бретонне и Каши. В преддверии штурма немцы регулярно отрабатывали по этим позициям фугасами и снарядами с горючим газом, что не только оповестило британцев о предстоящей атаке, но также сделало крайне некомфортным армейский быт артиллеристов и танкистов.

Десять британских танков, переданных для усиления и поддержки на данном участке, ни в коем случае не были готовы к противотанковой работе. Семь состояли в батальоне «С» и являлись «Уинпетами», вооруженными исключительно пулеметами. Еще два приходились на «женские» Mk IV, также имевшие один только пулемет. Лишь Mk IV «мужской» версии под командованием 2-го лейтенанта Френка Митчела мог похвастаться парой 57-мм стволов, способных поразить бронирование А7V, но и эту машину, представлявшую собой ослепительно «диких кроликов» — Mk IV из батальона «А» капитана Ф. Брауна, нельзя назвать совершенно полноценной, так как экипаж ее сократился до шести человек в результате газовой атаки, предшествовавшей наступлению немцев.

В тумане, еще более сгустившемся от облаков газа и дыма, немцы перешли в атаку тремя группами. Группа 1, состоявшая из трех А7V, шла прямо на Виллер-Бретонне; группа 2 из семи А7V устремилась к Буа-д'Ассен правым флангом по железнодорожной линии; группа 3 из четырех А7V поднималась по склону за Буа-д'Ангар к Каши. Группе 1 сопутствовал полный успех, она

вошла в Виллер-Бретонне, сильно опередив взаимодействующую пехоту, захватила много пленных, но потом оказалась вынуждена вернуться, чтобы подовать противодвижение британской пехоты, которую танки обошли и которая препятствовала продвижению немецкой пехоты. К полудню группа 1 завершила выполнение задачи и была отослана обратно на пункт сбора. Группа 2 действовала почти столь же хорошо, несмотря на большие трудности: выход из строя из-за поломки одного танка в самом начале, потерю ориентации в тумане (который оказался гуще у Каши, чем вокруг Виллер-Бретонне), двух небольших поломок в бою и ранения двух водителей вследствие поражения бронирования пулеметным огнем.

Группа 3, которая и вошла в историю, столкнулась с упорным вражеским противодействием в Буа-де-Ангар (заставившим остановиться немецкую пехоту), кроме того, А7V сбился с пути из-за тумана. Танк «Эльфрида» под командованием лейтенанта Штайна отклонился к северу от курса, где подавил сопротивление противника, но потом свалился в овраг. Выбравшись из машины, чтобы в соответствии с уставом действовать как пехотинцы, 22 члена экипажа продолжали удерживать овраг перед лицом контратакующей британской пехоты до тех пор, пока не погиб Штайн, и обе стороны почли за благо отступить.

Наступление началось в 07:00 по британскому времени. Часом позже капитан Браун вместе с командовавшим на участке британской пехотой бригадиром Г. Проганом отправился на рекогносцировку. В результате удалось выявить глубину немецкого продвижения, но не присутствие на стороне неприятеля танков. В 08:45 Браун возвратился в район дислокации своих Mk IV и, находясь в «мужском» танке Митчела, возглавил продвижение «диких кроликов» вдоль южной опушки Буа-д'Агени (который Митчел предварительно проверил), при этом «дамы» следовали одна за другой позади головной машины справа. Только тогда, когда Браун и Митчел достигли траншеи, называвшейся «Каши-Сунгч», которую им предстояло защищать, какой-то пехотинец подбежал к танку и прокричал в смотровую щель: «Тут танки джери!» (т.е. немецкие танки. — *Прим. пер.*). Спустя секунду-другую Митчел и сам увидел три А7V из группы 3 на подходе к Каши, при этом ближайший, танк Билльда, находился всего в 400 м, а два других выдвинулись в тумане далее к югу. За бронетехникой во множестве спешили немецкие пехотинцы.

Браун выбрался из «мужского» Mk IV и поспешил предупредить экипажи двух «женских» Mk IV, в то время как Митчел развернулся в направлении Билльда и открыл огонь на ходу. Со своей стороны Билльд засек двух «дам» за разворотом и отходом, остановился и начал стрелять. Один Mk IV получил попадание, однако с потерей хода оно не привело. Одновременно с этим стрелки Митчела, заметившие немецкий танк в смотровые щели, попытались взять его на мушку

через прицелы и начали пристрелку. Но поскольку Митчел вел машину зигзагом, не говоря уже о том, что она и без того отнюдь не являлась идеальной платформой для ведения огня, канониры все время промахивались. Кроме всего прочего, ассистенты водителя, призванные служить и как заряжающие, постоянно отлучались на обслуживание трансмиссии, что тоже отражалось на темпах огня. Лишь только тогда, когда примерно в 10:20 Митчел остановился, у стрелка в левом спонсоне наконец-таки появился реальный шанс и он добился одного за другим трех попаданий сплошными выстрелами в Билльда. Снаряды поразили бронирование, привели к повреждению механических узлов машины, гибели стрелка-артиллера и смертельным ранениям еще двух членов экипажа, не считая мелкого ущерба. После случившегося Билльд отдал приказ покинуть А7V и соединиться с ближайшей пехотной частью. У них отпало желание сражаться с победоносным Митчелом, который принялся с расстояния стрелять в Биттера и Мюллера.

Биттер и Мюллер задержались у Каши по причине отсутствия поддержки, поскольку сопровождающую пехоту прижал к земле огонь британцев, и немцам пришлось перестраиваться для второй попытки. Одновременно пехоту заметил британский самолет, пилот которого тотчас же полетел назад, чтобы передать донесение капитану Т. Прайсу, командовавшему семью «Уиншетами». Прайс немедленно поспешил к Каши, чтобы — как он полагал — устранить угрозу со стороны вражеской пехоты. Слеса изю всех сил, он покрыл пять километров и прибыл в район боя около 11:00. Развернувшись строем, Прайс атаковал мимо Каши через британские траншеи и воронки с попятаншимися в них на мертвом пространстве немецкими пехотинцами, что вызвало замешательство последних и привело к срыву их намерений. Однако в процессе преодоления возвышения над непростреливаемым пространством все семь «Уиншетов» стали как на ладони видны Биттеру, стрелок которого получил возможность поупражняться в стрельбе по движущимся мишеням с дистанции 300 м, точно на учениях, поскольку «Уиншеты» не отвечали ему, занятые стрельбой по пехоте противника. Вообще же экипажи «Уиншетов» совершенно не подозревали о наличии на поле боя А7V, перед которым со своими пулеметами оказывались практически беспомощными, если бы даже и заметили немецкие танки в тумане. Один «Уиншет» всталахнул. Остальные принялись передвигаться зигзагом, продолжая охоту за вражеской пехотой. Затем запылаз второй танк, а третий вышел из строя. Остальные откатились за кромку возвышенности обратно к Каши. Затем в 100 м от Митчела остановился четвертый «Уиншет», экипаж которого и стал заинтересованным зрителем, хотя и не видел немецкого А7V, ставшего виновником основного урона у британских танкистов.

ВИЛЛЕР-БРЕТОННЕ, 24 АПРЕЛЯ 1918 г.

ПЕРВОЕ БОЕВОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ ТАНКОВ С ТАНКАМИ

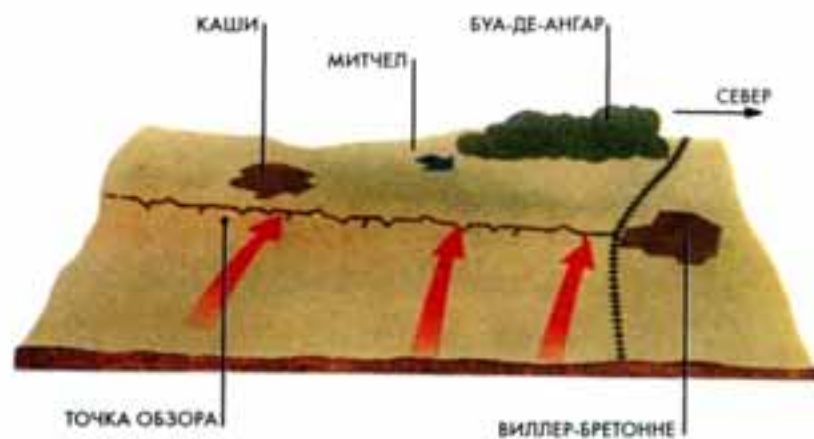
Боевое соприкосновение между британскими и немецкими танками 24 апреля 1918 г. представляло собой практически случайный «побочный продукт» традиционного для Первой мировой войны пехотного противостояния. Оно выявило сильную ограниченность противотанковых возможностей имевшихся в наличии машин, особенно легко вооруженных британских «Уинсетов».

На представленной панораме запечатлен момент, когда А7V Биттера (на пере-

днем плане) вступил в бой против «Уинсетов» на склоне впереди него, в то время как британские экипажи были полностью поглощены тем, что косили из пулеметов и разгоняли перепутанную немецкую пехоту. Стрелок Биттера уже поджег один «Уинсет» и повредил другой.

Карта 1 показывает начальный этап передвижений утром 24 апреля, что привело в итоге к первому боевому соприкосновению между танками. Три группы немецких А7V возглавили марш пехоты через туман раннего утра, перемешанный с дымом и газом. Целью атаки служили Буа-д'Ажени и селения Виллер-Бретонне и Кашин. Три танка из состава группы 1 успешно продвигались, опрокидывая британскую пехоту в Виллер-

ПЕРВОЕ ТАНКОВОЕ СРАЖЕНИЕ

[продолжение]

Бретонне и в роше позади него, но затем получили приказ вернуться и помочь своей пехоте, оставленной британцами, все еще удерживавшими село. У группы 2, однако, возникли проблемы. Один из семи А7V сломался, некоторые другие отклонились от заданного маршрута в тумане, еще два претерпели незначительные повреждения. Но все же и эта группа сумела достигнуть целей без дальнейших серьезных осложнений.

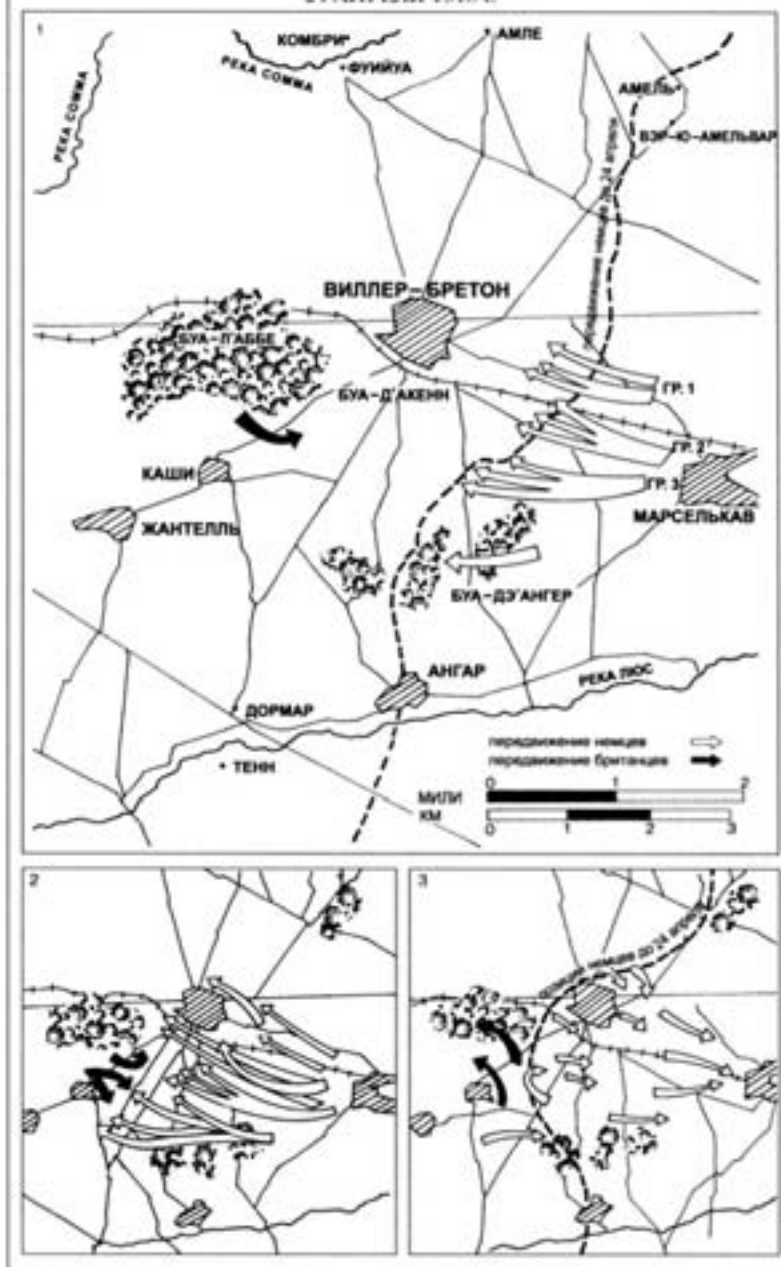
Карта 2 показывает группу 3, продвигающуюся мимо Буа-де-Ангар в направлении Кашни. Как и другие два, этот отряд заметно обошел поддерживаемую пехоту. Однако тут на фланге группы возник «мужской» Mk IV лейтенанта Митчела с 57-мм пушками, вышедший из укрытия в Буа-д'Аббе и вступивший в схватку с врагом, прикрывая располагавшие лишь пулеметным вооружением два «женских» Mk IV. Часы показывали примерно 09:45, дистанция в условиях улучшающейся видимости составляла где-то 400 м, когда Митчел и командир его отряда, капитан Браун, увидели два немецких танка, одним из которых командовал лейтенант Биллац. Когда Браун покинул «мужскую» машину, чтобы отвести уступавшие вооружением противнику пулеметные танки, Биллац начал стрелять и повредил один из них, тогда как Митчел на маневре повел свой танк для противодействия Биллацу и поначалу не мог добиться попадания. Лишь где-то в 10:20 Митчел сделал остановку, что дало стрельку левому спонсору удобный шанс подбить танк Биллаца тремя «болванками». Полученные повреждения вынудили командира А7V приказывать экипажу покинуть танк, оставив в нем двух убитых. Через несколько минут Митчел обнаружил А7V под командованием лейтенанта Мюллера и лейтенанта Биттера, однако успеха в действиях против них не достиг.

Тем временем, как это показано на карте 2, семь «Уинсетов» капитана Прайса, оповещенные пилотом, поспешили к Кашни, рассчитывая войти в селение и нанести удар только по вражеской пехоте. Митчел (см. карту 3), патрулировавший севернее, увидел отступление «Уинсетов». Командир группы «Уинсетов», Прайс, продолжал пребывать в неведении относительно причин потерь в его части, полагая, что они вызваны не огнем вражеского танка, а полевой пушкой.

Основные боевые действия закончились в полдень тем, что немцы закрепились в Виллер-Бретонне, но потерпели неудачу на подступах к Кашни из-за своевременного вступления в бой британских танков. Когда группа 2 отходила, излившие оптимистичный Митчел решил добавить противнику прыти несколькими 57-мм вы-

БОЙ ПОД ВИЛЛЕР-БРЕТОННЕ

24 АПРЕЛЯ 1918 г.

стрелами с дистанции 1000 м, после чего в 12:45 отказался от преследования из-за поломки гусеницы. В 14:30, перед тем, как обе стороны прекратили активное противостояние, Биттер и Мюллер вновь попытались овладеть Кашни, но пехота не пошла за ними, и успеха немцы не имели. На поле боя осталось несколько выведенных из строя машин, экипажи которых покинули их и стали сражаться в рядах пехоты.

УРОКИ СТОЛКНОВЕНИЯ

Основное сражение завершилось. Митчел продолжал «барражировать» в районе Каши-Сунгч и больше из любопытства, чем в надежде на реальный успех попробовал с 1000 м «задирать» некоторые A7V из группы 2, отходившие из Виллер-Бретонне, но по причине изношенности гусеницы в 12:45 оставил попытки. Около 14:30, занимаясь отправкой в тыл раненых, он увидел Биттера и Мюллера, которые выдвинулись для обстрела Каши, но отступили, поскольку немецкая пехота не оказала им поддержки. По мнению Митчела, это был удачный день для немецких танкистов. Они прекрасно показали себя в боевом соприкосновении танк против танка и достигли большего, чем ожидали от них пехотные командиры. Митчел немного преувеличивает успех, употребляя выражение «их Камбре». Есть большая разница между массированным наступлением, которое позволило участникам достигнуть большинства целей, и боем местного значения (несмотря на 2000 пленных), в котором главную задачу атакующие не выполнили.

Уроки Виллер-Бретонне оказались, так или иначе, весьма важными, пусть даже и только танкисты с обеих сторон извлекли для себя полезный опыт. Немцы убедились в том, что танки вещь все же довольно пугающая, равно как уверились в действительности применяемой ими техники остановки для стрельбы. В штаб-квартире Танкового корпуса осознавали, что случившееся — первый, но далеко не последний эпизод в цепи еще многих подобных схваток, которые предстоит в будущем, а потому необходимо разработать и развить приемы ведения точного огня в движении, а также надлежит как можно быстрее снабдить все танки противотанковым

вооружением. Командование принялось в спешном порядке переоснащать «женские» танки, заменяя на них по одному пулеметному спонсону спонсоном с 6-фунтовой (57-мм) пушкой, что дало получившемуся изделию прозвище «танка-гермафродита». В то же самое время немцы, видя невозможность быстро наверстать упущенного в танкостроении, приступили к разработке специальных низкопрофильных противотанковых пушек, калибр которых колебался от 13 до 37 мм (первые следует называть скорее ружьями, нежели пушками. — *Прим. пер.*).

В следующие месяцы, тогда как количество танков у немцев заметно не увеличилось, британские и французские заводы выпускали тысячи боевых машин. В ходе операции «Игорь», очередного немецкого наступления — на сей раз против французских войск, оборонявшимся удалось сорвать замыслы врага, парировав выпады решительными танковыми контрдарами, масштабы которых также возросли. «Рено» FT, счет которым на полях сражений еще в мае шел едва ли на десятки, в июле уже принимали участие в наступлении сотнями. Тогда же в помощь «Уиппетам», усиливая сокрушительный эффект бронетехники, вступил в действие и новый британский Mk V. И вот уже скоро тактическим подвижкам местного значения дивелись достоинства внимания авторов стратегических планов, чему немало способствовали креативные разработки Фудлера января 1918 г., в которых тот выступал за глубокие рейды по тылам вражеской обороны силами соединений, состоявших бы в себе элементы всех родов войск. Фудлер предполагал расширить круг обязанностей Mk V, усовершенствовав их и сделав пригодными для применения не только в роли боевых танков, но также и в качестве бронетранспортеров. Замысел

«Мужской» Mk V среди лекционных во время наступления в 1918 г. Усовершенствованная версия, пришедшая на смену Mk IV, отличалась не только более мощным 150-сильным двигателем, что само по себе служило важным шагом вперед, но также и переработанной системой управления движением, которое могло теперь контролироваться всего одним человеком. Наряду с «Уиппетом», машина эта послужила стержнем хребтом части британского Танкового корпуса в 1918 г.

Вес: 29 тонн

Скорость: 8 км/ч

Лобовое бронирование: 12 мм

Вооружение: 2 пушки 57-мм, 4 пулемета

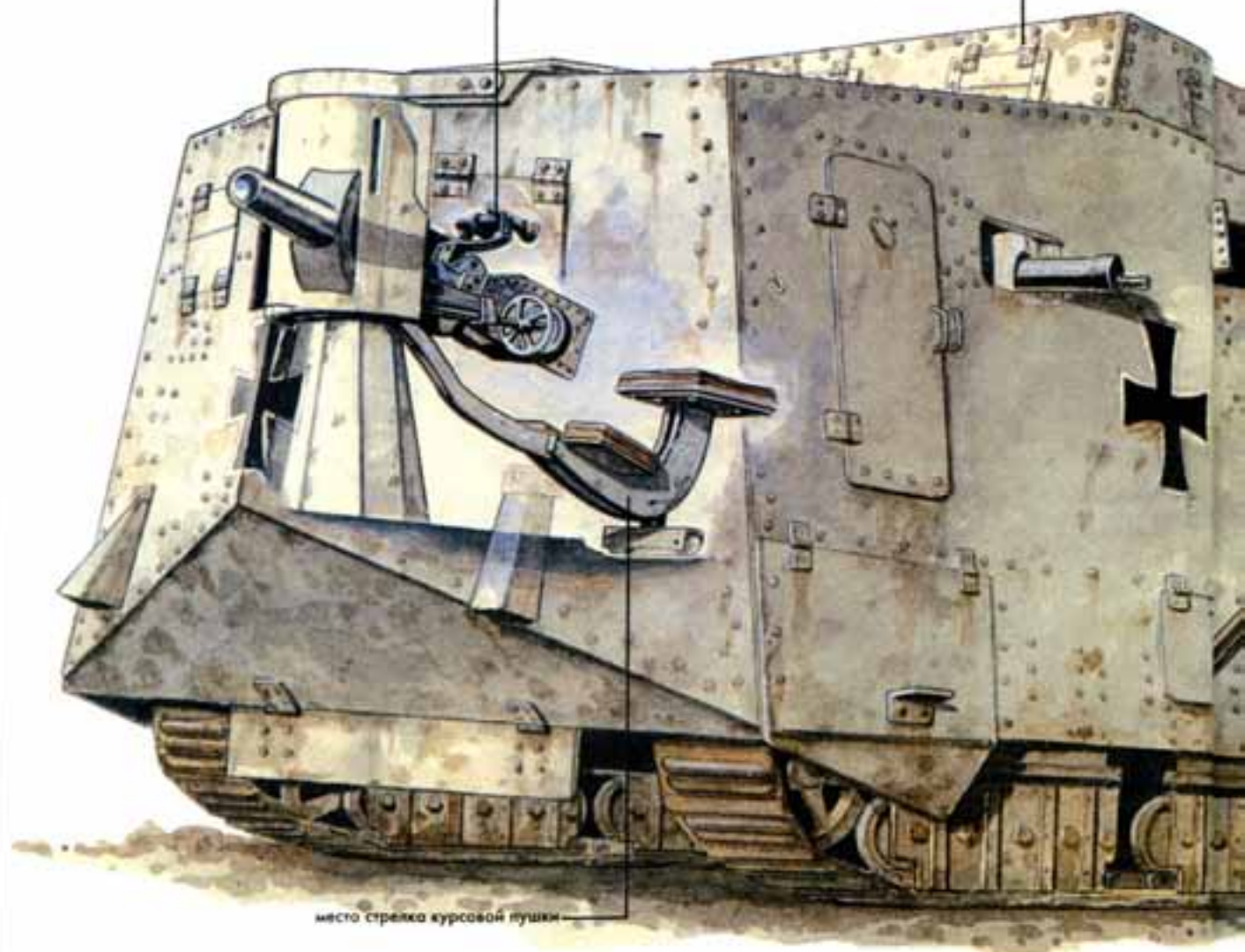
НЕМЕЦКИЙ A7V

A7V СТАЛ ПЕРВЫМ И ЕДИНСТВЕННЫМ ГЕРМАНСКИМ ТАНКОМ, производившимся в Германии во время Первой мировой танком. К 1918 г. в боях смогло принять участие только 20 таких машин. Танк имел подвеску по образцу и подобию той, которые применялись в довоенных тракторах Холта. Похожий на неповоротливое чудовище, он представлял собой попытку поместить отдельную сводную штурмовую часть численностью до 20 и более человек в одну машину, где артиллерист занимал бы позицию у пушки, пехотинцы у пулеметов, а презренные механики занимались бы управлением и обслуживанием этой рычащей колесницы.

боевая рубка командира и водителя

оптический прицел

место стрелка курсовой пушки

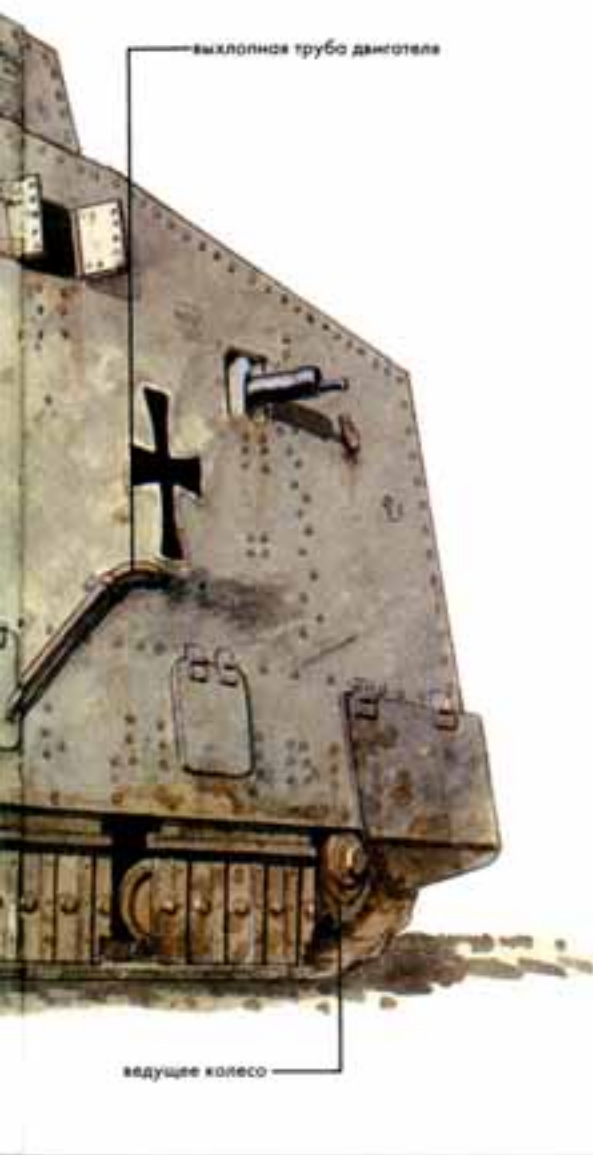
Два 100-сильных двигателя «Драйзер» служили в качестве силовой установки для машины с радиусом действия в 30–35 км. Подвеска была жесткой. Несмотря на все недостатки, танк оказался довольно надежным и успешно применялся в боевых действиях, хотя и не пользовался особой популярностью у экипажей, некоторые из которых предпочитали трофейные британские Mk IV.

Вес: 32 тонны

Скорость: 8 км/ч

Лобовое бронирование: 30 мм

Вооружение: 1 пушка 57-мм, 6 пулеметов

состоял во внедрении центрального отсека почти двухметровой длины, что позволяло бы разместить в нем 25 пехотинцев-пулеметчиков (или предметы снабжения), что дало бы возможность обеспечить бронированным прикрытием пулеметчиков на их пути в тыловые районы неприятеля, где бы те могли действовать против врага с большим психологическим эффектом.

Так случилось, что поколение Mk V, подоспело к началу битвы под Амьеном 8 августа, когда ни много ни мало 288 Mk V, 72 Mk V, 96 «Уинсетов», 12 броневых автомобилей «Остин» и 90 французских «Рено» прорвали немецкий фронт на ширину в 40 км, углубившись на 14 км за единственные сутки. Этот удар, в ходе которого отмечались массовые сдачи в плен и сильнейший упадок боевого духа у немцев, качнул язык колокола, который скоро зазвонил погребальным звоном по утраченной мощи выдохшихся центральных держав, а также и по кавалерии как по роду войск, который призван развивать успех и преследовать неприятеля. Поскольку, получив наконец широкую брешь, пробить которую требовало кавалерийское командование, конница оказалась не в состоянии оправдать возложенные на нее надежды и стремительно мчаться вперед. Напротив, «Уинсеты» и броневые автомобили, пославшие в открытые проходы, очищенные им тяжелыми танками и пехотой, смогли занести себе на счет все те возможные очки, которые только удалось выиграть в процессе развития успеха. И ни разу немецкие танкисты не продемонстрировали способности остановить наступающую бронетехнику противника. Под Амьеном танки сражались против пушек, при этом несли большой урон, однако с помощью пехоты выходили в итоге победителями.

Психологическое воздействие подавляющего численного превосходства союзников в танках оказало неслыханное влияние на солдат с обеих сторон. И те, и другие ясно осознавали, что фактически любой танк, который появляется на поле боя, принадлежит союзникам, что порой имело тяжелые последствия. Так, под Фремикуртом, около Бонома, 31 августа, когда дислоцированные в районе немцы части получили тревож-

Броневый автомобиль «Остин», построенный на основе шасси грузовой машины в 1917 г., успешно действовал в ходе прорыва во время битвы под Амьеном в августе 1918 г. Будучи ограничено ценной в боевом плане, машина с узкими колесами и лишь с одним ведущим мостом жестоко страдала от недостаточной проходимости, что фактически не позволяло применять ее в условиях бездорожья.

Вес: 4,5 тонны

Скорость: 55 км/ч по шоссе

Бронирование: 8 мм

Вооружение: 2 пулемета

ное донесение об обнаружении разведкой нескольких британских танков на подходе к Воли-Врокур, пять немецких A7V, посланные в контратаку, вступили в боевой контакт со своей же артиллерией, что обошлось потерей двух машин. Не случись такого недоразумения, вероятнее всего, немцы, которых отделило от фланга войск британского наступления только 2000 м, нанесли бы удар по британским Mk IV с весьма выгодной для A7V позиции. Однако несколько недель спустя под Нирны, что на подступах к Камбре, все вышло с точностью наоборот.

СРАЖЕНИЕ ПРИ НИРНЫ

На протяжении августа и сентября немцы продолжали откатываться, почти не применяя танков до 7 октября, когда сумели сосредоточить десять Mk IV (объединенных в так называемых «трофейных батальонах») южнее Камбре в попытке остановить грядущее британское наступление, в ходе которого предполагался захват города на следующие сутки. Шесть танков стояли у Авуэна, а еще четыре под Вамбе ожидали, когда британцы станут выдвигаться в направлении Нирны и Серенвилля на оси своего наступления. В тусклом свете раннего утра немцы проследовали к окутанному дымом району боя, где после артиллерийской подготовки, как сообщалось, переходили в атаку вражеские танки и пехота. Им неизбежно предстояло вступить в соприкосновение с восемью Mk IV из 12-го батальона — по четыре против каждого из сил. Под Серенвилем, после того, как два немецких Mk IV были подбиты артиллерийским огнем, остальные отступились, чудесным образом оставшись невидимыми для четырех британских танков, хотя и проследовали на короткой дистанции от них. В блаженном неведении маневр одного из «женских» британских танков, сделав разворот влево, продолжал продвижение на Нирны через Форанвилль.

Под Нирны, однако, шанс разминуться в дыму и мраке сражения у противодействующих друг другу танковых групп отсутствовал. Обе засады оппонента одновременно, но немцы умышленно воздержались от открытия огня, британцы вели себя соответственно, пребывая в уверенности, что перед ними четыре танка из роты «С», каким-то чудом прибывшие из Серенвилля! Дистанция составляла всего 50 м, когда капитан Рау в танке L16 осознал, что перед ним вражеская машина. Первый выстрел пробил броню, однако немец успел ответить, ранив Рау и убив его водителя. Выбравшись из танка, Рау повел находившийся рядом L19 в направлении противника. Однако в L19 было полно раненых и отсутствовали стрелки 57-мм пушек. Этот танк получил два попадания и загорелся, как и L12. Вступая в бой, его командир еще считал, что перед ним не враг, а танки из роты «С». И вот наконец из строя выбыл четвертый танк, L8, под командованием лейтенанта Мартелла: из пробитого радиатора этой машины вытекла смазочно-охлаждающая эмульсия. Однако именно Мартеллу повезло: случилось положить конец катастрофической ситуации. Соединив усилия с артиллерийским офицером-наблюдателем, они направили огонь захваченной атакующими неприятельской полевой пушки против немцев, с короткой дистанции уничтожив два танка. В этот момент появился «женский» танк из роты «G». Он все равно не мог поразить пулеметами оставшиеся в строю четыре вражеских танка, однако одного уже присутствия машины оказалось достаточно, чтобы обескуражить неуверенного в себе, хотя и одержавшего верх противника и заставить его повернуть вспять.

По прихоти судьбы ни французские, ни американские танкетки так и не поучаствовали в столкновении танк против танка в ходе Первой

Mk V идут в бой в 1918 г. в качестве средства поддержки пехоты. Обратите внимание на большое расстояние, разделяющее танки, а также на дубовые балки, которые несли с собой машины, чтобы облегчить экипажам задачу вытаскивания танка, если тот застрянет во рву или в глубокой воронке.

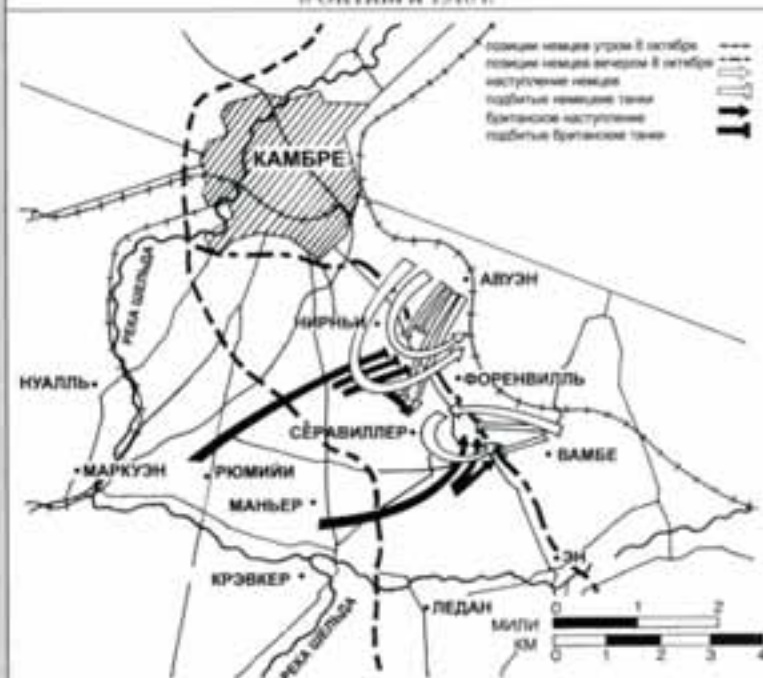

мировой войны, главным образом, из-за сложившейся у немцев привычки по причинам механического характера отводить имевшиеся у них немногочисленные танки из передовых районов после завершения выполнения задачи по поддержке атаки. В результате, когда, например, американцы задействовали 174 «Рено» из состава 304-й танковой бригады в штурме Сен-Михальского выступа 12 сентября, бронетехника нанесла удар по противнику, который уже приступал к отходу и не имел на передовой ни одного танка. Избавленные от неприятного опыта немцев, познавших на себе «все прелести» повторяющихся и повторяющихся ударов силами сотен танков разом, британцы, американцы или французы не могли во всей полноте ощутить чудовищной реальности, выпавшей на долю немцев, которые слишком поздно осознали, какой эффект даст комбинация подвижности, огневой мощи и защиты в сочетании с «танкобоязней», и то, что все вышеназванные факторы способны сделать бронетехнику оружием победы. В стане же союзников нежелание считаться с реальностью само собой породило опаснейшие последствия недооценки подлинной степени угрозы, таившейся в бронетехнике, хотя немцы со своей стороны, напротив, часто переоценивали значение страха перед танками. Однако немцы выработали все же более правильное понимание, что и подтолкнуло их военные умы встать на тропу, которая однажды привела Германию к тому моменту, когда соединения ее собственных боевых бронированных машин превратились в сочетании с другими родами войск в оружие, диктующее свою волю на полях сухопутных сражений.

Так или иначе, боевые соприкосновения под Видлер-Бретонне и Нирны создали миниатюрную модель, по которой и предстояло развиваться многим будущим состязаниям танков

ПРОТИВОБОРСТВО ТАНКОВ ПОД НИРНЫ

8 ОКТЯБРЯ 1918 г.

против танков, а кроме того позволили сделать несколько жизненно важных выводов. Среди них достаточно назвать необходимость для командира располагать возможностью полностью контролировать стрелка, причем сидящего во вражеской башне, чтобы избавиться от обязанности выводить танк на огневую позицию путем сложного маневрирования. Кроме того, реальность требовала обучения стрелка специальной технике, позволившей бы ему выжимать максимум из постоянно улучшавшегося вооружения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ
ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Сразу же после окончания войны стрелка весов судьбы танков как рода войск и оружия неуверенно заколебалась. Им угрожала опасность со стороны тех, кто из предрассудков, продиктованных не в последнюю очередь личными интересами, предпочитал поставить на танки клеймо неудачников. Однако значительное число прогрессивно мыслящих военных, осознававших, что лошади рано или поздно будут вытеснены механизацией, вставало «под знамена» танкистов. Между тем степень и характер поддержки, как и предлагаемые идеи в области решения вопросов организационного, операционно-тактического и технологического свойства, широко разнились в зависимости от положения страны в мире, внутреннего расклада сил в ней, а также и от склонностей и симпатий вчерашних вышних командиров, многие из которых перебрались в высокие кабинеты военных министерств.

Россия, истерзанная революцией и Гражданской войной, приходилось обходиться теми танками, которые британцы и французы посылали бело-гвардейцам и которые с течением времени доставались Красной Армии в качестве трофеев. Своих танков, а тем более танковой доктрины страна не имела. Германия, лишенная права обладать танками по условиям Версальского мирного договора, немного поэкспериментировала с копиями трофейных британских машин и даже обсуждала проект 150-тонного чудовища, но оказалась вынуждена отбросить его и тайком надушивать собственную дорожку в будущее. Соединенные Штаты с их тенденциями возврата к изоляционизму просто сохраняли немалое число изготовленных на американских заводах «Рено» и тяжелых Mk VIII, которые построили в сотрудничестве с британцами в конце войны. Армия США по воле генерала Джона Першинга актом Конгресса распустила Танковый корпус, передав все тактические и технические наработки в распоряжение пехотинцев, что фактически положило конец любым инновациям. На протяжении нескольких лет единственным подлинно творческим инженерным умом, трудившимся в Соединенных Штатах на ниве танкостроения, стал талантливый изобретатель-одиночка по имени Уолтер Кристи. Твердо веруя в идею высокой подвижности, Кристи в 1921 г. создал опытный образец плавающего танка, который оказал глубокое влияние на амфибную область военной науки.

Франция, как самая мощная в военном отношении держава, тоже пребывала в убеждении, что единственная польза от танков в их служении вспомогательным родом войск при пехоте. Под водительством генерала Петена армия поместила танки под руководство пехотинцев, в результате чего все попытки технических инноваций следующего десятилетия замерли стро-

гими и придирчивыми рамками пехотной доктрины. Проект «Рено» с одной башней положили под сукно, тогда как те скромные ресурсы, которые выделялись на разработки, пожертвовали на создание 70-тонного монстра, трудиться над которым начали еще в 1916 г. Кроме всего прочего, выдвинутые Этьеном предложения начать с формирования подвижного соединения, в котором ведущую скрипку играла бы кавалерия, были решительно отвергнуты.

БРИТАНСКИЙ ПРИМЕР

В Британии все шло иначе. В частности, потому, что в 1919 г. страна вела войну в Афганистане и уже предвидела затканные сложности во всем регионе, включая и Индию. Бронетранспортные продемонстрировали там ограниченную полезность, однако танки, которые справлялись с поставленными задачами в Европе и в Палестине, не годились в условиях огромных расстояний индийского субконтинента. Жизненно важным оказался тот факт, что авторитета энтузиастов — Иалеса и Фуллера — хватило, чтобы заручиться поддержкой для программы экспериментов с бронетехникой и преодолеть сопротивление тех в военной и политической иерархии, кто умалял значение рода войск. Что еще важнее, Фуллеру удалось вставить в перечень компетенций Танкового корпуса условие, предоставлявшее бронетехнике так называемую «самостоятельную роль» наряду с обязанностью оказывать поддержку пехоте.

Термин «самостоятельная роль» происходил, конечно, из тактической концепции, которую Фуллер выработал в январе 1918 г. для Mk V, но которую он усовершенствовал и усилил самым радикальным образом в мае того же года, когда его осенило, какую тактическую значимость может таить в себе средний танк «D». Идея среднего танка «D» — четвертого из серии проектов

средних танков, родившихся в июне 1916 г. вследствие технологического замысла «кавалерийского» танка, — опережала время и представляла собой 20-тонную амфибию, способную передвигаться со скоростью до 32 км/ч при радиусе действия более 300 км, надежную пружинной подвеской, 300-сильным двигателем и планетарной коробкой передач, сконструированной Уолтером Уилсоном. Технически достижимый, проект все же пришлось оставить в 1921 г. ввиду стоимости, сложности и так и не решенных механических проблем. Однако, используя в качестве некоего рода катализатора средний танк «D», вступление которого в строй ожидалось в 1919 г., Фулдер составил знаменитый «План 1919». Он представлял собой концепцию быстроходных танков, прорывающихся через вражеские рубежи при поддержке подвижной пехоты и артиллерии, а также военной авиации; проникающих далеко, действующих на широком пространстве глубоко во вражеских тылах все то время, пока тяжелые танки будут подкалывать обходные передовыми механизированными частями очаги упорной неприметной обороны. Война завершилась раньше, чем теория удалось попробовать на практике, используя новый средний танк «C».

Крест, поставленный на среднем танке «D», вкупе с прекращением существования Правительственного управления танковых разработок (выше автор называет его «Экспериментальным управлением». — *Прим. пер.*) в 1923 г. послужили стимулом для британского Военного министерства, которое вышло с предложением фирме «Виккерс» вступить в дело и разработать танк, который бы удовлетворял требованиям глубоких прорывов в неприятельские тылы, а также и не вполне внятно сформулированным потребностям индийской армии в танке, подходящем бы для применения в зоне ее ответственности. Еще в 1921 г. Военное министерство обращалось к Виккерсу с просьбой построить легкий танк, способный действовать почти повсюду в мире, который бы мог выполнять роль пехотной поддержки на малых радиусах, а также и применяться «самостоятельно», то есть во время дальних рейдов. Осознавая, что для начала не помешало бы приобрести опыт танкостроения, руководство фирмы «Виккерс» попыталось сделать это, попробовав модифицировать конструкцию среднего танка «В», который «Фостер-энд-Ко» сконструировала в 1918 г. Развиваемая им скорость в 14 км/ч при радиусе в 250 км явно не вписывалась в рамки оперативных требований. Инженеры «Виккерса» скоро обнаружили, что строительство танков, состоящих из малых по площади броневых листов, заметно отличается от кораблестроения, где применяются большие. Вдобавок ко всему рессорная подвеска никуда не годилась, но, кроме того, исправления ожидали и другие многочисленные дефекты. Внедрение вращающейся на 360 градусов башни с 47-мм пушкой, что обуславливало техническое задание

Танкового корпуса, обещало стать наиболее значительным отличительным признаком нового детища — легкого пехотного танка «Виккерс».

Как правило, в 20-е годы конструкторы разрабатывали танки под влиянием распространенной посылки доктрины, заключавшейся в том, что задачей этих машин станет подавление вражеских пулеметов за счет огня пулеметов же, при этом планка предела скорости на пересеченной местности могла составлять 15–20 км/ч или немногим больше, а толщина бронирования — около 14 мм, чтобы оно защищало экипаж и рабочие узлы машины от бронебойных пуль и снарядных осколков. В отсутствие опасности пожара новой большой войны армейские бюджеты сокращались, а выделяемые на разработки средства ограничивались политикой экономической умеренности. Несмотря на появление в 1918 г. нескольких противотанковых пушек с высокой начальной скоростью полета снаряда, концепция сверхтяжелого танка (как проект танка Стерна 1916 г. массой 100 тонн с двойной броней, окрещенного «Летучим Слоном»), способного выдержать прямое попадание из такого оружия, равно как и из полевых артиллерийских орудий, благополучно похоронили. Дешевые легкие танки массой 6 тонн и, может быть, если отпустить в свободный полет фантазию, средние весом от 20 до 30 тонн — вот что стояло на повестке дня. Когда легкий пехотный «Виккерс» со смешотворно тонкой 8-мм броневой защитой при массе 12 тонн появился на свет, его тут же переименовали в средний танк, который запустили в производство в 1923 г.

Средний танк «Виккерс», при всей неадекватности его бронирования, при максимальной скорости не более 24 км/ч и при радиусе действия 250 км, все равно представлял собой широкий шаг вперед в танкостроении. Что тоже очень важно, в конструкции машины нашли воплощение опыты, извлеченные британцами из уроков недавней истории, поскольку вооружение нового танка, в отличие от его французских собратьев, носило особую противотанковую направленность. Вместе с тем почти все вопросы при создании танка (способного выполнять именно ту роль, для которой он предназначался), касавшиеся размеров, массы и стоимости, служили предметом компромисса.

Артиллерийские проблемы

Конструкторы среднего танка, получившие указание разработать максимально удобную башню, которая позволяла бы командиру, находясь в ней, наилучшим образом контролировать боевую работу стрелка, что сделало бы возможным поддержание высокого темпа и точности огня, остановились на трехместном варианте. Впоследствии он стал стандартным для большинства танковых башен. Ограниченные рамки габаритов и массы, конструкторы вынужденно отказались от 57-мм пушки, повсеместно применяемой тогда на тяжелых танках, в пользу

меньшего и более легкого 47-мм орудия, ставшего главным вооружением новой машины. При начальной скорости полета снаряда в 533 м/сек она поражала бронирование почти так же хорошо, как и более крупная, используя при стрельбе сплошной выстрел или же бронебойно-фугасный снаряд. Вместе с тем бронебойно-фугасному снаряду не хватало разрушительной мощности при применении против полковых укреплений и противотанковых орудий (в последнем случае требовались осколочные боеприпасы. — *Прим. пер.*), что хорошо осознавали в Танковом корпусе, рассчитывая повысить степень убийственности огня машины против живой силы за счет пулеметов, которых в башне и корпусе, вместе взятых, устанавливалось не менее трех.

Хотя помещение в башню командира, стрелка и заряжающего (который в скором времени взял на себя и функции радиста) решило сложности, связанные с управлением огнем, служившие серьезным злом для танков фирмы «Фостер», такое распределение рабочих мест лишало командира возможности давать указания водителю. Применение ларингофона не дало особенно большого выигрыша, но оказалось все же куда более милосердным средством связи с безалагой на переднем сиденье вину вперед башни, сигналам которому в противном случае подавались лишь за счет беспощадных пинков. Вместе с тем даже такое распределение мест в башне нового типа не давало гарантии меткой стрельбы. Одна причина заключалась в том, что ручные и довольно коздово сработанные механизмы вертикальной и горизонтальной наводки часто оказывались почти или даже совершенно бесполезными, особенно когда машина вела огонь на ходу. Приходилось искать ответ. Вот так в 20-е годы меткая стрельба в движении по точечной мишени стала заявленной целью танковых войск. Именно такую технику эксперты-артиллеристы корпуса развили с использованием среднего танка, а также и уникального 31-тонного тяжелого танка, в единичном экземпляре построенного в экспериментальных целях Виккерсом в 1926 г. и охрещенного «Индапендент» («Независимый»).

Когда в 1923 г. из Королевской артиллерии в Королевский танковый корпус (КТК) перевели полковника Чарльза Брода, его почти тут же назначили командовать артиллерийской школой, поручив развить приемы и технику стрельбы и объединить их с новой тактикой. Началась разработка усовершенствованных правил боевой работы канониров, призванная поднять темп огня, были найдены методы быстрого и эффективного прицеливания с тем, чтобы помочь стрелку поразить объект с максимальной скоростью при минимальном расходе боеприпасов, хотя боеукладка на сто 47-мм выстрелов в среднем танке позволяла не экономить их.

Перед началом боевой работы заряжающему надлежало открыть затвор орудия, положить выстрел в казенник и закрыть затвор, то есть проде-

лать процедуру, необходимую при применении обычных 47-мм пушек и отпавшую за ненадобностью с представлением полуавтоматических орудий, затворы которых самостоятельно закрывались после вкладки снаряда и откидывались после производства выстрела, при этом гильза выбрасывалась автоматически. После завершения процедуры заряжающему предписывалось коснуться прицелья стрелка, что означало для последнего сигнал окончания заряжания. Обнаружение цели, в соответствии с правилами, выработанными в ходе наступательного процесса развития артиллерийского дела у танков в 20–30-е годы, начиналось с командира и зависело от того, насколько быстро тот успевал найти объект, оценить дистанцию до него и отдать приказ стрелку повернуть пушку в нужном направлении. Темп и быстрота поворота башни значительно увеличились после того, как ручную систему заменили электрическими или гидравлическими механизмами. Выстраивая визирь дальномера, командир кричал: «Беру на прицел!», когда завершал грубое прицеливание, и «Вал!» — когда окончательно «брал на мушку» объект. В тот момент, когда стрелок тоже идентифицировал цель, ему полагалось дать об этом знать, также прокричав «Вал!» Если у экипажа наличествовал запас времени, командир должен был объявить расстояние и характер объекта. Выработался специальный жаргон. Если целью оказывался танк, применялось слово «шер-

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ
ТАНКИ 20-х ГОДОВ**

меньше: если пулеметы — «Мити»; противотанковые пушки — «муравьи»; пехота — «люди», а «тонкокожая», или небронированная, моторная техника — «транспорт». Вобщем, последовательность получалась примерно следующей.

Командир: «Трехфунтовка! (т.е. 47-мм пушка. — *Прим. пер.*) Цель, справа, 8 сотен (ярдов). Шершень. Беру на прицел... Вала.

Стрелок: «Вала!» или же «Не наблюдаю!» (В этом случае последний ожидал со стороны командира дополнительных указаний, скажем, в виде положения объекта по отношению к одиноко стоящему дереву неподалеку от него.)

Командир: «Огонь!»

Стрелок, сделав необходимую поправку на дистанцию, устанавливал сетку прицела так, чтобы неподвижная цель оказалась в центре (или же чтобы в перекрестии попал передний край объекта, если тот был движущимся), и, приняв в расчет скорость движения собственной машины, если та находилась не в статическом положении, мог мягко надавить на гашетку. После выстрела казенник пушки отскакивал назад под действием отдачи, накатом возвращался в прежнее положение, позволял заряжающему открыть затвор, автоматический выбрасывающий снарядную гильзу. Теперь предстояло заново проделать всю процедуру заряжания. Тем временем командир и стрелок наблюдали за полетом трагически выстрела, чтобы установить место, в которое тот попадет, оправ-

данно ожидая, что он — если не случится «бда» или если огонь не ведется с малой дистанции — не разит цель.

Имелось несколько моментов, которые делали удачное попадание с первой попытки маловероятным. Неравенство спецификации боеприпасов, несовершенство механизмов управления пушкой, некачественная оптика и слишком грубая притирка дула пушки по отношению к сетке прицела — вот только некоторые необычные технические факторы, не говоря уже о чисто человеческом факторе — свойственной человеку склонности ошибаться — и перенапряжении, а также накопившейся в ходе боя у солдата усталости. Все это неизбежно сказывалось на точности стрельбы из неподвижного танка, не говоря уже о танке движущемся, уменьшая шансы на попадание. Промех даже по очень удобной мишени можно славным образом отнести на счет неумеренной оценки дистанции в условиях изменчивого освещения, плюс разный уровень подготовленности и сложности экипажа. Еще один чисто технический момент. Уже на довольно небольшом расстоянии после попадания орудийного ствола снаряд начинает заваливаться кверху от линии прицела. В случае с 47-мм пушкой это означало, что на расстоянии свыше 200 или 300 метров требовалось поступательно увеличивать угол возвышения, чтобы компенсировать воздействие силы тяжести на летящий выстрел. Упрямления на точность обнаруже-

Справа: Легкий пехотный танк «Виккерс» на базе среднего танка «С» отличался рессорной подвеской и представлял собой результат попытки военных заинтересовать частных производителей танкостроительной идеей.

Вес: 13 тонн

Скорость: 25 км/ч

Лобовое бронирование: 12 мм

Вооружение: 4 пулемета

Слева внизу: Средний танк «С», оснащенный сетью антенн экспериментальной радиации. Было построено лишь небольшое количество средних танков «С», которым, если бы Первая мировая продолжалась, предстояло сыграть ведущую роль в разработанном Фуллером «Плане 1919».

Вес: 20 тонн

Скорость: 13 км/ч

Лобовое бронирование: 12 мм

Вооружение: 1 пушка 47-мм, 1 пулемет

Слева: Танк «Индепендент» фирмы «Виккерс». Всего одну машину построили в рамках проекта создания тяжелого танка, который оказался слишком дорогостоящим. В качестве опытного стенда танк стал неоценимым в плане внедрения новых систем трансмиссии и подвески, а также гусениц, но, кроме того, помог продвинуться в поисках наиболее удачного интерьера боевого отделения и компоновки вооружения, которое позволяло бы танку действовать наиболее эффективно.

Вес: 31,5 тонны

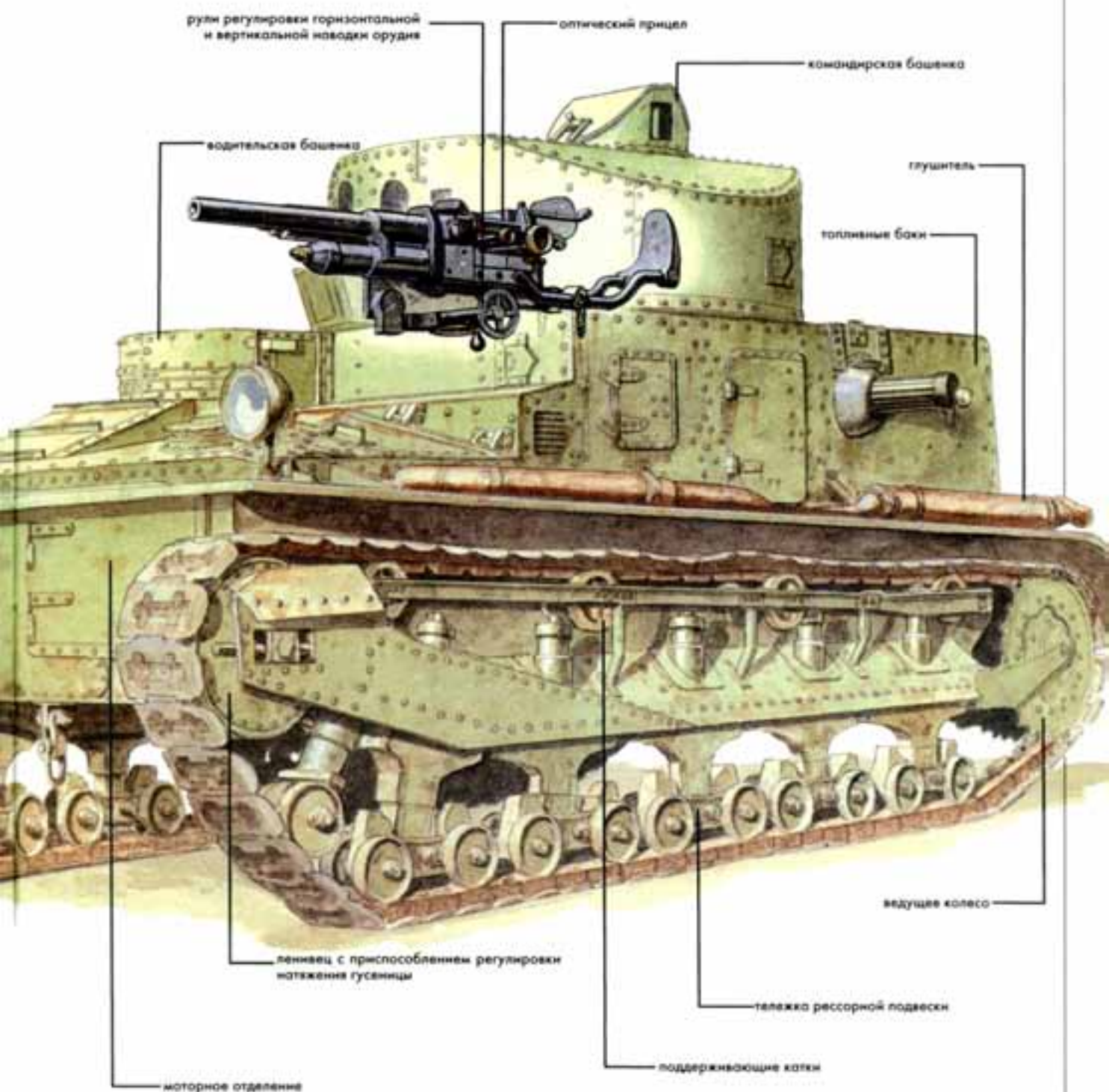
Скорость: 40 км/ч

Лобовое бронирование: 29 мм

Вооружение: 1 пушка 47-мм, 4 пулемета, включая один зенитный

На фотографии можно наблюдать три образца легких двухтонных машин с экипажем из одного или двух человек. Эта техника служила в качестве прототипов более крупных, снабженных башней легких танков, а также пехотных бронетранспортеров с открытым верхом. С края слева и справа видны танкетки фирмы «Корден-Плойд», а вдалеке — машина Мортена.

Сконструированный на базе среднего танка специализированный командирский танк для нужд британской армии в экспериментах с голосовой связью в 1931 г. Координаторы генераторы, которые применялись на довольно надежных радиостанциях, позволили легко настроить их одна на другую; нововведение это трудно переоценить, поскольку оно позволяло командирам быстро обмениваться информацией, не тратя драгоценное время на телеграфные послания с помощью азбуки Морзе. Однако натуральные детекторные кристаллы принадлежали к числу дефицитных материалов (поставки их скоро монополизировали Соединенные Штаты), а потому пришлось изобрести менее точный гетеродинамический метод связи.

Рядом с командирской машинкой лежали танки «Викерс» Mk II. Их часто применяли для разведки, но в данном случае они транспортируют офицеров связи, задача которых доставить подробные приказы командира бригады командирам батальонов и рот или же сопровождать части других родов войск.

Вес: 4,5 тонны

Скорость: 48 км/ч

Лобовое бронирование: 10 мм

Вооружение: 1 пулемет

которое получило название «башня укрыта». Затем он мог приказать стрельку повернуть ствол орудия в направлении цели перед тем, как продвинуться на несколько метров вперед, чтобы навести на объект пушку перед производством выстрела, то есть занять позицию «корпус укрыт».

ПЕРВОЕ МЕХАНИЗИРОВАННОЕ СОЕДИНЕНИЕ

Еще большее значение имели тактические испытания в Великобритании, которые проводились в 20-е годы, чтобы опробовать все виды бронетехники в механизированных боевых действиях. Начало все откладывалось, не в последнюю очередь по причине отсутствия подходящей техники и денежных средств, но также и из-за инерции ответственных лиц из Военного министерства. Только в 1927 г. оказалось возможным сколотить «сборную солянку» из современной техники повышенной проходимости, чтобы составить то, что впоследствии получило определение подвижной боевой группы — общевойсковой экспериментальной механизированной соединения, которому пришлось противостоять на учениях более крупному формированию традиционной организации, то есть включившему в себя кавалерийские и пехотные части. Результат столкновения вызвал шокирующий эффект и возбудил воображение не только участников, но и военных во всем мире. Батальон численностью немногим более 50 танков (при этом лишь четыре были оснащены радиостанциями), разведывательный батальон из бронемашин и танкеток, пулеметный батальон на полугусеничных автомобилях и трехосных грузовиках, пять механизированных артиллерийских батарей, моторизованная полевая рота Королевского инженерно-саперного корпуса и около двух эскадрилий самолетов сумели, свободно действуя на маневре, парализовать пехотную дивизию и кавалерийскую бригаду «противника». Не располагавший танками старомодный «противник» оказался вынужден прятаться от бронетехники в селениях и рощах, предоставляя возможность имев не утесненному оппоненту делать все, что тот пожелает. В условиях нехватки адекватных средств радиосвязи механизированное соединение не обладало способностью легко обмениваться информацией и передавать приказы. Это, однако, не мешало основному

ядру его искусно перемещаться в безопасности от обороняющихся, которые на начальном этапе были обескуражены и сбиты с толку, а затем систематически шаг за шагом уверенно обезврежены.

Поскольку условный противник не располагал танками на главных учениях, противостояния танк против танка просто не могли иметь место, хотя ни у кого не вызывало сомнения, что если бы бронетехникой владели обе стороны, подобные столкновения стали бы неизбежными. В комментариях по поводу учений Брод (который давал отчет генералу сэру Джорджу Милну, начальнику Имперского генерального штаба, приложившему немало усилий для проведения эксперимента) отмечал, что пушки на танках были особенно важными, поскольку они представляли собой

«ВЫВЕДЕННОЕ НА ПЕРЕДНИЙ КРАЙ ОРУДИЕ ПОДДЕРЖКИ пехоты, которое к тому же необходимо для противодействия неприкрытым бронемашинам, уничтожения зданий и опорных пунктов, не говоря уже и о моральном воздействии».

Он также делал замечание в отношении бронирования, говоря, что им

«НЕ НАДО жертвовать ради скорости и уверенности движения. Если только мы не хотим, чтобы боевой дух КТК не пережил первое же сражение».

ВНЕДРЕНИЕ РАЦИЙ — РЕВОЛЮЦИЯ В ТАНКОВОМ ДЕЛЕ

Брод служил чем-то вроде шпор для боксов Милна, поскольку являлся идем Фуллера и собственные в сознание начальника Генштаба, подталкивая его на всевозможные эксперименты в области новых приемов и машин, а также поступательно продвигая политику модернизации и механизации армии. Экспансивность этой политики ограничивали нехватка средств и отсутствие в тот период публичного энтузиазма к каким-либо шагам военных, поскольку все надеялись, а некоторые даже пребывали в уверенности, что сражения «большой войны» отшумели окончательно. Брод написал очень ценные наставления по боевой подготовке, основанные на уроках, извлеченных из экспериментов, запланированных на 1919 г., но начавшихся в 1927 г. и продолжавшихся в 1931 г. Ближе всего к сердцу его лежала идея осуществления целого войскового со-

единения современными рациями, позволившими бы перетовариваться напрямую, а не общаться за счет азбуки Морзе. Как и все, что касается области технических новинок, рации претерпевали процесс стремительной эволюции. Промоздкие и тяжелые установки Первой мировой заменялись маленякими, надежными и работавшими на высоких частотах. Ручную настройку постепенно вытеснили кварцы. Лидировали на этом поле немцы, за которыми шли американцы и британцы. Последние экспериментировали в 1928 г. с новейшими детекторными рациями (радиотелефонами) и к 1930 г. располагали уже достаточным их количеством, чтобы оснастить ими заметное число танков. К 1931 г. запасы имевшихся в наличии изделий позволили Броду, командовавшему импровизированной танковой бригадой из трех батальонов средних и легких машин, управлять передвижениями всего соединения посредством радиотелефона из командирского танка.

Блистательные свершения 1931 г., справедливо считающиеся наиважнейшими для дела пропаганды развития бронетанковых войск, летом 1930 г. предваряла куда более значительная, но получившая меньшее освещение акция — управляемые по рации тактические учения трех танковых батальонов, о которых здесь и пойдет речь. Те маневры на Солсбери-Плейн представляли собой как бы в миниатюре будущие столкновения бронетанковых войск, включая и сражения между общевойсковыми частями и соединениями, в которых танкам обеих противодействующих сторон придется не раз схлестнуться в поединках. Поддерживающие рода войск, которым определили вспомогательную задачу при танках, делали все от них зависящее, однако достигнуть победы позволяли прежде всего сами бронированные чудини. В целях тренировки, танковая бригада бригадир Кеннета Лэйберда, состоявшая из 2-го, 3-го и 5-го батальонов КТК, каждый из которых комплектовался и средними и легкими танками, нередко дробилась, чтобы обеспечить противостоявшим друг другу кавалерии и пехоте танковое прикрытие по обеим сторонам «фронта». В ходе учений, в процессе которых танковая бригада получила приказ выступить в 35-км марш из Перем-Дауна для помощи «своей» пехоте в создании береговых плацдармов к востоку от реки Эйвон, в составе бригады оставались только 2-й и 5-й батальоны, тогда как 3-й действовал на стороне «противника».

ТАНКИ НА ПРОВЕРКЕ

Возглавляемый легкими танками, усиленными несколькими средними, 5-й батальон КТК выдвинулся из Перем-Дауна в 08:00, за ним с интервалами последовали штаб бригады и 2-й батальон. Три часа спустя, покрыв чуть более 30 км, дозоры легких танков образовали линию наблюдения на широком фронте в непосредственной близости от Имбера. Как правило, если танковая колонна не встречала противодействия, она шла со скоро-

стью около 13 км/ч в дневное время или 8–10 км/ч без света в безлунные ночи. Несмотря на субтильность гусениц средних танков и немалую надежность прочих их механических узлов и компонентов, поломки удавалось сводить до минимума за счет частых технических остановок. Бригада уже совершала 240-км переход за трое суток, при этом вела за этот период один крупный бой, случалось ей преодолевать 100 км за сутки и в тот же день вступать в сражение.

В описываемом случае легкие танки своевременно успели засечь «врага», продвигавшегося тремя колоннами по широкой и немногочисленной местности Солсбери-Плейн этакими лягушачьими прыжками от села к селу и от рощицы к рощице. Тут же по рации от легких танков стали поступать соответствующие сообщения в штаб 5-го батальона КТК, который пересылал их дальше в штаб бригады, вследствие чего последний постоянно располагал свежей информацией в отношении положения дел у «неприятеля». Устроив успешную засаду на головные силы условного противника на равнине у Солсбери, бригадир Лэйберд принялся развивать крупномасштабную атаку на войска «неприятеля», обходившие его с фланга через Эрфонт. Отозвав средние танки 5-го батальона КТК, он бросил их в северном направлении для овладения господствующими возвышенностями по откосу холма Риджуэй, на который условному противнику, по всей вероятности, пришлось бы изобрести для выполнения поставленной задачи. Ввиду отсутствия достаточного для профилактических остановок запаса времени, марш привел к поломкам, вместе с тем необходимое для блокирования пути «вражеским» колоннам сосредоточение бронетехники создать удалось, хотя и напрасно, поскольку «неприятель» не имел намерений посылать танки по столь отвесному склону.

Когда дело наконец дошло до танкового боя, протекал он на благоприятной для обеих сторон территории; в каждой группе имелись части пехоты и артиллерии, тогда как легкие танки (или танкетки) занимались прощупыванием состояния боеспособности «вражеского» контингента по фронту и на флангах. Все действия неизбежно приводили к тому, что условный противник открывал огонь по легким танкам. Поступавшие по рации донесения с передовой позволяли составить довольно яркое представление о складывавшейся там обстановке, хотя порой сообщения эти сбивали с толку как командиров батальонов, так и бригады. Что особенно примечательно, средние танки посылались в динамично развивавшееся боевое соприкосновение в лоб, меняя наблюдательное положение «башня укрыта» и выходя на огневую позицию, где невидимым неприятелю оставался только корпус машины. Весьма прискорбен тот факт, что ни одна сторона не предприняла серьезных усилий обойти другую с фланга, несмотря на то, что чего-то подобного от них как раз и ожидали.

СОЛСБЕРИ-ПЛЕЙН, АНГЛИЯ, ЛЕТО 1930 г.

РАДИОТЕЛЕФОН ПРИНОСИТ РАДИКАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЫ НА ПОЛЯ СРАЖЕНИЙ

Революционные изменения в танковом деле произошли с внедрением радиотелефонов, за счет которых упрощалось и улучшалось управление боем, что ярчайшим образом продемонстрировали учения, проведенные британцами в 1930 г. Хотя устроители маневров, организаторы их, тяготели к нереалистичным схемам, не говоря уже о необъективности выводов наблюдателей и предвзятости посредников, далеко не всегда способных правильно понять и осознать истинную природу танкового боя, а зачастую относившихся к танкам настороженно, все равно факт того, сколь существенно убыстряются перестроения частей на поле боя и передвижения

на марше, сделался очевидным для всех. С того момента война не могла уже вестись по привычным правилам.

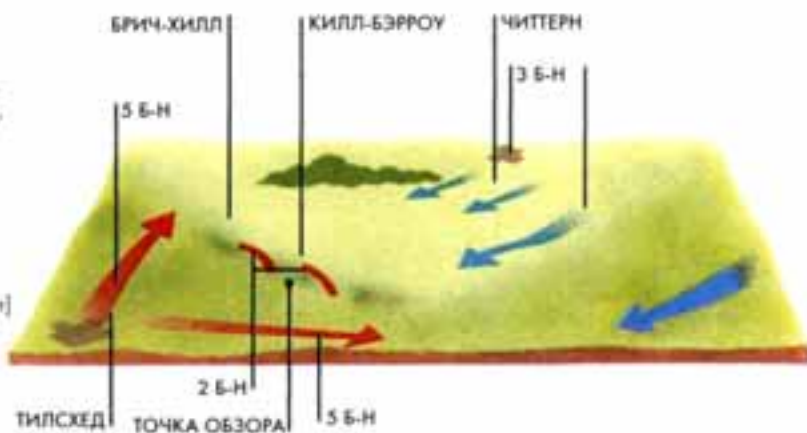
На панораме мы видим средние танки 2-го батальона КТК в положении «корпус укрыт» среди ведущих разведку боем военнослужащих на транспортерах, или танкетках Ллойда. Батальон вступает в боевой контакт с «вражеской» кавалерией и пехотой, появляющейся из зарослей деревьев. Можно наблюдать также танки 3-го батальона, которые заняты попыткой связать боем 2-й батальон с одновременным фланговым броском через «мертвую зону» на правой стороне панорамы. 2-й батальон уже занят тем, что перекрывает «неприятеля»

лю» направление наступления, и обе стороны оказываются втянутыми в невыгодное ни для кого лобовое противостояние.

«Сражение у Тилсхеда» разыгралось вследствие того, что «вражеские» колонны, состоявшие из традиционной кавалерии, моторизованной и обычной пехоты, поддерживаемые артиллерией и 3-м батальоном КТК, стали выдвигаться в восточном направлении с целью обеспечения себе переправы через р. Эйвон. Однако бригада средних танков (состоявшая из 2-го и 5-го батальонов КТК) прошла маршем

[продолжение следует]

РАДИОТЕЛЕФОН ПРИНОСИТ РАДИКАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ НА ПОЛЯ СРАЖЕНИЙ

[продолжение]

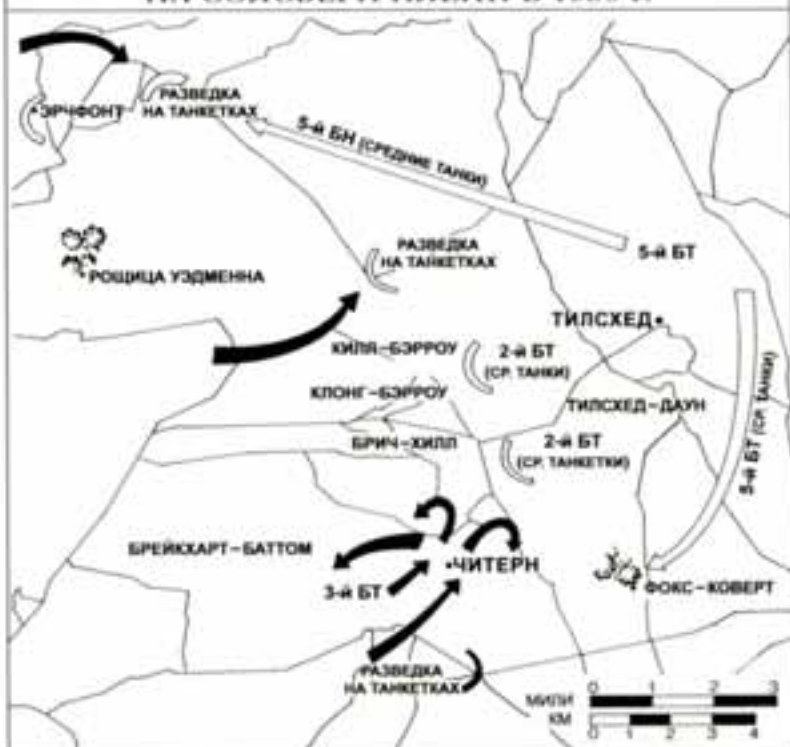
32 км из Персе-Дауна в восточном направлении и в 11:00 отправил дозоры на транспортных Ллойда с целью выявить основную ось «неприятельского» продвижения. Тем временем 2-й и 5-й батальоны сосредоточили силы поблизости от Тилсхеда, чтобы оказать противодействие «вражескому» прорыву, где бы тот ни намечался.

В 11:22 дозор в районе Имбера доложил по радиотелефону: «Один эскадрон кавалерии выдвигается из Имбера», что стало первым из цепи донесений, в которых в течение примерно целого следующего часа давалось описание процесса сосредоточения сил «неприятелем» и действий против этой колонны и той, что появилась возле Чиггери. Вынужденные считаться с реальностью, посредники высказались в пользу бронетанковых дозоров, которые с их пулеметами и при их подвижности значительно превосходили всадников и коней на открытых участках. Затем в 12:30 дозор в районе Эрчфонта возвестил о крупном соединении мотопехоты, следовавшем на восток и стремившемся юго-восток на склон оврага с намерением выйти во фланг обороняющимся. Донесения воздушной разведки также позволяли высказаться в пользу того, что вышеупомянутое направление «противник» избрал как главное для попытки прорыва. И снова посредники сочли, что огневая мощь обороняющихся позволяла им сорвать намерения пехоты на колесной и полугусеничной технике, медленно поднимавшейся по крутому склону. Тут бригадир Лайберд, приказавший большинству средних танков 5-го батальона КТК преследовать путь наступающим на север, поступил с осторожностью, ослабившей резервы бригады на центральном участке. Основные силы предполагаемого «неприятельского» прорыва — танковый кулак 3-го батальона вот-вот готовился рвануться вперед из скрытого района сосредоточения под Чиггерином и попытаться осуществить быстрый прорыв к Тилсхеду через переправу на Эйвоне и выйти в тыл бригаде средних танков.

Когда воздушная и сухопутная разведка сообщили о возникновении новой и очень серьезной угрозы, Лайберд действовал быстро. Отдав короткие указания по радиотелефону (если бы не последний, пришлось бы потратить куда больше времени на передачу информации либо с помощью сигналов, либо азбукой Морзе), комбриг бросил 2-й батальон, чтобы тот в течение минут овладел Брич-Хилл и Килл-Бэрроу, поставив блок на направлении удара 3-го батальона. Вследствие этого и разыгралось сражение, изображенное на панораме:

Лайберд находился в курсе обстановки благодаря стекавшим к нему донесениям, и все же задержался с отрывкой в бой оставшихся час-

СРАЖЕНИЕ У ТИЛСХЕДА НА СОЛСБЕРИ-ПЛЕЙН В 1930 Г.

тей 5-го батальона. Соответственно его западавшая попытка обойти 3-й батальон с фланга через Фокс-Коверт и Чиггери-Барн провалилась, отраженная действиями осмотрового оппозитиста, также располагавшего широкой информацией относительно новой угрозы, о которой своевременно предупредили командование экипажи транспортных Ллойда из состава 3-го батальона, прикрывавшего левый фланг наступления.

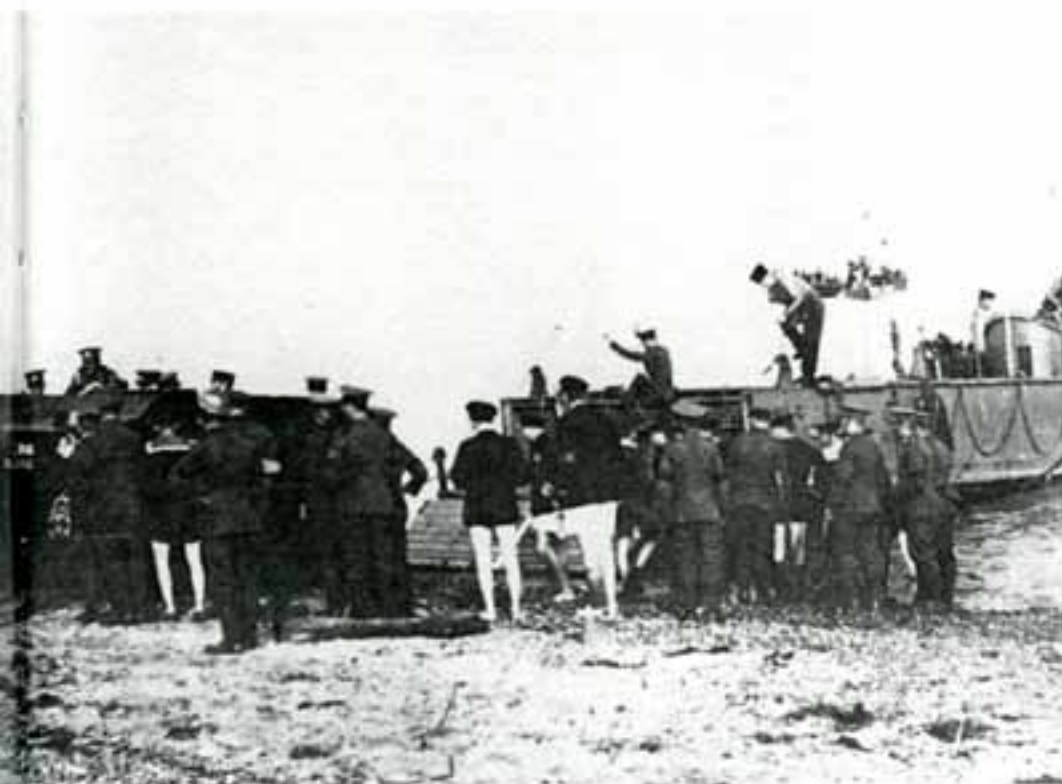
Всю полноту динамики действий, которым одарили военных возможности радиокоммуникационных средств, открывают нам и другие донесения, сделанные в ходе еще одного учения, где 5-й батальон столкнулся на открытом пространстве со 2-м батальоном. Прежде чем началось сражение, направление атаки 2-го батальона было обнаружено, о чем и было сообщено в штаб соединения с помощью радиации. Тем же средствами штаб соединения отскакивал приказы командира 5-го батальона об атаке на 2-й — бросок, который последовал незамедлительно как раз в тот момент, когда командир соединения, занимавший позиции вблизи от переднего края, проинструктивно передислоцировал 3-й батальон из резерва для оказания своевременной поддержки 5-му. О том, насколько блестяще показали себя средства связи, можно судить по тому обстоятельству, что посредники дали по радиации оценки итогов боя в течение не более чем пяти минут.

Вверху: Средний танк «Виккерс», командир которого передает приказы посредством флажков. Транспортеры «Карден-Ллойд» видны впереди среднего танка и служат чем-то вроде тактического заслона.

Слева: Довольно редкая для 30-х годов фотография, на которой запечатлен фрагмент испытаний амфибийной техники. Гусеничная бронемашина сходит на берег с экспериментального материкового десантного судна, предтечи будущих флотов подобных технических средств, которые станут привычным явлением в 40-е годы. Изображенная на снимке машина «Дракон», сконструированная на базе шасси среднего танка «Виккерс» и обычно применявшаяся для буксировки колесных артиллерийских орудий, поскольку британские канониры, подобно коллегам из других стран, не осознавали еще всех выгод, несомых им самоходными орудиями. Как и десантное судно, машина имела много недостатков, однако давала людям ценный опыт в преддверии грозившей уже скоро развернуться механизированной войны.

ТЕНДЕНЦИИ ПЕРЕВООРУЖЕНИЯ

Британские эксперименты в области механизации проходили на фоне подготовки к международным переговорам о разоружении, в обстановке, когда все более грозно звучали тучи большой финансовой выгоды 30-х годов. Однако пробы и опыты военных перекликались с процессами политической поляризации, протекавшими в условиях ухудшения международных отношений, которые подталкивали страны к еще более масштабным программам перевооружения. Программы эти, по убеждению правящих политиков и ведущих экономистов, могли бы способствовать оздоровлению хромающих национальных экономик. Несмотря на сильные тенденции многих считать сухопутную армию чем-то второстепенным в грядущих войнах, где основная роль будет принадлежать авиации, от внимания руководства наиболее крупных стран мира не ускользнули прорывы в области бронетанковой тактики, продемонстрированные на Солсбери-Плейн. Многие военные из разных государств заинтересовались маневрами, что нашло отклик и у промышленников, способствовав развитию технологических процессов.

Ни одна страна не занималась точным контролем другой, хотя Британия и Франция считались в некотором роде зачинателями направлений развития организации, приемов и технологий. Эти лидеры процесса экспортировали не только технические идеи, но также сами машины и технологии в заинтересованные страны, которые использовали полученное при разработке собственной боевой техники и создании у себя промышленных мощностей для ее производства. Оживление интереса к бронетехнике совпало с фундаментальным изменением танковой философии. Появление очень точных противотанковых пушек калибра от 20 до 47 мм с начальной скоростью в пределах 700 м/сек положило конец заблуждениям в отношении адекватности 14-мм бронирования и верованиям в то, что де сама по себе скорость и подвижность обеспечат танку необходимую степень защиты. К 1930 г. 25-мм броня считалась уже минимально допустимой, а всего тремя годами позднее уже фигурировала даже цифра 70 мм, правда для более тихоходных машин, которые французы и британцы предназначили для оказания непосредственной поддержки в бою пехоте. Совершенно логично, что очень узким танкеткам, выживание которых целиком и полностью зависело от их способности оставаться незамеченными и которые никогда не несли противотанкового вооружения, все увереннее порекомендовали роль снабженных пулеметами бронетранспортеров для пехоты. Легкие танки, предназначенные для ведения разведывательных действий, отныне предполагалось вооружать как минимум 20-мм пушками, при толщине брони от 14 до 30 мм и массе 10 тонн. Средние танки, рассматривавшиеся как основные боевые танки в частях, предназначенных для глубоких стреми-

тельных прорывов высокой подвижности, обычно защищались 30-мм бронированием и несли в качестве главного вооружения 37-, 40- или 47-мм пушки. Такие машины достигали массы 16–20 тонн и развивали скорость до 40 км/ч. Но военные и конструкторы начинали уже осмысливать необходимость более мощного вооружения, чем даже 47-мм орудие, способного вести эффективный огонь фугасными и дымовыми снарядами, что выработало потребность в так называемых танках непосредственной поддержки, в которых пушки с низкой начальной скоростью полета снаряда калибра около 75 мм заменили бы высокоскоростные орудия.

ДЖ. УОЛТЕР КРИСТИ

КРИСТИ РОДИЛСЯ В 1885 г. Инженерное дело освоил, что называется, в чужую — скорее на практике, чем в теории, — но позднее стал весьма выдающимся и оригинальным конструктором боевых бронированных машин. Так, в 1915 г. он задумал самоходную гаубицу с подвеской, отличавшейся большими колесами. Как изобретателя, который сначала строит модели, а потом уже, разобрав на узлы, переносит их на чертеж, Кристи более увлекли идеи, чем технологии настоящего производства. Провал его компании в осуществлении проекта танковой машины с передвижной ведущим мостом не сломили Кристи, а в 1912 г. он завершил один круп-

Вверху: Дж. Уолтер Кристи с одним из последних уникальных изобретений, созданных для привлечения внимания зарождавшихся в то время непреодолимым скептицизмом потенциальных покупателей — американских военных.

ный для себя заказ на строительство 186 единиц пожарных машин на базе разработанного им трактора. Но лишь вступление Соединенных Штатов в Первую мировую войну в 1917 г. побудило его сконструировать легкий танк M1919. Он отличался наклонным бронированием и подвеской, которая позволяла машине передвигаться как на колесах, так и на гусеницах — изобретение, дошедшее до наших дней в виде многих новых проектов.

Подобное новаторство требовало жертв. Увеличение размеров вооружения вынуждало конструировать более просторные башни и более широкие корпуса для них. Укрупнение корпусов выявило проблемы транспортировки, что заставляло напрягать силы железнодорожников. Конечно же, рост размеров предусматривал применение более мощных двигателей и более совершенной подвески с более широкими гусеницами, чтобы улучшить характеристики проходимости на пересеченной местности. Влияние всех этих факторов выражалось в повышении стоимости изделий, особенно в том, что касалось наращивания толщины бронирования до таких

пределов, когда бы оно могло выдерживать огневые грозные противотанковых пушек.

Каждое государство действовало в соответствии с собственными целями и складывавшимися обстоятельствами. Японцы, агрессивные намерения которых в отношении Китая и стран Азиатско-Тихоокеанского региона становились все очевиднее, не видели необходимости в обеспечении бронетехники способности совершать глубокие прорывы. А потому Япония остановилась на легких и средних машинах, базировавшихся в основном на моделях Виккерса и предназначавшихся для поддержки пехоты в ходе амфибийных операций. В свою очередь францу-

После Первой мировой войны Кристи рассматривал танк как машину, которой нужна большая скорость на шоссе и традиционной высокой проходимости в условиях пересеченной местности требовались и более широкие возможности: способность самостоятельно преодолевать водные преграды и воздушность. В 1921 г. он заявил о себе представлением модернизированной версии M1919, снабженной упругой подвеской, а в 1922 г. — одним из четырех амфибийных транспортных средств, которые другим инженерам предстояло позднее переработать в гусеничные машины десанта, чтобы та начиная с 1942 г. неизменно занимала место в авангарде союзных армий вторжения. Однако именно быстроходному танку образца 1928 г., развивавшему скорость в 110 км/ч на колесах и 67 км/ч на гусеницах, предстояло стать зачинателем великих трендов в танкостроении. Интерес, вызванный у военных моделью Кристи, породил требование армии США по разработке среднего танка не с такими высокими скоростными характеристиками, но с наклонным бронированием (значение которого первым осознал Кристи) и вращающейся башней — Т3, оснащенный авиационным двигателем «Либерти» эффектив-

ной мощностью в 338 л.с. Однако Кристи, как обычно, начал раздражать соперников предприятия затянутами и проволочками с разработками и новыми предложениями, в частности проектом автомобильных танков. Американская армия отказалась от использования Кристи, но тут появились русские (позднее к ним добавились и британцы), которые заинтересовались идеями и даже выразили готовность попробовать запустить нечто подобное в производство.

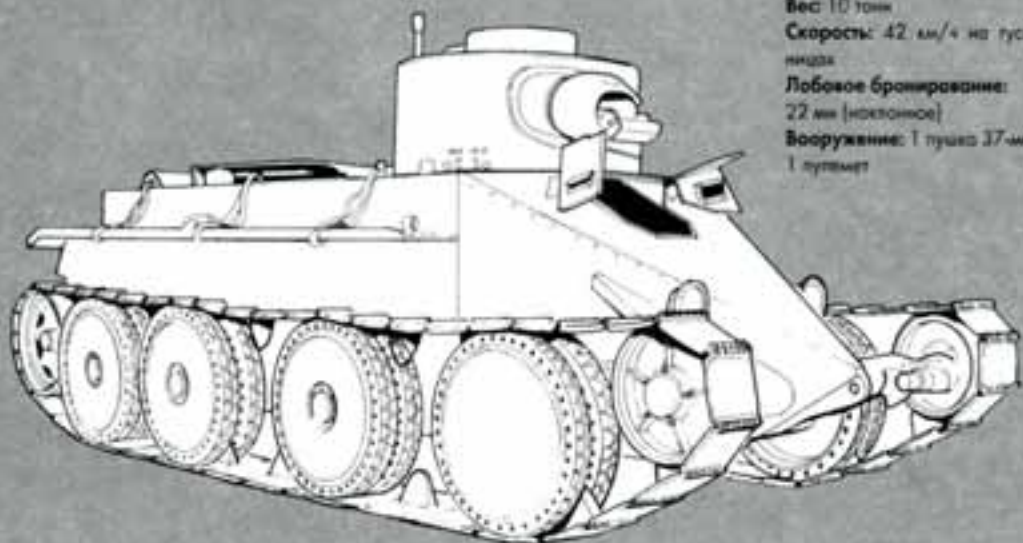
И вновь организаторы предприятия нашли в Кристи человека, с которым трудно работать. Однако замыслы Кристи бесспорно стояли того, чтобы развить

их при создании боевых бронированных машин. Хотя русский БТ-2 очень походил на Т3, он был полностью перепроектирован русскими и американскими инженерами. То же и британская фирма Наффилда после проб и проверок пришла к выводу, что лишь подвеска с большими опорными катками действительно имеет ценность. Однако идея, лежащая в основе создания русских танков серии БТ и позднее Т-34, Т-54, Т-55 и Т-62, а также британских крейсерских танков от Mk II до Mk VII, многие из которых принимали участие в боевых действиях вплоть до 80-х годов, принадлежала все-таки Кристи.

Т3, ТАНК КРИСТИ ОБРАЗЦА 1931 г.

Удалось построить лишь незначительное количество таких машин, однако сочетание наклонной брони, крутой башни и больших опорных катков подвески произвело незабываемое впечатление на русских и — хотя и в несколько меньшей степени — на британских конструкторов. Силовой установкой служил 338-сильный авиационный двигатель «Либерти». Т3 обслуживался экипажем из трех человек, однако Кристи, которого интересовали все больше ходовые качества машины, не слишком много внимания уделял таким важным аспектам, как боевое обслуживание танка.

Вес: 10 тонн
Скорость: 42 км/ч на гусеницах
Лобовое бронирование: 22 мм (наклонное)
Вооружение: 1 пушка 37-мм, 1 пулемет

Легкий американский танк M2A3 представлял собой одну из немногих машин, которые в более или менее заметных количествах производили США в 30-е годы, и предназначался практически только для разведки, поддержки пехоты и экспериментов. Между тем он стал испытательным стендом для очень удачной подвески и первых образцовых гусениц.

Вес: 13 тонн

Скорость: 65 км/ч

Лобовое бронирование:

17,5 мм

Вооружение: 1 пулемет

12,7-мм, 3 пулемета

7,62-мм

ны, для которых роль поддержки пехоты силами хорошо бронированных машин отечественной постройки оставалась наиважнейшей, все же уделяли внимание разработке добротного среднего танка (20-тонного «Сомы»). Они включили «Сому» (SOMUA – аббревиатура, скрывающая под собой длинное название *Société d'Outillage Mécanique et d'Usage d'Artillerie*, что означает нечто вроде Объединения по производству механического и артиллерийского оборудования. – Прим. пер.) и общевойсковое соединение под названием легкой механизированной дивизии (*Division Légère Mécanique*), задача которой мало чем отличалась от задач обычных старомодных кавалерийских дивизий, но которое напоминало по организации части, которые британцы и немцы называли бронетанковыми или танковыми дивизиями. Британский Генеральный штаб также демонстрировал куда большую тенденцию к овладению хорошо бронированными танками поддержки пехоты, чем скоростными, способными к осуществлению глубоких прорывов машинами, за которые с такой страстью ратовали Фуллер и Брод. Однако когда вопрос коснулся кармана, военные потратили львиную долю средств на легкие 6-тонные машины, которые имели значение для проведения имперской политики в Азии и других уголках мира, а не на мощные основные боевые танки для применения в Европе, будь те последними 16-тонными средними танками или тяжелыми немцами.

Положение военных США в условиях, когда страна переживала низкую экономическую депрессию, что вело к укреплению позиции сторонников изоляционизма, не способствовало возникновению у армии стремления тратить средства на новые технологии. Свообразным лучиком света в темном царстве стали последние разработки Кристи. В 1928 г. он продемонстрировал армии легкую и очень быстроходную 8-тонную машину, способную передвигаться либо на гусеницах, либо на больших опорных катках, служивших в этом случае колесами. На колесах танк развивал скорость до 110 км/ч. К 1931 г. Кристи, используя в качестве основы для дальнейших экспериментов вышеописанное изделие, представил 10-тонный танк с 37-мм пушкой и наклонной

лобовой броней. Можно спорить в отношении конструктивных недостатков машины, которые, конечно, имели место, однако несомненными остаются ее боевые качества, выразившиеся в удачно сбалансированных характеристиках: в подвижности, скорости, вооружении и защите, которые закладывали своего рода стандарт на будущее. Американцы, чрезвычайно стесненные в средствах армии которых не могла позволить себе ничего иного, кроме очень легкого танка с пулеметами, отвергли предложение Кристи, однако основополагающую идею конструктора усвоили британцы и русские, которые сделали его конструкцию базой при разработке своих будущих танков, предназначенных для действий в составе самостоятельных соединений.

Что же до русских, то они приступали к программе перевооружения, бюджетные ассигнования на которую выделялись с куда большим размахом, чем в каких-то иных странах. При таком щедром финансировании военные имели возможность попробовать внедрить у себя любые зарубежные новинки в качестве основы для будущих отечественных разработок. Отвергнув танки французских конструкторов, русские не только скопировали разнообразие британские модели легких и средних танков фирмы «Виккерс» и приобрели машину Кристи образца 1931 г., но поручили собственным конструкторам построить куда более сложную и многоцелевую машину. Выбрав в качестве главного вооружения высокоскоростную пушку калибра 76 мм и остановившись на 75-мм бронировании, они к исходу 30-х годов начали обгонять соперников в деле создания средних и тяжелых танков, масса последних из которых превышала 40 тонн. Кроме того, советское военное руководство приступило к формированию крупных бронетанковых соединений из самых разнообразных машин, пробуя применить их так, как делали это британцы, французы и совсем с недавнего времени немцы.

Немцы же, вдохновляемые полковником Гейнцем Гудерианом, поначалу подражали британцам, используя в качестве образца тактические наработки и опыт, почерпнутый у Фуллера и Брода. Хотя немцы тайно сотрудничали со шведами и русскими в технических изысканиях и экспериментах, все же первым немецким танком стал построенный в режиме чрезвычайной секретности на заре 30-х годов образец «Виккерса», однако на вооружение армии в итоге поступили машины собственноручно немецких моделей. Будучи сильно стесненными экономическими и производственными рамками, немцы сосредоточились только на двух типах танков, которые наислабей Гудериану доминировавшим оружием, при том условии, конечно, если оно будет применяться в тесном взаимодействии с другими родами войск (за исключением традиционной кавалерии). Для поддержки пехоты он бы предпочел тяжелые танки, но Германия не могла позволить себе этого из-за дороговизны подобных изделий. Потому пришлось остановиться

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО СОЗДАНИЮ ГЕРМАНСКИХ ТАНКОВЫХ ВОЙСК

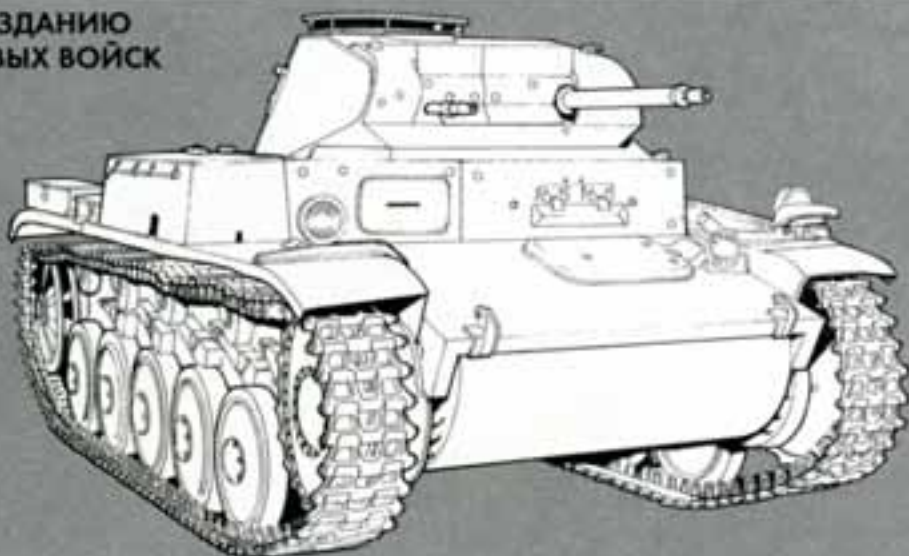
PzKpfw 1D являлся типовой немецким легким разведывательным танком, вооруженным пушкой, способной поразить только такие легкие бронемашинны. Тем не менее машина отличалась прекрасной надежностью и широко применялась в крупномасштабных боевых действиях в 1939–1940 гг.

Вес: 10 тонн

Скорость: 56 км/ч

Лобовое бронирование: 30 мм

Вооружение: 1 пушка 20-мм,
1 пулемет

PzKpfw IV представлял собой первый немецкий средний танк. Его короткоствольная 75-мм пушка с низкой начальной скоростью полета снаряда стреляла только фугасами и дымовыми боеприпасами, а потому машина редко использовалась для противотанковой работы. Главное достоинство танка заключалось в его надежности и в широком конструктивном потенциале для модернизации, которую PzKpfw IV претерпевал на протяжении всей Второй мировой войны.

Вес: 18 тонн

Скорость: 40 км/ч

Лобовое бронирование: 30 мм

Вооружение: 1 пушка 75-мм
и 2 пулемета

ся на 10-тонных легких танках и двух моделях средних массой около 20 тонн. А именно, вооруженного 75-мм пушкой с низкой начальной скоростью полета снаряда PzKpfw IV в качестве танка непосредственной поддержки на поле боя и PzKpfw III с 37-мм пушкой как истребителя танков. Немцы свели все эти машины в особые соединения, танковые дивизии, задача которых состояла в том, чтобы действовать на любых этапах войны и почти на любой местности.

На первый взгляд организация немецких танковых войск походила на то, как мыслились механизированные или бронетанковые соединения во время Франции и Британии. Куда позднее выяснилось, однако, до какой степени отличалась немецкая доктрина в особо важных аспектах. Хотя никто не спорил в отношении того, что танковым частям придется вести дуэль с танками противника, в отношении того, как и где будет протекать подобное столкновение, мнения замет-

но различались. Со временем стало очевидным, что бронетехника германских танковых дивизий превосходным образом может взаимодействовать с пехотой и артиллерией как в наступательных операциях, так и в обороне. Дивизии эти были готовы в случае необходимости действовать как самостоятельные силы в британской манере, захватывать жизненно важные позиции для пехоты или ждать появления вражеских танков в обороне. Однако в то время как британцы и французы проявляли склонность к применению танков по образцу и подобию морских судов, которые, построившись в боевые порядки, ведут артиллерийскую дуэль с флотом противника, немцы (полностью повторяя сентенции Фуллера, высказанные им в 1918 г.) предпочитали избегать подобных схематизмов. Они охотнее передавали оборону жизненно важных участков местности, захваченных накануне танками и пехотой, противотанковым орудиям. Таким образом, немцы бергли танки для

Справа: БТ-7 стал заключительным продуктом русских разработок танка Кристи образца 1931 г. Несмотря на досадную узковязкость, машина отличалась множеством передовых по тому времени конструкторских решений, в том числе примечательным радиусом действия, достигавшим 600 км. Наряду с БТ-2, БТ-5 и Т-26, машина производилась большими партиями, однако при массе более 10 тонн числилась легким танком.

Вес: 14 тонн

Скорость: 53 км/ч

Лобовое бронирование: 20 мм

Вооружение: 1 пушка 45-мм, 3 пулемета

Вверху: Т-26б, принадлежавший правительственным войскам, замечен во время гражданской войны в Испании. Тонк представил собой дальнейшее развитие 6-тонного легкого танка «Виккерс» образца 1930 г. Как и машины серии БТ, Т-26 производился массово и применялся в боях в Манчжурии, в ходе Польской и Финской кампаний 1939-1940 гг. Весьма надежный, снабженный изобретенными британцами гусеницами из марганцевой стали, танк с довольно мощной пушкой показал себя как вполне достойное средство против японской бронетехники и лобов европейского танков своей категории.

дальнейшего применения и ходе стремительных прорывов, фланговых охватов и рейдов по вражеским тылам, направленных на дезорганизацию обороны противника. Немцы выступали против любых лобовых бросков на хорошо подготовленные неприступные позиции в этаким кавалерийском духе, обоснованно полагая, что столь примитивнейшие действия приведут к неоправданной и, возможно, невосполнимой потере. Но что еще важнее, немцы твердо держались убеждения, что применять бронетехнику нужно сосредоточенными группировками, позволяющими достигать максимального ударного эффекта, и сумели выстоять перед соблазном (чего не удалось остальным) распыления сил танковых частей в обороне по образцу и подобию «двух кроликов» незабвенной памяти 1918 г. или же передачи их в помощь некое по принципу «всем сестрам по серьгам».

Чтобы решить, чья же доктрина правильная, а чья нет, требовался практический опыт, а его в ту пору не хватало всем. Дебаты в отношении теории не умолкали, а отдельные партии военных прибегали к подвохерной борьбе за позиции — «места под солнцем» — для своих родов войск, особенно это касалось адвокатов традици-

онной кавалерии (и более всего в Британии, Германии и Соединенных Штатах), которые ратовали за сохранение рода войск в традиционном виде. Научный оперативный анализ продолжал оставаться для таких ретроградов пустым звуком. На учениях баз правил посредники, которые нередко не верили в потенциал бронетехники в частности и механизированных войск вообще, в результате подчас военные делали правильные выводы из неправильных — или неправильные из правильных — предположений, в том и вном случае попусту растрачивая ценный опыт. Немногие военные кампании, которые велись в 30-е годы XX века, тоже не могли служить разумительным примером, поскольку ни одна из них не видела подлинного сочетания машин последних модификаций, современных коммуникационных систем и новейших приемов.

КАМПАНИИ ТРИДЦАТЫХ

Тот факт, что итальянские танкетки довольно неплохо показали себя в боях с плохо вооруженными абиссинскими войсками в 1935 г., никак не отразился на балансе сил сторон в спорах сторонников и противников танков. Если враг не располагает противотанковым оружием, пускать даже самым примитивным, даже «тонкокожой» техникой имеет все шансы уцелеть.

Куда больший опыт можно было бы почерпнуть в 1936-1939 гг. из Гражданской войны в Испании, если бы противоборствующие стороны располагали последними образцами средних танков, укомплектованных современными ракетами, а также если бы войска прошли хорошую подготовку и действовали бы под началом талантливых командиров. В реальности же в Испании только правительственная армия республиканцев располагала танками с вооружением более грозным, чем крупнокалиберные пулеметы, но даже и эти танки относились к категории легких — постро-

енные русскими 9-тонные Т-26Б (вариация на тему «Виккерса») с 37- и 45-мм орудиями и 10-тонные BT-5 (происходившие от танка Кристи) с 45-мм пушками. Более того, их командир, генерал Павлов, оказался не в состоянии грамотно применять бронетехнику в самостоятельных операциях, отчасти из-за отсутствия наработанных приемов, повальной нехватки средств связи, а также и потому, что танковые бригады тяготели к независимости и плохо взаимодействовали с артиллерией и пехотой, которая шла в наступление по заранее определенным маршрутам. Их оппоненты — фашисты под предводительством генерала Франко предпочитали применять имеющуюся у них бронетехнику только в качестве средства поддержки пехоты, что было довольно разумно, поскольку имевшиеся у франков немецкие бронемашины РзКрвз I и итальянские 3-тонные танкетки CV3 не отличались высокой боевой ценностью и не могли пережить попадание снаряда даже самых малых противотанковых пушек. Для русских Т-26Б и BT-5 не представлялось сложным разделиться с такой бронетехникой, что называется, одной левой. Полковник фон Тома, командовавший нестройными танковыми войсками, от всей души благодарил испанских пехотинцев за то, что те захватили несколько десятков вражеских Т-26Б, которые стали желанным дополнением к слабому танковому парку фашистов.

Первое противоборство между танками, происходившее 24 октября 1936 г. с участием трех республиканских Т-26Б и трех фашистских CV3, стало своего рода шаблоном для будущих схваток. Т-26, посланные против пехоты, подверглись нападению трех CV3, одна из которых перевернулась. Один Т-26 потерял ход из-за попадания в гусеницу, но продолжал бой. Экипаж другой CV3, вооруженной отъемлемым, слишком самонадеянно полагавшимся подкрасться к Т-26 и уничтожить его, стреляя почти в упор! Русский навод-

чик просто подпустил танкетку поближе и разнес в клочья. Тут вступила в действия артиллерия фашистов, прямым попаданием снаряда которой был уничтожен один Т-26; весь экипаж погиб.

Соответственно как участники конфликта, так и военные во всем мире, наблюдавшие за событиями противостояния, заметного множественным стычек танков с танками, но не знавшего ни одной танковой батальонной, — война, в которой танкам досталась лишь второстепенная роль, — решили, что выводы склонных умалять значение бронетехники ученых мужей, пожалуй, вполне верны. Всего лишь какие-нибудь небольшие противотанковые пушки и минные поля при содействии легкой артиллерии способны переиграть действующие самостоятельно в начале и середине танков, а значит, только надежные толстой броней пехотные танки смогут одержать верх в битвах будущего. Фон Тома погрузился в такое уныние, что — к большому стыду Нидерландов — пошел столь далеко, что осмелился предлагать не растрачивать напрасно материальные ресурсы на оснащение рациями всех танков.

Куда больше полезных уроков представлялось возможным извлечь из боевого соприкосновения, разигравшегося в других географических широтах. Летом 1939 г. произошел крупный и ожесточенный «пограничный инцидент» между русской и японской армиями на маньчжурской границе. В тех краях японцы в течение года или более задирали неприятеля, прежде чем в мае выдвинуть на 15-км фронте в направлении реки Халхин-Гол три пехотные дивизии при поддержке 180 танков, 500 орудий и 450 самолетов. До того в противостоянии отмечалось несколько случаев лобовых столкновений между танками, однако последние неизменно действовали как вспомогательные силы в рамках традиционного пехотно-артиллерийского боя. В описываемом

Слева: М89, разработанный на базе модели «Виккерса» 1929 г., служил японцам типовым танком поддержки пехоты. В иной роли он, собственно, и не годился. В действительности машина была вполне симптоматична для японцев с их привычно прохладным отношением ко всем танкам, которые строились в стране под диктатом требований пехоты, вынужденной воевать в условиях очень трудной местности, нередко среди пахоты или вовсе необитаемых тропических джунглей.

Вес: 12 тонн
Скорости: 25 км/ч
Лобовое бронирование: 17 мм
Вооружение: 1 пушка 57-мм, 2 пулемета

Битва на реке Халхин-Гол в 1939 г. служит примером классического двойного оавата. Русские окружили японцев неожиданными атаками из фланга и в тыл, связав боем по фронту основные относительно малочисленные силы противника.

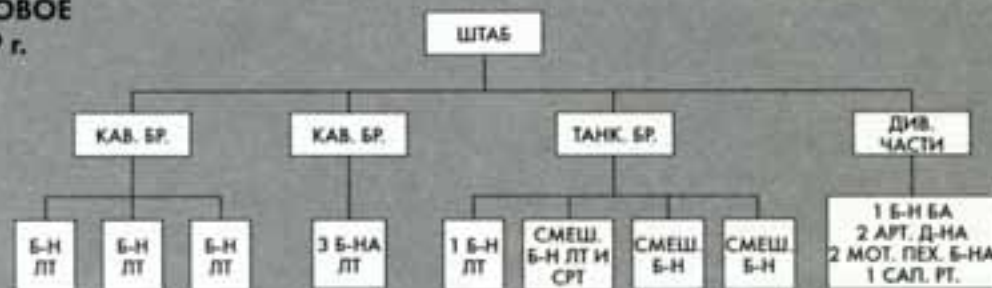
случае все тоже начиналось по привычной схеме, однако новый русский командующий, генерал Георгий Жуков, решил воспользоваться случаем и придержать 100 из 498 имеющихся у него машин, составивших отдельное соединение (6-ю танковую бригаду), для контрнаступления. Когда в конце августа Жуков на широком фронте развернул контратаку против двух японских дивизий, предвзято ее привычным обстрелом из орудий тяжелой артиллерии, в качестве ударных сил служила пехота, пользовавшаяся поддержкой танков Т-26, что привело к серьезным боевым соприкосновениям по всему фронту. Но настоящим шоком для японцев стал внезапный прорыв 6-й танковой бригады у них на флангах, когда последние модели танка Кристи — БТ-5 и БТ-7 с их 45-мм пушками — перерезали линии коммуникаций. Такой же классический двойной охват представило вот-вот продемонстрировать немцам в Польше.

Результатом столкновения в Маньчжурии стало окружение японских войск, потери которых достигли 40 000 человек по сравнению с 10 000 у русских. Японцы надолго запомнили полученный

урок и впредь поостереглись провоцировать Красную Армию. Ключом к победе русских служил тот факт, что Жуков, не теряя времени, усилил годовые танковые части мотопехотой и механизированной артиллерией, и это позволило избежать больших потерь у танкистов, что происходило бы, если бы бронетехника без поддержки выкасалась в противостояние с отступающими японскими танками. Кроме того, Жуков вынудил откатывающиеся японские танки атаковать выставленную у них на пути противотанковую артиллерию, что в итоге позволило превосходящим силам русских достигнуть крушения системы тылового обеспечения противника, а это стало залогом разгрома последнего. То же самое, только в более крупных размерах, уже через считанные дни собиралось явить миру немцы, действовавшие по заветам британских танкистов-первооткрывателей вроде Фуллера. По противу судьбы сами по себе масштабы немецкого триумфального шествия по Польше в сентябре 1939 г. полностью затмили совершенное русскими в августе. Последствия носили поистине исторический характер.

ГЕРМАНСКОЕ ТАНКОВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ 1939 г.

Схема организации немецкой танковой дивизии 1939 г. показывает взаимосвязь частей моторизованной разведки, танков, пехоты, артиллерии, саперов и подразделений тылового обеспечения.

ГЕЙНЦ ГУДЕРИАН

ГЕЙНЦ ВИЛЬГЕЛЬМ ГУДЕРИАН (род. 1888 г.) служил в легкой пехоте, стал специалистом в области разведки. Он проявлял большой интерес к различным технологиям и показал себя харизматическим лидером и талантливым организатором во время работы в германском генеральном штабе. Переведенный в 1922 г. на службу во вновь созданные моторизованные войска, Гудериан оказался среди тех офицеров, которые стояли во главе процесса выработки структуры и философии немецких вооруженных сил, тесно взаимодействуя с себе

в войну в 1939 г. Именно он создал германские танковые войска (панцерверфаге), превратив танки в главное оружие на суше, привнеся тесное взаимодействие с другими родами войск в ходе стремительных наступлений. Захваченный идеей Фуллера и других британских танкистов-экспериментаторов, создававших свои теории в 20–30-е годы XX века, Гудериан настаивал на создании танковых дивизий (и сумел заинтересовать элиту Гитлера), одну из которых возглавил в 1933 г., чтобы уже в 1938 г. стать командиром армейского корпуса (команду которым принял участие в Anschluss Австрии и оккупации Судет), а в конце того же 1938 г.

подняться до поста командующего подвижными войсками.

Однако известность себе он приобрел как командир моторизованного корпуса в 1939 г., прославившись быстрыми танковыми прорывами в Польше и еще более упорным сражением в ходе полного драматизма броска в Ло-Маншу через Арденны на северо-восток Франции в 1940 г. И вновь в России, где его натиск и головность, даже на опроверженный приказ, привели к нарушению приказа вышестоящего командования, принесли немало побед и триумфов немецкому оружию. С окончанием блистательных маршей Вермахта в декабре под Москвой завершили

и наиболее яркий этап в карьере этого офицера.

В феврале 1943 г. Гудериан вернулся на службу в качестве генерального инспектора танковых войск, и следующие два года он провел в попытке восстановления ущерба, который панцерверфаге несли в боях с противником и следо-

вение ухудшения качества подготовки личного состава и некоторой спешковости. Многие успехи, которые достигли немецкие танкисты в период с 1943-го по 1945 г., заслуженно могут считаться успехами сына Гудериана. Однако когда в июне 1944 г. его назначили начальником генерального штаба сухопутных войск с ответственностью за дело на восточном фронте, даже такой человек, как Гудериан, не мог уже повернуть вспять желанный полет советской реконструкции. Храброму генералу, мужественно вступавшему в пререкания с Гитлером, ближе к концу войны, постиглась участь и попасть в плен к американцам.

ПОЛЬСКАЯ КАМПАНИЯ. 1939 г.

Когда 1 сентября 1939 г. Германия вторглась в Польшу, наступление сухопутных сил предваряли истребительные рейды ВВС на узловые пункты системы коммуникаций польской армии. На земле атаку возглавляли шесть танковых дивизий, четыре так называемые легкие дивизии, имевшие в своем составе меньший процент танков, и несколько моторизованных пехотных дивизий. Всего немцы собрали для участия в операции около 3200 танков, из которых половина приходилась на крайне уязвимые легкие PzKpfw I (изначально строившиеся только для учебных целей), всего со стороны Германии действовало 309 действительно современных средних танков: 98 единиц PzKpfw III и 211 PzKpfw IV непосредственной поддержки. Против столь грозной силы поляки могли выставить 190 легких танков с 37-мм пушками, производства либо французской фирмы «Рено», либо британского «Викерса», плюс еще 470 неэффективных танкеток и 90 бронемобилей.

Начавшаяся более слабые польские бронетанковые войска еще усугубили собственную немощность неготовностью к боевым действиям и ошибочными решениями командования, которое рассуждало способные сражаться машины по пехотным частям для усиления последних. Кроме того, даже та техника, которая осталась в резерве, как мы убедимся, не достигла никаких результатов. Быстро продвигавшиеся, сосредоточенные немецкие танковые соединения в пределах часов обходили или сбили передовые позиции неприятеля, а уже через несколько суток далеко углубились на польскую территорию. Для всех, кому случалось изучать события тех дней в Польше, — неважно, кто это был, непонимание в замыслах разработчиков операции немцы, потрясенные поляки или скептически настроенные французские, британские, русские либо американские умники, — происходившее стало шоком. Бронированные группы не просто двигались быстро, они сумели поддерживать просто-таки сумасшедший темп наступления, развеивая миф о том, что механизированные соединения обречены увязнуть и выдохнуться вследствие неминуемого коллапса служб тылового обеспечения. Высокая организация снабжения у немцев, опробованная и отточенная на учениях и в ходе бескровных аншлюсов Австрии и Чехословакии, позволила ритмично снабжать победоносные механизированные колонны, которые продвигались к цели со средней скоростью около 18 км в день на протяжении недели суток. Не прошло и двух недель, как польские ВВС нечеловечески, а сухопутные войска перешли в быстрое и часто беспорядочное отступление. Лишь на некоторых участках с особо хорошо организованным противодействием немецкие танки понесли потери от огня противотанковой артиллерии, особенно упорно оборонялся гарнизон и жители Варшавы.

Но не только мощь напора немецкого наступления привела к крушению обороны поляков, которые дрались с неизменным мужеством и храбростью всегда, когда предоставлялся шанс сражаться. Скорость и направленность ударов — вот что в немалой степени способствовало головокружительным успехам Вермахта, польский противник которого часто просто не успевал верно среагировать на действия немцев, нередко не позволявших ему ввести в действие лучшие подвижные части там, где это больше всего требовалось. Так, батальон добротных французских танков «Рено» R35 простоял в резерве всю кампанию, не сделав даже выстрела и в итоге бежал в Румынию, где подвергся интернированию. Другую часть, перебрасываемую по железной дороге, чтобы преградить путь моторизованному корпусу Гудериана, рвавшемуся к расположенному далеко на восток от Варшавы Брест-Литовску, немцы захватили, что называется, «тепленькой» прямо на платформах. Те немногие боестолкновения между танками, которые имели место в ходе кампании, по большей части остались незафиксированными письменно.

Польская кампания сентября 1939 г. стремительно продвигавшиеся в ходе наступления немецкие головные механизированные части глубоко прорвали неподвижную польскую оборону. Лишь только один раз сумели поляки организовать сильный, но не принесший им успеха контрудар.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОТ ПАССИВНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ К АКТИВНЫМ БОЕВЫМ ДЕЙСТВИЯМ. 1940 г.

Полугодовая передышка — период затишья в военных действиях, прозванный странной или сидячей войной, — продолжалась с момента окончания Польской кампании и до начала немецкого вторжения в Данию и Норвегию в апреле 1940 г. Для бронетанковых войск Франции и Британии, с одной стороны, и Германии — с другой, она стала периодом укрупнения и реорганизации. Нельзя сказать, чтобы перемены эти как-то повлияли на события в Скандинавии. Завоевание немцами Дании прошло почти бескровно, а бои в Норвегии на суше, несмотря на то что они продолжались в течение двух месяцев, представляли собой в основном столкновения пехоты, сражавшейся с противником среди гор и фиордов, где бронетехника играла самую ограниченную роль. Многие из немецких танков, отправленных в Скандинавию, просто утонули по пути.

Накануне немецкого наступления против Голландии, Бельгии и Франции, начавшегося 10 мая, французы располагали примерно 3000 современных танков, 500 из которых приходилось на новые 20-тонные «Сомуа» и 320 на 32-тонные танки модели «В» (Char B), остальные же были представлены легкими H35 и R35. Все они вооружались пушками, способными поразить броню любого неприятельского танка, в то время как сами по большей части оставались неуязвимыми для немецких танковых и противотанковых 37-мм пушек. Слабость французов заключалась в их доктрине, в организации танковых войск и в безосновательной уверенности в собственной силе. Приемы ведения боя устарели, качество боевой работы стрелков значительно уступало положению дел у противника, что ставило французов в невыгодное положение по отношению к немцам практически в каждом pojedинке. Влияние доктрины привело к тому, что три легкие механизированные дивизии в составе кавалерийского корпуса под началом генерала Р. Приу представляли собой обычные кавалерийские части, которые претерпели процесс механизации. Дивизии эти, в состав каждой из которых входило по 174 танка, представлялись как силы поддержки союзным армиям, которым предстояло выступить на помощь Голландии и Бельгии в случае начала немецкого вторжения. После вступления в боевое соприкосновение с врагом, дивизиям следовало отходить под его натиском на рубеж обороны по реке Диль и войти в состав резерва, задача которого состояла бы в том, чтобы контратаковать противника, остановить его прорыв, а затем перейти в контрнаступление и прогнать прочь с захваченной земли.

Аналогичным образом пять так называемых легких кавалерийских дивизий, каждая из которых и в самом деле включала конную бригаду, а также легкую моторизованную бригаду бронемашин, танков H35 и моторизованной пехоты, должны были выполнять роль заслонов на различных направлениях и участках, в том числе и прикрывать считавшиеся танкодоступными Арденны.

Разбросанным по широкому фронту танкам, пехоте и артиллерии этих соединений предстояло действовать небольшими отрядами или вовсе поодиночке, при этом возможность взаимодействия еще сильнее снижалась за счет хронической неэффективности коммуникационных систем. Но, впрочем, даже если бы французская бронетехника применялась массово и вступала в противоборство с немецкой сосредоточенными соединениями, каждый отдельный командир танка (в задачи которого входило управление действиями экипажа, в большинстве случаев также и зарядание пушки, обнаружение цели и оценка дистанции, вывод машины на огневую позицию за счет указания водителя, наводка орудия, производство выстрела и перезарядание) оказался бы не в силах противостоять немецким танкам, в башнях которых находилось два или даже три танкиста, что усиливало эффективность действий экипажа. Немецкий командир танка мог сосредоточить усилия на основных командирских функциях, оставив обслуживание пушки специально обученным этому наводчику и заряжающему.

Попытки французской армии сформировать дивизии для сосредоточенных наступательных операций, чему перед войной упорно сопротивля-

Слева: PzKpfw III вместе с танком чешского производства PzKpfw 38(t) во время боевого соприкосновения с противником (индекс (t) является первой буквой от немецкого слова «чешский»/tschechisch – Прим. пер.). Несмотря на то что обе машины заслуженно классифицировались как легкие танки, немцы, страдавшие от нехватки PzKpfw III, использовали их в роли средних.
PzKpfw 38(t)
Вес: 10 тонн
Скорость: 40 км/ч
Лобовое бронирование: 25 мм
Вооружение: 1 пушка 37-мм, 2 пулемета

Внизу: PzKpfw 38(t) на море.
Внизу слева: PzKpfw IV, используемый в качестве средства огневой поддержки вместо артиллерийского орудия.

лась «старая гвардия» и что начали все же осуществлять после событий в Польше, привели к формированию так называемых подвижных концентрических дивизий (*Divisions Cuirassées Rapides*). В каждую из них входило по два батальона танков «В» (60 тяжелых танков), по два батальона, укомплектованных 78 новейшими легкими танками H39. Однако каждая такая дивизия располагала единственным батальоном моторизованной пехоты и двумя дивизионами артиллерии и ни в коем случае не походила на немецкую танковую дивизию. Кроме того, накануне немецкого вторжения французы успели сформировать только три таких дивизии (четвертая находилась в процессе комплектования) и ни одна из них не прошла еще должной подготовки, которой требовали маневренные операции. К тому же сами танки – что вполне характерно для французских бронетанковых войск – оказывались не в состоянии вести столь же эффективный огонь, как противник.

Что же до британцев, то они прибыли во Францию в 1939 г., имея множество легких танков и лишь 50 тяжелых пехотных танков, ни один из которых не нес в качестве вооружения противотанковой пушки. К маю 1940 г. и без того неудовлетворительное положение еще усугубилось доставкой дополнительных легких танков и

переброской всего одного батальона пехотных, насчитывавшего в своем составе 23 новейших тяжелых «Матильды-II» с 40-мм пушкой. Только после начала немецкого наступления во Францию через пролив прибыли части бронетанковой дивизии и в их составе несколько горстков крейсерских танков, способных противодействовать неприятельской бронетехнике.

Перед лицом десяти немецких танковых дивизий (четыре легкие дивизии были переформированы и получили новое обозначение), во многих из которых теперь насчитывалось больше современных PzKpfw III и PzKpfw IV, чем в 1939 г., поражение союзников стало чем-то само собой разумеющимся, несмотря на наличие у них большего количества танков, превосходящих по вооружению и в бронеовой защите. Шансы противника на победу повышались также за счет введения им в бой самоходных истребителей с ограниченным углом горизонтальной наводки пушки, то есть напоминающих по конфигурации французский танк «Сен-Шамон» образца 1916 г. Удачно распорядившись шасси устаревших легких PzKpfw I и перепрофилировав несколько PzKpfw III, немцы получили фактически танк без башни, которому не хватало тактической гибкости настоящего танка, но который зато обладался

Справа: Французский офицер наблюдает из полугусеничной машины, как легкие танки R35 прокладывают себе путь через грязь. Созданные главным образом для поддержки пехоты, эти танки применялись по мере необходимости и для других нужд.

Вес: 10 тонн

Скорость: 21 км/ч

Лобовое бронирование: 45 мм

Вооружение: 1 пушка

37-мм, 1 пулемет

Внизу справа: Немецкая 37-мм пехотная противотанковая пушка могла без особого труда выводить на огневую позицию силами экипажа, оставаясь непоколебимой из-за скронных габаритов и, главное, низкого силуэта, однако ее выстрелы оказывались почти бесполезными против средних и тяжелых танков союзников, если только огонь не велся почти в упор. [См. таблицу характеристик.] После 1940 г. она получила у немцев прозвище «дверного молоточка», и скоро на смену ей пришла более мощная 50-мм пушка со стволом длиной в 60 калибров.

дешевые и мог производиться большими темпами. Такие машины вооружались 47-мм и короткоствольными 75-мм орудиями, что повышало ударную мощь поддерживаемой ими пехоты. Немецкой пехоте, как отметили германское военное руководство в Польше, не хватало напора по причине недостатка той или иной бронетехники в роли непосредственной поддержки. Основная же масса немецких танков находилась в составе танковых дивизий, которые, как правило, объединялись вместе с моторизованными пехотными дивизиями в особого рода подвижных корпусах, или боевых группах, представлявших собой элитные ударные войсковые соединения.

БОИ НА ГРАНИЦЕ, МАЙ 1940 г.

Немецкий план завоевания Голландии, Бельгии и Франции в ходе одной быстротечной кампании заслуженно пользуется славой блестяще задуманной и великолепно проведенной операции, что оказалось бы невозможным без четкого взаимодействия между военной авиацией и механизированными войсками. Оборону Голландии, почти не располагавшей бронетехникой и отчастившейся территории, которая считалась не слишком пригодной для ее применения, предполагалось сломить за четыре суток за счет высадок во вражеском тылу воздушных десантов, чтобы те затем соединились с быстро продвигавшимися пехотными колоннами и одной танковой дивизией. Вторжение в Бельгию и Люксембург происходило через их границу с Германией, при этом четыре танковых корпуса осуществляли бросок на север в направлении Брюсселя через Маастрихтский аппендикс к Динану в центре и наиболее крупными силами на южном направлении к Монтерме и Седану. Можно считать насмешкой судьбы, а можно и тонким расчетом то, что на оси атаки двух корпусов на южном участке, который и являлся наиболее ключевым для знаменитого плана «Иксельвингт» (что означает движение для срезаания колесов серпом или косой, т.е. комах косой. — *Прим. пер.*), где германским механизированным

колоннам предстояло как серпом срезать главный ствол союзнической обороны, отмечалось меньше всего столкновений танков с танками. И это в самой что ни на есть выжковой кампании!

Осуществить размахивший кожный мах юсара в условиях лишь незначительного танкового противодействия представлялось возможным потому, что французы оставили весьма небольшое количество танков на данном участке, где лежали лесистые холмы Арденн, считавшиеся нетанкодоступными, и где также от прямого удара французов прикрывали фортификации «линии Мажино». И вот основные силы французских легких механизированных дивизий (ЛМД) оказались переброшенными в Бельгию, тогда как подвижные кавалерийские дивизии (ПКД) остались в резерве позади реки Маас. Продвигнувшись через Маас и вступив на извилистые тропы Арденн (где оказалось не так уж трудно продвигаться), французские легкие кавалерийские дивизии (ЛКД) с их пехотой, конницей и горсткой ИВЗ столкнулись с подвижным передовым охранением танковых дивизий: разведывательными дозорами на бронемашинках и с мотоциклистами, за спиной у которых следовали авангарды пехоты и противотанковые пушки, пользовавшиеся поддержкой полковой артиллерии и — если требовалось — танков. Против таких «сыгранных команд», составивших из слабых, опытных и чрезвычайно напористых бойцов, французы, в задачу которых входило патрулирование территории и обязанности по возможности *задерживать* врага, если

тот попробует провалиться через Арденны, ничего не могли поделать. Такой мочи и такого натиска они не ожидали. Пехота и кавалерия не сумели справиться даже с легчайшими неприятельскими боевыми машинами, тогда как ИС5 легко выводились из строя 37-мм противотанковыми орудиями, если вдруг экипажи решали драться, поскольку бой протекал зачастую на дистанции не более 200 м. Появление иногда наиболее тяжелых немецких танков вызвало панику. Она чрезвычайно быстро распространялась по уже откатывавшимся французским войскам, которые часто безнадежно перемешивались с гражданским населением, согнанным с насиженных мест вторжением. Такаюбонсь, которой не довелось испытать французам в Первую мировую войну, но действие которой сводила познани на себе немцы, начала разлагать боевой дух французских солдат еще до того, как сами панцерваффе успели развернуться в полную силу.

Вечером 10 мая воздушная разведка сообщила союзному Верховному командованию о продвижении крупных вражеских механизированных колонн через Арденны, а также через районы Маастрихта, чтобы форсировать Маас в тылу у бельгийской крепости Эбен-Эмаль, которую к тому времени уже захватили отважные воздушные десантники в головокружительной по скорости и дерзости операции. К вечеру 12-го числа головные немецкие части вышли к берегу Мааса на участке между Динамом и Седаном, тогда как у Эбен-Эмаль противник вел ожесточенные бои с кавалерийским корпусом Приу.

Недолго задержанный бельгийцами на Маасе и на канале Амберта, XVI корпус генерал-лейтенанта Эриха Гейнера с входившими в него 3-й и 4-й танковыми дивизиями обновил позиции бельгийской пехоты и 11 мая устремился в направлении реки Диль. Тем временем солдаты и офицеры кавалерийского корпуса Приу, состоявшего из 2-й и 3-й ЛМД, обнаружили по прибытии на Диль, что подготовленная оборона на позициях под Жамблу, которые им предстояло защищать, существует больше в воображении, нежели в реальности. Увидев это, Приу начал осматривать, что задержать наступление врага надолго в таких условиях нереально и что вся схема обороны по реке Диль находится под угрозой срыва, особенно привлекая во внимание то, что основные силы французской армии подтягивались с опозданием, так как днем существовала постоянная опасность воздушных налетов неприятеля. В действительности же последний не спешил мешать французам маршировать навстречу судьбе, поскольку немцы как раз и надеялись на выдвижение союзников вперед, чтобы войска на направлении главного удара, пролетающего через Арденны, смогли бы обойти противника с фланга и с тыла.

XVI корпус Гейнера вошел в боевое соприкосновение с кавалерийским корпусом Приу близости от Гингута 12 мая. Поначалу в сражение вступили легкие силы. Французские патрули столкнулись с сильными передовыми дозорами и

авангарде танковых дивизий. Происходили стычки с участием бронесамобоев, мотоциклистов и немногих французских 25-мм противотанковых пушек, от расчетов которых, когда на авансцену событий вышла мощная немецкая боевая группа, поступило по радио донесение «пора палить и побыстрей валить». Немцам приходилось задерживаться и терять время перед каждой засадой и перед каждым временным заслоном, прикрывавшим основные позиции кавалерийского корпуса с центром в Жамблу. Бой мало-помалу интенсифицировался. Одновременно обе стороны стали проверять доводку и силу друг друга, нащупывая слабости оппонента и находя решения, которым предстояло выковывать будущую тактику танкового боя и его приемы.

Хотя сильные пехотные части легких механизированных дивизий располагались в передовых заслонах, представляя собой, так сказать, краеугольный камень обороны под Жамблу, внимание противников было приковано к вражеским танкам, при этом каждая сторона демонстрировала должное уважение к более крупным машинам неприятеля. Особых проблем с маленькими ИС5 у немцев не возникало, однако «Сомуа» оказались не по зубам 37-мм пушкам, если только вооруженные ими танки не выходили за счет маневрирования на позиции, позволявшие бить врагу в более тонкие борта и в вентиляционные отверстия. К счастью для атакующих, приемы ведения боя французов позволяли добиться этого.

Французские танки редко маневрировали, считая естественным для себя (к чему подталкивала толстая броневая защита) вести бой с неподвижных позиций и вступать в этакое дуэли с противником, чего требовала их честь и что Фуллер осуждал еще в 1917 г. В любом случае, статическая тактика диктовалась французам, кроме того, и нехваткой радиов, которые на многих машинах попросту отсутствовали. Планы действий доводились до сведения подчиненных командирами в процессе боя лично — отдельным частям приходилось собираться вместе и останавливаться для получения подробных приказов, и многие команды в сражении передавались сигнальными флажками, которые часто не представлялось возможным разглядеть по причине сильной удаленности, или тумана, или дыма, ухудшавших видимость на поле сражения. Имея дело с таким неуклюжим противником, немцы получали широкое возможности использовать маневрирование, сверяя действия на любом уровне по радио. Более того, немецкие танкисты быстро поняли, что меряться силами с таким неприятелем не так уж и опасно, поскольку французские оппоненты не только очень медленно стреляли, но и редко попадали. То и дело перегруженные командиры французских танков, совмещавшие обязанности наводчиков, неверно оценивали дистанцию до цели или не успевали прицелиться по великодушному использовавшим местность немцам.

И все же на протяжении 14 мая французы

сдавали позиции очень неохотно, их «Сомы» оставались доминирующей силой и крупной помехой на пути вражеских боевых групп. Потери немцев в танках, хотя еще далеко не катастрофические, все же продолжали расти, беспокоем руководителю и заставляли его раздумывать над тем, как переломить ситуацию. От внимания немцев не укрылся факт недостаточной согласованности в действиях французов, которые сражались разсредоточенными силами, плохо координируя усилия отдельных частей и еще хуже взаимодействие со средствами поддержки. Как бы хорошо ни действовали отдельные французские танкисты и маленькие боевые группы, все же они не могли стать permanentным ответом крепко связанным друг с другом, отлично подготовленным и находившимся к тому же под грамотным командованием общевойсковым боевым группам, прорвавшимся под Мердо и устремившимся к Жамблу, чтобы преодолеть противотанковые заставы у Перве и выдержать в этом районе контратаку кавалерийских частей. К тому моменту основные силы союзных армий начали закрепляться на позициях по реке Дилъ и не только оказывать поддержку кавалерийскому корпусу, но также высказывать пагубную тенденцию прибирать к рукам его танки вместо того, чтобы использовать их как резерв для контрудара, как то определялось приказом Приу.

На данном участке фронта немецкий XVI корпус натолкнулся на остановивший его продвижение вражеский заслон из 81 пехотного батальона при содействии сильной артиллерии и не менее чем 800 танков, принадлежавших к механизированным соединениям и отдельным танковым батальонам, приданным пехоте в качестве непосредственной поддержки. Приу в бессилии жаловался на действия пехотных командиров:

«ОНИ УЖЕ НАЧАЛИ расклевывать кавалерийский корпус и распыляют танки по всей протяженности позиций».

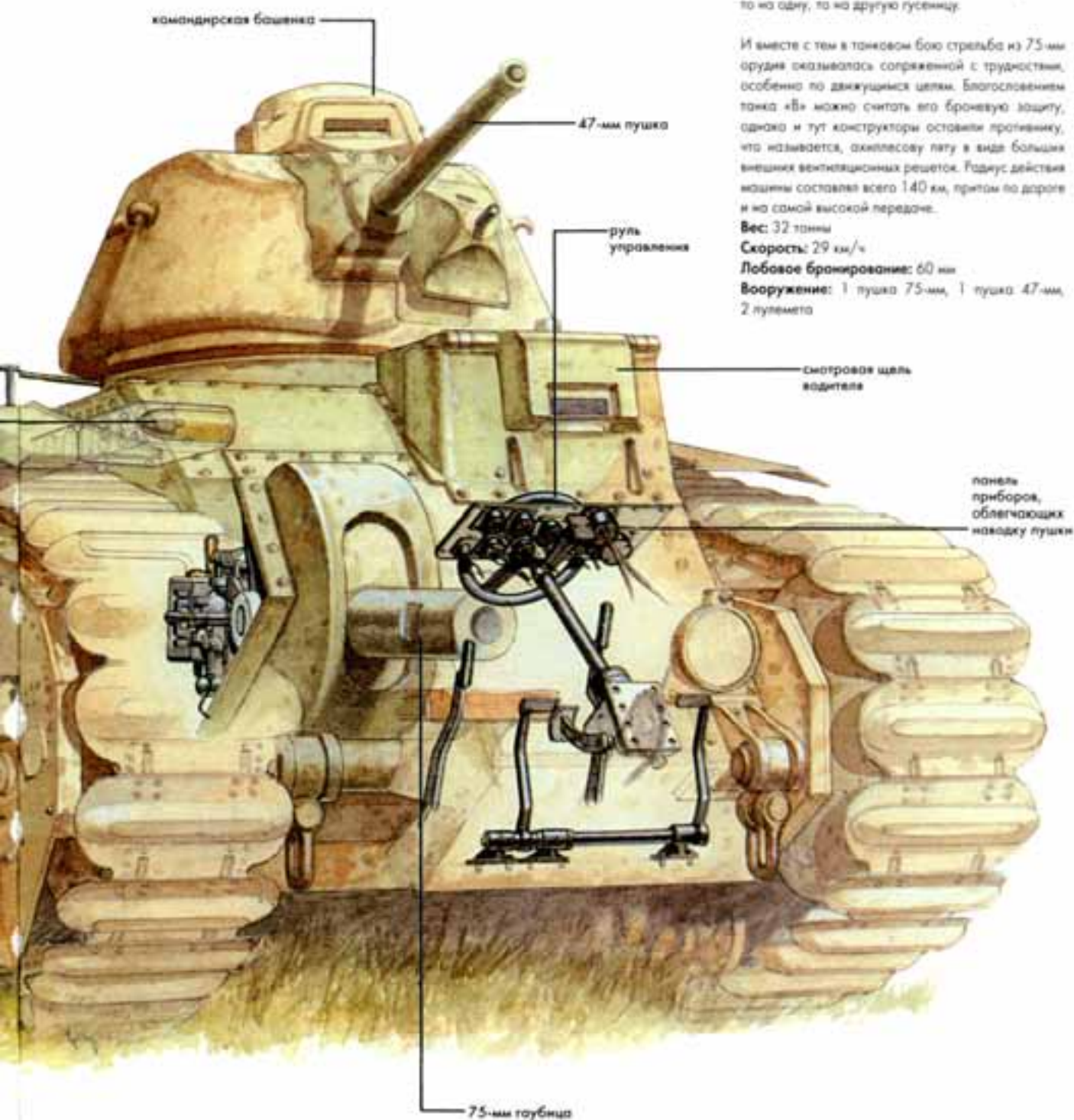
Совершенно понятно, что руки военного руководства потянулись к «Соме», представлявшим собой куда более грозное оружие, чем старые и более легкие танки, которыми оно уже располагало. Уровень потерь двух дивизий говорит сам за себя — из 160 «Сомы» только 30 попали в списки понесенного ущерба, причем несколько были брошены экипажами из-за отсутствия горючего, тогда как из такого же количества ИСВ французы недосчитались 70 единиц. Несмотря на меньшие потери у немцев, все же урон рос и у них, что позволяло кавалерийскому корпусу достигнуть цели до того, как его начали растаскивать по частям. Тем не менее, хотя французам и удалось остановить продвижение XVI корпуса, они все равно ничего не выиграли, потому что добились успеха на отдельном участке, внимание к которому французского командования прагматично притягивал намеренно, отвлекая от главной угрозы — механизированных орд, прокладывавших себе путь через Арденны.

ТАНК ТИПА «В»

ТАНК ТИПА «В» представлял собой лучший французский тяжелый танк, которыми укомплектовывались преимущественно так называемые подвижные кирасирские дивизии. Еще в 20-е годы он задумывался как специализированная машина поддержки пехоты, однако до производственных образцов дело дошло не раньше 1935 г. Хотя рассчитанная на одного человека башня, традиционная для принятой у французов компоновки, осложняла качество боевой работы наводчика довольно эффективной 47-мм пушки, установленное в корпусе короткоствольное 75-мм орудие служило действенным средством поддержки пехоты.

боеукладка из
75-мм выстрелов

Интересно, что водитель располагал электрическими приборами, позволявшими выравнивать танк по азимуту для изменения горизонтального угла наводки пушки. Гидростатическая помпа служила для управления двойным дифференциалом, чтобы поступательно поворачивать танк, сообщая ускорения то на одну, то на другую гусеницу.

И вместе с тем в танковом бою стрельба из 75-мм орудия оказывалась сопряженной с трудностями, особенно по движущимся целям. Благословением танка «В» можно считать его броневую защиту, однако и тут конструкторы оставили противнику, что называется, ахиллесову ленту в виде больших внешних вентиляционных решеток. Радиус действия машины составлял всего 140 км, причем по дороге и на самой высокой передаче.

Вес: 32 тонны

Скорость: 29 км/ч

Лобовое бронирование: 60 мм

Вооружение: 1 пушка 75-мм, 1 пушка 47-мм, 2 пулемета

Кроме всего прочего, противник успел заметно потрепать легкие механизированные дивизии еще прежде, чем их начали рассредоточивать по фронту, и боевой дух экипажей заметно пошатнулся. Более они уже не будут с прежним упорством драться с немцами танкистами. Отныне экипажи тех танков, которые Приу все же удалось сохранить за собой путем личного обращения к Верховному командованию, стали трусить и поддаться противнику.

СУДЬБА КИРАСИРСКИХ ДИВИЗИЙ

К 11 мая, когда угроза немецкого прорыва через Арденны стала более очевидной, французы принялись перебрасывать 1-ю, 2-ю и 3-ю ПКД из мест их расположения в районе Реймса навстречу наступающему врагу. Тем временем в 4-й ПКД под началом бригадного генерала Шарля де Голля (которая все еще находилась в процессе формирования за счет сбора первых попавшихся частей) начался бурный процесс импровизации и стремлении поскорее поставить дивизию в строй. Фактически ни одна из этих дивизий не была на тот момент полностью укомплектованной всем необходимым. Все еще чувствовалась острая нужда в средствах и подразделениях связи, не говоря уже о совершенной психологической неготовности личного состава к выполнению предписанных задач. Изначально батальоны танков «В» обучались и готовились действовать в роли поддержки пехоты. Все это создавало положение, в котором экипажи оказывались неспособными к «подвижным» действиям не только морально, но и физически, так как они не имели в распоряжении подходящих танков. Более того, танки «В»

ни при каких обстоятельствах нельзя было считать быстрыми, поскольку они разрабатывались как целевые тяжелые машины — средство поддержки пехоты с соответственно малым радиусом действия не более 140 км по сравнению с 175 и даже 200 км у немецких PzKpfw III и PzKpfw IV.

1-ю ПКД, находившуюся под командованием генерала Брюно, 10-го числа по железной дороге перебросили в Шарлеруа, чтобы в случае необходимости она смогла обеспечить помощь французским частям, сражавшимся под Жамблу. Путешествию сопутствовал хаос: за первым приказом последовали два взаимоисключающих распоряжения, что привело к замешательству. Прибывшие с первыми эшелонами танки и экипажи выгрузились с платформ 12-го, то есть в день, когда XV корпус генерал-лейтенанта Германа Юта силами 5-й и 7-й танковых дивизий вышел к Маасу севернее Динана. Преодолев несколько разного рода препятств, немцы достигли восточного берега реки и решимости быстро форсировать ее. Бельгийские войска, усиленные французскими 1-й и 4-й ЛКД, оказали упорное противодействие на узких и извилистых тропах в теснинах Арденн. Однако вышеназванных усилий оказалось недостаточно, чтобы сорвать планы XV корпуса.

Пока части поддержки и эшелоны снабжения 1-й ПКД направлялись к Шарлеруа по запруженным беженцами дорогам, танки заняли позиции в городе и вокруг него и провели 13 мая в бездействии, в то время как немцы с поражающей воображение скоростью форсировали реку на широком фронте и принялись наращивать свое присутствие на западном берегу. Скоро в дело вступили противотанковые пушки, переправлен-

«СОМУА» S35

Более легкий, чем танк «В», этот французский средний танк представлял собой основу материальной части легких механизированных дивизий, наполняящая организацией немецкие танковые дивизии. В качестве дальнового предка машины можно назвать легкий «Рина», разрабатывавшийся в 20-е годы. Страдавший от неудачной компоновки и распределения обloads танк не отличался особой результативностью в бою, несмотря на наличие у него хорошей броневой защиты.

Вес: 20 тонн

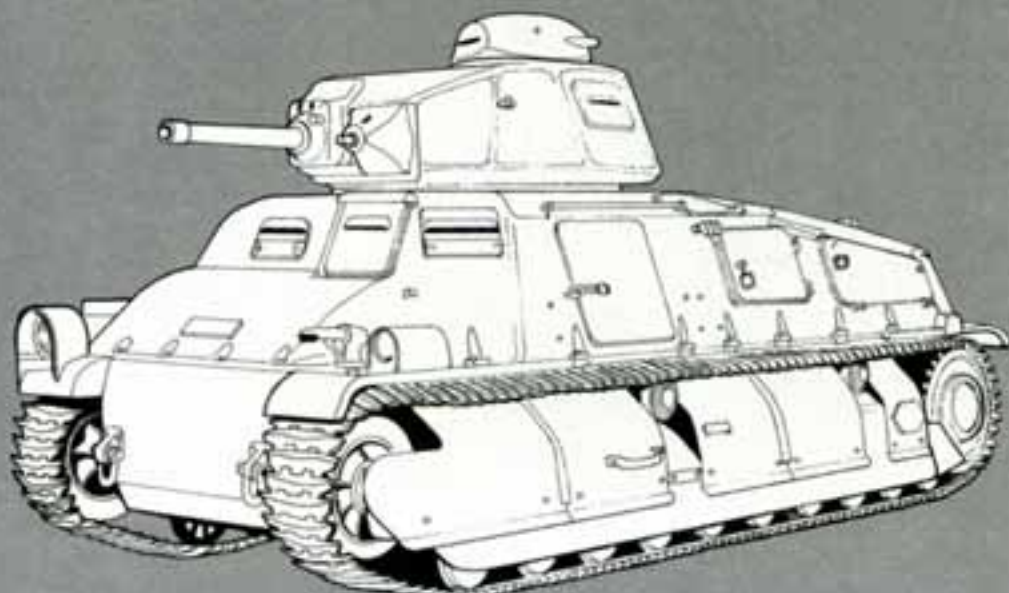
Скорость: 40 км/ч

Лобовое бронирование:

55 мм

Вооружение: 1 пушка 47 мм,

1 пулемет

ные через Маас, чтобы отразить контратаку французской пехоты при поддержке танков. Головные немецкие танки не могли вступить в бой до тех пор, пока в ночь с 13-го на 14-е саперы не закончили наведение мостов, способных выдержать тяжелую технику. Однако с рассветом ничто уже не мешало панцерпфатце рвануться вперед, сокрушая все у себя на пути.

Именно доносения о появлении танков из 7-й танковой дивизии генерал-майора Эрвина Роммеля, бодро мчавшихся от западного берега реки утром 14 мая, убедили командование в 13:30 отдать приказ генералу Брюно повернуть к населенным пунктам Став, Корен, Флавион и Эрметон, чтобы устранить угрозу. Путь этот протяженностью около 38 км занял в общем и целом 14 часов, поскольку колоннам пришлось продвигаться по дорогам, загроможденным бегущими от войны гражданскими лицами и деморализованными солдатами, дезертировавшими с фронта. Пробиравшись на низких скоростях с постоянными остановками, полубригада «В» вышла в предписанный район сосредоточения между Эрметоном и Флавионом в 03:00 15 мая. Бронетехнике уже остро не хватало горючего, а произвести дозаправку немедленно не представлялось возможным, поскольку бензовозы плелись в хвосте колонны и безнадежно отстали. Полубригада «Н» и два артиллерийских дивизиона, посланные к Корену, находились в несколько лучшем положении в том, что касалось обеспечения горючим. Однако силы артиллерии на данном участке скоро сократились до единственной батареи, тогда как остальные пять Брюно отослал в тыл, заключив, что атаку, которую ему предписывалось развернуть на рассвете, провести не представляется возможным. Массированные налеты пикирующих бомбардировщиков на районы сбора французских частей лишь только еще больше затянули выполнение задачи дозаправки и потрепали личный состав, оказавшийся совершенно неготовым действовать в подобных условиях. Брюно не смог вселить в войска уверенность и зарядить их энергией, отчасти потому, что не имел ни малейшего понятия, где находится стремительный противник — следствие плохо налаженной связи с частями на передовой, — а отчасти из-за того, что не сумел организовать прикрытие из разведывательных подразделений. В общем, в итоге неудивительно, что в 08:30 полубригада «В», занятую дозаправкой техники, постиг настоящий шок, когда солдаты завидели танковые фаланги неизвестной принадлежности, приближавшиеся с направления от Анте, строившиеся клином и открывавшие ураганный огонь по неподвижно стоявшим в поле танкам «В» и H39, экипажи которых оказались застигнутыми совершенно врасплох.

Немецкий 66-й танковый батальон начал переправу через Маас утром 14-го с целью усиления тех частей 25-го танкового полка полковника Ротенбурга, которые уже вели упорный бой по соседству с Оне. Командир его, подполковник Рудольф Зикеннус, сопротивлялся отправке тан-

ков в бой порознь и убеждал Ротенбурга, что бронетехника должна действовать сосредоточенно. Так или иначе в середине второй половины дня целый батальон устремился через лесистые овраги на овладение Анте. Одновременно появились продвигавшиеся как бы уступом — сзади и справа от него — головные танки 5-й танковой дивизии. Точно на учениях, разведывательные элементы каждой из дивизий продвигались вперед ночью через позиции охваченного паникой и разгромленного неприятеля, выясняя складывающуюся обстановку по ходу дела. Скоро они обнаружили полубригаду «В» и по радио сообщили координаты района, в котором французы занимались дозаправкой бронетехники. Тотчас же боевая группа, сформированная из 66-го танкового батальона, усиленного 37-мм противотанковыми пушками при поддержке полевой артиллерии, рыча моторами, поспешила по дороге к Флавиону, готовясь дать противнику бой, как выразились сами Роммель и Зикеннус, по образу и подобию морского.

Руководя операцией во главе батальона, Зикеннус приказал двум передовым ротам, укомплектованным легкими PzKpfw 38(t) и PzKpfw II, при поддержке PzKpfw IV, построиться в клин и вести огонь с борта, другим же ротам служить своего рода крыльями, удлинявшими фланги клина и перехлестывавшими район сосредоточения французов. Тем временем прислуга 37-мм противотанковых пушек отцепила их и развернула в поле против живой силы и моторного транспорта противника. Нельзя сказать, будто немецкий огонь отличался особой меткостью, кроме того, их орудия часто не могли поразить бронирование танков «В» иначе, как на предельно короткой дистанции. Наводчики, учебные занятия для которых приходилось сокращать по причине нехватки боеприпасов, палили с водометанием, однако из града снарядов поражения достигали лишь немногие. И все же застигнутые на месте в этой полудреме французские танки, не особо пытавшиеся спастись бегством, один за другим выводились из строя (некоторые немецкие стрелки концентрировались на гусеницах) до тех пор, пока боевой дух их экипажей не улетучился вовсе. Девятнадцать танков «В» (все имевшиеся в наличии) и 14 H39 были подбиты или захвачены при почти полном отсутствии потерь у 66-го батальона. Попытки французских экипажей, сбитых с толку молодецким напором нападавших, развернуть танки «В» так, чтобы вести огонь из смонтированных в корпусе 75-мм орудий, тоже ничего не дали и в результате даже, напротив, позволяли атакующим стрелять в более уязвимые узлы крупных машин. Перегруженные обязанностями командиры и одновременно по совместительству наводчики во вращающейся башне показали себя точно так же плохо, как их товарищи на «Сомуа». Скоординировать собственные действия в обороне французы не смогли, потому что батареи в их никуда не годных радиох просто сели.

ФЛАВИОН, ФРАНЦИЯ, 15 мая 1940 г.

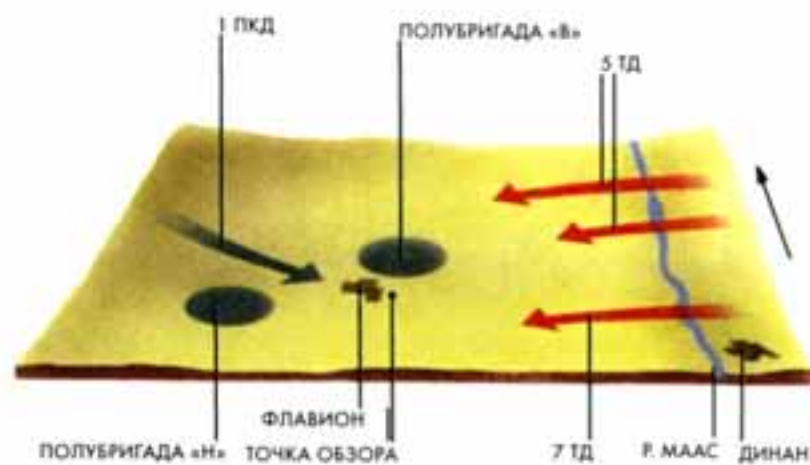
РАЗГРОМ 1-й КИРАСИРСКОЙ ДИВИЗИИ

Застигнутые врасплох и неготовые к неизвестному напору нападавших, экипажи танков «В» и Н39 из французской 1-й ПКД стали легкой добычей для немецких танковых орудий в одном из сравнительно печальных для кампании 1940 г. крупных боев танков с танками. Разыгравшееся побоище продемонстрировало не только превосходство приемов руководства боем и тактических воззрений немецких командиров, но также особо подчеркнуло важность скорости и внезапности в такого рода столкновениях. Кроме того, бой показал, сколь устарело уже танковое вооружение, представленное слабой и малоэффективной 37-мм пушкой в сравнении с «голыстокожими» машинами противника. В результате с этого момента начался процесс интенсификации соревнования между пушками и броневой защитой.

Переброску танков «В» и Н39 1-й ПКД, достигших района Эрметона, Флавиона и Корена в разные часы 15 мая, ни в коем случае нельзя оценить как протекавшую нормально, вследствие перетруженности заполненных беженцами и военным движением дорог во время марша от Шарлеруа. Смятение и паника нарастали. Обесплабригады — как «В», так и «Н» — достигли района сосредоточения едва ли не на последних каплях горючего, проделав 38-км марш на низких скоростях за 14 часов. Несмотря на активность вражеской авиации, попытки прятать технику под деревьями или в ближайших рощах не предпринимались. Танки стояли открыто, при этом экипажи не подозревали о близости смертельной опасности, поскольку никто не позаботился оттянуть боевое охранение из легких частей разведки в восточном направлении. 66-й

[см. продолжение далее]

РАЗГРОМ 1-й КИРАСИРСКОЙ ДИВИЗИИ

[продолжение]

танковый батальон подполковника Зикеннуса, возглавлявший наступление 25-го танкового полка в направлении Флавиона, подобной неоправданной роскоши себе не позволял. Дозорные бронепоезда и мотоциклисты 7-й танковой дивизии обнаружили полубригаду «В» и сообщили о ее местонахождении по радио Зикеннусу, который применил прием, побуждавший дивизионного командира, генерал-майора Роммеля, сравнить разыгравшееся сражение с морским боем. Таким оно и выглядело, но только со стороны немцев. Вражеские тяжелые танки стояли неподвижно, заправляясь из цистерн наконец-то прибывших бензовозов горючим. Некоторые из их водителей добрались до сосредоточения бронетехники во второй половине дня, страшно вымотанные трудным переходом. Энергичный Зикеннус и представить себе не мог, что противник своим разгильдяйством приготовит ему такой подарок. Он тут же построил танки и 37-мм противотанковые пушки клином. Руководил действиями атакующих с переднего края, подполковник мог на основе собственных наблюдений убедиться в верности доведенной разведки и уверенно вывести две головные танковые роты на огневые позиции.

На панораме изображен бой в момент самого разгара. Неметцкие PzKpfw 38(t) бьют из 37-мм орудий с расстояния 200 м и менее, цель в более слабые борта и негитализационные решетки танков «В». PzKpfw IV накрывают огнем 75-мм орудий грузовики и экипажи около них, поскольку футастые снаряды пушек с низкой начальной скоростью полета снаряда почти не причиняли вреда хорошо бронированным французским танкам.

Изда естественных укрытий вблизи поля боя, соприкасаясь с цитами, вступают в сражение расчеты 37-мм противотанковых орудий. С севера на звуки битвы спешит бронетехника из состава 5-й танковой дивизии, бойцы которой, прослышав о легкой победе, тоже стремятся принять участие в праздничном шествии соседей-победителей. Однако их не ждала такая же удача, как та, что выпала на долю удачливой Зикеннуса. На сей раз французы успели подготовиться, поскольку у врага отсутствовал элемент внезапности. Вот и результат: потери 5-й танковой оказались заметно выше уровня, понесенного 7-й дивизией. А тем временем Роммель, для которого боевое соприкосновение под Флавином стало лишь звеном в цепи блестящих успехов в деле уничтожения деморализованного и терпящего войско к борьбе противника, уже отдавал указания 25-му танковому полку развивать успех и двигаться в направлении Филиппвилля, чтобы скоро сокрушить полубригаду «Н» под Кореном, вследствие чего танковый парк 1-й ПКД сократился до каких-то 50 единиц, да и тем остались лишь немногие часы службы. Разгром был полным.

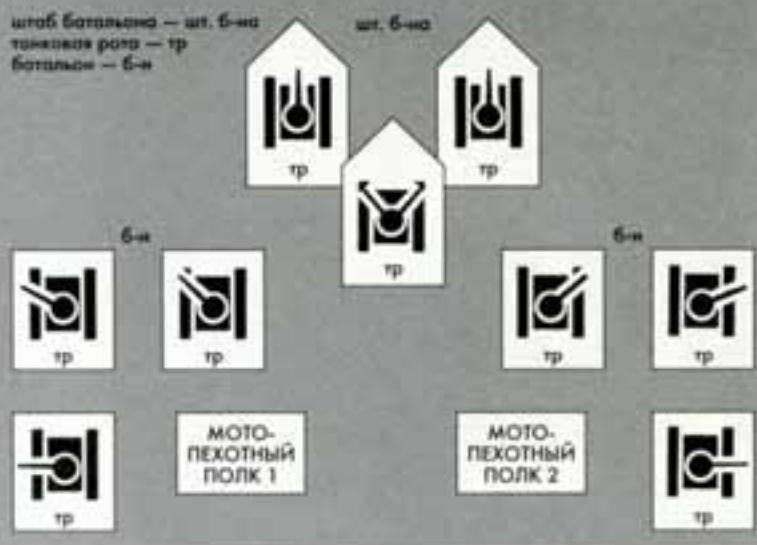

МОРСКОЕ БОЕВОЕ ПОСТРОЕНИЕ

ДИСПОЗИЦИЯ 66-го танкового батальона в «морской битве» на суше — в ходе немецкой атаки против 1-й ПКД под Флавином. Танковый клин продвигается в направлении противника, при этом машины каждой роты поворачивают пушки так, чтобы вести максимально

плотный огонь в любом направлении, прикрывая друг друга с флангов, с фронта и с тыла. Командиры находятся на переднем крае, принимая решение немедленно на основании динамично меняющейся обстановки, отдавая приказания по радио. Моторехота

следует позади под прикрытием, везе на буксире противотанковые пушки, а артиллерия обеспечивает тыл, подавая перерывы с одной огневой позиции в другой. Тем временем разведка на бронепоездах прочувствует местность вперед и прикрывает фланги.

НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В последовавшем затем бою французы показали себя лучше, хотя остатки полубригады «В» подверглись трепке под Эрметоном от 31-й танковой бригады полковника Вернера, однако и французы тоже сумели нанести немцам более весомый урон. Первой восточкой о присутствии поблизости немцев для одного из командиров роты танков «В» стал снаряд, который получила в бок его машина, хотя поначалу командир принял попадание случайному выстрелу кого-то из своих. Разошедшись, он сделал пять выстрелов из 47-мм пушки в направлении противника, а потом двинулся вперед. Тотчас же водитель заметил среди деревьев танк, по которому представлялось возможным выстрелить из 75-мм орудия, просто потому что машина находилась прямо на пути. Ближайший немецкий танк вспыхнул, экипаж бросился вон из машины. Но только теперь командир заметил с левого фланга от себя несколько крупных немецких танков, некоторые из которых, похоже, горели.

«РАДИАТОРЫ У МЕНЯ БЫЛИ РАЗБИТЫ, мая 75-я получила попадание в ствол и ее заклинило на максимальном откате. Я продолжал дело из 47-й».

В поисках более безопасной огневой позиции южнее командир попал под сильный обстрел 105-мм полевых пушек, когда в бой против французов включилась немецкая артиллерия. Потери росли.

«С дистанции я заметил «Гар» с открытой дверью башни... справа подбитый танк из 28-го. Немецкие танки образовали как бы полукруг, того я насчитал их приблизительно от 50 до 60. Я приказал своей роте отходить... «Урк» и «Изер» медленно откатились, а «Гро», как я увидел, загорелся...»

Что бы ни делали французы, они все равно не имели даже малого шанса остановить 5-ю или, тем более, 7-ю танковую. Расценивая победу под Флавионом как малозначительный инцидент, Роммель устремился в направлении Филиппвилля, обходя полубригаду «Н» у Корена и обращая в паническое бегство французскую пехоту. К наступлению ночи в 1-й ПКД осталось всего 50 боевых машин, некоторые из танков «В» доставались немцам целехонкими в виде призов. На следующее утро, в результате механических поломок и нехватки горючего, численность материальной части дивизии сократилась и вовсе до 17, которые вечером 16-го были в итоге уничтожены Роммелем южнее города Авен.

В крушении оставшихся подвижных кирасирских дивизий повинны, несомненно, как действия напористого противника, так и некомпетентность французов, как мы уже видели в случае с 1-й дивизией. 13 мая танки 2-й ПКД перебросили по железной дороге в Шарлеруа, но потом передислоцировали в Сен-Кантен. Затем их рассредоточили у Гирсона с тем, чтобы превратить в атакующий род доты по реке Уаз для противодействия пяти танковым дивизиям группы генерала Эвальда фон Клейста, которые быстро прибли-

жались, наступая от Монтерме и Седана. Подразделения снабжения 2-й ПКД отправились по автодорогам к населенным пунктам Пиз и Ретель, где 15 мая по ним ударили головные немецкие части. Дивизия разворачивалась и вступала в боевые действия по частям. Точно так же она и уничтожалась, так ни разу и не сосредоточив все силы в единый кулак. Что же до 3-й ПКД, встреча с судьбой ждала ее в районе Шмери, куда она прибыла утром 14 мая, чтобы встать на пути у XIX корпуса Гудериана (действовавшего на левом крыле группы Клейста) на начальной стадии прорыва с берегового плацдарма под Седаном. Получив указание атаковать с марша в 11:00, 3-я дивизия не имела совершенно никаких шансов выполнить приказ. Оперативные подходы командования этого соединения годились в качестве товара для антикварной лавки. Никто не отдал жизненно важных предварительных распоряжений, дозаправка топливом осуществлялась с ловкостью и поспешностью бегемота, приемы развертывания напоминали недоброй памяти 1918 г. Только в 16:00 головные танки достигли исходной позиции. К тому времени командир корпуса отменил атаку и перешел к обороне, приказав 3-й ПКД создать опорные пункты для противодействия боевым группам Гудериана, продвигавшимся на юг. Но тут вдруг неожиданно боевые группы эти развернулись в западном направлении, открывая фланг для контратаки. Прошло 12 часов прежде, чем приказ о такого рода ударе поступил в дивизию, после чего еще 12 часов иссякли в приготовлениях, затем начались затяжки и проволоочки, поскольку организм системы командования дивизии уже развела инфекция недееспособности и пораженчества. Возможность сосредоточенного выпада была безнадежно утрачена. Все что смогли отдельные части, подразделения и одиночные танки — нанести несколько разрозненных «шпалек» по немецкой пехоте, которая к тому моменту находилась на наскоро подготовленных позициях под надежным прикрытием противотанковых пушек и штурмовых орудий.

Ну и наконец наступил черед 4-й ПКД де Голля, наименее готовой к боевым действиям из всего страдавшего от скверного дирижерства квартета, которая задирала южный фланг Гудериана во время его броска в западном направлении. Она то и дело осмеливалась на полные драматизма (и впоследствии удостоившиеся хорошего наблизити) выпады против немцев, приносящие, правда, не так уж много плодов. В итоге ее бросили в лобовую против немецкой пехоты на береговых плацдармах южнее реки Соммы около Абвиля, где она в компании с крейсерами и легкими танками британской 1-й бронетанковой дивизии была расстреляна 37-мм противотанковыми пушками и 88-мм зенитками. Назвать это столкновение насыщенным противоборством танков с танками практически невозможно.

Расчленение легких механизированных и разгром подвижных кирасирских дивизий определили судьбу союзных армий, которые лишились подвижных бронетанковых кулаков. Неглубокие, тактически устаревшие заслоны, или «эжи», которые французское командование в отчаянии приказало образовать на пути у энергично продвигавшихся немцев, не смогли и не могли остановить скопления танков. Иногда немецкие танковые командиры прорывали такие заслоны, опрокидывая или просто обходили их, едва заметив, что преодолели какой-то рубеж, хотя следовавшей за ними пехоте, вынужденной войти в боевое соприкосновение с врагом в оставленных без внимания танкистами очагах упорной обороны, порой приходилось весьма и весьма трудно. Факт оставался фактом — единственным антидотом против быстрой и подвижной бронетехники могла служить только быстрая и подвижная бронетехника. Однако всего лишь раз на протяжении всей кампании немцам довелось столкнуться с чем-то, по меньшей мере, отчасти наминавшим нечто подобное со стороны противника.

КОНТРУДАР ПОД АРРАСОМ

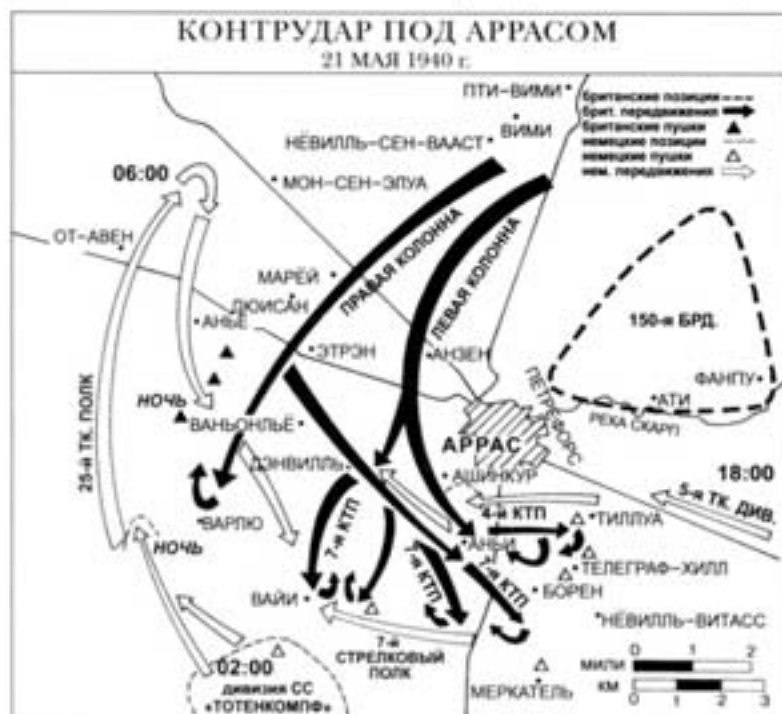
Контратака союзников под Аррасом протекала вскоре после того, как 20 мая XIX корпус Гудермана достиг Ла-Манша в районе Абвиля. Придвижение XIX корпуса параллельно с XII корпусом генерала Георга Ганса Рейнхардта (оба возглавляли группу Клейста) не встречало особых помех с того момента, как 14–15 мая удалось создать береговые плацдармы на Маасе. Поставленных французами заслонов наступаю-

щие почти не замечали, наскоки отдельных французских танков и выстрелы случайно попавшихся на пути орудий не могли поколебать решимости атакующих. Ни разу службы тылового обеспечения не подвели немцев на их 250-км шестидневном марше к морю, но, несмотря на это, численность танкового парка сократилась на 50 процентов, по большей части в результате механических поломок, а не вследствие вражеского противодействия. И все же такое положение нельзя даже сравнить с тем, что происходило в плане технической надежности у британцев, которые терли от аналогичных причин до 75 процентов наличной техники. В любом случае, уменьшение численности парка не играет большой роли для армии, куда она сохраняет способность возвращать технику и приводить ее в порядок. Поскольку немцы наступали, они такой возможностью располагали, тогда как отступающие союзники то и дело терли машины — и терли безвозвратно. Только 21 мая бронетехника союзников сподобилась на скоординированные действия против немецких танков и, сделав это, явно продемонстрировала подлинное значение танкового контрудара.

Как военные, так и гражданские лица легко поймут, что проложенный немцами танкистами коридор походил на эталонное бутылочное горло, которое было бы нетрудно отколоть. Вновь назначенный главнокомандующим генерал Максим Вейган как раз это и намеревался сделать, однако он не располагал ни временем, ни возможностью сосредоточить необходимые по численности силы. По сути дела, Вейгану пришлось импровизировать, а тем временем железный поток немецких механизированных колонн угрожал Аррасу — главной базе Британских экспедиционных сил, которые вошли в Бельгию вместе с французами и над которыми нависла угроза быть вот-вот отрезанными от источников снабжения. Британцы настаивали на каких-то контрмерах. Группа Клейста проследовала южные предместья Арраса 20-го, а 7-я танковая дивизия Роммеля, возглавлявшая XV корпус Гота, достигла пригородов во второй половине дня, где встретила решительный отпор со стороны пехоты гарнизона. Данное обстоятельство дало союзникам достаточно времени, чтобы отреагировать.

Кое-какие небольшие части кавалерийского корпуса Приу — около половины 3-й и остатки 1-й ЛМД — собрались на горном кроке Вими. Тем же вечером с ними соединились 58 британских пехотных танков «Матильда-I» и 16 «крепышей» «Матильда-II», состоявших в 1-й армейской танковой бригаде. Ни в коем случае не располагавшие полными данными о положении дел у противника, лишенные воздушного прикрытия и решительных командиров на самомверху, эти бронетанковые части, усиленные за счет пехоты и артиллерии британской 50-й пехотной дивизии, 21 мая получили приказ сформировать три

Контрудар союзников под Аррасом 21 мая 1940 г. стал свидетелем взаимных обходных маневров и контрманевров противоборствующих сторон. Интересно отметить, в частности, что союзные и немецкие танковые части часто, хотя и ненамеренно обходили друг друга. Однако как тем, так и другим немало доставалось от выведенных на огневые позиции неприятельских пушек.

Грозное 88-мм орудие двойного назначения — зенитка и противотанковая пушка. Как видно из таблички, в те времена она обладала способностью поразить бронирование любого союзнического танка на большой дистанции.

колонны с целью атаки против немцев южнее Арраса. Планы разрабатывались в обстановке крайней спешки. Пехота прибыла на позиции в самый последний момент и в сильно измотанном состоянии, поскольку всю ночь шла маршем по кочкаватому бездорожью. Редкие из раций работали нормально, карты отсутствовали почти или вовсе, и с самого начала полевая артиллерия не могла применяться с полной отдачей по причине неполадок со связью. Более того, план страдал от изъянов, прежде всего от того, что им предусматривался обход тремя колоннами Арраса с целью вывода на исходные позиции. В результате внутренней колонны «Матильда» 4-го батальона КТП (Королевского танкового полка) предстояло пройти более короткую дистанцию, чем следовавшей в центре колонны «Матильда» 7-го батальона КТП и значительно менее протяженную по сравнению с той, которую должна была пройти внешняя колонна 3-й ЛМД с ее «Сомуа» и ИСВ. Говорить о какой-то согласованности при таком раскладе не приходилось. Обеспечить бронетехнику адекватной поддержкой пехоты не представлялось возможным — пехотой она просто не могла поспевать за танками, и лишь внутренняя колонна 4-го батальона КТП сумела выдержать заданный график. 7-й батальон КТП практически рассыпался на длинном пути к исходной и превратился в отдельные эфемерные отряды, сблизившиеся с неприятелем в беспорядке, без всякого управления и, таким образом, лишенные возможности оказывать друг другу взаимную поддержку. Части 3-й ЛМД вместо того, чтобы прикрывать правый фланг, предпочли плестись за британцами, вероятно, потому, что слышали о наличии поблизости крупных немецких танковых соединений. Потерпевшим под Жамблу метким огнем немецких танкистов французам осторожность казалась в том случае лучшей составляющей воинской доблести.

Немецкие танки, которые засекли колонны союзников, принадлежали к 25-му танковому полку полковника Ротенбурга, возглавлявшему 7-ю танковую дивизию Роммеля, которая осу-

ществляла крутой разворот вправо в направлении населенного пункта Ак. На южных подступах к Аррасу 4-й батальон КТП вошел в боевое соприкосновение с немецким разведывательным батальоном и 6-м стрелковым полком, прикрывавшим правый фланг танковой дивизии и располагавшим только 37-мм противотанковыми пушками. Подобное оружие могло лишь нанести экипажи «Матильда» — немецкие снаряды отскакивали от бронирования, толщина которого колебалась от 65 до 80 мм. Танковые пулеметы перебили артиллерийскую прислугу, подожгли технику и обратили в паническое бегство пехоту. Когда появился 7-й батальон КТП, инфекция страха перекинулась на 7-й стрелковый полк, продвигавшийся за передовым 25-м танковым полком через село Вайн. Как выяснилось, на этой войне танкобоянь была знакома не только французам. Роммелю самому пришлось заниматься организацией обороны в Вайн. Он приказал вести интенсивный огонь даже из 20-мм зениток по танкам 7-го батальона КТП и 3-й ЛМД, когда те мало-помалу добрались наконец до села. Союзники могли бы сломить вражеское противодействие, если бы правое крыло их наступления действовало слаженно и сосредоточенно и если бы атакующие располагали хотя бы крошечной артиллерийской поддержкой. Но случилось то, что случилось, британские и французские танки, далеко оторвавшиеся от пехоты, начали терять напор и натиск. Немцы получили время. С большой задержкой, обусловленной просчетами в горячке боя и слишком тесным участием в сражении его как командира дивизии, Роммель наконец ввел в действие 25-й танковый полк.

Тем временем 4-й батальон КТП продолжал триумфальное шествие через позиции смятого им 6-го стрелкового полка, выходя на открытое пространство поблизости от Борена, где между ним и заключительными целями — Меркательем и Невиль-Витгассом — находилась теперь только артиллерия 7-й танковой дивизии. Однако экипажи «Матильда» совершенно не ведали того, что у Меркателя их поджидало оружие, о котором они прежде ничего не слышали: 88-мм пушки,

установленные как средство ПВО среди 105-мм гаубиц зениткам этим и предстояло взять на себя роль истребителей танков. Открывая огонь с дистанции 1000 м, 88-мм и 105-мм орудия заставили британцев остановиться, поскольку неуверенный, нескорректированный и запоздалый огонь британской артиллерии ни в коем случае не смог нейтрализовать вражеские огневые позиции и спасти атакующие танки. Снаряды немецких 105-мм могли нанести тяжелым танкам, что называется, накопленные повреждения, однако кинетическая энергия при попадании 10-килограммового выстрела из 88-мм ствола при начальной скорости 820 м/сек означала мгновенное уничтожение для любой тогдашней бронетехники. Что говорить, если снаряд мог снести «Матильда»-башню. В течение минут атака 4-го батальона КТП захлебнулась под огнем чрезвычайно метких немецких артиллеристов и зенитчиков. Если бы удалось вывести из строя или нейтрализовать вражеские батареи, «Матильды» сумели бы продвинуться дальше, что привело бы их к лобовому столкновению с продвигавшимися вперед танками 5-й танковой дивизии, спешившими по дороге на выручку 7-й танковой. Но прорыва не произошло, и танкисты с обеих сторон не успели толком померяться силами до того, как пришла ночь, положившая конец бою.

25-му танковому полку повезло меньше — пришлось наскоро ужинать у селения Ак и срочно мчаться в юго-западном направлении к Вайн. Вдруг в наступивших сумерках танкисты оказались под интенсивным обстрелом из выстроенных в линию орудий перед селами Донзан и Анье — 40-мм пушек, установленных 50-й дивизией для прикрытия фланга и неожиданно усиленных не слишком-то готовыми лезть в битву «Сомуа» и Н35 из состава 3-й ЛМД. Времени для разворота в «морское построение» не оставалось, да и сама по себе местность не благоприятствовала применению подобной тактики, в то время как напоминание об обязанности как можно скорее соединиться с теснящей противником пехотой все время всхлипывало в мозгу Ротенбурга тревожной красной лампочкой. Просто за счет численности немцы пробивались к окраине села Варлю, после чего запыхало ожесточенное, нехотное по характеру сражение, продлившееся весь вечер. Между Варлю и Анье осталось 20 уничтоженных немецких танков, несколько из которых записали себе на счет бившие по врагу с малой дистанции «Сомуа». Тем не менее важно заметить, что в сражении, где «первую скрипку» играли танки и где 7-я танковая понесла наиболее тяжелые потери в кампании (89 убитых, 116 раненых и 173 пропавших без вести, плюс еще урон у дивизии СС «Тотенкоф»), этот бой представлял собой единственный за весь день эпизод действий танков против танков. Наиболее частой причиной утраты бронетехники (48 машин только у британцев) стал либо огонь пушек, либо механические поломки.

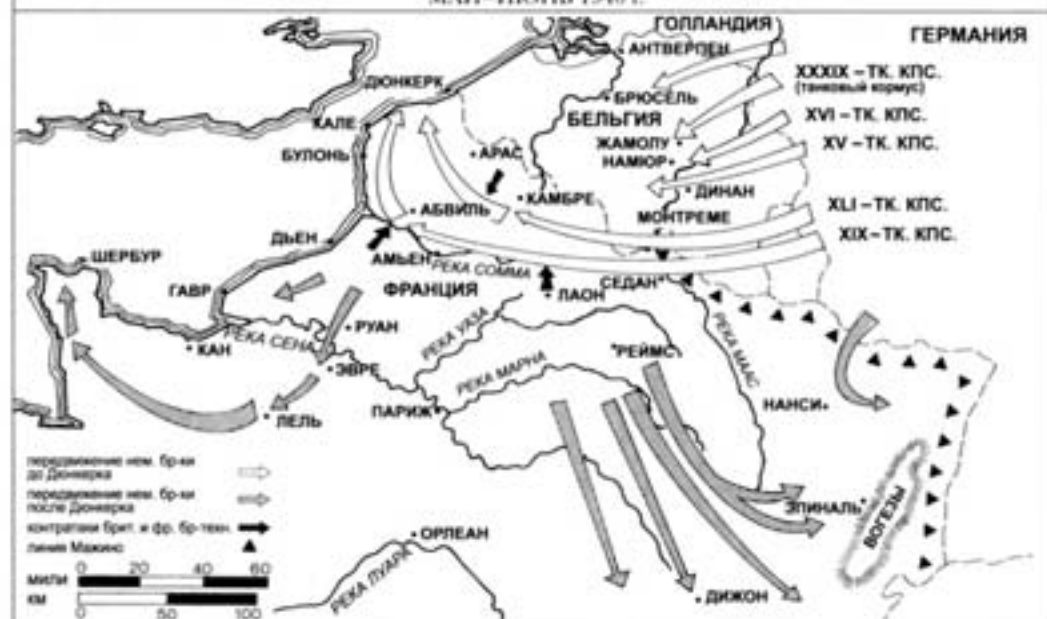
ЗАВОЕВАНИЕ ФРАНЦИИ

После Арраса боев между танковыми частями во Франции более не отмечалось. Теперь союзники предпочитали терять остатки бронетанковых войск в отдельных стычках и по большей части в столкновениях с противотанковой артиллерией. Еще сохранившиеся части 4-й ПКД и основные силы британской 1-й бронетанковой дивизии, укомплектованные 15-тонными крейсерскими танками Mk I, II и III, плюс множество легких танков, в период с 24 по 27 мая «употребили в пищу» 37-мм и 88-мм пушки и бесплодных и несогласованных попыток союзников атаковать береговые плацдармы на Сомме около Абвиля. В двух других случаях — на склонах горного кряжа Вимп 23 мая и в боях на берегах реки Лис 27-го числа — «Матильды» 1-й армейской танковой бригады смогли заставить ненадолго остановиться 7-ю танковую дивизию и даже на какое-то время отвлечь ее от выполнения поставленных задач. Однако под Кале, где с целью удержать порт и атаковать во фланг наступающему Гудериану на берег высадили батальон британских крейсерских и легких танков, которые уверенно ринулись в глубь континента, бронетехника напоролась на танки и пушки 2-й танковой дивизии у Пина. В разыгравшемся в струях ласкового летнего дождика бою британцы потеряли 13 машин, так сказать, всухую. Затем основное внимание командования сконцентрировалось на вывозе войск из-под Дюнкерка, где осталось все тяжелое оружие и снаряжение БЭС. Далее к востоку в свою очередь подняли руки и сдались экипажи еще уцелевшей французской бронетехники.

Когда же немцы перегруппировались и понесли незначительные потери в материальной части, союзники уже не располагали подвижными войсками, способными противодействовать врагу в маневренных боях, что позволяло наступающим развивать успех, с 5 июня действуя в каждом направлении. Закрепляясь на наскоро подготовленных оборонительных позициях, ставя заслон за заслоном, союзники могли самое большее затянуть продвижение противника, хотя и не без местных успехов. Войска их сражались лучше, чем в начале, когда располагали более подходящим для этого снаряжением. Тут и там немцы несли чувствительный урон от рук опытных французских артиллеристов. Однако когда враг прорывал оборонительный рубеж, танковые и моторизованные дивизии получали оперативный простор, быстро отбрасывая позиции, пробивая коридоры, по которым за ними шагала довершающая неприятельский разгром пехота.

Что же до британцев на левом фланге, когда французская оборона с треском рухнула, они поспешили к портам, чтобы без лишних церемоний убраться домой через пролив, оставив на континенте врагу на память о себе все, за исключением семи крейсерских и легких танков из состава 1-й бронетанковой дивизии. Память о бесславном поражении останется в сердцах, холода душу

ЗАВОЕВАНИЕ БЕЛЬГИИ И ФРАНЦИИ МЕХАНИЗИРОВАННЫМИ СОЕДИНЕНИЯМИ НЕМЦЕВ МАЙ–ИЮНЬ 1940 г.

любопытным сквознячком. Из всей бронетехники лишь тяжелые «Матильды» смогли добиться каких-то пусть временных успехов, что явственно показало — в будущем бронирование основного боевого танка должно достигать в толщину по меньшей мере 80 мм. В плане применения артиллерии, извлеченные из боев печальные уроки позволили сделать однозначное заключение о том, что существующие приемы оставляют желать лучшего. Особенно «хорошим» примером служили крейсерские танки из 1-й бронетанковой дивизии, которые, сделав 40 выстрелов из 40-мм орудий с дистанции 1000 м и менее, подбили два приближавшихся немецких средних танка.

Как бы там ни было, обе стороны закончили кампанию полные озабоченности и тревог, а также стремления непременно повысить качественные характеристики танков. Выполнение этих заветных желаний зависело от прихоти высших военных руководителей в штабах, министерствах и ведомствах, переволнованных ловкими закулисными игроками и пробивными парнями из всех родов войск, готовых во что бы то ни стало отстаивать интересы «своих» в ущерб потребностям «чужих». Добавим сюда для полноты картины невежество и глупость, технические и технологические ограничения и необходимость считаться с финансовыми возможностями.

СОРЕВНОВАНИЕ БРОНИ И ПУШКИ

В результате боевого опыта, вынесенного с полей сражений Франции и Бельгии, военные планировщики поняли всю бесперспективность политики дешевого танка с тонкой броней и 37-мм пушкой в качестве главного вооружения.

Британцы, родные берега которых оказались перед казавшейся неминуемой угрозой вторжения, тоже пришли к выводу, что 40-мм пушки надо заменить чем-то более мощным.

Немцы уже запустили в производство 50-мм орудия двух типов: «короткую» версию L42 (длинной в 42 калибра) с начальной скоростью полета снаряда 685 м/сек и «длинную», L60 (60-калиберную), с начальной скоростью полета снаряда 823 м/сек. Обе, помимо болванок, вели огонь не очень мощным, но все же неплохим фугасом. Не составляло большого труда установить пушки L60 как на PzKpfw III, так и на PzKpfw IV, поскольку довольно широкие корпуса обеих машин (соответственно 2,91 и 2,96 м) позволяли поставить на них башни с большим погоном, необходимые для ствола с более громоздким противоткатным механизмом. Однако, к нетоварному таким специалистам, как Гудериан, начальство распорядилось передать L60 на нужды противотанковой обороны пехоты, а L42 вооружить танки, причем только PzKpfw III, оставляя PzKpfw IV в их роли непосредственной поддержки с короткой 75-мм пушкой L24. К подобному шагу Германию подталкивали производственные трудности, а также убеждение Гитлера в том, что войнаде все равно уже выиграна, а потому не следует слишком тратить на новое оружие, чтобы не перенапрягать силы немецкой экономики. В то же самое время военные потребности (возникшие на основе излучения в большей степени поединков противотанковых пушек с танками, нежели боев между самими танками) указывали на необходимость усилить защищенность пехоты, моральный дух которой может быть по-

ступальца наступления германской армии, возлагаемые мобильными механизированными соединениями во время триумфального похода в Западную Европу в мае–июне 1940 г. Обратить внимание на плотную концентрацию сил танковых корпусов, когда те, все набирая обороты, прорываются через границу, углубляются во вражескую оборону, а потом неудержимо рвутся к Ла-Маншу и затем в глубь Франции. Отметим и то, сколь редки контратаки, из которых только одно сражение под Аррасом заставило немцев поворачиваться.

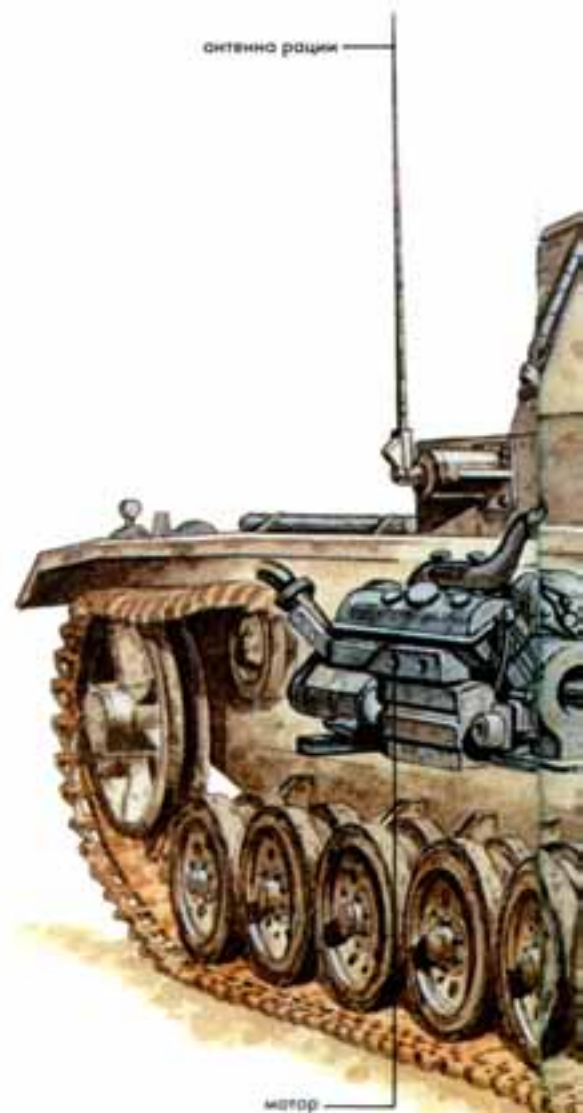
дорван, если она почувствует, что не имеет действенных средств в борьбе с бронетехникой, как случилось это, например, под тем же Аррасом. Приводились доказательства, что де отмечалось немало случаев, когда танки получали адекватную поддержку от 37-мм, 105-мм и 88-мм орудий как в наступлении, так и в обороне. Данные наблюдения как будто бы показывали, что танку вовсе не обязательно нести противотанковое оружие, поскольку его оптимальным применением являются стремительные атаки и глубокие подвижные операции во вражеских тылах. Поднялся даже целый хор голосов, которые утверждали, что более дешевая и простая в производстве самоходка с ограниченным углом горизонтальной наводки сможет заменить танк при выполнении большинства боевых задач.

Для британцев проблема модернизации танкового парка стояла куда острее и требовала куда больше энергии, поскольку к июлю 1940 г., после сокрушительных поражений на континенте, для защиты острова армия располагала всего 200 современными танками. Жизненно важным становилось не качество, а количество: лучше иметь хоть сколько-то устаревших танков, чем не иметь их вовсе из-за потери времени, необходимого на запуск в производство новых модификаций. То же самое касалось и вооружения. В то время как немцы предвидели необходимость внедрить 50-мм пушки еще задолго до войны, и потому в 1940 г. нужные орудия уже изготавливались, британцы — несмотря на наличие требования на 57-мм пушку еще в 1938 г. — неоправданно затянули ее выпуск. Только в январе 1940 г. проект получил одобрение, с тем результатом, что валовое производство развернулось не ранее 1941 г. Положение осложнилось кризисной ситуацией 1940 г., когда пришлось пойти на увеличение выпуска существовавшего 40-мм орудия по той же самой причине, что слабая пушка была все же предпочтительней, чем полное отсутствие даже таковой. Вообще же при выборе «правильной пушки» британцы исходили из критерия толщины брони собственных танков, а не машин, которыми располагает или вскоре будет располагать их противник. И хотя в 1940 г. толщина брони немецких танков не превышала 30 мм, в Британии почему-то не подумали и том, что 40-мм броневой выстрел будет нередко крошиться при соприкосновении со стальными листами поверхностной закалки.

Когда дело дошло до установки 57-мм пушек на британские танки, стало вдруг очевидно, что корпус существующих машин (в отличие от корпусов немецких танков) слишком узок, чтобы иметь башенный погон соответствующего диаметра. Перед войной при проектировании бронетехники исходили из того, что, ввиду сомнительной надежности танковых траков, в процессе перебросок бронетехники на большие расстояния разумно будет перевозить их на ж/д

PZ KPFW III E

СЧИТАВШИЙСЯ СРЕДНИМ ТАНКОМ у немцев, PzKpfw III E с его короткой 50-мм пушкой выполнял роль основного средства уничтожения вражеской бронетехники. (См. таблицу характеристик.) Оснащенная 300-сильным двигателем «Даймлер-Бенц», эта машина отличалась надежностью и пользовалась заслуженным признанием у экипажей.

Упругая подвеска обеспечивала машине довольно плавный ход, однако бронирование не гарантировало надежной защиты в бою против средних танков союзников. Во всех основных боевых танках немцы неизменно копируют традиционную британскую компоновку с башней, где помещалось три члена экипажа. В отличие от PzKpfw IV, башня PzKpfw III оказалась маловатой для следующего этапа наращивания мощности главного вооружения — 75-мм пушки. Поэтому, когда

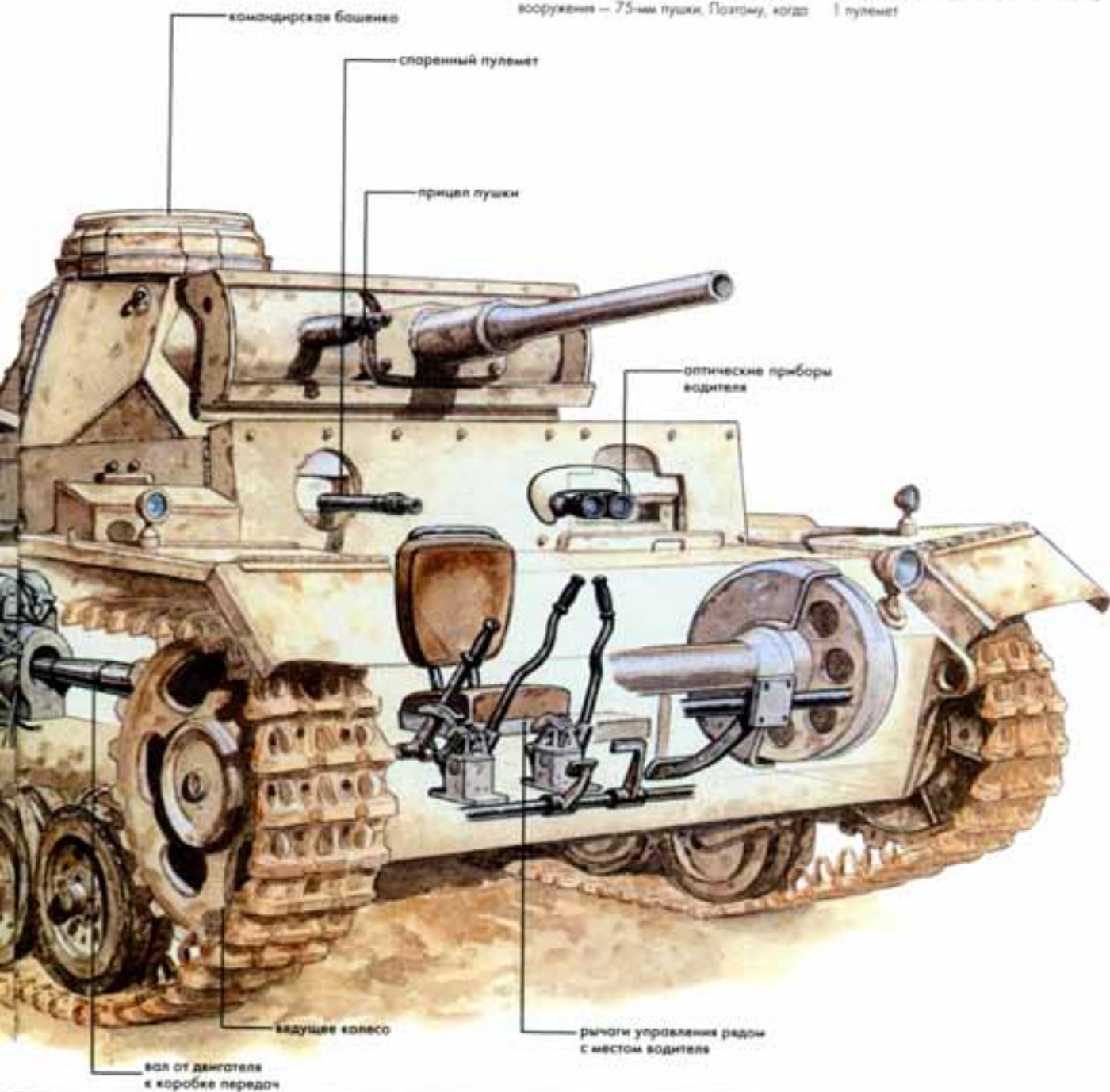
время потребовало установить на машину более эффективное орудие, PzKpfw III с его 50-мм стволом длиной в 60 калибров быстро перешел в разряд безнадежно устаревших. Однако шасси машины уже с 1940 г. служило удобной базой для самоходок.

Вес: 19,5 тонны

Скорость: 40 км/ч

Лобовое бронирование: 30 мм

Вооружение: 1 пушка 50-мм 42 калибра, 1 пулемет

платформах, поскольку танковых транспортеров для применения на автодорогах тогда еще не выпускали. Колеса британских железных магистралей были уже немецких. Никто не попытался найти обходного пути решения проблемы, остановившись на ограничении габаритов танков. Все это означало, что крейсерские танки от Mk I до Mk V и пехотные — Mk I и Mk II («Матильда») не годились для более мощных пушек, тогда как крейсерские Mk VI («Крусейдер») и пехотный Mk III («Валентайн») не подходили для модернизации, потому что из-за более крупного орудия в башне оставалось очень мало места, а кроме того, приходилось сокращать объем боеукладки.

Такое отставание не грозило Британии большой бедой, если бы к 1942 г. у нее появился надежный танк, соответствовавший техническим требованиям, заложенным после Дюнкерка. Армия испытывала нужду в машине с как минимум 80-мм бронированием и хорошей 57-мм пушкой, которую с течением времени могла бы заменить 75- или 76-мм пушка. Насколько эффективно можно применить существующие образцы танков, при условии, что они находятся в руках опытных командиров, британцы продемонстрировали в конце 1940 г. в условиях, коренным образом отличавшихся от тех, в которых приходилось действовать во Франции.

ВОЙНА В ПУСТЫНЕ И ПОРАЖЕНИЕ ИТАЛЬЯНЦЕВ

Вступившее в июне 1940 г. Италия в войну на стороне Германии поставило итальянцев в положение британского противника в Восточной и в Северной Африке, при этом во втором случае конфликты протекали в основном в прибрежной полосе Ливии, Киренаики и Египта. Именно там, в пустынных районах, где имелось широкое поле для применения бронетехники, и развернулись невиданные прежде танковые баталии. Хотя поначалу боев танков против танков отмечалось немного, главным образом потому, что 10-я итальянская армия в Киренаике располагала 200 танкетками L3 (показавшими собственную бесполезность уже в Испании), усиленными 60 чрезвычайно слабыми 11-тонными 37-мм самоходными орудиями M11/39, также неспособными на равных мериться силами с крейсерскими танками британских войск Западной пустыни под началом генерал-лейтенанта Ричарда О'Коннора. В результате в июне, июле и августе 1940 г. британские танки и бронемашинны господствовали на ГВД, делая все, что им заблагорассудится, с менее подвижной итальянской армией, способной лишь медленно передвигаться от одного укрепленного района к другому, применяя полевую артиллерию и противотанковые пушки для прикрытия жизненно важных узлов орошенных линий коммуникаций. В то время как итальянцы строили тактику на обороне окружен-

СЛАБЫЕ МЕСТА БРИТАНСКОЙ БРОНЕТЕХНИКИ

Слева: Британский легкий танк Mk VI на привале в Западной пустыне. Эта 6-тонная машина годилась только для разведывательных надобностей. Со спорным пулеметным вооружением и жалким 14-мм бронированием она крайне плохо зарекомендовала себя в ходе боя во Франции в 1940 г.

Внизу справа: Крейсерский танк Mk III представлял собой британскую разработку на основе конструкции Кристи образца 1932 г., от которого сохранилась лишь характерная подвеска с опорными катками большого диаметра. Хронически ненадежная, отличавшаяся слабыми гусеницами машина в итоге была снята с вооружения в 1941 г. и заменена крейсерскими танками Mk V («Кланлендер») и Mk VI («Крусейдер»), которые могли тем отличалась от неудачного предшественника.

Вес: 14 тонн

Скорость: 48 км/ч

Лобовое бронирование: 30 мм

Вооружение: 1 пушка 40-мм, 1 пулемет

ных проволокой и минами опорных пунктов, британцы позволяли себе вести «морские» сражения на открытых площадях, которые они удерживали на Солсбери-Плейн (хотя и с заметной меньшей сложностью). Делая это, они проявляли склонность недооценивать тактическую важность особенностей местности.

В сентябре 1940 г. итальянцы крупными силами вторглись в Египет, вынудив британцев отступить к их передовой базе в Мерса-Матрухе. Важных боевых соприкосновений с участием танков не отмечалось, поскольку британцы концентрировались на линиях, замедлявших продвижение противника, совершая наскоки по типу острых укусов с флангов, стараясь сохранить имеющиеся в их распоряжении скромные силы бронетехники и сберечь их на будущее. Одновременно они смогли добиться морального преимущества над итальянцами, которым никогда не позволили чувствовать себя уверенно на песчаных и каменистых просторах пустыни. Когда 9 декабря войска Западной пустыни перешли в наступление на укрепленные итальянские лагеря, атакующим удалось достигнуть полной внезапности: легкие и крейсерские танки 7-й бронетанковой дивизии косяк срезали оборону опорных пунктов, врubaясь на них с флангов, тогда как пехота, возглавляемая одним-единственным батальоном «Матильда-II», вступала в лагерь с тыла через незаминированные участки и систематически уничтожала всю оборонитель-

ную систему итальянцев. Нечастые состязания танк против танка неизбежно заканчивались победой британцев, поскольку 40-мм пушка «Матильды» позволяла поразить 29-мм бронирование М11/39 с любой дистанции, тогда как 37-мм выстрелы М11/39 отскакивали от 80-мм брони тяжелого британского танка, как горох от стены. Один за другим наступающие стирали с лица земли все итальянские плацдармы в Египте. Путь для вторжения в Киренаику лежал открытым, что привело к осаде и взятию портов Бардия и Тобрук, при этом едва ли вообще можно говорить о каких-либо танковых дуэлях на полях боя, где господствовали танки и артиллерия.

Так продолжалось до 24 января, когда несколько легких и три крейсерских танка 7-го гусарского полка, следовавшие к Дерне, столкнулись с серьезной попыткой танкового противодействия со стороны итальянцев. Неожиданно британцы оказались атакованы 12 единицами М13/40 из состава танковой бригады «Бобини» и были вынуждены отступить перед лицом 47-мм пушек и 40-мм бронированием машин противника. Спасаясь бегством и отстреливаясь на ходу, крейсерские танки подбили один М13, сделав по нему 55 выстрелов, при этом экипажи пребывали едва ли не на грани отчаяния до тех пор, пока преследовавшие их итальянцы не достигли позиций крейсерских танков 2-го батальона КТД. Противника ждала засада, из которой британцы с 400 м открывали огонь по хорошо видимым на

Слева: «Матильда-II» и «Валентайн» во время учений в Англии в 1940 г. Весьма надежный «Валентайн» строился как пехотный танк, однако в пустынях Северной Африки в 1941 и в 1942 гг. он несколько раз задействовался в качестве крейсерского. Позднее его вооружение усилили, установив пушку калибра 57 мм.

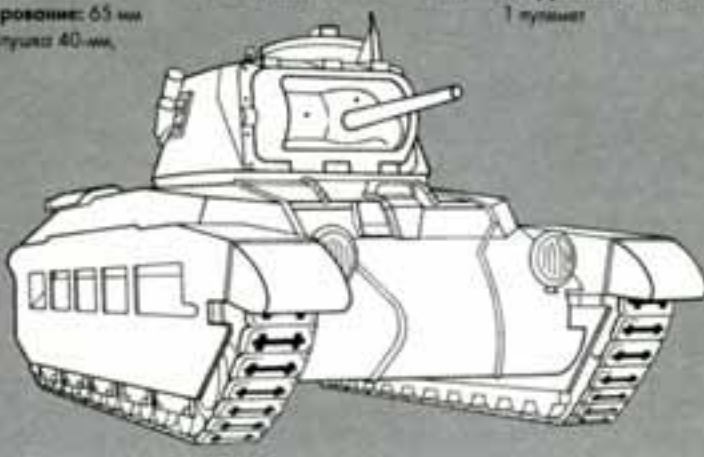
Вес: 16 тонн
Скорость: 24 км/ч
Лобовое бронирование: 65 мм
Вооружение: 1 пушка 40-мм,
1 пулемет

«МАТИЛЬДА-II»

Эта машина представляла собой лучший британский пехотный танк. Несмотря на ненадежность и радиус действия в 100 км, он неплохо показал себя в ходе боев под Арросом и в Западной пустыне в 1940–1941 гг. Оснащенная двумя двигателями с коробкой передач Уилсона, машин-

на выпускалась в нескольких модификациях, но особенности конструкции не позволили установить на нее пушку с высокой начальной скоростью полета снаряда большего калибра, чем 40 мм. К 1942 г. «Матильда» окончательно устарела.

Вес: 26,5 тонны
Скорость: 24 км/ч
Лобовое бронирование: 78 мм
Вооружение: 1 пушка 40-мм,
1 пулемет

Итальянские средние танки M13/40. По большей части во время боев в Западной пустыне они зарекомендовали себя как неадекватные. Разработанная в качестве средства легкой поддержки машина обладала слишком тонким бронированием, осложнявшей эффективную боевую работу башней для двух членов экипажа и устаревшей подвеской на базе танков «Виккерс», вряд ли совместимой с трудными условиями местности в пустыне, где танку приходилось воевать.

Вес: 14 тонн

Скорость: 30 км/ч

Лобовое бронирование: 40 мм

Вооружение: 1 пушка

47-мм, 4 пулемета

горизонте M13, в считанные минуты уничтожили семь машин. После этого итальянцы продолжили стратегический отход к Бенгази.

Кульминационный момент наступил во второй половине дня 5 февраля, когда бронесамомобили 11-го гусарского полка, поддерживаемые пехотой и противотанковыми пушками, блокировали дорогу около населенного пункта Беда-Фомм, перерезав маршрут отступления итальянцев из Бенгази. Для этого британцам пришлось срезать путь по каменистой пустыне, двигаясь из Мехили. Мастерский бросок принес бы выигрыш только в том случае, если 4-й бронетанковой бригаде со всего 15 25-фунтовыми (87,6-мм) пушками и четырьмя недоукомплектованными танковыми батальонами, насчитывавшими лишь 32 крейсерских танка, удалось бы решительно сломить сопротивление отступающего противника, все еще располагавшего 50 танками M13. К счастью для британцев, напутанные маневром итальянцы либо легко сдавались, либо пытались

прорвать заслон за счет разрозненных атак, ни одна из которых не увенчалась успехом. Пока британские легкие танки выбрасывались на выдвигавшуюся вражескую колонну с фланга, крейсерские 2-го батальона КТП готовили противнику достойную встречу, так что 6 февраля сумели отразить первую попытку прорыва силами десяти M13. С расстояния 600 м восемь M13 были либо выведены из строя, либо подожжены. На протяжении всего дня и до полудня 7 февраля британцы, численность танков которых все увеличивалась, сдерживали неприятеля, эффективно управляемые командованием по радио, тогда как взаимодействующая с танкистами полевая артиллерия и противотанковые пушки неизменно добивались успеха, сходя на нет любые вражеские попытки сбить заслон 11-го гусарского полка. Перескакивая с одной огневой позиции на другую под прикрытием тянувшихся вдоль дороги высот, британцы сумели причинить серьезный ущерб врагу, понеся при этом лишь минимальные потери.

Нет сведений относительно того, был ли хоть один британский танк подбит M13, поскольку урон рос в основном за счет артиллерийского огня и подожженных. Что же до M13, то последние пять танков данной марки записала себе на счет всего одна противотанковая пушка, выпустившая по ним пять выстрелов прямой наводкой. Основной заботой британцев стали проблемы тылового обеспечения: как увезти с собой или захватить у врага достаточно горючего, необходимого для поддержания подвижности, и как пополнить быстро истощающиеся запасы боеприпасов. Что же до итальянцев, их танки могли бы действовать куда лучше, если бы управлялись по радио. Как бы там ни было, британцам предстояло впереди куда более трудные времена.

Наступление британцев в Западной пустыне в декабре 1940 — феврале 1941 гг. Британская пехота при поддержке танков «Матильда-II» сокрушила оборонительные сооружения, построенные итальянцами в Египте, тогда как 7-я бронетанковая дивизия перерезала пути бегства стремительно отступающему неприятелю, один за другим окружая, чтобы в дальнейшем захватить, порты Бардия и Тобрук. Последним этапом стала атака на населенный пункт Беда-Фомм, в окрестностях которого завершилось уничтожение 10-й итальянской армии.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СТОЛКНОВЕНИЕ
БРОНИРОВАННЫХ АРМАД

НЕСМОТРЯ НА НАЧАЛО в июле 1940 г. предварительного планирования вторжения в Британию (окончательно отмененного в сентябре), Гитлер готовил к реализации куда более грандиозную схему действий — завоевание Советской России. На протяжении зимы и весны следующего года проект, что называется, созревал, набирая соки, хотя для его осуществления Германия и не задерживала всех имевшихся у нее и, надо сказать, сравнительно ограниченных ресурсов. Неизбежно приходилось держать какие-то войска на западе на случай агрессивных действий британцев в Европе. А кроме того, в феврале и в марте возникла необходимость отвлечения крупных сил немецкой армии на разрешение проблем в средиземноморском регионе: для спасения рушащихся позиций итальянцев в Северной Африке и в Албании (где грекам удалось отбросить итальянскую армию после ее вторжения в эту страну в октябре), а также для покорения Югославии, после того, как та воспротивилась «ползучей» немецкой экспансии в марте.

Война в пустыне Северной Африки вступила в новую фазу. Против довольно малочисленных британских войск, оставленных в Киренаике после победы под населенным пунктом Бед-Фомм, противник бросил чрезвычайно подвижный германский Африканский корпус под командованием генерал-лейтенанта Эрвина Роммеля. В апреле тот, имея лишь 5-ю легкую дивизию (состоявшую лишь из 150 танков, при этом только 80 из которых приходилось на действительно эффективные PzKpfw III и PzKpfw IV), сумел продвинуться к египетской границе. Имея дело поначалу всего только с 22 британскими крейсерскими и 25 легкими танками (которые выходили из строя в соотношении по одному на каждые 15 километров), танковые экипажи Роммеля господствовали на поле боя, где перед ними редко возникала вообще необходимость стрелять по вражеским танкам до тех пор, пока наступление не увязло в попытках прорвать оборонительные рубежи Тобрука, и панцерваффе не пришлось отражать контратаки британских крейсерских танков и «Матильд».

На протяжении всего мая и июня Роммель, получивший еще 15-ю танковую дивизию, занимался перетягиванием каната с также усиленными британскими бронетанковыми войсками в районе Тобрука и на подступах к египетской границе. Боевые соприкосновения танков с танками случались нечасто, с одной стороны, потому, что немцы страдали от хронической нехватки снабжения, а с другой — по причине того, что британцы не знали — и не хотели знать, — как лучше распорядиться имевшимся у них численным превосходством в танках, которые уничтожались благодаря мастерским действиям расчетов немецкой полевой и противотанковой артиллерии.

То и дело британские танки бросались в самоубийственные атаки против заранее подготовленных в противотанковом отношении позиций противника (где находились также и 88-мм пушки), при этом не имея осколочных и дымовых снарядов и в условиях недостаточных действий поддерживающей артиллерии, неспособной нейтрализовать угрозу со стороны орудий противника.

Сражаясь на просторах пустыни, обе стороны позволяли себе применять морскую тактику, отретепитированную десятилетия назад на Солсбери-Плейн и успешно использованную Роммелем и Зикеннусом под Флавином в мае 1940 г. Тем не менее в тех нескольких случаях, когда танки сходились лицом к лицу на дистанции от 1000 до 100 м и даже менее, результаты получались не слишком-то захватывающими, несмотря на довольно внушительное зрелище, которое представляла собой бронетехника, бьющаяся с противником в густых клубах пыли. На расстоянии больше 500 м ни одна из сторон не могла рассчитывать на уверенное поражение вражеских танков, даже если и удавалось достигнуть попадания. Противостояния на меньших дистанциях обычно носили спорадический характер по причине плохой видимости в условиях раскаленного и наполненного пылью воздуха. Вообще же верно оценить расстояние до движущейся мишени в открытой пустыне было делом не из легких.

Здесь более, чем в каких-либо других кампаниях, в преимущественном положении оказывались наводчики установленных на заранее подготовленных позициях противотанковых пушек, имевшие время для замера расстояния. Они и наносили наибольший урон вражеской бронетехнике. Ну и как всегда, конечно, основным источником по-

терь в танках продолжали оставаться проблемы механического характера.

Большое значение для союзников имели бои на раннем этапе противостояния в пустыне, когда Африканскому корпусу пришлось откатываться и терять машины, что предоставило британцам экземпляры трофейной немецкой техники и позволило произвести тщательное ее изучение. После почти двух лет войны британцы наконец-то заполучили немецкие секреты, а в особенности узнали, что броневые листы танков противника делаются из стали поверхностной закалки.

ВТОРЖЕНИЕ В РОССИЮ — ПЕРВАЯ ФАЗА

В дополнение к усилению вооружения PzKpfw III и присвоению пехоте новых противотанковых пушек (о чем говорилось выше) немцы радикальным образом изменили структуру танковых дивизий, увеличив количество самоходных штурмовых орудий для поддержки пехотных соединений. После сентября 1940 г. в состав танковой дивизии входил теперь только один танковый полк (из двух или трех танковых батальонов), два полка мотопехоты (каждый из двух батальонов) и мотоциклетный батальон, плюс обычные разведывательные части, артиллерия и инженерно-саперные подразделения. Хотя не всем подобное новшество понравилось, уменьшение удельного веса танков в дивизии заметно упростило руководство ими, не говоря уже о том, что позволило удвоить номинальное количество танковых дивизий и увеличить число моторизованных пехотных частей.

Русские тоже проводили процесс преобразования в армии. В результате ошибочных выводов, сделанных по результатам участия в событиях Гражданской войны в Испании, они испытывали тенденцию к созданию небольших частей поддержки пехоты и разведывательных подразделений, однако в преддверии вторжения Германии в СССР вновь приняли решение о формировании танковых (механизированных. — *Прим. ред.*) корпусов. Каждый такой корпус состоял из двух танковых и одной моторизованной дивизии, при этом первые — из двух танковых и одного мотострелкового полка, а вторые — из одного танкового и двух мотострелковых полков. Такие смелые структурные преобразования совпали по времени с программой технического перевооружения. Устаревшие средние T-28 и легкие T-26, построенные на основе конструкций «Виккерса», а также легкие БТ, унаследовавшие многие черты танка Кристи, постепенно вытеснялись наминого превосходящими предшественников тяжелыми KB-1 и средними T-34/76. Столь радикальные перемены и без того перегружали организационные аппараты, однако на фоне политических чисток, в ходе которых Сталин уничтожил наиболее опытных офицеров, послужили причиной упадка вооруженных сил. Подготовка снизилась настолько, что танковые части оказывались нередко готовыми

для боевого применения лишь на 35 процентов. Таким образом, численность русских танков, составлявшая баснословную цифру 17 000 единиц (в действительности их было еще больше — 24 000. — *Прим. ред.*), на деле была более воображаемой, чем реальной. Оборудование связи никуда не годилось, командование и управление боем находилось на зачаточном уровне, и кругом царил некомпетентность и дилетантство. Даже у самых талантливых командиров отсутствовали многие знания и навыки, а также технические средства, чтобы равняться с изощренными и в тактическом, и в материальном смысле немецкими мастерами своего дела.

Какими бы крупными силами немцы ни осуществляли вторжение в Россию, начавшееся 22 июня 1941 г., все равно они не могли контролировать каждый километр завоеванной территории. Между возглавлявшими марш механизированными колоннами и массами кавалерии и пехоты образовывались частые и широкие бреши, которые приходилось патрулировать силами авиации и сухопутных разведывательных частей, имевших задачу отыскивать сосредоточения вражеских войск и заблаговременно оповещать о возможности сильного противодействия на том или ином участке. Но так же, как происходило в Западной Европе, в пустыне и на Балканах, сама скорость и координация усилий немецких войск приводила к полному крушению пусть даже заметно превосходявших наступающих численно войск обороняющихся. К тому же заблаговременно извещенный об угрозе вражеского нападения политический и военный руководитель СССР, Иосиф Сталин, неизменно откладывал действия по подготовке к нападению до тех пор, пока не стало слишком поздно. В наше время распространилось мнение о том, что Сталине-де сам готовился к unprecedentedу наступлению на немцев, а потому не позаботился об обороне. Так или иначе, застигнутые врасплох советские сухопутные силы и ВВС оказались выбитыми из колеи в самом начале, причем не смогли прийти в себя очень долго, что позволило противнику нанести им огромный урон в живой силе и технике.

Если говорить о противостоянии применительно к бронетехнике, немцы с их более чем 5000 танков пользовались подавляющим превосходством. Конструктивно T-28, T-26 и БТ во всех аспектах уступали PzKpfw III и PzKpfw IV, не говоря уже о великолепной координации войск у немцев, в то время как противник их редко сосредотачивал силы, а даже когда делал это, нечасто выказывал способность действовать как единая сыгранная команда. Многие русские танки были решительно сметены с дороги панцерваффе, буквально не успев произвести выстрела. Те же, которые появлялись позднее, наскоро сколоченные в бригадные группы, неизменно подвергались истреблению или же бывали отрезаны от своих и в отсутствии горячего брошенного экипажами порой даже неповрежденными. На прибалтийском на-

правлении русские подверглись разгрому силами 4-й танковой группы генерала Гейнера, на центральном — 3-й группой генерала Гота и 2-й генерала Гудериана, а на юге — 1-й танковой группой генерала фон Клейста, при этом всходу происходило одно и то же: окружения и огромные «котлы», в которых находились целые армии. Если взять в качестве примера операции Гота и Гудериана, то к 29 июня почти прекратилось сопротивление в Брест-Литовске, шесть дивизий угодили в сети под Белостоком, еще шесть — под Волковыском, а другие пятнадцать очутились в «котле» под Новоградом и в самом городе: образованные двумя танковыми группами «клевцы» сомкнулись под Минском после того, как даже при наличии яростного противодействия наступающие прошли свыше 300 км всего за одну неделю. Столкновения танков с танками случались довольно часто, но почти неизменно заканчивались победой немцев. Ключом к успеху, как и всегда, служило применение немцами для управ-

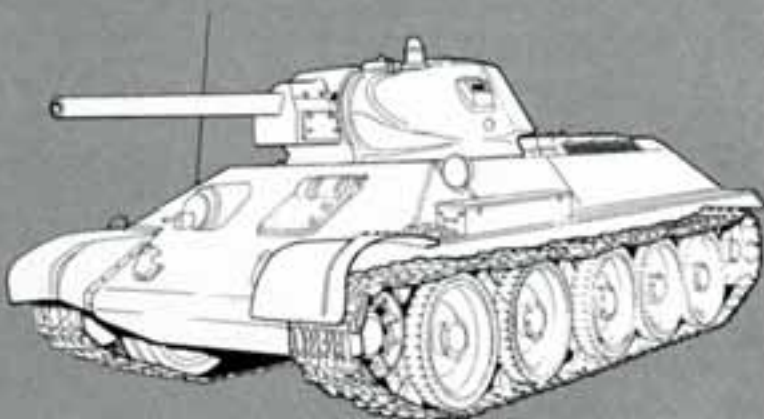
ления боем радиотанков, в то время как у русских контроль за действиями бронетехники или носил фрагментарный характер, или — особенно на уровне батальона, роты и ниже — отсутствовал вовсе. Все это стало превосходной демонстрацией того, как ум побеждает голую силу.

Немцы безостановочно рвались вперед. Когда 16 июля германские «клевцы» сомкнулись вокруг 12 русских дивизий под Смоленском, что стало итогом трехнедельной борьбы, вылившейся в захват 3100 орудий и 3200 танков, дикующее Главное командование Вермахта объявило событие «неповторимым по своей исторической значимости» в том, что касается «времени, места и степени ожесточенности боев». Однако именно посреди пыльного утра непереносимой эйфории для немцев впервые проявились угрожающие симптомы грядущей катастрофы. Несколько тысяч советских солдат смогли вырваться из вражеской ловушки. Тут и там богиня Немезида давала знать себя торжествующим захватчикам.

T-34/76

НЕМЦЫ НИЧЕГО не знали о русском T-34/76 до тех пор, пока панцеррейфы не столкнулись с ним в 1941 г. В основе конструкции танка лежали разработки Кристи, однако создатели T-34 далеко ушли от первоначальной модели. Надежный дизельный двигатель и широкие гусеницы давали танку ряд преимуществ над противником. Наклонное бронирование оказалось весьма устойчивым к попаданию вражеских снарядов (см. таблицу характеристик), а мощная 76-мм пушка стреляла как эффективным осколочным снарядом, так и бронейным выстрелом. Между тем башня, вмещавшая только двух членов экипажа и лишенная командирской башенки, снижала качество боевой работы наряду с ручным прицелом изменения угла горизонтальной наводки.

Вес: 26 тонн
Скорость: 53 км/ч
Лобовая броня: 45 мм (из удачно расположенных наклонных броневых листов)
Вооружение: 1 пушка 76-мм, 3 пулемета

Один из последних устаревших русских T-26 в момент оказания поддержки легкой суровой зимой 1941–1942 гг.

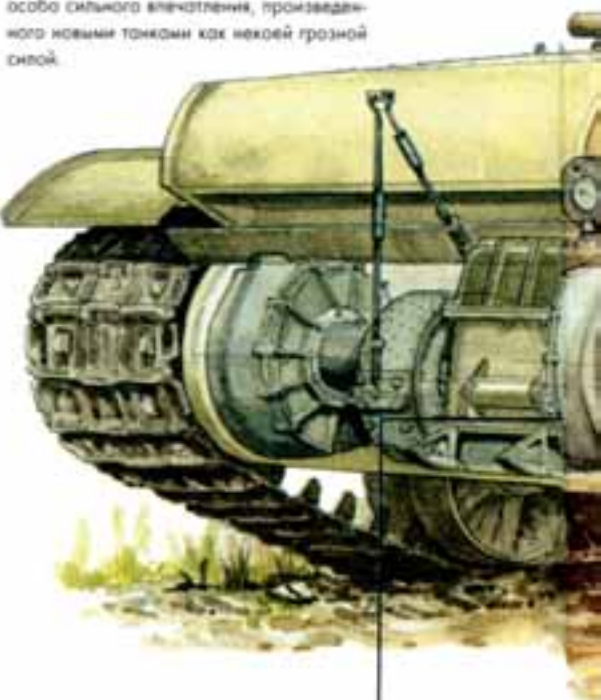
23 июня одиночка KB занял выгодную позицию в проходе между болотом и лесом на центральном участке фронта наступления 6-й танковой дивизии. Машина простояла там двое суток, уничтожив из 76-мм пушки 12 грузовиков, а затем с 600 м два из последних 50-мм противотанковых орудий, которые наступающие отряды на левую дистанцию помехи. С 900 м русские вывели из строя 88-мм пушку прежде, чем немцы успели выстрелить из нее; попытки саперов скрытно подкрасться к танку и взорвать его ночью не увенчались успехом; а 50-мм снаряды PzKrfw III отскакивали от брони, точно горох от стены. В итоге машина пала жертвой 88-миллиметровки, выведенной на позицию в 800 м от русского танка, пока внимание экипажа отвлекали PzKrfw III. Только потом обнаружили, что 50-мм пушки лишь царапали бронею KB, и всего два из семи 88-мм выстрелов смогли поразить ее, причем не уничтожив танк. Повредить с ним удалось, только бросив в башню подрывной заряд.

Однако Т-34/76, который Гудерман сфотографировал застрявшим в болоте поодаль от дороги 10 июля, произвел на него даже большее впечатление. К тому времени немцы уже уничтожали несколько таких танков, однако на фоне наклонной брони и эффективной 76-мм пушки PzKrfw III и PzKrfw IV с их менее мощным вооружением казались совершенно неадекватными, несмотря на трехместную башню, позволявшую экипажу вести куда более продуктивную боевую работу по сравнению с русскими, у которых в башне помещалось всего два человека. Танк представлял собой продукт технической революции, имевший важное тактическое значение. В тревожных сигналах, которые понеслись в Берлин с фронта, командование настоятельно требовало перевооружить существующие танки как можно более мощными пушками и увеличить толщину брони, одновременно позаботиться о том, чтобы разрабатывавшиеся средние и тяжелые танки запускались бы в производство поскорее и с учетом возросших потребностей. До тех же пор, пока все вышеоцененные меры могли быть приняты, действующим частям приходилось импровизировать в области обеспечения себе лучшей противотанковой защиты, например за счет усиления войск на передовой 88-мм пушками двойного назначения, а также мощным средним орудием, известным как 100-мм пушка (в действительности калибр ее составлял 105 мм и называлась она 10-см пушкой), которая обычно не применялась для непосредственной поддержки наступающих частей, но теперь остро понадобилась для поражения вражеских KB. Даже их 110-мм бронирование не могло выстоять под воздействием 15-килограммового снаряда, выпущенного менее чем с 1000 м и отразившегося к пели со скоростью 835 м/сек. Вместе с тем ни одна из таких пушек не являлась удовлетворительным ответом. Тяжелые и громоздкие, они требовали много времени и усилий на подготовку к боевой работе, создавали сложности при маскировке

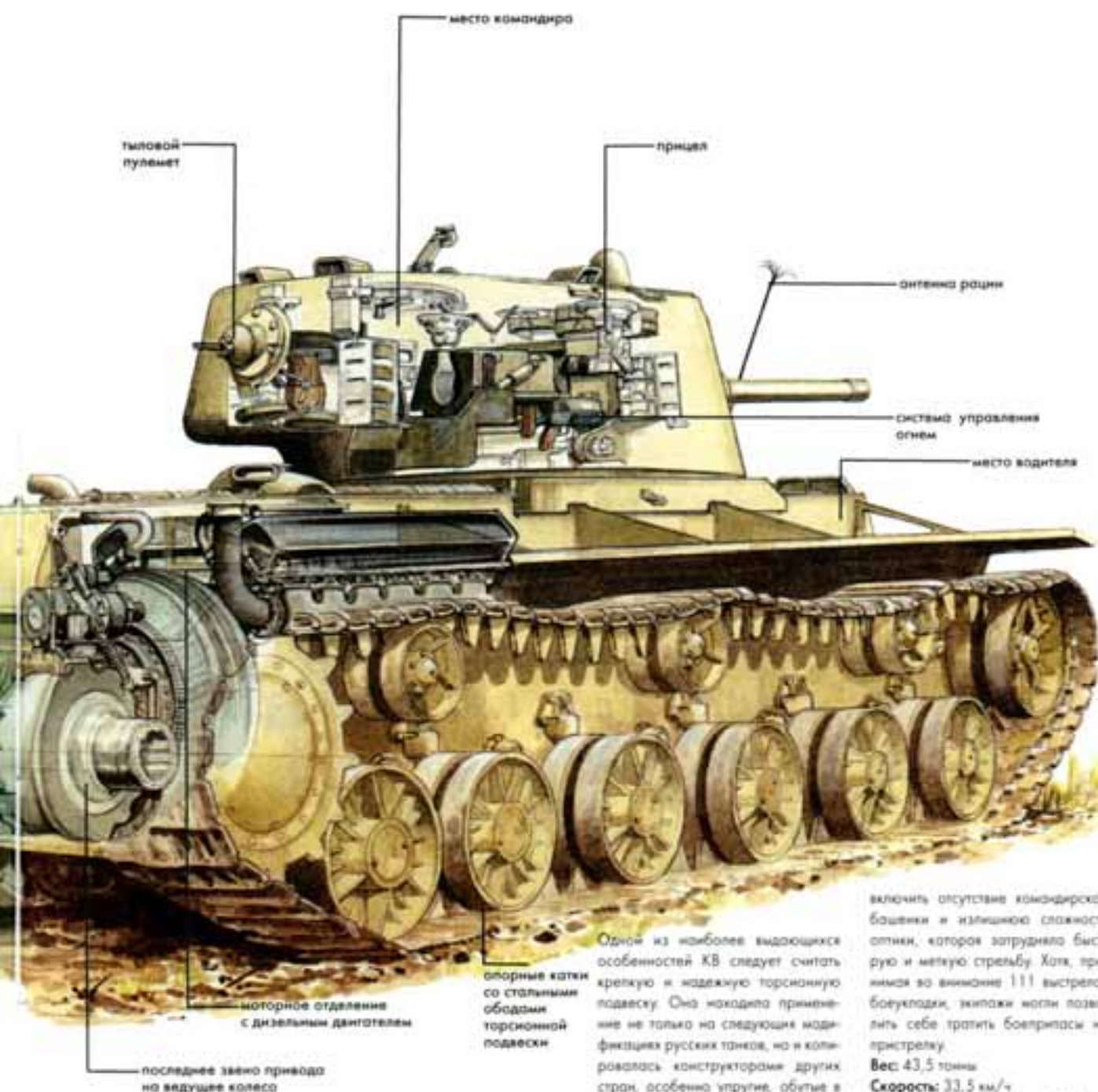
KB-1

ЭТОТ РУССКИЙ ТАНК, впервые появившийся на полях сражений в 1941 г. и в довольно больших количествах, мог заслуженно считаться самой грозной боевой бронированной машиной в мире. Танк обладал способностью не только уничтожить любую бронетехнику немцев, но и, будучи оснащен надежным 550-сильным дизельным двигателем, имел радиус действия около 350 км. Как и в случае со всеми, довольно грубо, но талантливо сработанными русскими танками, плохо подготовленные экипажи в 1941 г. оказывались не в состоянии полностью использовать преимущества KB-1.

Из более чем 1400 KB и Т-34, находившихся в распоряжении Красной Армии в приграничных районах в июне 1941 г., лишь немногие сумели вступить в бой, зачастую погибая, не успев произвести ни единого выстрела. В немецких донесениях почти не упоминается о серьезных стычках с неприятельской бронетехникой, что дает право сделать вывод об отсутствии особо сильного впечатления, произведенного новыми танками как некоей грозной силой.

тормоза бортовых фрикционов

Одной из наиболее выдающихся особенностей КВ следует считать крепкую и надежную торсионную подвеску. Она нашла применение не только на следующих модификациях русских танков, но и копировалась конструкторами других стран, особенно упрощен, обутые в стальные бандаж опорные катки. Как и Т-34, КВ-1, однако, предоставляет минимум удобства экипажу. В число досадных упущений можно

включить отсутствие командирской башенки и излишнюю сложность оптики, которая затрудняла быструю и меткую стрельбу. Хотя, принимая во внимание 111 выстрелов боеукладки, экипажи могли позволить себе тратить боеприпасы на пристрелку.

Вес: 43,5 тонны

Скорость: 33,5 км/ч

Лобовое бронирование: 110 мм (частично наклонное)

Вооружение: 1 пушка 76-мм, 3 пулемета

Вторжение немецких армий в Россию в 1941 г., возглавляемое стремительными танковыми группами. Сентябрь (и соответствующая линия на карте) служит водоразделом, за которым канючается период легких побед. После этого момента и вплоть до начала русского контрнаступления в декабре ситуация для немцев становилась все более и более трудной, особенно когда пришла распутица, а за ней зима и стало давать серьезные сбои служба тылового обеспечения.

и не гарантировали надежной защиты прорыву под вражеским огнем.

Так или иначе, на данном этапе немцы продвигались хорошо, неся незначительные по сравнению с неприятелем потери, но все больше страдая от сбоев служб тылового обеспечения, выбивавшихся из сил, чтобы доставить на фронт все необходимое по плохим дорогам. Часто злейшим врагом наступающих становились их беспечность и излишнее презрение к битовому, но еще не разгромленному неприятелю. Типичным примером может служить эпизод под Жлобином, когда 6 июля 1-й танковый батальон 3-й танковой дивизии подступил к городу без надлежащей разведки. Двигаясь на скорости, без пехоты, чтобы быстрее захватить мост через реку Днестр, все 40 танков проскочили мимо не замеченных ими замаскированных русских на подступах к переправе пехоты и артиллерии. Вдруг по колонне открыли огонь 30 спрятанных среди домов русских танков, что выну-

дило немцев развернуться и таким образом подставить фланг обходившим русским пушкам, которые и вступили в бой. Маленький клин смешался, экипажи привалились выскочившим из потерявших ход или горящих машин и гибли под огнем на открытой местности. Не менее 22 немецких танков осталось на поле боя. Разгром мог оказаться и более полным, если бы не 24-й танковый батальон. Его солдаты слышали молебны о помощи по радио и не только наблюдали за побойшем с фланга, но и поспешали воспользоваться тем, что внимание русских привлекла устроенная ими резня. Русские не заметили, как немцы развернулись вправо и вошли в город с тыла. Положение сразу же поменялось, и поменялось разительно — 25 русских танков были уничтожены огнем прямой наводкой, при этом сами немцы не потеряли больше ни одного.

Немцы не могли позволить себе крупных потерь. Общий валовый выпуск танков в 1941 г. достигал всего 1500 единиц, тогда как ущерб в одной лишь России в том году составил 2700 машин. Сколь бы сильно ни бросалось в глаза такое расхождение, и оно еще могло бы быть вполне терпимым, если бы только Русская кампания завершилась столь же молниеносно, как и предыдущие предприятия. Тогда бы появилась возможность вывести танковые войска, разместить их материальную часть на центральных ремонтных предприятиях Германии и вновь вернуть им былой блеск, свойственный кампаниям в Польше и в Западной Европе. Но к середине августа русские все еще продолжали оказывать упорное противодействие, и скоро только самые большие оптимисты в лагере немцев продолжали верить, что Москва падет и кампания успеет завершиться до наступления зимы. Между тем Хозяйственное управление, недальновидно полагавшее, что сумеет поддерживать нормальное поступление потока снабжения долгое время в условиях холодов и распутицы, обнаружило, что система обслуживания и ремонта техники в центре не выдерживает нагрузок, будучи отделенной от фронта длинными и ненадежными линиями коммуникаций. Советские железные дороги отличались более широкой колеей, грузовики не поспевали за быстро продвигавшейся армией, отправлять в тыл поврежденную технику стало почти невозможно, доставка запчастей на передовую не покрывала потребностей, а существующие на фронте мастерские совершенно не справлялись с объемами нагрузок. Летом врагом танков становилась пыль, приводившая к быстрому износу двигателей, а когда она превратилась в осеннюю грязь, стали громко просить пощады ходовые. Все вышеперечисленные обстоятельства лишь усиливали давление на и без того уже рванувшую по всем швам систему технического обслуживания и текущего ремонта.

И все же, даже слабая, танковые дивизии продолжали рваться вперед, стремились достигнуть полной победы, то и дело так предательски от них ускользавшей. Бросок к Ленинграду и гит-

итские «котлы», где встретили свой конец русские армии на Украине в августе и в сентябре, принесли новые диверсии непобедимым германским танкистам, удачу которых позволила захватить в плен сотни тысяч солдат противника и целые парки техники и прочего снаряжения. Однако враг не спешил сдаваться. Слишком поздно, только 26 сентября, Гитлер распорядился, чтобы его генералы нанесли, наконец, удар по Москве, к которой они так давно стремились, но которую Гитлер до поры до времени считал менее важной, чем уничтожение вражеских армий. Главный удар назначили на 2 октября, когда на центральном направлении на восток от Смоленска предстояло рвануться к цели танковым группам Гота и фон Клейста (накануне операции переименованными соответственно в 3-ю и в 4-ю танковые армии). Далее на юг, с головокружительной скоростью завершив окружение неприятельских войск под Киевом и перегруппировавшись, 2-я танковая группа Гудериана (вскоре ставшая 2-й танковой армией) 30 сентября устремилась к Орлу и поначалу так поразительно быстро продвигалась, что возникли серьезные — и вполне оправданные — надежды, что враг на грани крушения.

БИТВА ЗА МЦЕНСК

Сравнительно малая цена, в которую обошелся Гудериану захват Орла, взятого 4-й танковой дивизией, вкупе с пленением только что разбитых русских армий послужили толчком для немецкого Главного командования попросить Гудериана развить успех и действовать против вражеских позиций в направлении Тулы и Москвы. Однако нехватка горючего и боеприпасов, не говоря уже о неизбежном снижении количества годных к боевому применению танков по причине боевых потерь и износа, ничуть не ободрили. Но погода стояла прекрасная, почва под ногами была твердой, а противник пребывал в замешательстве.

Сталин, уже встревоженный 1 октября продвижением Гудериана, которое русские — вновь испытавшие на себе мощь германского оружия, — конечно же, не могли не заметить накануне старта наступления фон Бока 2-го числа, отправил генерал-майора Д.Д. Лелюшенко, а также и мотоциклетный полк на защиту Мценска. Лелюшенко придал и несколько подвижных батарей реактивных минометов («Катюша»), но что важнее всего — 4-ю танковую бригаду, укомплектованную KB-1 и T-34, перебросившими по железной дороге из Ленинграда. Именно эту бронетехнику и засекли немецкие пилоты 4 октября, вызвав оправданное подозрение, что среди нее находятся и KB. Лелюшенко собирался дать бой немцам у реки Лисна, где уже окончились легкие танки, поддерживаемые противотанковыми пушками и пехотой, с целью удерживать высоты между железной дорогой и селом Каменевое, господствующие над автодорожным мостом.

XXIV танковый корпус возобновил продвижение 5 октября, действуя 3-й танковой дивизией в

направлении Болхова, а 4-й танковой — на Мценск, при этом 50-км брешь между ними прикрывали части воздушной и сухопутной разведки. С наступлением ночи 4-я танковая дивизия генерал-майора В. фон Лангермана отбросила русские части прикрытия и изготовилась к форсированию Лисны следующим утром. В 09:00 начался довольно ленивый артиллерийский обстрел русских позиций, после чего вперед рванулась 35-я танковая бригада полковника Г. Эбербаха. Пять ее танковых рот и мотоциклетный батальон, пользовавшиеся поддержкой полевой артиллерии, подразделения многоствольных реактивных гранатометов («Небельверфер») и батарей 88-мм зениток в качестве противотанковых пушек, решительно устремились к мосту. Ненадолго остановленные минами, наступающие захватили его целиком и стали продвигаться к расположенным далее высотам. Тут же начался оживленный обмен выстрелами между PzKpfw III и PzKpfw IV, с одной стороны, и русскими T-26 и противотанковыми орудиями — с другой, что привело к быстрому подавлению огня последних. Русские пехотинцы, храбро бросавшиеся на немецкие танки со связками гранат, падали, сраженные очередями мотоциклистов. Этот, разыгранный, как по нотам, штурм силами частей всех родов войск открыл путь следующей волне танков, за которыми спешили батареи из шести 105-мм пушек-гаубиц, одна 100-мм пушка и две 88-мм (все эти орудия предназначались в первую очередь для использования против танков), чтобы, перекалив за вершину холмов, занять позиции на высотах.

Именно этого и ожидали машины 4-й танковой бригады полковника Катукова. Выдвигнувшись в ночь с 5 на 6-е на скрытые позиции в лесу, они пропустили немцев через вершину, чтобы затем открыть быстрый и меткий огонь из 76-мм пушек. Имея возможность в спокойной обстановке точно установить дистанцию, русские танкисты тотчас же добились нескольких попаданий, легко поражая бронирование немецких танков с расстояния 800 м, но сами при этом оставаясь в безопасности от немецких 50-мм орудий, снаряды которых рикошетировали и отскакивали от толстой и наклонной брони. Однако неравный поединок продолжался недолго. Сначала немецкие танки отошли, заняв позицию «корпус укрыт», а затем и вовсе исчезли за склоном, действуя в соответствии с доктринальным и техническим превосходством, диктовавшим максимум, что высокоскоростная полевая артиллерия способна лучшим образом исполнить роль истребителя танков. Но две 88-мм пушки не могли, безусловно, справиться с заданием в одиночку. Как только они открыли огонь с высоты и каждая из двух в свой черед пожала кровавую жатву, осколочные снаряды из танковых пушек вывели из строя прислугу. Роль противодействия танкам на линии обороны у реки пришлось взять на себя батарею 105-мм гаубиц из 103-го артиллерийского полка и одной 100-мм пушке.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ, ОКТЯБРЬ 1941 г.

ШОК ПОД КАМЕНЕВО

Сражение за Миценск вылилось в противостояние немецких пушек и атакующих советских танков из состава 4-й танковой бригады полковника Катукова, брошенных в бой вечером 5 октября. Что важно, танки применялись сосредоточенно. Катуков ввел в действие KB-1 и T-34/76 в ходе попытки немецкой 4-й танковой дивизии продвинуться через р. Лисница мостом у села Каменево. Два 88-мм орудия двойного

назначения заняли позиции на высоте с целью сдержать возможную контратаку русских.

T-34 и KB-1 следовали двумя эшелонами, при этом машины первого поддерживали те, что шли позади. Одна группа продвигалась прямо по дороге, а другая группа из 25 танков вышла из леса, чтобы снять немецкий фланг.

На панораме показано развитие атаки на склоне холма силами T-34, поддерживаемых орудийным огнем 76-мм пушек остальных T-34 и KB-1. За рамками картинки прислуга уцелевших немецких 105-мм гаубиц спешно прицели-

[см. продолжение далее]

ШОК ПОД КАМЕНЕВО

[продолжение]

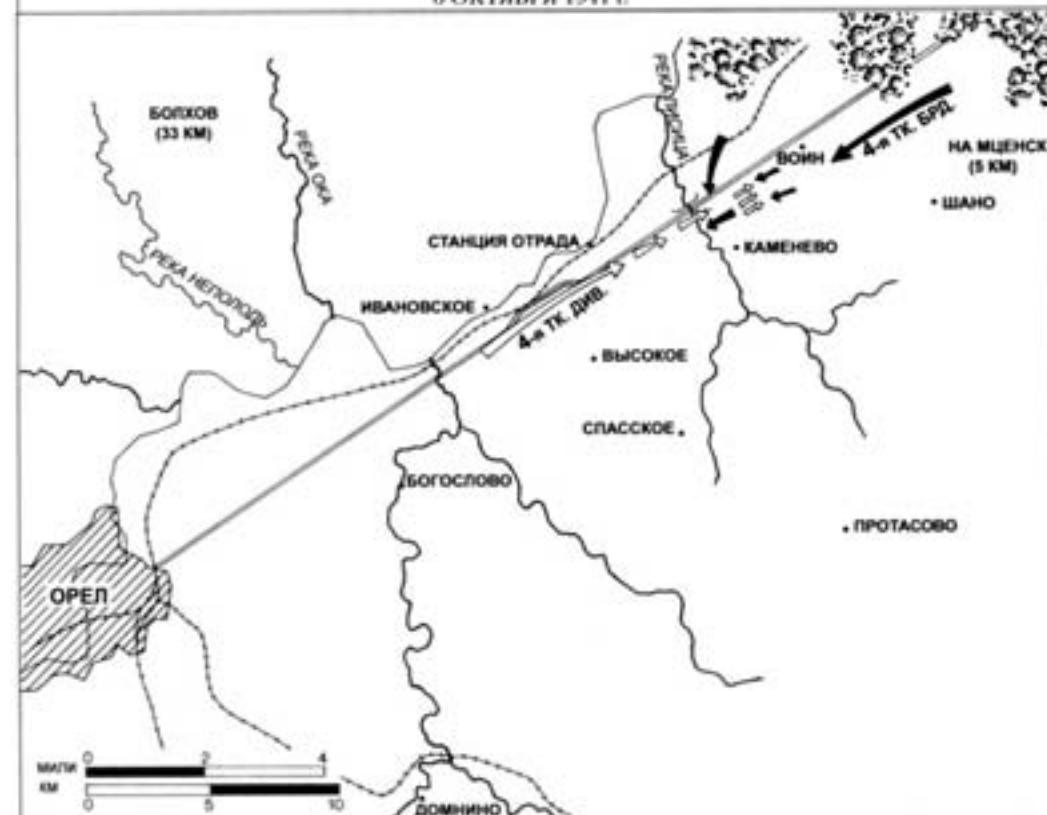
ет орудия к тягачам, чтобы отойти за мост. Экипажу PzKpfw III, прикрывающему отход, не повезло. Танкисты ждут, что противник приблизится на расстояние гарантированного поражения его брони из 50-мм пушки до того, как машину выведут из строя. В качестве красочного камня обороны моста служит единственная 100-мм пушка, которая оказалась на открытом месте в самый последний момент. Прежде замаскированная и не замеченная командирами вражеских Т-34, эта пушка, стрелявшая 15-килограммовым выстрелом с начальной скоростью полета 835 м/сек, посеяла смерть и разрушения в рядах вражеской бронетехники. И все же Т-34 достигли артиллерийских позиций, уничтожили несколько 105-мм гаубиц прежде, чем их удалось отбросить интенсивным огнем с короткой дистанции и отважными действиями немецких солдат, бросавшихся на врага со связками гранат и бензиновыми бомбами.

Несмотря на отсутствие у них артиллерии, русские все же пользовались бы преимуществом, если бы продолжали стрелять из 76-мм орудий

с вершины холмов на большей дистанции, где броня надежно защищала их. Выдвинувшись на расстояние в 20 м от немецких орудий, они полностью утратили защищенность. Подобная неосторожность обошлась им дорого — потерей пяти танков, три из которых записал себе на счет лейтенант Краусе, действовавший с замаскированной позиции.

Потрасившие неожиданным поражением, немцы завершили отход, а русские перегруппировались с целью продолжить наступление, но на сей раз при поддержке артиллерии и пехоты. Однако на следующий день выпал первый снег, наступило некоторое затишье, ознаменовавшее собой начало конца успешного продвижения Гудериана к Москве. Поэтому стратегически, тактически и технически танковое столкновение под Каменевым представляло собой своего рода поворотный пункт в войне, не говоря уже о характере применения в ней танков. Больше немецкой бронетехнике не приходилось торжествовать легких побед над противником, который быстро учился у врага, применяя танки последних моделей сосредоточенно, вместо того чтобы, как прежде, распылять их по всему фронту, перемешивая с устаревшими машинами.

КОНТРУДАР РУССКИХ ПОД КАМЕНЕВО 6 ОКТЯБРЯ 1941 г.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ НЕМЕЦКИХ ТАНКОВЫХ ВОЙСК

Потери 4-й танковой дивизии, составившие десять танков, две 88-мм пушки, одну 105-мм гаубицу и одну 100-мм пушку, нельзя назвать тяжелыми, особенно если сравнить с уроном у противника, который недосчитался 18 танков, включая восемь KV-1. Однако первое крупное боевое столкновение задействованных массово новейших русских машин имело далеко идущие последствия. Начать с того, что успешное противодействие на данном участке фронта, оказанное согласованной русской обороной, и незначительное, как может показаться, тактическое поражение немцев отозвалось эхом повсюду, поскольку линии коммуникаций у захватчиков начали рваться и рушиться под влиянием ухудшающихся погодных условий: выюги, морозов, снега, дождя и, как следствие, непролазной грязи. Эти климатические прыжки и броски — капризы природы — подтачивали энергию немецкого напора и давали русским неоценимый выигрыш во времени с возможностью ступить снежные сугробы и создать новые рубежи и заслоны на вражеском пути к заветной цели — к Москве. Немцы все же и теперь постоянно демонстрировали, что стоят на нескольких голов выше русских в том, что касается подготовки, приемов ведения боя, умения выполнять задания и, если можно так выразиться, творческого подхода. Однако в технологическом отношении немецкие танки значительно уступали неприятельским во всем: в огневой мощи, в броневой защите и в подвижности. В противоборстве танков с танками они показали себя как устаревшие. Надлежало в ближайшие же месяцы удвоить толщину броневой защиты PzKpfw III и PzKpfw IV за счет добавления слоев стали поверхностной закалки, а вооружение заменить 50-мм орудиями L60 и еще более эффективными длинноствольными 75-мм пушками L43 с начальной скоростью полета снаряда в 700 м/сек. Одновременно предстояло внести все поправки и воплотить новшества в довоенном проекте танка, который в итоге превратился в 56-тонную машину, вооруженную 88-мм пушкой, — «Тигр», а также создать совершенно новый средний танк, достигший массы 43 тонны с наклонным бронированием и 75-мм пушкой L70, который получил название «Пантера». Силовые установки тоже сделали заметный шаг вперед от 300-сильного мотора PzKpfw IV к 650-сильному на «Пантере» и 700-сильному на «Тигре». Аналогично и гусеницы стали куда более широкими, чтобы обеспечить машинам на пересеченной местности проходимость KV-1 и T-34.

Однако никакие из этих усовершенствований не могли успеть проявиться так скоро, чтобы они спасли немцев от предстоявших им кошмаров холодной зимы. Соединенными усилиями снега, грязи, KV и T-34 немцев удалось продержаться на этом участке еще две с половиной недели — Миенск пал только через 18 суток после памятного боя на Лиснице. Темпы продвижения на всех

фронтах замедлились, а столбики термометров упали до 30 градусов ниже нуля, снизив продуктивность действий живой силы и техники до отметки, недотягивавшей до 20 процентов. Еще задолго до 5 декабря, когда войска фон Бока стояли на расстоянии вытянутой руки от Москвы и когда русское контрнаступление паровым молотом обрушилось на группу армий «Центр», все немецкие соединения в донесениях сообщали об усталости до крайности измотанных людей и машин. Численность танкового парка достигла самого низкого уровня, причем не только за счет ожесточенного и становившегося все более упорным вражеского противодействия, особенно огня смертоносных KV-1 и T-34 (которые, несмотря на малочисленность, быстро завоевывали господство на поле боя), но и из-за уязвимости немецкой техники перед холодами. Топливо и смазка, не приспособленные для таких температур, замерзали, как замерзали и недостаточно плотные смазочно-охлаждающие жидкости в двигателях. Из-за узких гусениц возрастало удельное давление на грунт, и танки проваливались в грязь и нередко вмерзали в нее намертво прежде, чем машину удавалось вытащить оттуда. Впервые, когда немцы начали отступать в России, им пришлось бросать множество техники.

Повсеместные поломки и хронический голод на запчасти подорвали немецкую организацию технического обслуживания и текущего ремонта. Чтобы остаться на ходу хоть какие-то танки, техники прибегали к безжалостному и беспощадному «канибализму», растаскивая на запчасти машины, которые в противном случае могли бы еще вернуться в строй. Те же, которые удавалось отправить по железной дороге в Германию для капитального ремонта, прибывали туда едва ли не в виде остовов, ободранные по дороге, лишены всего, что только можно открутить, и нуждались скорее в полном восстановлении, чем в ремонте. Как ни вредило немцам положение с их бронетехникой, и советские танковые войска переживали едва ли лучшую пору. Количество бронетехники сильно уменьшилось, а качество ее экипажей изрядно снизилось из-за неспособности советских заводов (оборудование большинства из которых пришлось спешно вывозить в тыл из-за вторжения) восполнять потери, тогда как командиров и экипажи не успевали обучать и бросали в горнило битвы едва подготовленными. При столь незначительном числе годных к бою танков, они становились чем-то вроде предметов роскоши для фронта. Тем не менее даже и завод танков, действовавший в таких экстремальных условиях против ослабленного неприятеля, мог сделать не меньше, чем батальон на заре кампании. При истощенной обороне даже два или три способных двигаться и стрелять танка обладали способностью нагнать такого же страха у врага, как те 16 немецких A7V, которые наступали на Виллер-Бретонне в 1918 г. Лишь немногие схватки танков с танками в ту кошмар-

БРОНЕБОЙНЫЙ ВЫСТРЕЛ (AP)

С таким снарядом вступали в войну в 1939 г. все танки, однако скоро — с появлением более сложной брони поверхностной закалки — он перестал удовлетворять возросшим требованиям.

БРОНЕБОЙНЫЙ ВЫСТРЕЛ С ЗАЩИТНЫМ НАКОНЕЧНИКОМ (APC)

Внедрение наконечника из более мягкого металла предотвращало разрушение и распад на фрагменты обычного бронебойного выстрела при встрече с броневым листом и повышала гарантию пробития брони.

ную зиму велись со значительно большим размахом, чем самая первая из всех.

МАЯТНИК СУДЬБЫ В ПУСТЫНЕ

Сложности тылового обеспечения плюс трудное выполнение служб технического обслуживания и текущего ремонта, принявшее характер эпидемии для немцев в глубине России, теролаи и немецко-итальянские войска в Северной Африке. Медленный процесс накопления адекватных запасов горючего, боеприпасов, техники и запчастей, которые приходилось доставлять через Средиземное море, привел к тому, что лишь в сентябре 1941 г. Ромель обрел способность перейти к наступательным действиям, а уже в ноябре он счастливо выпутался из неудачного рейда к британским складам снабжения возле египетской границы. Предприятие обошлось ему в 30 танков (при только пяти не подлежащих восстановлению), потерянных от вражеского огня, налетов авиации, поломки и нехватки горючего. Вследствие этого ему пришлось отложить штурм Тобрука, что позволило британцам в свою очередь перейти в наступление, опередив противника.

Несмотря на гораздо большую удаленность от главных баз снабжения в метрополии, британцы сумели сосредоточить 756 танков (против примерно 400 единиц в распоряжении немецко-итальянской стороны) и не страдали от неритmicности работы служб снабжения. Главная их слабость заключалась в недостаточной мощности пушки, ненадежности последних крейсерских танков «Крусейдер» и фундаментальных просчетах в тактической доктрине. Противотанковыми пушками продолжали служить 40-миллиметровки плюс американские 37-мм орудия, установленные на поставляемых из США легких танках «Стокарт», которых набралось на укомплектование целой бригады. Бронирование британских машин оставалось тем же, что и во Франции, и поддавалось поражению немецкой 50-мм противотанковой пушкой L60, стрелявшей бронебойным выстрелом с наконечником, который значительно повысил результативность немецкого противотанкового огня против всей находившейся тогда в распоряжении у их противника британской и американской бронетехники.

В тактическом плане у сторон не было сходства. Каждая считала, что танки и пушки — доминанта оружия в пустыне, заставлявшая пехоту, когда бы та ни покидала укрепленных позиций для участия в подвижных боевых действиях, осторожно жаться к сопровождавшей ее бронетехнике и артиллерии. И немцы, и британцы тяготели к морскому построению и маневрированию по образцу и подобию флотов. И те, и другие стремились уничтожить побольше вражеских танков, считая это жизненно важным залогом окончательной победы. Но в то время, как немцы предпочитали применять танковые части для заманивания британцев к заранее подготовленным артиллерийским позициям, британцы искали этакое ристалищное про-

тивостояние танк против танка (что осуждал еще Фуллер в 1918 г.). Таким образом, охотясь за движущимися целями, они становились жертвами неприятельского коварства, вместо того чтобы поступать в соответствии с основополагающим военным принципом, диктующим захват жизненно важных позиций сосредоточенными силами.

В ходе сражения, начавшегося 18 ноября к востоку от Тобрука (и довольно болезненно для атакующих), британцы позволили врагу использовать себя в кроваво-безоглядных и лихих кавалерийских бросках против пушек и танков, дислоцированных на заранее подготовленных позициях. Как верно подметил один водитель-танкист, идущий, как рядом с ним гибли многие товарищи: «Мне не слишком-то по душе этот кавалерийский наскок». Однако подобный наскок становился почти неизбежным при вооружении в виде 40-мм пушки с орудийным бронебойным выстрелом, если только атакующие хотели приблизиться на дистанцию поражения к немецким танкам, многие из которых получили дополнительную защиту в виде 30-мм листов брони поверхностной закалки, при встрече с которой бронебойный выстрел не крошился только на самых малых расстояниях. С британской точки зрения, трагедия заключалась в том, что — хотя с апреля 1941 г. в их руках находились любые образцы немецкой бронетехники — прошел почти год, прежде чем они додумались, что все дело в стали поверхностной закалки. А потому в ноябре 1941 г. они продолжали воевать в ложной уверенности, что причина живучести вражеских танков в недостаточной меткости британских стрелков, а не в техническом превосходстве противника, которое и позволяло ему чаще находить победителем из боев танков с танками.

Столкновение масс бронетехники к юго-востоку от Тобрука протекало в обстановке стихийности и замешательства, где одни соединения и части искали боя с другими в клубящейся пыли и дыме сражения. Расчет 88-мм орудия мог начинать стрелять с 2000 м, но достигнуть попадания на дистанции свыше 1000 м (когда уже могла показать себя и 50-мм пушка L60) удавалось обычно редко, и только на 300 м — если, конечно, везло — британцы могли рассчитывать открыть счет с их 40-мм орудиями. На жизненно важных позициях у опорного пункта Сиди-Резег с его аэродромом потери британцев особенно быстро и опасно росли, когда танки рассеялись в поисках добычи и то и дело натывались на засады. Британские танкисты безнадежно проигрывали вражеским соединениям, умело распоразжавшимся собранными разведывательными частями сведениями и ведомыми искусными командирами, которые располагали значительно лучшими, нежели у британцев, радиоприемниками. Местность к югу и востоку от Тобрука превратилась в танковое кладбище. В какой-то момент численность двух британских бронетанковых бригад, выступивших против врага за четверо суток до этого с примерно 350 танками, сократилась до 50 машин, хотя подавляющее большинство

тво из утраченной техники не подпадало под категорию «безвозвратные потери», так как вышло из строя вследствие поломок или незначительных повреждений. Но и в этом немцы находились в лучшем положении, поскольку их ремонтные мощности превосходили британские.

Однако Роммель растерял значительную часть преимуществ, которые дал ему выигрыш в битве, удалившись от жизненно важного района танкового сражения, чтобы ударить на британские линии коммуникаций с небольшими силами оставшейся у него бронетехники. Вместо того, чтобы сосредоточиться на сборе или уничтожении выведенных из строя вражеских танков, он оставил поле битвы британцам, позволив им транспортировать поврежденную технику и пополнить парк танков в районе Сиди-Ресег. В итоге, вернувшись на этот важный участок, Роммель, уже ослабленный в результате нескольких безрезультатных для него боевых соприкосновений с британской артиллерией на границе, оказался вынужден начинать все сначала, тогда как тыловое обеспечение у него уже начинало рушиться. К наступлению 4 декабря, несмотря на местные победы над устаревшими британскими танками, он в итоге потерпел поражение из-за нехватки машин и отсутствия должного снабжения, утраченного им незадолго ранее. К концу года ему пришлось возвратиться в Эль-Агейлу и залечивать там раны, в то время как британцы наращивали силы для вторжения в Триполитанию.

Проблемы в обеспечении безопасности переговоров по радио у британцев дали Роммелю возможность установить, что в середине января у него создастся численное преимущество над британцами в районе Эль-Агейлы. Но даже и в этом случае стремительная упреждающая атака, развернутая им 20 января, не смогла бы опрокинуть британцев, если бы они преобладали в артиллерии, имели лучше налаженную сеть командования и если бы немцы не испытывали огромного воодушевления из-за вполне оправданной веры в собственное превосходство в методах ведения подвижной войны. С холодной точностью немцы применяли сосредоточения танков и противотанковых пушек, чтобы крушить свежие пополнения противника, не располагавшие еще большим опытом боевых действий в пустыне. Один немец описывал, как двенадцать его 50-мм противотанковых орудий:

«ПЕРЕПРЫГНУЛИ С ОДНОЙ выгодной позиции на другую, тем временем как наша танки, действуя по возможности с места и находясь «воткнувшись», обеспечивали их огнем прикрытие. Затем, как только мы обосновались на новом месте, приходил наш черед прикрывать их, когда они вновь ринулись вперед».

Что есть описанное выше, как не блестящее взаимодействие родов войск и применение фундаментальных приемов ведения огня? И снова атакуя кавалерийским наскоком, не выдерживая и обращаясь в бегство, британские бронетанко-

вые части потерпели поражение к югу от Бенгази, оставив без прикрытия пехоту с ее трогательно жалкими 40-мм противотанковыми пушками перед всепобеждающими панцернаффе. Что еще оставалось делать пехоте, как не удирать во все лопатки к Газале и Тобруку, чтобы избежать если не полного уничтожения, то огромных и неоправданных потерь?

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ТАНКОВ 1942 г.

Изматывающие бои в пустыне уступили место затишью, необходимому сторонам, чтобы прийти в себя, а тем временем в степях и среди густых лесов немцы вели войну за выживание против продолжавшегося яростного наступления русских. Однако и русские перенапрягли силы, поставив слишком трудные для себя на том этапе задачи. Но тем временем, пока шли бои, в тренировочных лагерях в тылу в усиленном режиме ковались новые кадры для армии, на полную мощность работали заводы, чтобы послать оружие нового поколения для еще более ожесточенных противостояний, которые ждали русских и немцев в 1942 г. От русских процесс этот в текущей фазе войны требовал чуть ли не сверхчеловеческих усилий. Вновь введенные далеко на востоке танковые заводы еще не набрали должных оборотов производства и не могли покрывать потребностей фронта. В то же время танки, которые получал СССР из Британии, уже принадлежали к «вымирающим породам» и устарели перед лицом немецкой бронетехники, не говоря о том, что они вообще довольно плохо подходили для суровых природных условий России. За наименьшим лучшим, однако, в дело шли и такие танки, хотя, как можно с уверенностью предположить, экипажи относились к технике без особого энтузиазма и воодушевления. Но и это еще не все, скоро русским предстояло иметь дело с последними образцами PzKpfw III и PzKpfw IV. С новыми 50-мм пушками L60 и 60-мм экранированным бронированием поверхност-

«Крейсер-1» покидает танкобесантное судно в ходе учений. Высокая скорость, обеспечивавшаяся 340-сильным авиационным двигателем «Либерти», уже не служила в 1941 г. компенсацией тонкого бронирования, устаревшей пушки и отсутствия командирской башенки. Боевая жизнь машинки, однако, продолжалась и в 1942 г., благодаря установке на нем 57-мм пушки, что, однако, вынудило конструкторов оставить в башне место только для двух членов экипажа вместо привычных трех.

Вес: 18 тонн

Скорость: 43 км/ч

Лобовое бронирование: 40 мм

Вооружение: 1 пушка 40-мм, 2 пулемета

Броски и контрудары в пустыне. На карте 1 показано контрнаступление войск стран Оси в начале 1941 г., вследствие которого Тобрук оказался отрезанным, а британцы — отброшенными назад к границе, где тихо приказали долго жить две наступательные инициативы мая и июня.

На карте 2 изображена схема британского наступления ноября 1941 г. На карте 3 показан ответный удар войск стран Оси в январе 1942 г. В беспорядке отбросив их прямо к Эль-Аламейну, где у наступающих опять стали сказываться неладки с тыловым обеспечением.

На карте 4 обозначено направление последнего наступления стран Оси, которое удалось сравнительно легко отбить у Алаэль-Хальфы в августе.

ной закалки, PzKpfw III J показали себя действенным оружием проверенной и перепроверенной надежности. Однако куда более удачными получились последние «четверки», PzKpfw IV E, которые теперь имели ту же броню, что и PzKpfw III J, но вооружались 75-мм пушкой L43 и могли, что называется, стоять на одной ноге с T-34/76 и даже вывести из строя KV-1 попаданием в борт. Далее, разработка и развитие идеи самоходных штурмовых орудий привела к появлению самоходных истребителей танков (противотанковых САУ), оказавшихся значительно более эффективным оружием, чем буксируемые противотанковые пушки, не обеспечивавшие надежной защиты расчетам, требовавшие больше времени на вывод на огневые позиции и страдавшие от ограниченной подвижности. В 1941 г. дебютировала первая противотанковая установка с усовершенствованной 75-мм пушкой L48 (с начальной скоростью полета снаряда 747 м/сек) на шасси PzKpfw III, затем в 1942 г. появилась версия со 105-мм стволом. Подобные орудия, стрелявшие выстрелом с сердечником из карбида вольфрама, обладали способностью легко уничтожить любой британский танк, за исключением нового «Черчилли-III», поразить броню которого было под силу только 88-мм пушке. Однако появления «Черчилли-III» на полях сражений предстоило ждать до августа 1942 г., когда британцы предприняли амфибийный рейд на Дьен.

Однако из-за ограниченности запасов вольфрама выстрелы с сердечником из карбида вольфрама являлись большим дефицитом. Вместе с тем, когда в апреле на ТВД в Северную Африку стали поступать PzKpfw III J, за которыми в июле последовали PzKpfw IV E, у британцев не оказалось никаких гусеничных боевых машин, способных соревноваться с новой немецкой бронетехникой, и лишь недавно представленная 57-мм (6-фунтовая) противотанковая пушка могла поразить немецкую броню с 1000 метров. Единственной надеждой в британских «танковых конюшнях» накануне тяжелых боев мая являлся M3 «Генерал Грант», hastily сконструированный американцами в 1941 г. и со своей 75-мм пушкой кое-как подходивший в качестве определенного рода временной заплатки на дырявом кафтане британского парка бронетехники. Разработанный на базе экспериментального танка T5 образца 1938 г., «Грант» стараниями заказчиков-британцев из изначального M3 «Генерал Ли» превратился в довольно неудобную с тактической точки зрения, но мощную боевую машину. Установленная в свистоне ближе к правому борту корпуса 75-мм пушка находилась довольно низко, имела ограниченный угол горизонтальной наводки, что не позволяло вывести машину на линию прицеливания иначе, как «обнажив» корпус с высокими бортами. Броня толщиной в 65 мм предоставляла довольно надежную защиту экипажу и жизненно важным узлам конструкции, однако клепки, которыми скреплялись швы, де-

монстрировали тенденцию выскакнуть при попадании (даже и без пробития) и могли ранить людей. Вместе с тем, 75-мм орудие длиной в 31 калибр, заменившее изначально длиной 40 калибров, обладало способностью пробивать броню большей части немецких танков на дистанции до 1000 м; но что более важно, с приходом М3 у британских экипажей появилось наконец оружие, стрелявшее осколочными снарядами, желательным из положения «башня укрыта», позволявшими уничтожить прислугу вражеских противотанковых орудий. В итоге это означало конец безраздельного владычества прежде всего 88-мм пушки двойного назначения, но также и многих других немецких орудий.

1942 г. и в самом деле можно назвать поворотным пунктом в области баллистических технологий англо-американских танковых пушек и приемов их применения. Вынужденные наконец под давлением обстоятельств признать превосходство немцев, ставшее смертельной угрозой для морального состояния и эффективности действия британских экипажей, военные руководители позаботились о появлении в действующих частях машины с улучшенной оптикой, ударно-пусковыми механизмами, более мощными пушками, стреляющими более хитроумно сработанными выстрелами. Американцы, сделавшие выбор в пользу 75-мм пушки, уже присматривались к более мощной 76-мм. В свою очередь британцы, которые вот-вот (хотя и не без трудностей) приступали к монтажу 57-мм пушек в слишком маленьких для этого танковых башнях, испытывали недовольство ввиду отсутствия эффективного осколочного снаряда. Они тоже работали над 76-мм пушкой, которой предстояло получить обозначение 17-фунтовка. Однако наиболее быстро внедрили британцы улучшенный, снабженный наконечником выстрел, который появился в мае 1942 г. и отличался от прежнего защитным колпачком из мягкого металла, предотвращавшим деформацию острого при столкновении с броней поверхностной закалки, а также выстрел с обтекаемым баллистическим наконечником, позволявшим за счет снижения силы трения увеличить начальную скорость полета снаряда 40-мм пушки, к примеру, с 689 м/сек до 792 м/сек. Тут британцы последовали примеру немцев, кото-

рые применили боеприпасы обоих вышеупомянутых типов почти с самого начала и уже далеко продвинулись в плане создания длинноствольных 75- и 88-мм орудий, с начальной скоростью полета снаряда в 914 м/сек. Вскоре за тем, по мере раскручивания темпов наращивания мощи противотанкового вооружения, представили 85- и 100-мм пушки русские.

ВОЙНА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Нападение японцев на Соединенные Штаты, на британские и голландские владения на Дальнем Востоке привело к быстрому расширению зон ведения боевых действий в бассейне Тихого океана и в Бирме. Японцам приходилось организовывать множество амфибийных операций, в ходе которых на суше доминирующую роль играли пехота и артиллерия, тогда как задачи довольно ограниченной по возможностям бронетехники сводились к обеспечению поддержки наступательным действиям. Танковые противостояния отмечались редко, поскольку союзники применяли на данных театрах лишь незначительные по количеству части легкой бронетехники. Из-за условий местности в Бирме, куда британцы отправили два полка «Стюартов» и где всюду попадались непролазные джунгли и тонкие рисовые поля, танкам приходилось передвигаться в основном по дорогам. Отмечалось, по крайней мере, один случай столкновения «Стюартов» с японскими танками на дистанции 800 м (когда три японские машины получили серьезные по-

Вверху: «Крейсеры» и «Шерманы» на море у Эль-Аламейна.

Слева: Американский легкий танк «Стюарт» Mk II британской армии проезжает мимо немецкого PzKpfw III L, взорванного экипажем с целью не допустить захвата машины врагом. Появившийся в североафриканской пустыне в 1941 г. надежный «Стюарт» применялся как временная мера по заплаты дыр в танковых частях, но уже в 1942 г. перестал соответствовать потребностям боевых частей и скоро стал задействоваться только для нужд разведки. Высокая скорость машины не служила особенно надежной защитой.

Вес: 12 тонн

Скорость: 56 км/ч

Лобовое бронирование: 43 мм

Вооружение: 1 пушка

37-мм, 3 пулемета

реждения от 37-мм снарядов и вышли из строя); другие попадания не дали результата.

По мере течения войны на Дальнем Востоке, когда японцы постепенно выдыхались, теряя былую силу, одновременно с необоримым возростанием мощи союзников, применение танков стало носить почти или совершенно односторонний характер. Когда в 1944 г. британские и индийские войска перешли в генеральное наступление в Бирме, они многократно превосходили японцев по числу танков, которые встречали противодействие со стороны лишь очень храбрых и отважных расчетов противотанковых пушек и команд с подрывными зарядами. Когда в свою очередь американцы и австралийцы высадились на удерживаемых японской стороной территориях в серии амфибийных операций с целью овладения жизненно важными пунктами островов, японцы имели возможность встретить волны легкой бронетехники союзников (моделей, разработанных в 20-е годы Кристи) и подоспевших затем средних танков лишь горстками устаревших машин. Противостояние на Востоке диаметрально образом отличалось от конфликтов в Северной Африке и Европе, где принимали участие порой гигантские орды боевых бронированных гусеничных машин. Одним словом, эти отделенные от европейских метрополий ТВД практически ничем не обогатили историю боев танков против танков.

ПЛАН «ОРИЕНТ»

В июне 1942 г. Гитлер приказал подготовить так называемый план «Ориент», в котором предусматривалась возможность соединения на Ближнем Востоке немецко-итальянских войск из Северной Африки с немецкой армией, начинавшей продвижение на Кавказ, создавая угрозу жизненно важным нефтяным месторождениям региона, а возможно — в случае благоприятного развития ситуации — также Персии и Ирака. Роммель уже нанес удар по британскому рубежу из минных полей и укрепленных пехотных «боксов» в районе Газалы и далее на юг от нее. Однако перед лицом поначалу очень хорошо скоординированной обороны, подкреплённой новыми танками «Грант» и 57-мм противотанковыми пушками, он не смог осуществить прорыв, был отброшен и вынужден на какое-то время перейти к оборонительным действиям. Предупрежденные о начале вражеского наступления (и в общем и целом сами готовые перейти в атаку) британцы в лоб встретили бронетехнику стран Оси, когда та попыталась обойти их позиции с фланга через пустыню и прорваться в британский тыл, тасая танки и пушки, маневренно действовавшие с подготовленных позиций. 75-мм пушки «Грантов» произвели заметное впечатление на немцев; потери последних стали расти, а линии коммуникаций оказались перекрыты. Если бы британцы сумели быстро развернуть контратаку координированными силами танков, пехоты и артиллерии против под-

PZ KPFW IV F

С 1941 г. ЭТА МАШИНА стала рабочей лошадкой немецких танковых войск, сдлавшись основным противотанковым средством после того, как изначально короткоствольную 75-мм пушку заменили 75-мм же орудием длиной 43 калибра (а позднее еще лучшим стволом в 48 калибров). В то же самое время бронирование достигло 50 мм (у некоторых переходных моделей оно составляло 30 + 30 мм, а на поздних модификациях — 80 мм), что превратило PzKpfw IV F в крайне грозное оружие, каковым зарекомендовал он себя в боях с британцами под Эль-Аламейном и с русскими на подступах к Кавказу и под Сталинградом.

лючок башенного перископа

БРОНЕБОЙНЫЙ ВЫСТРЕЛ С БАЛЛИСТИЧЕСКИМ И ЗАЩИТНЫМ НАКОНЕЧНИКОМ [APCBC]

Облекомый выстрел с баллистическим наконечником позволял увеличить начальную скорость полета снаряда.

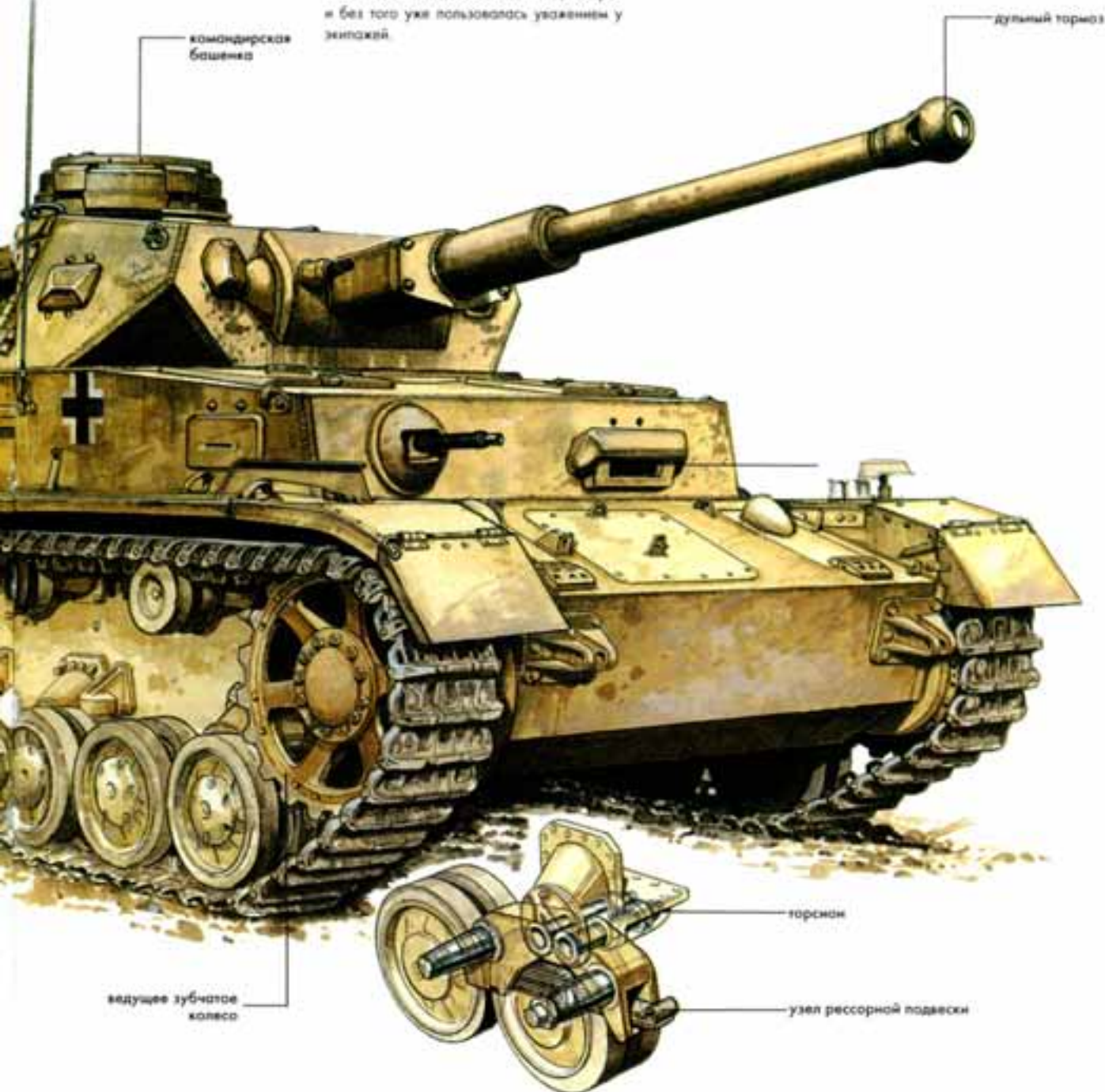
Немцы начали заменять также и оптику прицелов, улучшить приемы ведения огня в отчаянных усилиях по повышению поражающей мощи танков перед лицом численно превосходящего их неприятеля. В основе своей, однако, PzKpfw IV остался прежним, если не считать значительного повышения механической надежности машины, которая и без того уже пользовалась уважением у элиты.

Вес: 24 тонны

Скорость: 40 км/ч

Лобовое бронирование: 50 мм

Вооружение: 1 пушка 75-мм 43 калибра,
2 пулемета

вижных войск Роммеля, прижатых спиной к неоглядным минным полям, типичным для данного участка, войска стран Оси неминуемо проиграли бы. В действительности немецко-итальянские части так страдали от нехватки воды, что в какой-то момент Роммель находился на грани того, чтобы объявить собственную капитуляцию.

Роммель выбрался из критического положения, сумев открыть линии коммуникаций, а затем, превосходно применив подражаемую танками артиллерию, сорвал заподравшую на несколько дней танковую атаку британцев, к тому же плохо обеспеченную действиями артиллерии, палившей по пустому пространству вместо установленных целей. Бросок танков и орудий Роммеля, который не преминул извлечь выгоду из разгрома вновь атаковавшей его британской бронетехники, осуществлялся по ставшему к тому времени уже хорошо знакомым сценарию. Боевые действия показали, что PzKpfw III J с новым вооружением вполне годились в достойные соперники «Грантам». К полудню 13 июня британцы потеряли 138 танков, а численность боевого танкового парка, составлявшего на день начала операции, 26 мая, 850 единиц, сократилась до 70. Принимая во внимание наличие у стран Оси 150 танков и сохранившегося сильного ядра противотанковой артиллерии, британцам не оставалось иного выхода, как покинуть поле боя под Газалой и отступить к рубежам обороны порта-крепости Тобрука и дальше к египетской границе.

В основе причин поражения британцев лежало неумелое руководство и неэффективный аппарат контроля за действиями войск, слабоватые радион и отсутствие доктрины взаимодействия. Вновь немцы «раскрасили нос» противнику, который продолжал распылять силы бронетехники в наступлении и совершенно не позаботился о том, чтобы поддержать танки и пехоту сосредоточен-

ном артиллерийском огнем. Пагубная практика подобного проведения операций, когда разбросанные группы устремлялись в этакый галоп, забывшая о необходимости скоординированных действий перед лицом неприятеля, который управлял всем имевшимся у него в распоряжении оружием, как хороший дирижер сыгранным оркестром виртуозов, причем, как правило, точно выбирал время и место для удара. Поражение принесло такое опустошение британцам, что боевой дух изнеможенных переделью экипажей опустился на небывало низкую отметку. Более того, подполки крейсерских танков и «Матильда» достигли такой высокой степени, что явление это получило название «кризиса надежности», а одновременно по войскам пошла гулять поговорка «Грант» — не выдаст, «Матильда» — съест». В вышеприведенных словах отражалась вера танкистов в то, что один «Грант» стоил трех британских танков, несмотря на то, что и он уступал последним немецким машинам. Что еще хуже, однако, это возникшая и распространившаяся в умах британцев мысль о том, что если открытые бои с противником танк против танка стоят таких потерь, предпочтительным стало бы возвращение к старому артиллерийскому приему бить по вражеским танкам бронбойными выстрелами из положения «башня укрыта». Подобные веяния привели бы не только к отказу от танка как инструмента ведения меткого огня прямой наводкой, но и еще больше подорвали бы наступательный дух экипажей, когда они выступали бы против полностью уверенного в собственных силах врага. К счастью, этот «откат от мужества» не получил развития и поддержки и не превратился в доктрину. Однако мрачные приверженцы данного подхода находили немалую аудиторию слушателей в те отчаянные дни, когда пал Тобрук, а Роммель приступил к столь стремительному, столь же и рискованному вторжению в Египет,

T-34 с пехотинцами на броне в ожидании атаки. Не только русские применяли танки для транспортировки войск. Во многих армиях существовала подобная практика. Солдатам, однако, надлежало помнить о необходимости немедленно оставить танк в случае встречи вражеского противодействия, поскольку иначе пехоту ожидали неминуемо высокие потери, тогда как машина лишалась способности к наступательным действиям.

оставив походы Мерса-Матрух, и был остановлен только отчаянным сопротивлением прижатых к стене британцев под Эль-Аламейном в начале июля, когда потеряли фiasco немцы: службы тылового обеспечения, продемонстрировав неспособность доставить все самое необходимое солдатам на передовой с удаленных от нее баз.

Так или иначе, не танки, а авиация и артиллерия, начавшая наконец действовать как сосредоточенная сила, способная под централизованным управлением показать всю заключенную в ней мощь и гибкость, вот что позволило британцам взять верх в противостоянии. В боевых соприкосновениях британские танки продолжали проигрывать почти всегда, когда пытались переходить к наступательным действиям. Так, скажем, 22 июля 23-я бронетанковая бригада «Валентайнов» в первом же бою потеряла ни много ни мало 116 танков — почти все они лихим кавалерийским наскоком атаковали 88- и 50-мм противотанковые пушки в тот момент, когда численность пригодного к боевому применению немецкого танкового парка составляла не многим более 50 машин.

КАВКАЗ И СТАЛИНГРАД — ПОХОД ЗА НЕФТЬЮ

На Восточном фронте левое крыло гигантского охватывающего маневра в соответствии с планом «Ориент» рванулось к цели 28 июня на 400-км фронте между Воронежем и Ростовом и поначалу действовало с изумительными результатами, говорившими о том, что танковые армии, пополнявшие численность и получившие модернизированные машины, вернули себе былую силу перед лицом выдохшегося противника, танковые парки которого переживали самую незавидную пору. Хотя рост выпуска продукции у советской промышленности шел вверх быстрыми темпами, усилие тыла в этом направлении смогли заметно сказаться на положении на фронте лишь к концу лета. На том же этапе русским приходилось обходиться трофейной немецкой техникой, слабыми британскими машинами да немногими присланными из США «Грантами», плюс то, что они успевали построить сами. Т-34 выпускался в наиболее широком объеме. Более сложные в производстве КВ-1 перестали занимать первые места в списках приоритетов, поскольку конструкторы усиленно работали над новым тяжелым танком — первым из целой серии военных и послевоенных ИС, или «Иосиф Сталин». Как не менее важное событие следует отметить приказ генерала Федоренко, командующего танковыми войсками, изданный в конце июня и содержавший в себе основополагающие принципы будущего применения танков. Ничего особенно нового директива в себе не содержала. В основном там говорилось о том, к чему Фудлер призвал еще в 1918 г. и что немцы практиковали уже в течение многих лет. Однако все эти очевидные противнику вещи миновали внимание русских командиров, которые упорно придерживались при-

емов, приведших в 1940 г. к катастрофе французов и британцев. Отныне и впредь, утверждал Федоренко, танковые корпуса будут сосредотачиваться на стратегических заданиях и находиться в подчинении штабов фронтов. Танковые соединения больше не будут дробиться по армиям и придаваться как средство поддержки пехоты, впредь не будут они и предпринимать лобовых атак, за исключением тех случаев, когда наступление проводится в условиях массовой поддержки ВВС и артиллерии. Вместо этого бронетехнике предстоит выискивать слабые места и прокладывать коридоры с целью достижения объектов стратегического значения, расположенных на расстоянии 40 или 50 км в глубине обороны противника. Навыкнейшее при этом — достижение внезапности, овладение господствующими позициями, четкая организация тылового обеспечения, которое бы позволило живой силе и технике действовать автономно без получения пополнений в течение пяти и более суток.

Для глубоких прорывов подобного характера подходили только Т-34. Следовательно, КВ, а затем и их наследников надлежало сосредоточить в особых ударных частях, где тяжелые машины не будут, как это происходило прежде, висеть грузом «на ногах» у более быстроходных Т-34. Хотя доктрина эта не успевала проявиться в ходе развернутого немцами летнего наступления 1942 г., она, вне сомнения, заметила перемены в тактике применения русскими танков против танков по сравнению с 1941 г., хотя количество машин с установленными на них радиостанциями поступало в части у

Немецкое наступление на Кавказ и Сталинград. Сопротивление русских казалось подорванным, однако противник немцев упорно сражался за ключевые пункты.

русских по-прежнему в мизерном количестве. В бою за овладение переправой на одной из рек в июле 11-я и 19-я танковые дивизии оказались под огнем установленных на подготовленных позициях противотанковых пушек и подверглись наскоку с фланга группы из пяти или семи Т-34, которые выкатились из укрытий в лесу, обстреливали противника и вернулись обратно прежде, чем тот успел уничтожить их. С мастерством и отвагой Т-34 повторяли прием, нанося высокий урон немцам. Они избегали ввязываться в перестрелки, разгоняли немецкую пехоту и сдерживали наступление противника, демонстрируя при этом, сколь чудесным образом может проявить себя в обороне небольшой подвижной отряд танков.

Было бы большим преувеличением утверждать, что русские совсем утратили способность оказывать серьезное противодействие немецкому наступлению, хотя, по разумению немцев, лед, несомненно, тронулся. Унтер-офицер танковых войск отмечал, что положение изменилось.

«ВСЕ ЭТО ПОХОЖЕ на Пальму. Ряды русских редки. Они падают по нам как черны, по нам хоть бы что».

С прежней живостью и стремительностью 4-я танковая армия Гота, поддерживая 6-ю армию, возглавляла бросок в направлении Сталинграда, которого немцы достигли в начале августа. 1-я танковая армия фон Клейста бодро шла через Кавказ, чтобы 9 августа овладеть нефтяными месторождениями Майкопа, а спустя несколько суток выйти к предгорьям Кавказа. К несчастью для немцев, Гитлеру не давал покоя Сталинград, который фюрер желал непременно видеть поверженным, и поверженным теперь же. Ошибочные расчеты противника позволили советскому командованию превратить город в настоящую крепость и сделать его символом нестигаемой воли к победе. Сталинград совершенно не подходил для танков, которые сложно применить в уличных боях. Если бы немцы сосредоточились на захвате Кавказа и нефтяных месторождений Баку, бронетехника фон Клейста при широкой поддержке могла бы добиться решающих стратегических результатов. Вместо этого Гитлер предпочел вкладывать жизненно важные ресурсы в прожорливую мясорубку битвы на истощение. Напор наступления фон Клейста иссяк из-за отсутствия соответствовавших бы задачам тылового обеспечения и поддержки, постепенно натиск на русских ослаб, и они перестали страдать от приступов «танкобояни». Положение на фронте стабилизировалось, и к 14 октября Гитлер дал отбой активным действиям всюду, кроме Сталинграда, где 6-я армия и 4-я танковая армия занимали выступ, северный и восточный фланги которого находились под довольно слабым прикрытием. Спустя всего девять суток начало становиться понятным, что острою южного полушария титанического и металоманического плана «Ориент», уже несколько затухавшему под Эль-Аламейном, грозит смертельная опасность быть раскрошенным.

ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ — АЛАМ-ЭЛЬ-ХАЛЬФА И ЭЛЬ-АЛАМЕЙН

Замена руководства, пересмотр тактики и появление в Египте танка с хорошей пушкой в башне стали решающими факторами того, что удача склонилась к британцам. В августе генерал-лейтенант Бернард Монтгомери вернул в британскую 8-ю армию военную дисциплину старых ортодоксов, правда адаптированную на современный лад и приспособленную под текущие потребности. Он настаивал на том, что овладение господствующими позициями есть фундаментальная основа любых операций, что артиллерийский огонь должен сосредотачиваться на конкретных целях как важнейшее оружие, способное принести победу в сражении, действуя в поддержку пехоты и танков, последним же полагалось выступать в качестве интегральной части всеобщего плана битвы, а не бросаться, куда вздумается командирам, бессмысленно губя себя в кавалерийских наскоках на готовые к отражению атаки вражеские пушки и танки. Значительным подспорьем личному составу армии — особенно танкистам — стало улучшение британских радий и поступление американских «Шерманов». «Шерман», первый действительно удачный боевой танк, произведенный в Соединенных Штатах, значительно превосходил «Грант». С его более длинной и более мощной 75-мм пушкой длиной 40 калибров, установленной в башне, и со значительно более толстой 85-мм броней, «Шерман» не уступал «Гранту» в надежности, превосходил Т-34/76 и мог считаться равней PzKpfw IV E, которые стали все больше прибывать в Северную Африку в августе. Машина тотчас же завоевала доверие экипажей и не подвела их со вступлением в боевые действия в октябре.

Тем временем 30 августа Монтгомери пришлось иметь дело с последним броском Роммеля на восток в попытке достигнуть Суэцкого канала — хуком справа через пустыню, нацеленным в британский тыл и напоминавшим тот удар, который немецкой командующий провел в мае, действуя в обход «линии Газалы». Однако на сей раз немедленного столкновения танков не последовало. Британская бронетехника отошла на господствующие высоты к Алам-эль-Хальфе, предоставив немцам карабкаться по тонким пескам (что повышало расход горючего выше расчетной нормы) и прокладывать себе дорогу через минные поля, где наступающих безжалостно бомбила авиация и поливала огнем артиллерия. График немецкого плана тут же начал рушиться. И все же Роммель настаивал на своем, подгоняя танкистов к горной гряде Алам-эль-Хальфа, ключевой позиции в британской обороне, на защиту которой командование отрядило наиболее сильные части. Здесь германским танковым дивизиям, лишенным сосредоточенного артиллерийского огня и пехотной поддержки, приходилось самим раздвигаться с установленными в орудийных окопах и заранее пристрелянными 57-мм противотанковыми пушками, наводчики которых точ-

«ШЕРМАН» М4А1

АМЕРИКАНСКИЙ «ШЕРМАН» С НЕПЛОХОЙ 75-мм пушкой, наконец, для британских танкистов средство против вражеских 88-мм противотанковых орудий, а кроме того, против модернизированных PzKpfw III и PzKpfw IV. Выпускавшиеся в нескольких модификациях, некоторые «Шерманы» (как, например, эта модель) оснащались очень надежными дизельными двигателями; другие имели радные бензиновые моторы, изначально предназначенные для самолетов. Надежный и удобный в управлении, «Шерман» не вызывал серьезных нареканий со стороны экипажей, если не считать его склонности легко воспламениться. Немцы называли его «Тамм Кукер».

Вес: 31 тонна

Скорость: 45 км/ч

Лобовое бронирование: 83 мм (частично наклонное)

Вооружение: 1 пушка 75-мм, 2 пулемета

но знали дистанцию до целей. Какое бы впечатление ни производили на британцев крепкие орешки PzKpfw IV E, артиллеристы были в ответ уверены, а в критический момент в сражении вступили «Гранты» и «Крусейдеры», выдвинувшиеся на позиции на вершине в положение «корпус укрыт» и противодействовавшие любой попытке немцев маневрировать. Постоянно стреляя, PzKpfw IV сумели добиться немого, однако передовую ситуацию не смогли. Бойцы Роммеля откатились и повторили попытку, но быстро выдохлись и пришлось отступить в тишине надежде, что — как бывало прежде — британские танки устремятся в самоубийственный кавалерийский бросок. Однако на сей раз (если не считать одного частного случая) ничего подобного не произошло. Сражение закончилось ничьей, но британцы сохранили бронетехнику, тогда как немцы, укрывшись за минными полями, сидели там серьезно обескровленные на конце длинных и очень узких линий коммуникаций, страдающих от хронической нехватки горючего.

С того момента, как наступательный порыв немцев окончательно исчерпал себя, они перешли к оборонительной тактике, огранившись минными полями повсюду, где только могли бы

попробовать прорваться танки. На сравнительно узком 65-км фронте под Эль-Аламейном они создали значительные трудности британцам в их наступлении 23 октября: для преодоления рубежей противника потребовалось применить сосредоточенные штурмовые усилия, согласованные и, если можно так выразиться, кумулятивно применяя пехоту, артиллерию и танки в ночное время с целью пробития брешей во вражеских заслонах. Под Эль-Аламейном впервые использовались «танки-тралы» (машин с цепями на вращающихся барабанах, которые били по почве впереди танка, вызывая детонацию мин), таким образом, нашла новое реальное отражение в действительности идея, высказанная еще при подготовке операции под Камбре в 1917 г. и заключающаяся в создании видов специализированной бронетехники, способной обеспечивать танкам надлежащий уровень подвижности.

В центре плана Монтемери лежало стремление уничтожить немецко-итальянские танковые соединения тем же способом, который применяли сами немцы. То есть путем захвата силами взаимодействующих между собой частей всех родов войск позиций, которые неприятель не мог бы позволить себе потерять, чтобы таким

образом вынудить немецкие танки (поставленные Роммелем по всему фронту) атаковать британские пушки на заранее подготовленных рубежах. На начальном этапе танки главным образом поддерживали пехоту в прорыве ее через передовые линии обороны. В следующей фазе, во время так называемой «собачьей свары», им предстояло совместно с пушками приступить к уничтожению вражеской бронетехники, чтобы на заключительном этапе осуществить прорыв и окружить уцелевшие силы неприятеля. Британцы располагали не только количественным, но и качественным преимуществом, потому что из 1100 их танков 270 приходились на «Шерманы» и 210 на «Гранты»; при этом неприятель располагал только 200 немецкими (из которых лишь 30 были PzKpfw IV F) и 280 устаревшими итальянскими танками. Ситуация достигла такого момента, о котором генерал сэр Гарольд Александер (главнокомандующий сухопутными войсками на Ближнем Востоке) отозвался следующим образом:

«ТЕПЕРЬ У НАС НАКОНЕЦ СОБРАЛОСЬ МНОГО БРОНЕТЕХНИКИ, и мы должны быть готовы применить ее там, где требуется, признавая неизбежность больших потерь».

Именно такое и происходило на протяжении 11 суток изматывающих боев с вражескими противотанковыми орудиями под Эль-Аламейном, когда потери в некоторых британских танковых частях достигли 90 процентов, но при этом удалось уничтожить 100 процентов бронетехники стран Оси. И вновь получилось так, что противотанковые пушки, а не танки записали себе в актив львиную долю выведенных из строя машин; несколько сотен уцелевших британских танков получали возможность преследовать и жалить дрогнувшего противника. Однако теперь и вражеским противотанковым пушкам пришлось познать тяжесть времени, потому что группировки британской артиллерии, а также огонь «Шерманов» и «Грантов» седали смерть и разрушения на их позициях. Лишь немногие 88-мм пушки уцелели, как, к слову сказать, 50-мм и трофейные русские 76,2-мм орудия, перепрофилированные, доработанные и поставленные на службу себе немцами. Совместные действия атакующих принесли полную победу в поворотный момент войны — Германия потеряла инициативу на всех фронтах.

КОНТРУДАР ПОД СТАЛИНГРАДОМ

Когда британцы под Эль-Аламейном обломали южную «клевшию» плана «Ориент» и крупные англо-американские силы 8 ноября приступили к вторжению в Африку высадками в Марокко и в Алжире, русские как раз заканчивали подготовку операции по отсечению северной «клевши» — гитлеровской и невиданной прежде схемы в районе Сталинграда и на Кавказе. Обе стороны осознавали взаимность обоих флангов немецкого выступления в Сталинграде. Уже в сентябре русские начали проводить изучение возможности приня-

тия контрмер, которые к концу октября вылились в подготовку к скорому контрнаступлению. Слишком медленно приходили немцы к пониманию того, что происходит вокруг. И вместе с тем они не считали противника достаточно сильным и способным на то, чтобы иметь возможность осуществить двойной охват их позиций за счет глубоких проникновений через рубежи фланговой обороны.

Мастерски скрывая намерения, русские под руководством генерала Жукова сумели в период распутицы и ранних заморозков стянуть в районы сосредоточения огромное количество живой силы, 13 500 орудий и 894 танка, которым предстояло развернуть наступление по фронту протяженностью 250 км на четырех главных направлениях. Собранные русскими танковые соединения, надо заметить, уступали в численности тем, которыми располагал Монтгомери под Эль-Аламейном на 65-км фронте. Проводя параллель между Эль-Аламейном и Сталинградом, можно сказать, что Жуков, как и Монтгомери, выбравший для сосредоточенной атаки более слабые итальянские формирования, — сначала ударил по низкосортным румынским войскам на флангах немецкой 4-й танковой армии и 6-й армии вблизи от города. Сами немцы не располагали большим количеством танков. Численность танковых дивизий составляла что-то около 60 машин в каждой: всего менее 500 единиц бронетехники всех типов, включая несколько устаревших чешских танков и лишь немного PzKpfw IV последних модификаций.

Количество и качество танков имели, однако, меньшее значение, чем эффект внезапности, достигнутой русскими, действовавшими в соответствии с предписаниями Федоренко. Возможно, немцы бы и выставили перед лицом штурмов KV-1 и массированных артиллерийских обстрелов. Чего они никак не допускали, это того, что Т-34, должным образом поддерживаемые совместными действиями пехоты и артиллерии, прорвут огромные бреши в позициях румын и что за четыре суток 5-я танковая армия генерала Романенко сумеет пройти почти 130 км, а 4-й механизированный корпус генерала Вольского — 100 км.

Вся степень шока, замешательства и небывалой паники, охвативших немцев с началом русского контрнаступления, особенно ярко проявилась среди тыловых частей, однако тревожные признаки стали вполне различимы и на передовой, где застигнутые врасплох соединения реагировали с непривычной для них медлительностью. Когда танковые дивизии немецкой 4-й танковой армии отправились из Сталинграда наперсрез наступающей советской 5-й танковой армии, развертывание немецких частей очень напоминало действия французской 1-й подчиненной кирасирской дивизии в районе Флавиона в 1940 г. Оставив пехоту далеко позади, танкисты среди ночного мрака покатали по покрытым снегом холмистым равнинам разрозненными

Экспоз T-34/76 высветляет положение перед занятой позицией.

группами и отрядами, не подготовив должным образом службы тылового обеспечения. Никто не потрудился с последним светом дня долить бензина в топливные баки, а колонны снабжения расселись кто куда. Преодолев просторы степи, танкисты достигли жизненно важных переправ через реку Дон в районе Калача, уже испытывая дефицит топлива и боеприпасов, разбившись на отдельные импровизированные боевые группы и имея при себе незначительно малое количество разведывательных частей, артиллерии и противотанковых средств; пехота отсутствовала вовсе. Прежде чем немцы успели подготовить себе связанные оборонительные позиции, перед ними открылось доселе невиданное зрелище: сомкнувшиеся фаланги русских Т-34, моторизованной пехоты и пушек, приближавшиеся к ним в сумраке раннего утра 21 ноября.

Немецкие танковые экипажи, по-прежнему страдавшие от нехватки горючего и боеприпасов, мало что могли поделать, чтобы предотвратить разгром. Настигнутые на маленьких, «величиной с конейку», участках, неспособные без пехоты удерживать узловые точки и обходившиеся с флангов широченным русским охватом, они все же успели нанести врагу болезненный урон прежде, чем сами пали жертвами железного потока. Те, кто сумел избежать неудачного лобового столкновения, бежали либо в окруженный теперь Сталинград, либо на юго-запад, чтобы соединиться с наскоро собранными из недоукомплектованных частей деблокировочными силами. Система Федоренко сработала почти безукоризненно, заставив немецких солдат только поражаться тому, как слаженно взаимодействовали между собой русские танки, орудия и пехота, которая очень часто шла в бой на броне танков, чтобы спрыгнуть на землю поблизости от целей,

которые ей предстояло штурмовать. Пусть даже будучи лучше подготовленными, немецкие командиры и их экипажи с наводчиками, превосходившими прямых оппонентов в маленьких, вмещавших только двух человек башнях Т-34 (что снижало качество огня), все равно имели мало шансов одержать верх при раскладе идти к одному в условиях открытой местности.

Вот как генерал фон Паулюс, очутившись в западне в Сталинграде после 23 ноября, когда сомкнулись русские «клещи», откликнулся на предложение с намерением организовать контрудар, пробить брешь во вражеском кольце и обеспечить вывод части войск его 6-й армии и остатков 4-й танковой армии. «А что, если эта попытка не удастся? — спросил он. — Если наши танковые дивизии слишком слабы, что тогда?» До немцев стало доходить, что, несмотря на все неоспоримое личное мастерство их превосходнейшим образом подготовленных и крайне опытных подвижных войск, войска эти могут уступить неприятелю, который перешагнул через определенный порог в развитии, оставив в прошлом тотальные технические и тактические недочеты, чтобы превратиться в грозную и беспощадную силу. 1942 год шел к концу, а кольцо вокруг Сталинграда, невзирая ни на какие отчаянные попытки немцев прорвать его с юга, становилось толще и прочнее. Русские нарастили силы перед кульминационным моментом 23 декабря, когда, обратив вспять шедшие на выручку окруженным колонны противника, неумолимо устремились вперед, чтобы расчленил немцев. 6-я армия в Сталинграде была обречена. Соответственно и тыл немецких армий на Кавказе оказался под угрозой со стороны русских механизированных войск, которые на какое-то время стали казаться неостановимыми.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Артиллерийская революция

В ОКТЯБРЕ 1942 г. РАСЧЕТЫ РУССКИХ ПРОТИВОТАНКОВЫХ ОРУДИЙ на Ленинградском фронте оказались лицом к лицу с той же проблемой, которая уже давно вставала перед их немецкими коллегами, когда тем приходилось иметь дело с KV-1, — как поразить кажущееся неодолимым чудовище на гусеницах. Именно там и тогда они впервые повстречали 56-тонный немецкий «Тигр», 100–110 мм лобовое бронирование которого оказалось не по зубам 76-мм противотанковым пушкам, а поразить 80-мм сталь борта представлялось возможным лишь на самой малой дистанции. К счастью для русских — как и для британцев с американцами, увидевших четырех таких монстров в декабре в Тунисе, — «Тигры» еще не развелись во множестве (их производство началось только в августе) и страдали от всевозможных «детских болезней» — механической ненадежности, присущей всем новым и непроверенным машинам. Однако слова зловещего пророчества уже, что называется, проступили на стене. 1943 году предстояло стать свидетелем нагнетания противоборства пушек и брони после того, как немцы вырвались вперед по показателям защищенности машины, оставив позади русских с их Т-34 и KV-1, британцев с их «Черчиллем» и американцев с «Шерманом».

Однако большую тактическую важность представляли не довольно трудоемкие в производстве и весьма ненадежные тяжелые «Тигры», а последнее поколение так называемых средних танков (которые с их массой от 30 до 45 тонн попали бы в 1940 г. в класс тяжелых). Речь идет о немецкой «Пантере», русском Т-34/85, британском крейсерском танке Mk VII (в итоге названном «Кромвель»), американском проекте T20 и о целом ряде самоходных штурмовых и противотанковых орудий, которые строились всеми странами, причем во всевозрастающих — как количественно, так и в том, что касалось габаритов, — пропорциях. В движение новые машины приводились значительно более мощными силовыми установками, чем установленные на танках-предшественниках, бронирование обычно было наклонным и достигало в толщину не менее 75 мм, но наиболее показательно их усовершенствованное пушечное вооружение, его системы наведения и снаряда. Выросли не только ставки в соревновании брони и пушки, в котором ни одна из сторон не ждала ни и средств, чтобы выйти вперед, но сделались жизненно важными в представлении командиров и конструкторов задачи попадания и поражения основательно защищенных целей при минимальном расходе времени и боеприпасов. Когда на полях сражений заскрежетами гусеницами массированные бронетанковые соединения тратили десятков выстрелов на одно попадание, которое может уничтожить врага, а может и не уничтожить, более не представлялось допустимым. Кроме того, поскольку калибры пушек возросли до 75–88 мм, количество довольно объемистых снарядов в бое-

укладке заметно сократилось, что заставляло с умом распорядиться тем, что имелось в наличии.

Танкостроители Германии задавали тон с их «Пантерами» и «Тиграми», системы управления пушками которых, их оптика и устройство интерьера башни заметно опережали по показателям образцы бронетехники противника. Принимая во внимание длину ствола в 70 калибров у 75-мм пушки «Пантеры» и 88-мм орудие длиной 71 калибр, которое устанавливалось на 65-тонном чудовище — самоходке под названием «Элефант», — и поразительную точность их огня, можно представить то, сколько опустошительных результатов следовало ожидать от таких машин. Начальная скорость полета снаряда у только что упомянутых выше орудий составляла, соответственно, 836 и 1018 м/сек, при этом первое стреляло 6,8-кг выстрелом, тогда как последнее — 10-кг. Они немного превосходили по кинетической энергии последние 85-мм пушки русских (899 м/сек при 9,7 кг) и британскую 76-мм (884 м/сек при 7,7 кг) и значительно обгоняли американскую 76-мм (792 м/сек при почти 7 кг).

Столь высокие скорости порождали, однако, дополнительные проблемы для командиров и наводчиков. Становилось невозможно корректировать наводку путем отслеживания точки попадания снаряда, поскольку последний обычно завершал полет прежде, чем успевал рассеяться дым от выстрела пушки. Наводчики противотанковых орудий выходили из положения за счет располагавшегося немного в стороне наблюдателя, тогда как танковый командир в башне при дыме и сотрясении от произведенного выстрела оказывался в не-

завидном положении. Более того, если на относительно коротких (и более привычных) дистанциях противостояния линия прицеливания и траектория снаряда на первых 800 метрах совпадали, что позволяло наводить перекрестие просто на «центр массы» мишени, задача верно определить удаленность объекта и выставить прицел на расстоянии возможного поражения до 2000 метров становилась очень непростой. В условиях пустыни и степей трудности с определением дистанции серьезной помехой вставали перед экипажами немецких «Тигров», «Пантер», «Элефантов» и еще нескольких тяжелых противотанковых САУ, которые заняли место в боевом строю в течение 1943 г. Русским тоже приходилось считаться с подобной проблемой, когда в августе 1943 г. у них появились значительно более совершенные Т-34/85 с башней, где помещалось три члена экипажа, с более толстой броней и с 85-мм пушкой. Хотя и нет особых свидетельств, позволяющих бы утверждать, что они относились к данному предмету с той же основательностью и дотошностью, как немцы.

Что до британцев, для них такой момент наступил не ранее середины 1943 г., когда они стали прилагать значительные усилия для улучшения танкового огня. Отчасти поскольку у высшего командования продолжала царить уверенность, что пока как-нибудь удастся удержаться на заданных параметрах за счет одной лишь последней 57-мм пушки со стволом длиной 50 калибров и 7-кг снарядом с дульной скоростью 802 м/сек, каковое заблуждение превалировало по причине невозможности установить куда более мощную 76-мм пушку на запроектированный крейсерский Mk VII. Этот крейсерский танк, техническое задание на постройку которого спускалось производственникам в январе 1941 г., сумели довести до ума только к концу 1943 г., когда машина уже устарела по отношению почти к любой бронетехнике противника; впрочем, мы еще вернемся к обсуждению данной темы позднее. Тем временем американцы, которые всегда считали очень важным получить машину с установленной в башне мощной и эффективной пушкой, вели работы по созданию нового танка, T20, который позволял без труда вооружить его 76-мм орудием, обладал более толстым бронированием и лучшими ходовыми характеристиками, чем «Шерман». Однако проекту вредило недовольство участников предприятия (важнейшим фактором, заставлявшим союзников делать выбор в пользу «Шермана», а не более мощной машины, было соображение транспортировки через Атлантику — новый танк занимал значительно больше места в трюмах кораблей. — *Прим. пер.*). Фактически, хотя летом 1943 г. британцы и развинули крестовый поход с целью добиться по возможности более точного огня осколочными снарядами с закрытых позиций и огня прямой наводкой с дистанции до 2000 м, подразумевавший осуществление программ по улучшению оптики и механизмов управления пушкой, они (и

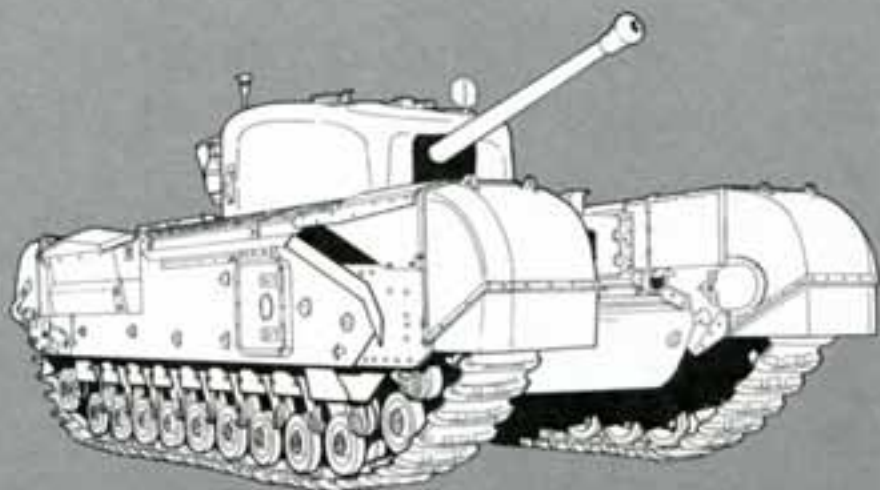
до известной степени американцы) позволяли себе тешиться иллюзией, что огромное количество танков, выкатывавшихся из заводских цехов, сможет компенсировать отставание в качестве по сравнению с немецкими машинами.

Размер и сама по себе масса новых пушек большего калибра, необходимых для уничтожения последних танков с их значительно улучшившейся защитой, нарушали баланс между соревнующимися друг с другом танками и противотанковыми пушками. Например, немецкое 37-мм орудие 1939 г. выпуска весило около 450 кг и без труда позволяло расчету перемещать и маскировать его на позициях, а потому по тактической ценности отличалось от 88-миллиметровки длиной в 71 калибр с десятерью большей массой, перемещать и устанавливать которую приходилось с помощью механической тяги и посредством лебедок. В результате такой неповоротливости и врожденной ужасности крупные противотанковые орудия начали терять привлекательность по сравнению с тактически более гибкими самоходными пушками.

Чтобы устранить сложности, связанные с пробитием брони снарядами, полагающимся на кинетическую энергию, специалисты разработали альтернативный метод. Так, список боеприпасов пополнилкумулятивный снаряд (или *hollow charge*, т.е. «полый снаряд», в системе английских обозначений широко известный как бризантный противотанковый — *High Explosive Anti Tank*, или сокращенно HEAT; в нашем языке существует еще термин «бронепрожигающий», — *Прим. пер.*). Такие снаряды поражали броню за счет высокоскоростной реактивной струи газа и расплавленного металла, которая прожигала броневой лист под давлением около 2000 тонн/дюйм². Достигнуть оптимального эффекта мешала высокая скорость и вращение, однако и то, и другое требовалось для увеличения дистанции огня и повышения его точности; глубина пробития брони во многом обуславливалась диаметром и профилем конуса, который концентрировал струю газа. Таким образом, 75-мм полевые пушки с меньшей начальной скоростью полета снаряда могли показать себя как не менее смертоносное оружие, чем более крупная высокоскоростная 88-миллиметровка, если, конечно, струя не будет рассеиваться и расплываться и если попадание вообще будет достигнуто, принимая во внимание снижение меткости огня у оружия с малой начальной скоростью. Рассматриваемые поначалу как некая панацея при решении проблем противодействия танкам,кумулятивные боеприпасы на практике оказались не более чем дополнением к существующим снарядам — еще одной ключкой в сумке. Однако как легковесное реактивное ручное оружие для пехотинца невращающаясякумулятивная боеголовка представляла значительный боевой потенциал. Начиная с 1943 г. и далее угроза от так называемых базук и им подобных гранатометов постоянно учитывалась при обучении командиров танков, которым приходи-

«ЧЕРЧИЛЛЬ-IV»

ПОСЛЕДНИЙ БРИТАНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ТАНК «Черчилль» стал выпускаться в 1940 г. в обстановке большой спешки и страдал от многочисленных конструктивных изъянов до тех пор, пока в 1943 г. не вступил в строй модификация Mk IV. Хотя 350-сильный двигатель отличался довольно большой надежностью, происходили постоянные неполадки с машинами-то втрое увеличенными узлами, тогда как трансмиссия (регенеративной, весьма толстой, разработанной и мало отличающейся от тех, которые применялись и по сей день) были присущи разного рода «капканам» вверих. К сожалению, башню сделали недостаточной большой, чтобы установить в ней орудие калибра выше 75 мм. Данное упущение поставило «Черчилль» в разряд устаревших уже в 1943 г., тем не менее он продолжал нести службу до конца Второй мировой войны. Благодаря живучести, обусловленной толстым бронированием последних модификаций.

Вес: 39 тонн
Скорость: 26 км/ч
Лобовое бронирование: 88 мм
Вооружение: 1 пушка 57-мм, 2 пулеметы

лось теперь еще теснее взаимодействовать с сопровождающей пехотой, лучше подходящей для уничтожения вооруженных реактивными гранатометами солдат противника.

И наконец, в список все новых и новых средств борьбы с вражеской бронетехникой приходится включить противотанковые мины, которые — по мере того, как военное счастье все увереннее отворачивалось от немцев, вынуждая их вступать на путь долгого и тяжелого отступления к пределам собственной родины, — закладывались во все больших и больших количествах, приводя к значительному ограничению маневра у наступающих ввиду способности такого оружия лишать хода любую технику. Дорогостоящие в производстве и требующие много времени на установку мины тем не менее представляли источник такой большой угрозы для танков, что вынуждали противоборствующие стороны идти на принятие также требующих расходов и времени мер по их обнаружению и обезвреживанию с целью поддержать уровень танковой подвижности и сохранить жизненно важную роль бронетехники в сражении. Противоминные танки с минными тралами различных типов и видов — с цепями, катками, плутами и т.п. — стали значительной составляющей парка бронетехники, но применение их требовало особого умения и навыков. На протяжении 1943 г. строилось множество различных бронированных машин, назначение которых состояло не только в преодолении естественных и рукотворных препятствий, но и в том, чтобы взять на себя главенствующие обязанности в ходе амфибийных операций, необходимых для того, чтобы обеспечить британцам и американцам возможность ступить на землю европейского континента, а также на острова в

бассейне Тихого океана в войне с японцами. Среди такого рода техники попадались машины, способные плавать или же преодолевать высокий брод, нести переправочно-мостовое имущество, огнеметы и устанавливать разного рода подрывные заряды, необходимые для разрушения оборонительных сооружений.

МЯЯТНИК КАЧНУЛСЯ — ПОСЛЕ СТАЛИНГРАДА

Последние танки и средства их истребления не приняли участия в битве, последовавшей за окружением немецкой 6-й армии и частей 4-й танковой армии под Сталинградом. Когда козырь замкнулся, у немцев не осталось выбора — одолеть русские армии в бою и выправить ситуацию в свою пользу или вырваться из руин города и попытаться спасти то, что еще осталось, одновременно выводя войска с Кавказа, оказавшиеся там перед угрозой быть отрезанными на выступе. Что нетипично для них, немцы поначалу очень лениво реагировали на возникающую опасность. Затем Гитлер принял ошибочное решение стоять насмерть в Сталинграде. Теперь, когда холодные пронизывающие до костей ветра гуляли по покрытой снегом земной степи, когда резко ухудшилось тыловое обеспечение, деблокирующим войскам фельдмаршала Эриха фон Манштейна из состава вновь сформированной группы армий «Дон» приходилось в лоб атаковать противника, запертого на жизненно важных позициях на всех подступах к городу. Все изменилось на игровом столе, словно бы его развернули на сто восемьдесят градусов. На сей раз немецкая бронетехника медленно концентрировалась, и на сей раз немцам приходилось вести танки на гонимые к встрече с врагом противотанковые пушки. Тем временем русские танки преспо-

койно ждали своего часа в резерве, чтобы выйти из укрытий и броситься в бой при мощной поддержке артиллерии и батарей реактивных минометов только тогда, когда наступление фюрера Манштейна выдохнется и когда многие из его танков останутся на поле боя.

В отличие от крупных боевых соприкосновений танков недавнего прошлого и ближайшего будущего, количество бронированных машин-участниц битвы под Сталинградом не отличалось многочисленностью. 17-я и 23-я танковые дивизии, к примеру, каждая располагала всего 30 танками, русские же тоже редко применяли больше, чем 30 машин разом.

Понимая, 12 декабря, группе армий «Дон» удалось достигнуть местного численного превосходства и продвинуться. Но в критический момент 20 декабря, когда возобновившееся русское наступление создало угрозу немецкому тылу, а боевая численность 17-й танковой дивизии снизилась до восьми машин, возникла насущная потребность остановиться и перебросить более сильную 6-ю танковую дивизию для охраны жизненно важного прохода в районе Ростова. Русские танки тем временем стали вступать в действия во все больших количествах, поскольку командование уверилось в невысокой вероятности прорыва из-под Сталинграда окруженного врага, располагавшего не более чем сотней боевых машин, имевшей к тому же горючего только на 50 км. Если говорить о боях танков против танков по фронту группы армий «Дон» и у все же на флангах, то следует упомянуть прощальный рынок 60 немецких танков в направлении Сталинграда 22 декабря, встретивших упорное, хотя и импровизированное противодействие со стороны плохо подготовленной 2-й гвардейской армии генерала Р. Малиновского, которая отдельными частями прибыла в район боя почти без горючего и то и дело использовала неспособные двигаться танки как своеобразные доты. Однако и этого оказа-

лось достаточно. После боя Малиновский совершенно справедливо подытожил: «Сегодня мы наконец-то остановили грозного врага. Теперь мы атакуем сами». В канун Рождества он сдержал обещание, заставив немцев начать отступление, продолжавшееся почти два месяца.

На протяжении января 1943 г., когда русские развивали наступление на широком 2000-км фронте от Орла до Черного моря и Кавказа, самым критическим участком оставался длинный коридор, тянувшийся от Сталинграда на восток и от гор Кавказа на юг к Ростову. Здесь фюрер Манштейн боролся за то, чтобы сохранить в целостности 4-ю танковую армию генерала Гота, выдерживавшую натиск русского Юго-Западного фронта, в то время как 1-я танковая армия фюрера Манштейна отступила назад для противодействия угрозе со стороны Южного фронта, задача которого заключалась в том, чтобы перекрестить группе армий «А» фюрера Кюста путь с Кавказа. Подвижные маневренные боевые действия с широким применением бронетехники преобладали в степях юга России, где немцы, теряя танки в больших пропорциях, чем могли похвастаться урон, несли под давлением под все возрастающим натиском противника. Нередко неплотные заслоны немецкой пехоты не выдерживали, в них образовывались бреши, и требовались отчаянные меры, чтобы восстановить целостность обороны. Слишком медленно и слишком тревожно для Манштейна приходили подкрепления с запада, среди которых II танковый корпус СС генерала Пауля Хюссера с его хорошо укомплектованными всем необходимым танково-гренадерскими дивизиями СС представлял собой наиболее крупную силу в немецком боевом расписании. И все же, переживая кризис за кризисом перед лицом казавшегося неостановимым наступления, потоком рвавшегося на запад, фюрер Манштейн с его продуктивным умом военного и тонким пониманием того, какие ограничения налагают на механизированные части изнаны в ты-

БРИЗАНТНЫЙ ИЛИ КУМУЛЯТИВНЫЙ (БРОНЕПРОЖИГАЮЩИЙ) ПРОТИВОТАНКОВЫЙ СНАРЯД (HEAT)

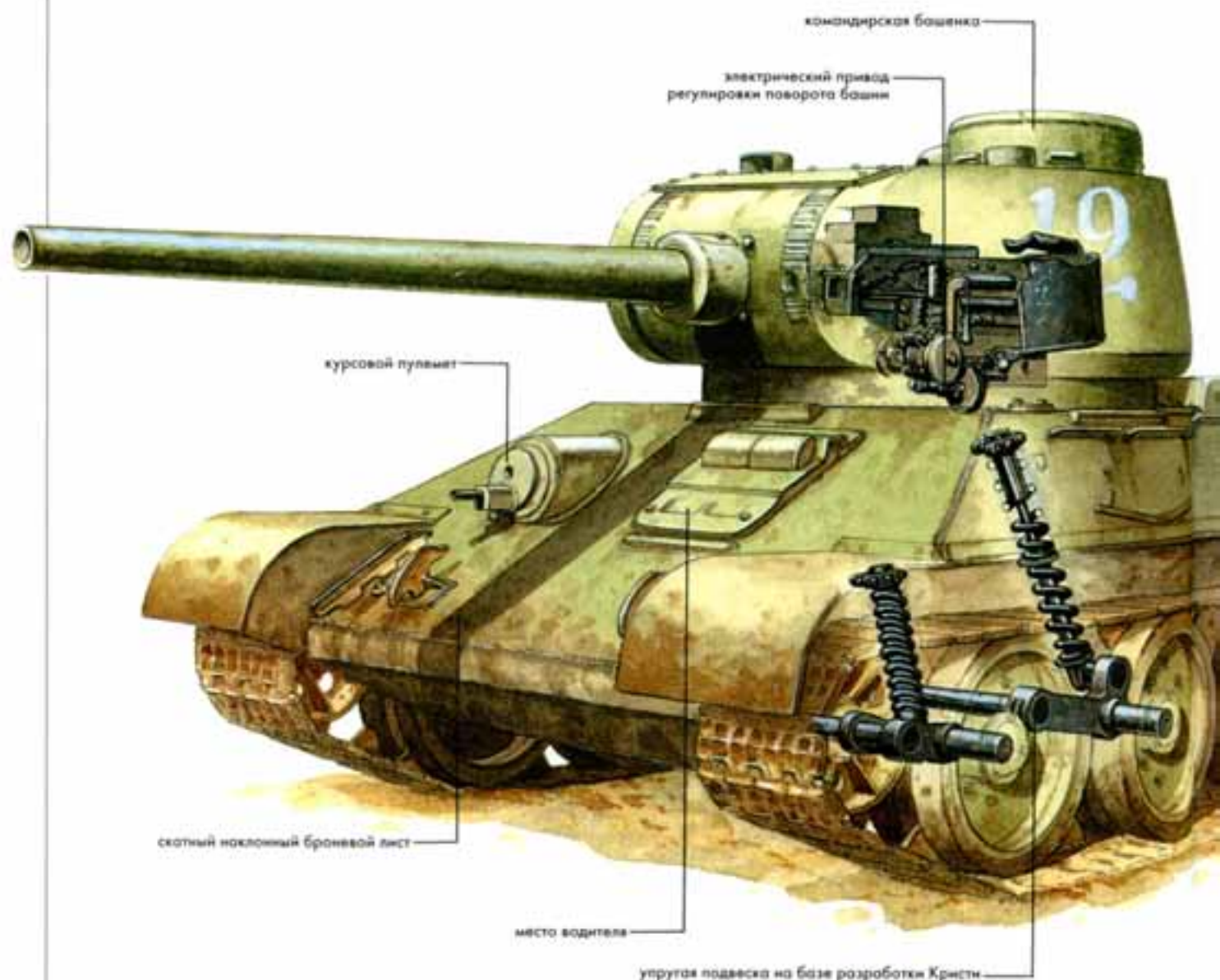
Конус направляет высокоскоростную узкую струю газа и расплавленного металла, прожигающую через броневую плиту под очень высоким давлением.

Немецкая пехота на 50-мм противотанковую пушку со стволом в 42 калибра. Рядом мы видим самоходное штурмовое сродие Sd.Kfz. III, которое, несмотря на оригинальную идею служить в качестве боевой машины поддержки пехоты, наряду с другими подобными САУ быстро превратилось в подвижное противотанковое сродие, значительно превосходившее обычную полевую противотанковую пушку.

Т-34/85

Появление летом 1943 г. на полях сражений Т-34/85 восстановило превосходство русских в качестве бронетехники, утраченное ими перед лицом немецкого *PzKpfw IV F* в 1942 г. В то время как ходовая часть и бронирование в основе своей сохранились теми же, что у Т-34/76, данная машина представляла собой переосмысленную и переработанную конструкцию по сравнению с предшественницей. Скатный лист лобовой брони стал толще, стрелка курсового пулемета сделали заряжающим, разработали совершенно новую, лучше бронированную башню, вмещающую трех человек, внедрили командирскую башенку.

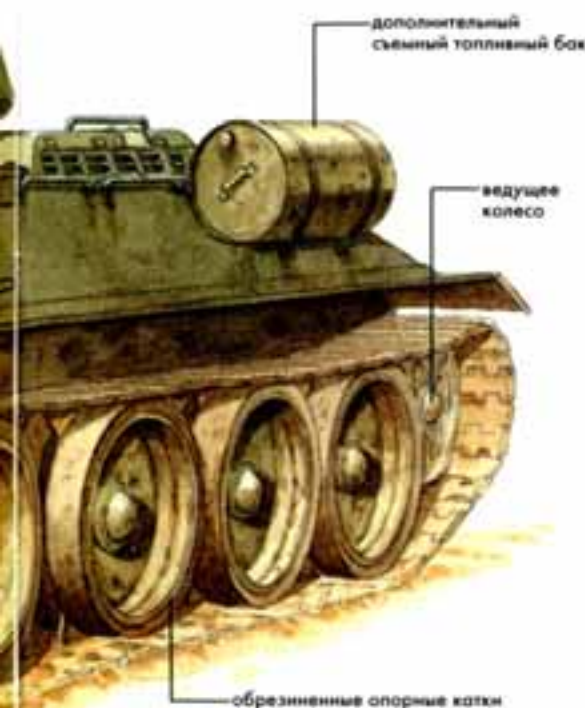
Электрический регулятор угла горизонтальной наводки давал наводчику больше возможностей уверенно поражать цели. Однако серьезным недостатком конструкции являлся «снарядный уповитель» между башней и корпусом, служивший причиной многих потерь, которых в противном случае возможно было бы избежать. Тем не менее Т-34/85 оставался вполне пригодным для применения в боевых действиях танком до конца Второй мировой и долгое время после нее, продолжая служить в некоторых армиях мира через многие десятилетия после ее окончания.

Вес: 32 тонны

Скорость: 50 км/ч

Лобовое бронирование: 75 мм (наклонное)

Вооружение: 1 пушка 85-мм,
2 пулемета

ловом обеспечении, а также насколько важен для победы эффект внезапности и сосредоточение усилий, планировал танковый контрудар, не похожий ни на какие другие прежде известные.

Фон Манштейн прекрасно осознавал, что по мере продвижения головных частей русского наступления в западном направлении проблемы поддержания регулярного снабжения и доставки пополнений достигнут критически допустимых пределов. К тому же его воодушевляли неистощимая доблесть бойцов элитных танковых дивизий, которые, несмотря на численный перевес противника, продолжали с честью выходить из боёв с неприятелем, поскольку по мере того, как характер боевых действий менялся от позиционной войны к более маневренному и подвижному боевым действиям, у русских все сильнее начинали сказываться слабый уровень подготовки личного состава и особенно командиров, неважные средства связи и, как следствие, не всегда грамотное руководство боем. Столкновение в районе Маньчжской 23–25 января, когда 11-я танковая дивизия из состава 4-й танковой армии уничтожила сильный русский плацдарм на реке Маньч, создававший угрозу прохождения 1-й танковой армии через «Ростовскую горловину», можно считать классическим примером превосходства немцев. Русская оборона на этом береговом плацдарме рухнула потому, что немецкая бронетехника наступала на неожиданном участке (в тонко выбранном генералом Г. Бальком месте успешного отражения более ранней атаки) при сосредоточенной поддержке артиллерийским огнем и в тесном взаимодействии с пехотой. Немецкие танки довольно легко прорвались в ключевые опорные пункты врага с тыла, поскольку внимание русских отвлекла атака легких частей и артиллерии на другом участке. Кроме того, русские поставили танки в окопы — вкопав в землю, — вместо того чтобы эффективно задействовать их как подвижные ударные силы, что привело к потере 20 танков и 600 человек пехоты против одного убитого и 14 раненых на стороне немцев.

Имея в распоряжении 1-ю танковую армию, угроза существованию которой к востоку от Ростова перестала существовать, вместе с 4-й танковой армией и прибывшим танковым корпусом СС, фон Манштейн обрел способность приступить к разработке плана разгрома неприятеля. Отдавая пространство, но выигрывая время перед лицом наступающего, но выдохшегося противника, Манштейн позволял ему углубляться вперед до наступления подходящего момента, когда мог бросить на врага вновь набравшие силу танковые части. Этого-то русские и опасались. Еще в середине января, за полмесяца до того, как окончательно капитулировал под Сталинградом Паулюс, они вновь устремились на запад с намерением овладеть транспортным узлом Курск и создать береговые плацдармы на противоположном берегу реки Днепр прежде, чем весенняя распутица сможет сковать передвижения людей и техники.

Контрнаступление русских в середине ноября 1942 г. привело к окружению немцев под Сталинградом (что закончилось уничтожением 6-й армии к февралю 1943 г.) и к отходу немецких войск в направлении Курска и Харькова. Уже сильно ослабленные русские части прорвались за Харьков, что позволило Манштейну в феврале нанести контрудар, который заставил русских откатываться, в результате чего образовался так называемый Курский выступ, или Курская дуга.

Исходя из предположения, что немцы пребывают в смятении, деморализованы и неспособны к длительному противодействию, не говоря уже о ведении каких бы то ни было наступательных действий, Сталин, несмотря на сомнения некоторых из высших командиров, настаивал развивать наступление до пределов возможного. Генералы Голиков и Ватутин, командовавшие первым Воронежским фронтом, целью которого служил Белгород и Курск, и второй — Юго-Западным фронтом, задачей которого стало овладение Харьковом и переправами из Днепра, не только беспокоились из-за плачевного состояния дел на истончившихся длинных линиях коммуникаций, но также не могли не видеть расхождения осей их наступления, что приводило к образованию брешей между обоими фронтами. Не желая для русских перевал, на которой те могли бы самостоятельно повеситься, фон Манштейн заманивал их в западню, даже сдал им такие стратегически и психологически важные центры, как

Белгород и Харьков, чтобы усилить в противнике уверенность в безнаказанности его действий.

И русские спешили в западном направлении, постоянно слабея, теряя танки и артиллерию, страдая от нехватки снабжения, для доставки которого широко применяли гужевой транспорт. Теперь главной заботой фон Манштейна, помимо сосредоточения основных ударных сил в жизненно важных точках к востоку излучины Днепра, становилось убедить начальство — Гитлера с его свитой в лице немецкого главного командования — в том, что дерзкий план сработает. Дебаты между Гитлером — апостолом борьбы до последнего человека даже за безнадежные позиции — и фон Манштейном — первосвященником подвижной войны — закончились все-таки в пользу последнего: в этом случае фон Манштейну удалось убедить Гитлера в своей правоте. И вот наконец 6 февраля фюрер, потрясенный провалом под Сталинградом, где приказ стоять насмерть привел к бесславной гибели армии, пошел на то, чтобы предоставить свободу действий фон Манштейну. Группировка из трех танковых корпусов, утrophавших флангам чрезмерно растянутых порядков головных частей наступления фронта Ватутина к югу от Харькова (который пал 16 февраля), получила приказ идти в бой, но чуть было не осталась на месте, потому что 17-го числа Гитлер запаниковал и снова встретился с фон Манштейном с намерением отстранить фельдмаршала от исполняемых обязанностей накануне решительного удара. Но все же Гитлер передумал, надо полагать, до некоторой степени убежденный доведениями и выводами (полученными разведкой на основе перехватов радиопереговоров), подтверждавшими заключение о чрезвычайной слабости русских колонн, в остальном же решивший положиться на милость судьбы и рискнуть. Фон Манштейн мог констатировать, что приготовления закончены. II танковый корпус СС под Красноградом изготовился атаковать острей наступления Ватутина, двигаясь слева направо через фронт. Танковый корпус 4-й танковой армии сосредоточился поблизости от ставки фон Манштейна к востоку от Запорожья с инструкциями ударить по тем же колоннам в каждом направлении, в то время как соседняя I-я танковая армия силами XI и LIII танковых корпусов сдерживала противника у Красноармейского, ожидая приказа действовать в унисон с остальными под Харьковом в северном направлении.

По грустной иронии судьбы, когда намерения немцев стали, так сказать, вырисовываться (нет никаких оснований предполагать, что Манштейн принимал какие-то особые меры, кроме обычных рутинных, используемых в таких случаях с целью сокрытия приготовлений), командующим русскими фронтами доставалось от их верховного начальства починше, чем солдатам на передовой от действий противника. Сталин в Москве не стеснялся откровенных угроз, если слышал от

Бланкова или Ватутина хоть малейшие сомнения в отношении происходившего на их участках фронта. Вождь с самого начала пребывал в убеждении, что немецкое контрнаступление служит лишь широкой, операционной прикрасой для обеспечения безопасного вывода южного крыла немецких войск за Днепр. И вот в тумане подобных заблуждений русские шагнули прямо в западню.

КОНТРУДАР ПОД КРАСНОГРАДОМ, ФЕВРАЛЬ 1943 г.

Личный состав дивизий войск СС, как полагается элите нацистской Германии, состоял из лучших кадров, более крупные части которых располагали лучшим снаряжением, чем обычные армейские единицы того же уровня. Так, например, танково-гренадерская дивизия СС «Легион танкостроителей Адольф Гитлер» (ЛАГ), командовал которой любимчик Гитлера генерал-майор Зепп Дитрих, включала в себя танковый полк, укомплектованный главным образом последними моделями PzKpfw IV, и роту тяжелых танков «Тигр». Поэтому можно с полным на то правом утверждать, что дивизия эта превосходила по силе любую танковую дивизию на Восточном фронте, в которых численность их танкового парка, представленного PzKpfw III и PzKpfw IV, снижалась в среднем до 27 единиц в каждой. А посему даже одна такая дивизия, не считая еще ее товарок — танково-гренадерских дивизий «Дас Райх» и «Тотенкоф», — являла собой грозную опасность в день 19 февраля, когда двинулась против 3-й танковой армии генерал-майора В.В. Попова в предместьях Краснограда. Разрозненные русские колонны, катившиеся по покрытым снегом холмистым равнинам, имели лишь незначительную поддержку со стороны танков Т-34, не располагали должными разведывательными подразделениями и находились в состоянии полной неготовности к тому, что грозило вот-вот обрушиться на них. С момента переправы через Дон снабжение к ним поступало в час по чайной ложке. По словам фон Клаузевица, который писал свои труды более чем за сто лет до Второй мировой войны и обрисовывал некую подобную ситуацию, этому моменту суждено было стать «кульминационным пунктом победы для немцев», когда войска наступления их противника будут находиться на грани полной потери запора по причине перенапряжения их усилий; правда, фон Клаузевиц едва ли мог мечтать о столь разносторонних и гибких механизированных частях, как те, которыми располагал в то время Манштейн.

Повсюду на широком фронте ЛАГ немцы вынудили русские колонны остановиться, но нигде разгром их не носил столько же драматичного характера, как под Еремеевской, где Дитрих сосредоточил сильнейшие подвижные силы для отражения натиска врага, наступавшего прямо на его штаб в Краснограде. Там разместились 3-й батальон (на бронетранспортерах) майора Йохема Пайнера из состава 2-го танково-гренадерского полка СС, 1-й батальон 1-го танкового полка СС (под командованием майора Макса Юнше) и дивизионный разведывательный батальон под началом майора Курта Мейера — словом, мощная боевая группа, включавшая в свой состав около 30 PzKpfw IV и четыре PzKpfw VI «Тигр» (сопровождаемых многочисленными броньсамомобилями и бронетранспортерами) и располагавшая значительной поддержкой артиллерии. Получилось чрезвычайно боеспособное соединение с огромной огневой мощью, при этом обладавшее значительной подвижностью на скованной морозом земле.

Начиная с 04:00, группа Пайнера, имевшая на фланге батальон Мейера, двинулась от Циглеровки к Еремеевской. Столкнувшись с незначительным вражеским противодействием на подступах к селу и в нем, наступающие в 15:00 овладели им и изготовились к обороне против приближающихся трех танковых колонн с направления от села Парасковеевские. Вместе с танковой ротой и во взаимодействии с батальоном Мейера люди Пайнера, ловко используя неровности рельефа местности, приступили к выполнению маневров, направленных на выход во фланг головным танкам противника, после чего с большой дистанции вступили в боевое прикосновение с вражескими противотанковыми пушками, а также начали вести контрбатарейный огонь против артиллерии и минометов, когда те обнаружили свои позиции. Огневую дуэль эту им надлежало выиграть до того, как PzKpfw IV, поддерживаемые «Тиграми», доберутся до опасным образом оголенной русской пехоты. К наступлению ночи весь неприятельский авангард покатился назад, оставив в степи тут и там множество Т-34, артиллерийских орудий, горящего снаряжения и трупов. Однако случившееся представляло собой всего лишь увертюру к шедевр симфонии огня, брони и гусениц, блестяще написанной и исполненной фон Манштейном. Наступил момент извлечь выгоду из местной победы и довести ее до кульминационного финала всеобщего торжества германского оружия.

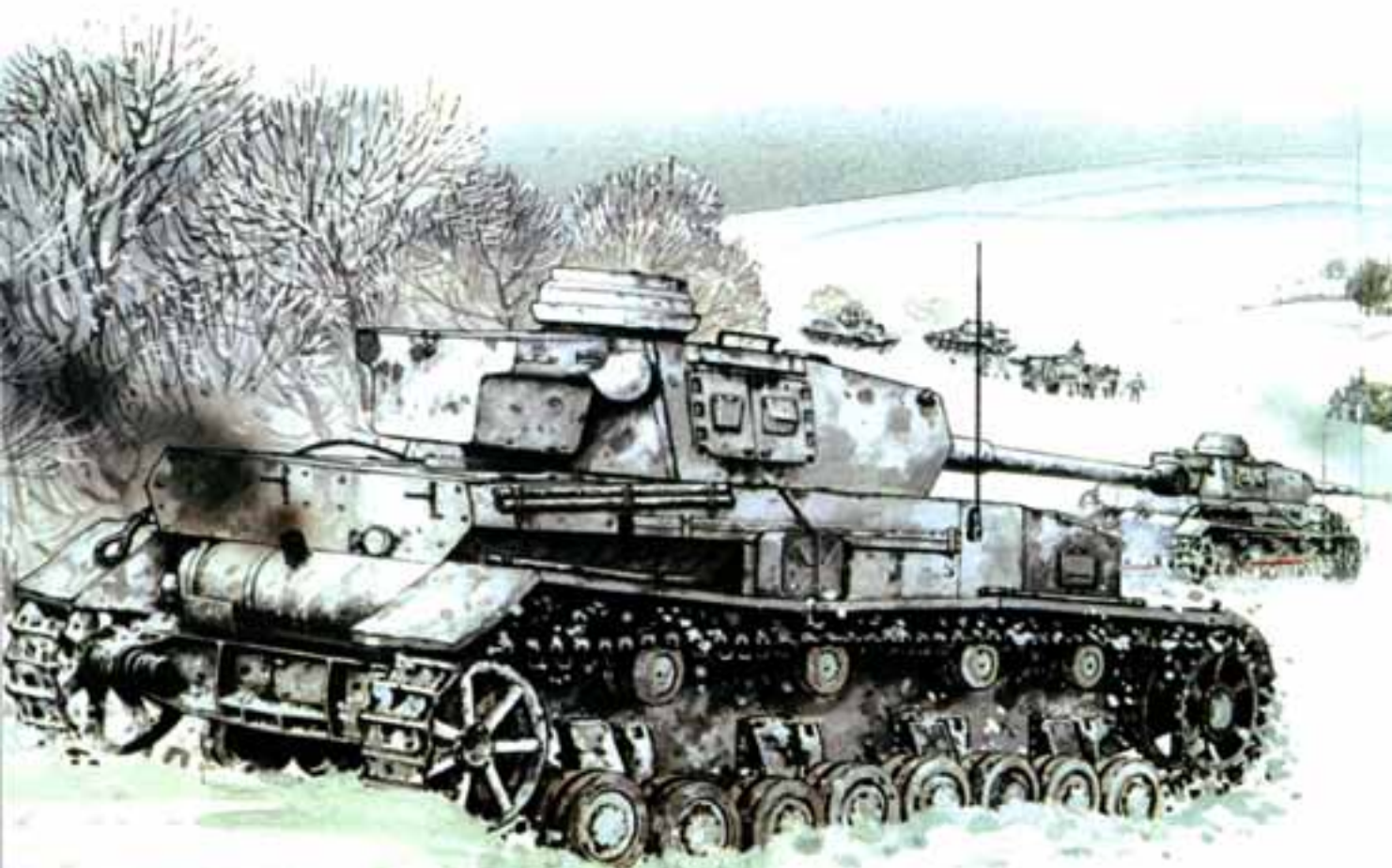
ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ, ФЕВРАЛЬ 1943 г.

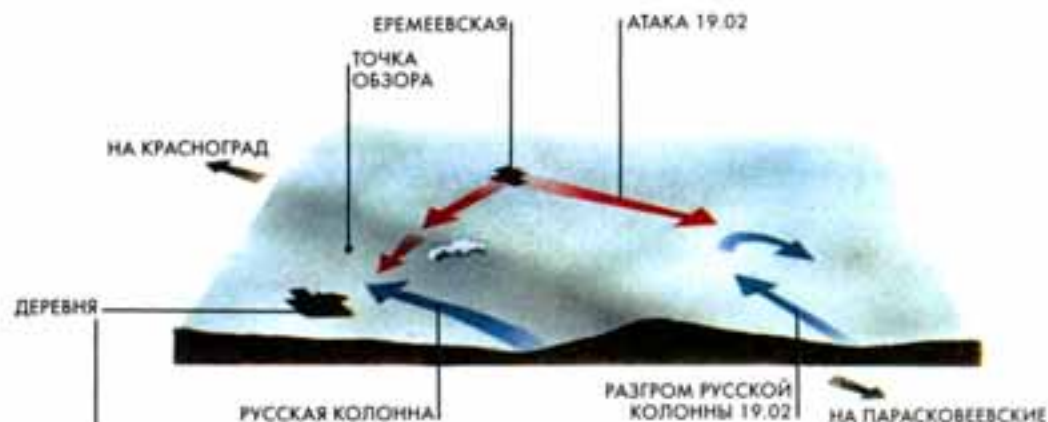
КОНТРУДАР ПО ЕРЕМЕЕВСКОЙ

Подобная перспектива открылась перед майором Куртом Мейером и его коллегами-танкистами 20 февраля 1943 г. В южном направлении от Еремеевской двигалась длинная и чрезвычайно растянутая советская колонна, которую противник застиг на открытом месте. «Это что, загара? — спросил себя Мейер и сам же ответил: — Скорее всего, нет». А если так, то лучшим приемом стала бы стремительная атака

на предельной скорости — бросить одну роту танков на врага в центре, а второй роте оказывать огневую поддержку, когда начнет бить артиллерия. Немцы с их длинными 75-мм пушками PzKpfw IV F и еще более мощными 88-мм орудиями «Тигров» имели подавляющее превосходство перед смешанными русскими группами из пушек, танков, грузовиков, обозных телег и марширующей пехоты посредине покрытой твердым снежным настом равнины. Положение и расклад сил не оставляли русским никакого шанса одолеть врага.

[См. продолжение далее.]

КОНТРУДАР ПОД ЕРЕМЕЕВСКОЙ

[продолжение]

Боевая группа майора Пайпера, двигавшаяся из Циглеровки к Еремеевской, имела задачу создания сильного и гибкого узла обороны силами подразделений различных родов войск для нанесения ударов танками и артиллерией по вражеским колоннам, детальные донесения о приближении которых поступали от воздушной и наземной разведки.

Хотя разгром под Еремеевской (19 февраля) и обломал кончик острия русского наступления, данное обстоятельство не помешало советскому генералу В.В. Попову посылать людей вперед и на следующие сутки, как требовали того Сталин и советское Верховное главнокомандование.

И вот 20 февраля, когда Пайпер прощупывал окрестности в южном направлении, чтобы доставить командованию ЛАГ точные сведения о степени установленного немцами контроля над территорией, он наткнулся на несчастливой судьбы русскую батальонную группу, несмотря на всю ее упорность упорно продвигавшуюся в западном направлении: пехота на марше, противотанковые пушки на тяге, грузовики и телеги под сопровождением горстки Т-34. Головные РзКрВ IV Пайпера на максимальную возможную скорость

помчались прямо на застигнутую врасплох русскую колонну, находившуюся в составе которой Т-34 уже были выведены из строя РзКрВ IV, стрелявшими из положения «корпус укрыт». Расчеты русских противотанковых пушек, атакованные с фланга на ходу, не успели приготовить к бою орудия. Осколочные снаряды и очереди из пулеметов косили перепутанных красноармейцев, отвечавших нестройным огнем. Обращенные в бегство, они не смогли достигнуть спасительного населенного пункта Ворошилова, уничтоженные противником по дороге.

Сделав дело ценой минимальных потерь, Пайпер, отдавая себе отчет в том, что неприятель продолжает наступление на Еремеевскую, повернул назад. Через несколько минут он достиг района базирования, где усилил оборону перед лицом приближавшихся новых сил вражеского наступления; его экипажи лихорадочно принялись пополнять боеукладки из рассредоточенных по домам в селе складов боеприпасов. Немецкая подготовка и приемы применения бронетехники снова оправдали себя, что привело к последующему подъему духа в немецких войсках, которым приходилось сражаться с противником, способным, однако, учиться на допущенных промахах и не повторять то и дело один и те же ошибки.

На карте с изображенными направлениями контрудара Манштейна в феврале 1943 г. мы видим, как немцы смогли оба клина наступления русских. На севере острей вражеского клина затупилась о неприступные рубежи обороны, а то время как на юге атакующих удалось остановить за счет большей подвижности панцерваффе, а затем быстро развернуть преследование неприятеля, службы тылового обеспечения которого хронически не справлялись с обеспечением наступления всем необходимым.

ТРИУМФ ПАНЦЕРВАФФЕ

Потери немцев под Еремеевской составляли всего двое убитых и несколько раненых — практически ничего по сравнению с уничтожением целой батальонной группы. Выполняя задание, оверленные успехами подвижные части вернулись, чтобы пополнить боезапас, в Еремеевскую, где Пайпер уже отбил первую из множества атак противника, командование которого на протяжении следующих трех суток не желало признавать наличия превосходящих вражеских сил, сосредоточенных для сокрушения южного фланга наступающих. С упорством, достойным лучшего применения, 3-я танковая армия Попова повторяла попытки пробиться под Еремеевской и на соседствовавшим с ней на севере участком. И неизменно они наткнулись на подвижную оборону Пайпера, для которой это село служило чем-то вроде оси шарнира: находясь на ней, танки имели возможность выдвигаться тогда и в то место, когда и где они требовались больше всего. Время само работало против русских, их атаки захлебывались, начинался хаос. Сосредоточив все внимание на поставленной цели, на Краснограде, Попов, очевидно, не хотел замечать (или же не знал об этом), как Хауссер вводит II танковый корпус СС в 40-км брешь, открывшуюся на южном фланге Попова. «Дас Райх» и «Тотенкопф» спешили туда с запада, чтобы во взаимодействии с немецкой 4-й танковой армией нанести удар во фланг 6-й армии генерала Харитонов, прежде чем помчаться в северном направлении для охвата всего Юго-Западного фронта Ватутина. Тем не менее Ватутин, находясь под давлением Сталина, приказал продолжать продвижение и атаковать 1-ю танковую армию, когда та уже сама начала действовать против основания русского выступа!

Подобное безрассудство никак не могло пройти безнаказанным со стороны двух полнокровных танковых корпусов, при этом Ватутину не приходилось ждать помощи от Голыкова с его Воронежским фронтом, поскольку тот тоже оказался со всех сторон окруженным II танковым корпусом СС и 4-й танковой армией, когда последние выдвинулись к Харькову. Перед русскими развернулась пучина громадной катастрофы. Как обычно, Сталин призывал Жукова исправить ситуацию, дав лучшему своему командиру свежую танковую плюс две общевойсковые армии. Так или иначе, целый месяц немцы штормовым валом накатывались на русские позиции, стремясь в северном направлении. Они отбили Харьков и Белгород и записали себе на счет 40 000 русских солдат, а также захваченных в виде трофеев 600 танков и 500 пушек, прежде чем наступила распутица и грязь положила предел широкому, дерзкому и горделивому маневру.

Контрнаступление фон Манштейна почти полностью оправдало ожидания. Немцы сумели спасти южный фланг, русские же получили болезненный — но, без сомнения, не смертельный — удар. Качество немецкой подготовки, приемов

ведения боя и снаряжения вновь восторжествовало над уже окрепшим, но еще незрелым противником. Уверенность в собственных силах вернулась в сердца немецких солдат. Единственное разочарование состояло в незначительной недоработке — в ходе контрнаступления так и не удалось захватить самый последний объект, город Курск, а с ним и уничтожить весь выступ, в центре которого он располагался. Винить в этом приходится только распутицу да прибывшего с подкреплениями Жукова. Однако фон Манштейн собирался исправить упущение, доделать недоделанное, как только позволит погода.

РАПИРА ПРОТИВ ДУБИНЫ — ТУНИС

В процессе отступления Роммеля перед 8-й армией Монتماгери к Эль-Аламейна к «линии Марета» на границе Туниса насчитывалось крайне мало случаев серьезных столкновений танков с танками прежде всего потому, что немцы располагали лишь немногими боееспособными машинами. Приоритетным направлением в плане получения ресурсов на ТВД стал находившийся в процессе наращивания сил контингент войск стран Оси в Тунисе, где уже в декабре 1942 г. в рамках создаваемой 5-й танковой армии генерала Юргена фон Арнима действовал сколоченный из наспех собранных немецко-итальянских частей XC корпус генерал-лейтенанта Вальтера Неринга, отразивший наступление союзников на г. Тунис. Фельдмаршал Альберт Кессельринг весьма правильно оценил бесперспективность продолжительной обороны Туниса в свете неспособности нормальной работы тылового обеспечения по причине господства авиации и флота союзников на путях доставки снабжения через Средиземное море. Кессельринг надеялся получить своевременное разрешение на вывод войск. И в то же время он не мог не испытывать душевного подъема ввиду отличных действий немецкой бронетехники, особенно PzKpfw III, PzKpfw IV и горстки «Тигров» из состава 10-й танковой дивизии, танкам которой довелось одним из первых повстречаться с американской 1-й бронетанковой дивизией и померяться силами в сражении с ней, как и со столь же неопытными танкистами из британской 6-й бронетанковой дивизии.

С самого начала — хотя и не без некоторых оснований — немцы испытывали прочную тенденцию с презрением относиться к американцам, танки «Ли» которых не шли в сравнение с PzKpfw IV, а «Шерманы» не всегда применялись лучшим образом. С другой стороны, к британцам противник испытывал даже некоторое уважение, несмотря на явную слабость устаревших и негодных для современного боя «Крусейдеров» и «Валентайнов». Но и американцам, случалось, сопутствовал успех, особенно в том случае, когда 27 ноября несколько их легких «Стюартов» ворвались на летнее поле в Джедиде, расстреливали там 20 немецких бомбардировщиков и подняли

Продвижение союзных войск в Тунисе после разгрома упреждающего наступления частей стран Оси в начале 1943 г. В условиях, когда их линии коммуникаций с Европой находились под постоянной угрозой и подвергались атакам союзных ВМС и ВВС, итало-германские армии фактически не имели надежды на победу с самого начала.

такую панику и смутнение в душе опытного танкового офицера Неринга, что, имея союзнические танки в 15 км от г. Тунис, он уже было решил, что все потеряно. «Неринг позвонил мне в состоянии полного волнения и представил все в чрезвычайно черном свете», — заметил Кессельринг, который спустя непродолжительное время использовал приведенное выше обстоятельство для отстранения Неринга от командования ХС корпусом. Однако когда немцы, спустя несколько суток, 1 декабря, сами перешли в наступление, они встретили довольно слабое противодействие. Сорок немецких танков, брошенные против смешанных сил 1-го батальона 1-го бронетанкового полка США при поддержке «Крусейдеров» 17-го батальона 21-го уланского полка на перевале Шуники, преподали противнику уроки подвижной войны. Вынужденные в связи с направлением немецкого наступления передислоцироваться на новые позиции, «уланам» оказались застигнуты врагом на открытом месте и потеряли пять танков, так и не открыв счета со своей стороны.

Однако куда худшее ждало наступление союзников впереди: 10 декабря по причине непролазной грязи, вызванной постоянными дождями, продвижение англо-американских войск окончательно застопорилось. Готовясь к отходу ночью в условиях незначительного натиска немцев, боевое командование «В» (БКВ) из состава 1-й бронетанковой дивизии США вышло в панику при неожиданных звуках отдаленной стрельбы, попыталось проехать по неразведанной дороге, увязло в грязи и в итоге — к большому удоволь-

ствию немцев — бросило 18 танков, 41 орудие и 130 единиц прочей техники. Другие поражения предстояли союзникам в январе, когда немцы приступили к глубинным рейдам с целью срыва процесса наращивания сил неприятелем, к проведению упреждающих атак, в ходе которых их противник то и дело демонстрировал неопытность и неподготовленность, но самое худшее — дилетантизм и любительщину американского командования и его системы управления войсками. Взять хотя бы один приказ бригадного генерала Робинетта, возглавлявшего БКВ, отданный им 19 января и предписывавший сделать следующее:

«Побыстрее двигайте наши соединения, то есть ребята на своих джипах, команду Близкери и больших парней к М., который как раз на генерал нас там, где мы сейчас есть...»

Добавить к этому можно и разговоры открытым текстом по незащищенным от пеленга радиом, становившиеся просто-таки манной небесной для всегда с энтузиазмом приветствовавших лишнюю информацию профессионалов-немцев. Но худшее все равно оставалось впереди.

14 февраля фон Арним бросил 10-ю и 21-ю танковые дивизии к перевалу Файд. Они обошли либо подавили позиции американской пехоты, удерживавшей господствующие высоты, и быстро вышли на закрытые огневые позиции, когда воздушная разведка сообщила о приближении боевого командования «А» (БКА) с намерением отбить утраченные позиции. Встреченное огнем с фронта БКА понялось, а затем подверглось нападению с фланга со стороны другой искусно маневрировавшей немецкой боевой группы.

Некоторые из американских расчетов храбро сражались около орудий до конца, однако многие и многие другие, съезжая с дороги и тонкие песок, побросали технику и попали в плен. «Посмотришь на все это и сразу понимаешь, что такое настоящая паника», — заметил один из американских пехотинцев, ставший свидетелем происходившего. Сорок танков и 15 САУ попали в руки немцев, которые получили еще больше на следующий день, когда боевое командование «С» (БКЦ), не располагавшее верными разведывательными данными, бросилось на выручку товарищам. Завидев их приближение, 21-я танковая с готовностью растащила обитая, позволила противнику въехать на пересеченную местность, а затем обрушила на него настоящий шквал меткого огня. В 16:30 в строю находилось 50 американских танков, а к 18:00 их осталось всего четыре. Остальные сторежи или достались в качестве трофеев немцам.

Последовавшие события остались в истории под названием битвы на Кассеринском перевале. Они представляли собой плохо скоординированную попытку фон Арнима и Роммеля (последний действовал в северном направлении от «линии Марета» с целью соединиться с фон Арнимом) разбить силы союзников смело и талантливо задуманным броском на север через их линии коммуникаций. Затем представляла собой классический прием игры на банк, характерный для командиров немецких механизированных войск, действовавших в меньшинстве и не располагавших достаточным тыловым обеспечением, и рассчитанный на то, чтобы окончательно выбить из колен и без того уже битого неприятеля. Союзники приняли и движение быстро, пойдя рубя, чтобы отступить на подготовленные позиции, где фланги им обеспечивали населенные пункты Сбига и Тада. Когда становилось трудно маневрировать, союзников танкистов выручала артиллерия. Например, под Талой, куда головные части наступления Роммеля прибыли на полных парах (но без предварительной разведки), 21 февраля их встретили устаревшие «Валентаины» с 40-мм орудиями, но яростный огонь британских и американских артиллеристов, действия которых блестяще направлялись по радио, заставил Роммеля остановиться и затем дать приказ об отходе. Что же касается составивший танк против танка на финальном этапе наступления Роммеля, они отмечались нечасто, не говоря уж о какой-либо попытке со стороны союзников ответить контрударом в духе фон Манштейна. Все, что делали они, — осторожно шли по пятам то и дело огрызавшегося неприятеля.

Но немцы еще не покончили с практикой упреждающих бросков в Тунисе. В горной местности руки фон Арниму в ходе атак свивался сложный ландшафт, куда более подходивший для обороны, чем для танковых прорывов. В попытках продвигаться через узкие проходы и перевалы в горах, вершины которых занимал противник, танки очень нуждались в поддержке со стороны

пехоты, однако на данном этапе немцам ее не хватало. Также и южнее 6 марта, когда Роммель в последний раз попробовал одержать верх за счет нанесения упреждающего удара силами трех танковых дивизий со 142 танками и 200 орудиями, ему пришлось заплатить высокую цену за ошибочную концепцию и неверный план. Широко информированный за счет разведки, радиоперехватов и дешифровок, Монтгомери разместил на заранее подготовленных и укрытых позициях 467 противотанковых пушек, подкрепив сей веский аргумент в предстоящем споре 350 средними и полевыми пушками и 400 танками, образовавшими непреодолимый барьер на путях к Меденину. Построившись в боевые порядки перед штурмом, презрительные достоинства и самоуважения — как рассказывают, некоторые танковые экипажи даже гоняли мяч на глазах у британцев, прежде чем вступить в бой — немцы двинулись в бой на ожесточенный огонь противника. Никогда ранее Роммелю не приходилось встречаться ни с чем подобным. Положение для панцерваффе осложнилось и дебитом на авансцене событий 76-мм (17-фунтовой) противотанковой пушки с начальной скоростью полета снаряда 884 м/сек, которая позволяла поражать лобовое бронирование «Тигра» уже на дистанции 1000 м. Не стреляя до самого последнего момента, британские расчеты устроили настоящую резню наступающим немцам частям, не позволяя им добиться даже местных успехов, несмотря на высокую цену, которую заставили заплатить их британцы, понеся при этом лишь незначительные потери. Практически с самого начала Роммель мало что мог предпринять для того, чтобы взять под контроль ситуацию на направлении действия несчастной судьбы дивизий. Знаменитый немецкий натиск выдохся, и атака обернулась катастрофой, к чему, по правде сказать, британские танки не приложили вовсе никаких усилий, а потому не понесли потерь. Немцы

«Черчилль-III» в боевых действиях в районе высоты «Помитоп-Хилл» в Тунисе в 1943 г. Обратите внимание на 57-мм пушку и на высокую и прямоугольную башню, форма которой у следующих моделей танка изменилась.

же со своей стороны оставили на поле боя свыше 50 танков, при этом в графу безвозвратных потерь пришлось занести и 635 человек.

Исход дальнейших событий кампании в Тунисе предугадать было бы нетрудно. Лишенные приказом Гитлера возможности отступить в Европу, армии стран Оси оказались фактически обреченными на уничтожение, поскольку имели дело с материально превосходившим их по всем статьям противником и страдали от все ухудшавшейся ситуации со снабжением. Отдельные победные триумфы — успешное отражение на начальном этапе 22 марта панцерваффе британских танков и пехоты, переходивших противотанковый ров на «линии Марета», массовое уничтожение британских танков на минах и под огнем противотанковых пушек в так называемом Фондукском оазисе 8 апреля — не могли надолго отсрочить неизбежного отступления на береговой плацдарм для обороны г. Тунис и Бизерты. Точно так же, как не смогли и не могли одолеть соперника немецкая бронетехника и противотанковые пушки, несмотря на упорную оборону перед лицом массированных (и нередко неудачных) наступлений союзников силами танков и артиллерии при поддержке господствовавших в небе ВВС. Как бы там ни было, в те времена на первый план вышли и развились два наиболее значительных фактора. Один представлял собой вариацию на тему танкобояни и получил название тигробояни: примером может служить продвижение двух британских бронетанковых дивизий через долину реки Меджерда в ходе кульминационной фазы наступления на г. Тунис, остановленного сообщением о появлении одного-единственного «Тигра» на главном направлении их следования. Подобная чрезмерная реакция на опасность, которую представлял собой действительно грозный, но не непобедимый танк, стала обычным явлением и в будущем. Начиная с этого момента и до самого окончания войны при малейшем намеке на возможность появления притаившегося где-нибудь поблизости «Тигра», танковые экипажи союзников становились чересчур осторожными, что приводило к потере темпа продвижения и вело порой к куда большим потерям. Более того, распространенным явлением стали частые сообщения о «квизтиграх» — вражеских танках, ошибочно принимаемых за «Тигры». Так силен был страх среди союзнических экипажей перед неуловимой машиной, которая вовсе не являлась неуловимой и не пользовалась почтением у немецких танковых командиров, от головы до пят пропитанных духом подвижности.

Второй фактор выразился в повышении интереса к противотанковым пушкам у немецких военных, особенно у тех, кто считал, что в обороне куда более дешевая и, значит, массовая противотанковая пушка или САУ представляет большую привлекательность по сравнению с обходившимся дорожке, но являвшимся тактически более гибким танком. Даже Роммель, добившийся многих побед за счет применения танков и из-за вы-

сокой подвижности войск, присоединился к хору голосов, которым дирижировал Гитлер. В одной беседе в июле 1943 г. Роммель утверждает:

«ГЛАВНОЕ СРЕДСТВО обороны перед лицом танка — противотанковая пушка... Если мы сумеем дать немцам нехотенным дивизиям сначала пятьдесят, потом сто, а потом и двести 75-мм противотанковых пушек каждой и установить их на тщательно подготовленных позициях, прикрытых широкими минными полями, мы сумеем остановить русских... Нет ни малейшей надежды достичь врага в области строительства танков, однако мы можем идти с ним вровень в выпуске противотанковых пушек».

Совершенно очевидно приведенное тут высказывание отражает разочарование, постигшее его на последнем этапе войны в Северной Африке. Но как показала практика и как она покажет еще не раз, неподвижная оборона не гарантирует успеха перед лицом массированного применения артиллерии, танков и пехоты. Подвижность, выступающая в тандеме с огневой мощью, дает наивысший экономический эффект, когда маневренность танков используется против брешей в фронте, которые всегда найдутся или будут проделаны неприятелем. Более того, Роммель упускал из вида то обстоятельство, каких расходов материалов и труда строителей потребует возведение сплошных комплексов — бесконечных оборонительных систем. Однако он был, несомненно, не единственным, кто придерживался подобного мнения. Те же самые возгласы будут еще и еще звучать — и звучать громко — в послевоенные годы.

Возможно, причину в перемене убеждений — или же отклонений от прежнего курса — даже со стороны таких мастеров подвижной войны, как Роммель, стоит искать в опыте немцев против статичной обороны в России, где в июле 1943 г. они вновь перешли к наступательным действиям против неприятеля, закрепившегося на хорошо подготовленных позициях под Курском.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВАЛ ПОД КУРСКОМ

С того самого момента, когда мартовская оттепель положила конец маневренным действиям, фон Манштейн после короткой паузы собирался продолжить развивать успех и захватить Курск где-то не позднее конца апреля, когда земля уже достаточно затвердеет, а русские еще не успеют возвести сильные рубежи обороны. События и Гитлер вынудили его не спешить. Бесценное время растратывалось на совещаниях на высшем уровне, где обсуждались вопросы, что лучше предпринять для того, чтобы оттянуть новое широкомасштабное наступление русских. Генерал Курт Цейтцлер, начальник Генерального штаба, считал, что десять или двенадцать танковых дивизий, пользующихся адекватной поддержкой, будет достаточно, чтобы срезать курский выступ — стесать единым ударом. Гитлер все откладывал решение. Ему мешали спать опасения в отношении грядущего коллапса в Северной

«ЭЛЕФАНТ»

ИЗНАЧАЛЬНО ИЗВЕСТНЫЙ КАК «ФЕРДИНАНД», «Элефант» представлял собой не вполне удачную затею немцев, поддержанную Гитлером, создать неуязвимую самоходную артиллерийскую установку. Вооруженная 88-мм пушкой со стволом в 71 калибр, САУ, несомненно, могла пробить броню любого русского танка, однако она совершенно не отличалась подвижностью на пересеченной местности и страдала от нехватки вооружения для ведения ближнего боя против живой силы. Таким образом, машине требовался постоянный эскорт пехоты, в противном случае она рисковала стать жертвой отчаянных вражеских атак, тем более, что в действительности и случилось со многими «Элефантами» под Курском. Объем выпуска составил всего 90 единиц.

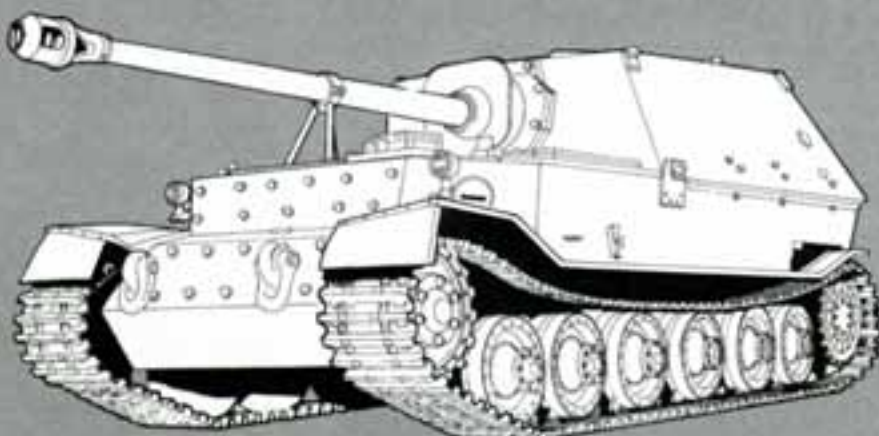
Вес: 68 тонн

Скорость: 35 км/ч

Лобовое бронирование: 185 мм

Вооружение: 1 пушка 88-мм 71 калибр.

1 пулемет на более поздних машинах

Африке, после чего он ожидал вторжения союзников в южные районы Европы и высадки на западе. В любом случае, отдавая себе отчет в том, как пагубен продолжавшийся упадок панцерваффе, он назначил генерала Гейнца Гудермана генеральным инспектором танковых войск. Кроме того, Гитлер убедил себя в том, что успех в будущих наступлениях будет зависеть от количества задействованных в них «Тигров» плюс от совершенно новых САУ «Элефант» и танков PzKpfw V «Пантера», несмотря даже и на то, что испытания последних не закончились. Ожидание прибытия новой бронетехники означало перенесение наступления на июнь, что влекло за собой рост количества соединений, необходимых на то, чтобы преодолеть неизбежным образом усиливавшуюся с каждым днем оборону русских. Фюрер требовал увеличить количество танковых дивизий с 10 раз до 20.

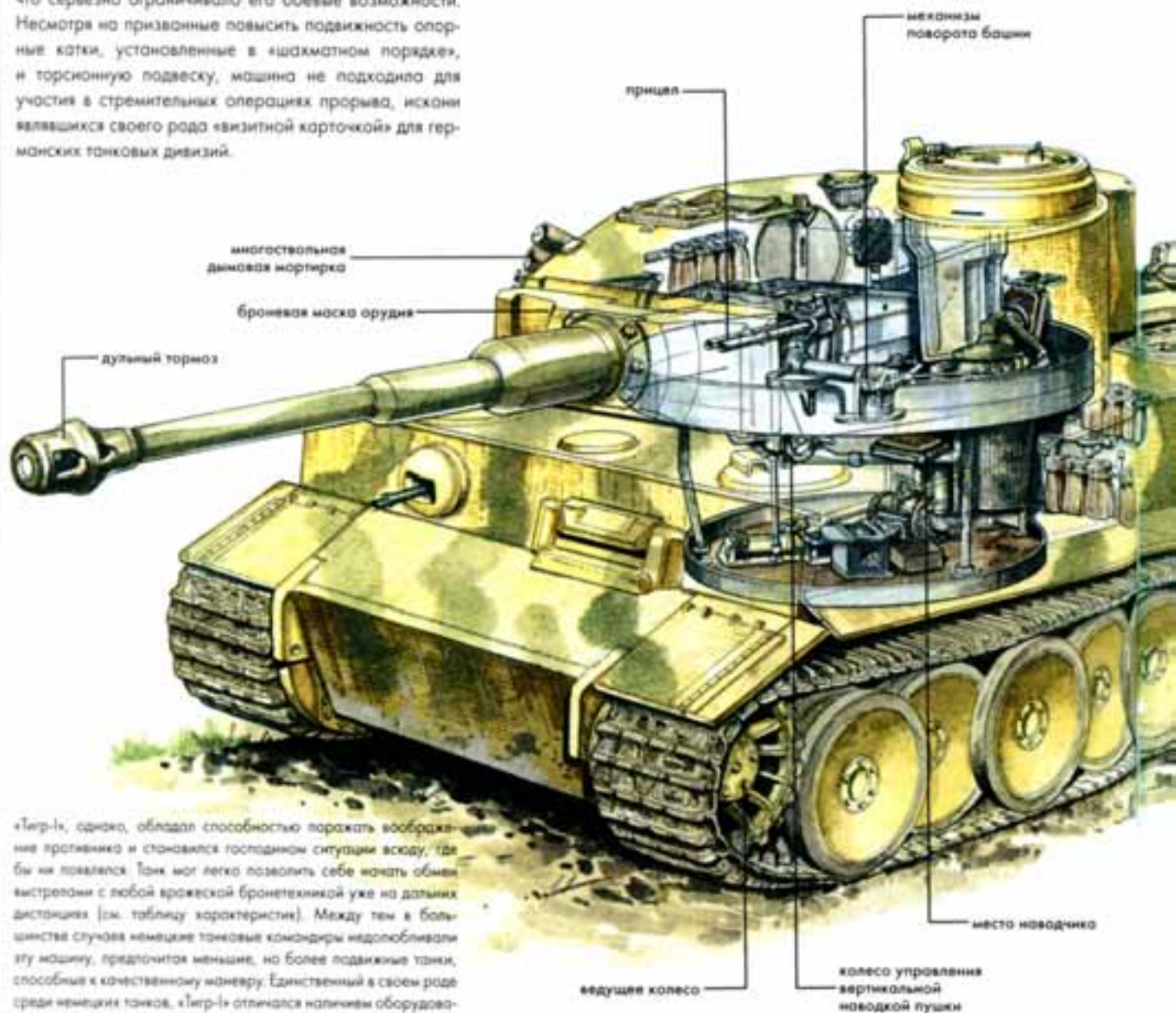
В то же самое время русские, имевшие источники получения довольно верной информации, пришли к убеждению, что Курская дуга есть не только наиболее вероятная, но и — более того — самая вероятная цель немцев. 8 апреля, прислушавшись к мнению Жукова, который считал предпочтительным сначала измотать наступающих немцев в обороне, а потом уже самим переходить к контратакам, Сталин выбрал оборону. На протяжении апреля, мая и июня силами 300 тысяч рабочих они вели сооружение полевых рубежей, равных по глубине и плотности тем, которые знал только Западный фронт в 1917 и 1918 гг. Огромные силы пехоты, артиллерии и самоходных орудий концентрировались на опорных пунктах, запиравших шесть отдельных по-

сов полевых укреплений, заграждений и минных полей. Не менее 1500 противотанковых и 1700 противопехотных мин было установлено на каждом километре фронта, а 6000 противотанковых пушек прикрывали минные заграждения. В тылу и на флангах этих гигантских позиций сосредотачивались массы KV и Т-34 (в основном последние), готовые претерпеть путь прорывавшимся вражеским частям, но также и — принять участие в генеральном наступлении русских в тот момент, когда немцовой натиск захлебнется. Война в воздухе тоже претерпевала процесс эскалации, поскольку каждая сторона пыталась сделать максимум для того, чтобы сорвать или затруднить работу служб тылового обеспечения, а также чтобы собрать побольше полезной для себя информации, одновременно затруднив задачу разведки своих позиций противника.

В середине июня Гитлер вновь решил отложить начало наступления, чтобы получить выигран за счет выпуска дополнительных танков, позволивших бы преодолеть русскую оборону, гигантские масштабы которой не подлежали сокрытию, что вызывало все большее волнение и ослабленность со стороны большинства немецких командиров, желавших отмены операции «Цитадель». В преддверии штурма, который начался наконец на рассвете 5 июля, численность немецких танков (и штурмовых орудий) составляла около 2500 единиц, значительно меньше в сравнении с более чем 3500 танками и САУ у русских, об истинных резервах бронетехники которых немцы и понятия не имели. И в то время как русские машины уже успели показать себя в боях (пусть и уступая по многим характеристикам пос-

«ТИГР-І»

В 1941 г. НЕМЦЫ НАЧАЛИ СТРОИТЬ ТАНК «ТИГР-І» как средство, способное противостоять неприятельским КВ-1, и осенью 1942 г. машина, что называется, «попробовала пороха». Получился надежный и капитально сработанный танк с 700-сильным двигателем, коробкой передач на восемь передних и четыре задних скорости, однако с радиусом действия всего в 100 км, что серьезно ограничивало его боевые возможности. Несмотря на призванные повысить подвижность опорные катки, установленные в «шахматном порядке», и торсионную подвеску, машина не подходила для участия в стремительных операциях прорыва, искони являвшихся своего рода «визитной карточкой» для германских танковых дивизий.

«Тигр-І», однако, обладал способностью поражать воображение врагивника и становился господином ситуации вскоду, где бы ни появился. Танк мог легко позволить себе начать обмен выстрелами с любой вражеской бронетехникой уже на дальних дистанциях (см. таблицу характеристик). Между тем в большинстве случаев немецкие танковые командиры недолюбливали эту машину, предпочитая меньшие, но более подвижные танки, способные к качественному маневру. Единственный в своем роде среди немецких танков, «Тигр-І» отличался наличием оборудования, позволяющего преодолевать глубокие броды.

Вес: 55 тонн

Скорость: 37 км/ч

Лобовое бронирование: 100 мм

Вооружение: 1 пушка 88-мм 56 калибров, 2 пулемета

ледным немцам), немцы значительно проигрывали в том, что касается механической надежности машин. Кроме того, «Элефант» оказался практически беззащитным в обороне перед лицом храбрых неистовцев противника, так как совершенно не имел пулеметного вооружения. «Пантера» же, только что сошедшая с производственных линий, страдала от множества технических недостатков, требовавших серьезного и неизбежного вмешательства конструкторов, и при этом — самое главное — оптика и система управления огнем нуждались в немедленной доработке. Результат — машина часто оказывалась нетождой к боевому применению и просто ломалась.

Немецкий план — что не представлялось возможным утаить от внимания неприятеля — строился на наступлении против северного и южного флангов выступа с целью сомкнуть щупальца в его основании. Атаку 9-й армии (силами трех танковых корпусов) на северном участке русские предвосхитили ураганным артобстрелом, что вызвало замешательство у противника и отсрочило вступление в боевые действия его войск. Когда же они наконец обрели способность наступать, то быстро увязли уже в первом поясе обороны. Только «Тигры» и «Элефанты», действовавшие группами в 10 или 15 машин действительно являлись серьезным подспорьем против врага с его огненной бурей. Пехота несла тяжелейшие потери. Более того, лишенный пехотного эскорта, «Элефант» превращался в беззащитного мишенью перед отрядами русских истребителей танков, которые смело подбирались поближе, чтобы подложить подрывные заряды под пушку или прикрепить их к броне: дебют машины провалился практически сразу, поскольку на данном этапе русские применяли танки скупо, не поставив, таким образом, никакой дичи длинным и смертоносным 88-мм пушкам «Элефантов». Темпы продвижения 9-й армии в штурме северного фланга отличались такой медлительностью, что русские успевали установить еще большее количество мин на двух очевидных направлениях ее продвижения. Немцы стали тонуть в минных морях и изнемогать под беспрестанными ударами артиллерии. 6 июля, когда на передний план вышли танковые дивизии и как только намечался какой-то прогресс в продвижении, наступающие наткнулись на еще более прочную русскую оборону со значительным танковым резервом в тылу. После последних конвульсивных попыток прорваться силами трех танковых дивизий 8 июля атака захлебнулась под градом огня и постоянными контратаками русских танков. Не достигнув видимых результатов ценой потери 200 танков и 25 тысяч человек, немцы доказали полное банкротство затеи; кроме того, вышел на свет факт глобального ослабления немецкой армии, каковая тенденция теперь распространилась и на элитные ее соединения. Особенно пострадала пехота, боевая численность частей которой упала до 50 процентов. Тяжелый урон и

Кладбище немецких танков в России. На снимке в основном PzKpfw III, вероятно, собранные немцами для ремонта, но потом захваченные русскими.

материальном плане находил отражение и в поведении на моральное состояние бойцов. Командир 18-й танковой дивизии — одной из участвовавших в операции — отмечал:

«СЛУЧАЛОСЬ ТАК, что, едва услышав крик «вражеские танки», экипажи мгновенно зафыркали и сели плашмя... и жались в шель в диком смущении».

Единственной надеждой на успех в операции «Цитадель» оставалась группа армий «Юг», действовавшая против другого фланга выступа.

4-я танковая армия Гота, включавшая в себя XVIII танковый корпус и II танковый корпус СС, действовала у фон Манштейна на центральном направлении, тогда как III танковый корпус и оперативная группа Кемфа поддерживали правый фланг. Если считать танково-гренадерскую дивизию «Гроссдойчланд» и три танково-гренадерские дивизии СС за полноценные танковые (хотя бы они по сути своей и являлись), можно сказать, что фон Манштейн располагал десятию танковыми дивизиями, четыре из которых комплектовались новыми PzKpfw IV H (с 80-мм экранированным бронированием), а четыре имели по одной роте «Тигров». Вместе они имели 94 «Тигра» и 200 «Пантер» в числе 1150 единиц средних и тяжелых танков. И все же, хотя на данном участке фронта немцам удалось достигнуть большего продвижения, чем у 9-й армии, все равно темпы наступления оставались недостаточными, чтобы обратить русских в бегство. На протяжении первых 36 часов главный вопрос заключался в том, насколько быстро сумеет Гот преодолеть пролетавшие один за другим ряды вражеских траншей и минных полей в условиях непрерывающегося обстрела и почти без единого танка противника на горизонте. Немецкая схема действий бесповоротно рушилась. После каждого шага вперед перед наступающими на свет из тени выходили новые и новые оборонительные рубежи (чего ожидали и так боялись многие немецкие офицеры).

Уже сами обозначения на картах командиров

танковых корпусов говорили сами за себя. 5 июля синие стрелки наступления II танкового корпуса СС прорубились не менее чем через семь рубежей обороны, 6-го и 7-го, когда противник навис над их флангами и приступил к развертыванию местных танковых контратак (которые наступающие отбили силами заслонов на флангах), наступающие нащупали окою и рванулись в него, только сильнее открывая собственные фланги. В тот же самый день XVIII танковый корпус на левом фланге остановился как вкопанный, когда «Гроссдойчланд» получила отпор от перешедших к наступательным действиям сильных соединений русских танков. 8-го и 9-го числа, когда немцы — без видимого успеха — пытались углубить и расширить пробитые коридоры, количество красных ромбиков на картах, символизировавших для немцев вражескую бронетехнику, увеличилось. Записи в дневниках приводят данные о местных успехах, которые говорят о достижении жизненно важного прорыва. Однако надежды быстро угасли. Вот цитата из воспоминаний Фридриха фон Меллентина, начальника штаба XVIII танкового корпуса (который отделили от Курска еще 185 км):

«ВЫСОТУ 243... УДЕРЖИВАЛИ РУССКИЕ ТАНКИ, которым предназначался отличный артиллерийский обстрел. Наступление танкистов и гренадеров разбилось об этот холм. Русские танки, казалось, находились повсюду и беспрепятственно били по главным частям [дивизии] «Гроссдойчланд», не давая им продышаться. Во второй половине дня боевая группа на правом фланге [дивизии] «Гроссдойчланд» отразила семь атак русской бронетехники и подбила 21 Т-34».

10 июля союзные войска высадились на Сицилии, и обстоятельство это, послужившее фактически открытием второго фронта и Европе, дало Гитлеру предлог отменить наступление, которое было обречено еще до того, как началось, поскольку переворачивало назиданную все основополагающие принципы немецкой танковой доктрины. Отказавшись от подобных ударам ширины выходов в шель и слабые места во

вражеской обороне, немцы жертвовали танковые дивизии в наступлении в лоб, используя их, как дубину, без надежды на внезапность и без какой бы то ни было утонченности. Атакующим никоим образом не удалось нарушить взаимодействие неприятельских войск и как-то повлиять на его долгосрочные планы. Двое суток спустя началось намеренно отложенное летнее наступление русских на позиции 9-й армии и 2-й танковой армии, направленное на Орел, чтобы затем нанести одинаково мощный удар (силами по меньшей мере 1000 танков) по 4-й танковой армии и группе Кемфа, рассчитывая в дальнейшем овладеть Харьковом. Вне сомнения, памятное по противостоянию на Курской дуге самое крупное танковое сражение из всех, что когда-либо происходили прежде, имеет важнейшее значение не только потому, что оно положило конец перспективам любых крупных немецких наступлений на востоке в будущем, но и тем, что вынудило немецкое главное командование применить танковые силы для выполнения оборонительно-наступательных задач. Отныне и впредь время и место для бросков и ударов танковых боевых групп будет в известной мере диктоваться владеющим стратегической инициативой противником. Лишь только на местном уровне смогут действовавшие неизменно в меньшинстве немцы добиваться успехов за счет присущей им изобретательности и тактической гибкости.

В августе, когда пожар русского наступления пылал все жарче, появление первых новых Т-34/85 с их 85-мм пушкой длиной 53 калибра и 75-мм наклонным бронированием послужило причиной постепенной утраты немцами первенства в техническом плане. Коль скоро «Пантеры» продолжали ломаться и десятками вставать как вкопанные, тогда как их наводчики не могли полноценным образом пользоваться 75-мм пушками со стволом 70 калибров, PzKpfw IV, остававшийся рабочей лошадкой танковых дивизий, стал вдруг заметно более слабым с его 75-мм пушкой, которая часто оказывалась не в состоянии поразить новые Т-34, а это означало, что в борьбе со смертельной угрозой, которую являли собой вражеские танки, уверенно положиться можно было только на «Тигры» и новые противотанковые САУ.

И тем не менее немцы все еще сохраняли способность к противодействию перед лицом любой техники и тактики, которые применяли против них русские. Сдав Орел, они так и не допустили полномасштабного прорыва неприятеля. У последнего — к большой радости немцев — возникло множество трудностей в процессе развертывания генерального наступления на Харьков, которое пришлось отложить до 3 августа ввиду разного рода проблем и сложностей. В последнем сражении за Харьков баланс сил в части потерь и урона неизменно склонился в пользу немцев. Русские танки катились вперед и вперед волнами, имея перед собой лишь шесть

пехотных и три танковых дивизии — все недоукомплектованные, — но добивались успеха, платя за него высокую цену. В одном из нескольких яростных боевых соприкосновений 32 «Тигра», 96 «Пантер» и 25 тяжелых противотанковых САУ почти без урона для себя подбили 184 Т-34 в сражении, которое — непривычно для русских — продолжалось ночью среди горящих зданий, когда командиры и наводчики едва могли различить цель на дистанции в 100 м и менее. Как повествует один немецкий источник, иногда:

«РАСЧЕТЫ ПРОТИВОТАНКОВЫХ ПУШЕК почти не могли отличить своих от чужих. Немецкие танки вступили в бой, таранив русские танки или стреляя по ним в упор, чтобы только остановить прорыв».

Конечно, под таким натиском Харьков в итоге все-таки пал. Неумолимо — хотя и редко теми же темпами, что немецкие механизированные колонны в 1941 и 1942 гг., — русские двинулись в западном направлении, освобождая от врага Украину и разворачивая наступательные действия по всему Восточному фронту от Ленинграда до Черного моря. И, как бы в унисон с поражениями на данном ТВД, немцам пришлось пережить катастрофические превращения судьбы в средиземноморском бассейне, когда в августе дошла их оборона на Сицилии, а в начале сентября Италия вышла из партнерства по союзу стран Оси и союзные войска высадились на континентальной территории Италии.

СИЦИЛИЯ И ИТАЛИЯ — НЕГОСТЕПРИИМНАЯ МЕСТНОСТЬ

Почти два года без двух месяцев, начиная с июля 1943 г., союзные армии и войска стран Оси вели бои сначала на Сицилии, а затем и в континентальной части Италии на местности, более чем неподходящей для механизированной войны. Потому несудивительно, что случаи соперничества танков с танками отмечались там довольно редко. С одной стороны, это происходило потому, что — хотя союзники не пожалели имеющихся у них теперь в достатке танков для применения на данном ТВД — немцы, которым приходилось сосредотачивать массу сил для войны в России, а позднее и пожертвовать немало ресурсов для противостояния на новом фронте, во Франции, очень скупилась на танки для Италии. Используя идеальную для сдерживания вражеского натиска топографию региона, заняв прекрасные оборонительные позиции среди гор и рек, немцы резонно рассудили, что в конкретных условиях местности им потребуется совсем небольшое количество танков, которого хватит на те нечастые случаи, когда представится возможность вести полнокровные подвижные операции. Они решили в пользу противотанковых САУ, противотанковых пушек на тяге и огромных миных полей, положившись на все это как на средство, чтобы держать в узде массы танков союзников, и, отходя с одного рубежа обороны на другой

после тяжелых и изматывающих боев, превосходным образом справлялись с задачами на протяжении всего чрезвычайно длительного и изматывающего периода противостояния в Италии.

Что отличает танковые бои на данном ТВД и ставит их особняком, выделяя среди других операций с применением бронетехники, так это новаторское применение последней в амфибийных операциях. Вить хотя бы высадку крупных танковых соединений с моря на занятое врагом побережье и ведение боев в условиях ограниченного пространства и горного ландшафта.

Уже с лета 1940 г. военные верили, что наступит день, когда им придется осуществить амфибийное вторжение на Европейский материк. Привнимая во внимание таковую потребность, в основном в Британии, но и в Соединенных Штатах конструкторы и проектировщики занялись созданием подходящих штурмовых судов, плавучей или способной преодолевать глубокий брод бронетехники. Тем не менее к моменту высадки союзников в Сицилии в июле 1943 г., затем под Салерно в сентябре того же года и потом в районе Анцио в январе 1944 г. снаряжение и приемы, позволявшие бы высаживать танки впереди пехоты, еще не достигли уровня развития, который сделал бы их привлекательными и действенными с тактической точки зрения. Бронетехника доставлялась на берег танкодесантными судами с малой осадкой вместе с частями вторых или даже третьих волн штурмующих. Подобные вещи сошли с рук союзникам потому, что все три операции разворачивались в условиях достижения ими стратегической внезапности, что не позволяло командирам войск стран Оси сосредоточить подвижные силы против береговых плацдармов прежде, чем там удавалось организовать слаженную противотанковую оборону, основанную на использовании бронетехники.

В результате фрагментарного применения танков и в связи с условиями местности сторонам редко предоставлялись возможность и пространство для развертывания и полнокровного использования танкового подразделения более крупного, чем рота. В действительности же ограничение оперативного простора в районах боевых действий за счет естественных или рукотворных препятствий часто вынуждало применять бронетехнику поодиночке или же и вовсе вводить в бой танки поодиночке. Почти никогда не случалось такого, чтобы танки могли бы развернуться без всецело поддерживавших их пехотных эскортов, не говоря уже о необходимости обезопасить бронетехнику от вооруженных гранатометами типа базук вражеских солдат. Саперам постоянно приходилось устранять препятствия, продвигать брешь в минных полях, которые противник ставил повсюду, где у танков имелся хоть какой-то шанс на продвижение. Героические поступки, по типу того, который совершил сержант Макминик из Грейского полка на «Шермане» в ходе начальной стадии десан-

тной операции под Салерно, являлись действительно редкостью. В обстановке хаоса на берегу и свалки на маршрутах, ведущих от моря в глубь территории, Макминик среди немногих получил приказ поспешить на помощь сдерживавшей упорный натиск врага пехоте. Появление Макминика на передовой совпало с началом контратаки, развернутой немцами силами танков и пехоты. «Солирую» на переднем крае, Макминик спас ситуацию, подбив в течение считанных минут четыре PzKpfw III и PzKpfw IV. Однако на протяжении большей части того дня, как и почти во все следующие, танки с обеих сторон были обречены нести потери от огня с хмурых пиков, при стрельбе в упор в апсальдных рощах или из-за укрытий превращенных в крепости сел и деревень, расположенных на всех важных линиях продвижения. Порой удавалось изловчиться и, при должной решимости, вывести танки на позиции на вершинах гор, где они превращались в своеобразные доты, действуя как средства непосредственной артиллерийской поддержки на поле боя. Иногда немцы монтировали танковые башни на бетонных станках, экономя, таким образом, боевые машины.

Как бы ни старались союзники, на что бы ни шли они, но окончательного прорыва в Италии им удалось добиться только в последние недели войны, весной 1945 г., да и то только потому, что вражеская оборона в других местах — и прежде всего в самой Германии — уже практически окончательно рухнула. А потому оставим Италию и перейдем к крупным боевым столкновениям с широким применением танков, которые протекали на других ТВД и со все более возрастающей яростью.

ПЕКЛО РОССИИ

Когда немцы говорят о травмирующем сознание зимних боях в России, когда ветераны с обеих сторон вспоминают о излетах и падениях, о триумфах и трагедиях, пережитых во время постепенного освобождения занятых захватчиками территорий, часто как-то забывается то, какими медленными темпами шло это освобождение, особенно по отношению к размахам наступлений Красной Армии. В процессе так называемых осенних боев 1943 г., в ходе которых русские переправились через могучий Днепр, двум с половиной миллионам русских солдат при 51 000 орудий и 2400 танках удалось продвинуться примерно на 250 км за четыре месяца боев с вдвое меньшими по численности немецкими войсками, располагавшими всего 12 000 орудий и 2100 танками. Такое продвижение не назовешь стремительным, особенно по сравнению с тем, как сами немцы наступали в тех же местах двумя годами ранее. Как и обычно, в делах на передовой играли видную роль механический износ техники и пробуксовка системы тылового обеспечения. Нередко за счет перехватов переговоров противника немцы получали жизненно важную разведывательную информацию, позволявшую оценить

БОИ В УСЛОВИЯХ ТРУДНОЙ МЕСТНОСТИ В ИТАЛИИ

Слева: Американский истребитель танков M10 с 76-мм пушкой и открытой башней, оставляющей экипаж довольно уязвимым, действует против целей с большой дистанции на типичной для ТВД гористой местности.

Внизу слева: «Шерманы» в городках, подвергшемся заметным разрушениям и пораженным минами и выжатым другим подобным ему населенным пунктам, которые немцы превратили в танко-недоступные бастионы.

Внизу: «Черчилли-IV» и протосерферы «Брен» в рассыпном строю выдвигаются для штурма укрепленных вражеских позиций.

время, место и размах предстоящих вражеских операций и наносить мастерские контрудары. Освобождение Киева Воронежским фронтом под началом Ватутина 6 ноября диктовало развитие успеха и подталкивало к дальнейшему наступлению в направлении Коростеня, которое можно считать классическим примером, характерным для боевых действий на Восточном фронте: натиск русских стал ослабевать, а немцы, затанцевавшие, ждали возможности воспользоваться складывавшейся ситуацией.

Контрудар XLVIII танкового корпуса генерала Германа Баляка из состава 4-й танковой армии в период с середины ноября и до Рождества, проведенный в условиях переменчивой погоды — сменявшихся друг друга заморозков и оттепелей, — вполне заслуживает звания одного из лучших проявлений мастерства и компетенции германских танкистов. Имея шесть танковых дивизий (только три из которых приближались по степени укомплектованности живой силой и

техникой к 75 процентам от полной численности) и одиозную пехотную дивизию, корпус попытался перерубить противника от Киева выступ в самом его основании. Они явно не могли бы преуспеть в этом предприятии, если бы только генерал Э. Раусс, заменивший перестроившегося Гота на посту командующего 4-й танковой армией, не ослабил главный удар проведением еще одной атаки под Житомир. Но и без того несколько ожесточенных бросков танкового корпуса, позволившие затупить остроту наступления Ватутина, нанесли русским такой

урон, который стал чувствительным даже для них, несмотря на то что объем годового выпуска Т-34 по состоянию на тот момент составлял примерно 10 000 единиц.

Фон Медлентин описывает окружение трех русских танковых корпусов под Брусилевом 21 ноября, где в сети к немцам попало 153 танка, 70 орудий и 250 противотанковых пушек, не говоря уже о 3000 человек убитых. Репродукция оперативных карт боев тех дней дает совершенно иную, отличную от Курска в июле картину. Теперь синие стрелочки, которыми обозначались направления действий немцев, глубоко вклинивались во вражескую оборону, сметая с пути красные кружки, бесчинствовали в тылах противника, сея панику, смерть и разрушения в его стане. Однако эти стрелки, обозначающие немецкие танковые соединения, довольно редко обнаруживали колонны снабжения и сложные сети маршрутов доставки военных грузов, в зависимости от которых всегда находились сами немцы, поскольку в значительной степени каждая русская боевая группа имела тенденцию нести при себе все, что ей требовалось в ходе рейда. Оставались лишь они, только оставшиеся без горючего (что часто случалось и с немцами), и распадались только тогда, когда расходовали все боеприпасы. Фон Медлентин поет нам сагу об эпическом противостоянии в период с 16-го по 23 декабря, когда XLVIII танковый корпус силами трех танковых дивизий попытался охватить в кольцо вражескую группировку, которая — совершенно неожиданно — оказалась состоящей из трех сильных танковых и четырех стрелковых корпусов, сосредоточившихся с целью перехода в наступление. Он говорит о том, как немцам уже грезился «Танненберг в миниатюре», но вместо этого они столкнулись с противодействием, вынудившим их перейти к подвижной обороне под ударами русских, решительно воспротивившихся попыткам окружить себя. Так или иначе, ликвидировать киевский выступ не удалось. XLVIII танковый корпус превратился просто в «пожарную команду» группы армий «Юг», которую перебрасывали с одного участка вражеского прорыва на другой, но которой так никогда и не удавалось полностью погасить пламя. Несмотря на высказанную немцами в этот период чрезвычайно подвижных операций способность захватить 700 русских танков и 600 орудий, все равно успехи могли лишь отсрочить неминуемое поражение.

Крупные достижения немецких танкистов не следует все же приписывать единственно их мастерству и тактическому превосходству над противником. Некоторые, возможно, незначительные внешне, но весьма важные перемены на техническом поле тоже пошли им на пользу. Как только удалось устранить главные недостатки «Пантеры» и как только та стала появляться в действующих частях в заметных количествах, эта в общем и целом очень неплохая машина показала свое превосходство над Т-34/85. На конец

года баланс по тяжелым танкам тоже сошелся в пользу немцев. Вообще же по русским стандартам «Пантера» представляла собой тяжелый, а «Тигр» — сверхтяжелый танк, при этом оба превосходили устаревший к тому времени KV-1, а также и его наследника — KV-85, поскольку этот танк, уже выпускавшийся и имевшийся в небольших количествах к осени 1943 г., вооружался лишь 85-мм пушкой, тогда как броня его мало чем отличалась от брони предшественника. Не лучшее обстояло дело и со следующей моделью, «Иосиф Сталин-1/85», поскольку, несмотря на усовершенствованную броневую защиту и ходовую часть, машина по-прежнему несла слишком слабую пушку. Фактически до появления в начале 1944 г. модификации «Иосиф Сталин-1/122» (ИС-1/122) с его 122-мм орудием и куда более разумно сконструированной литой башней, «Пантеры» и «Тигры» не встречали себе равных на полях сражений в СССР. Лишь тогда, когда ближе к концу 1944 г. танк этот стал поставаться в действующие части в больших количествах, появилась сила, способная бросить вызов качественному техническому превосходству немцев на полях сражений. Однако у более тяжелых и, соответственно, более неповоротливых танков все же находились и противники, которые замечали, что, несмотря на действенность тяжелых машин при прорыве противотанковых оборонительных позиций врага, они все-таки отличались сравнительной тихоходностью и оказывались чаще ненадежными, чем проверенные более старые и легкие машины. Кроме того, мощная бронетехника вынуждала чрезвычайно сильно перенапрягать силы служб тылового обеспечения. Те же немцы, нанося типичные для них стремительные контрудары, часто оставляли тяжеловесов в тылу, предпочитая применять их в качестве ударного ядра при прорывах или используя на неподвижных позициях в качестве средства сдерживания серьезных вражеских контратак. В любом случае, когда «Тигр» оказывался вдруг далеко от ремонтной базы и эшелонов поддержки, шансов сохранить машину, если она ломалась или получала повреждения, обычно бывало немного. К 1944 г. русские, со своей стороны, постоянно наступали на всех участках фронта и по большей части — в нормальной оперативной обстановке — располагали возможностью вернуть потерянные танки.

Нормальные оперативные условия в 1944 г. означали, что — применительно к столкновению танков с танками — находившимся в хроническом меньшинстве панцерваффе приходилось иметь дело с противником, технические возможности которого постоянно улучшались, поскольку советские, американские и британские конструкторы и танкостроители преодолели наконец длившееся с начала войны «лихолетье», в которое противники Германии слишком часто оказывались в невыгодном положении по отношению к ней.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОЕДИНКИ ЧУДОВИЩ

ПОМИМО ПОСТОЯННОГО РОСТА КАЛИБРА И ДЛИНЫ ствола, отмечавшихся с начала 1941 г. и направленных на достижение максимально высокой начальной скорости полета снаряда, необходимой для обеспечения как можно более высокой бронепробиваемости, конструкторы предпринимали также и попытки поднять скорость, не меняя характеристик самого ствола. Как говорилось ранее, немцы экспериментировали с сужающимися стволами, которые позволяли специальному выстрелу достигнуть наивысшей возможной скорости, однако им пришлось вскоре отказаться от этой идеи ввиду нехватки вольфрама. Британцы изобрели специальный дульный адаптер для 40-мм пушки, который, однако, широкого применения на практике не нашел, поскольку не позволял использовать орудие как оружие двойного назначения (т.е. стрелять также и осколочными гранатами), к тому же к 1943 г. появились и куда более перспективные и многообещающие находки.

Прием состоял в принципе, по которому выстрел меньшего калибра из плотного и тяжелого материала помещался в более легкий кожух, служивший сердечнику своего рода транспортером при прохождении по стволу обычной пушки: увеличение скорости достигалось за счет того, что калиберный, или «полный», снаряд имел большую площадь основания для воздействия метательного заряда, чем его бронестойкие собратья привычной конструкции. Новый снаряд отличался к тому же и меньшей массой. У немецкого изделия этого типа, известного как подкалиберный снаряд с сердечником (в английской системе обозначений *Armour Piercing Composite Rigid*, или коротко *APCR*, – *Прим. пер.*), как сам сердечник, так и оболочка-транспортер путешествовали к цели вместе. Однако так они преодолевали большое сопротивление воздуха, вследствие чего отличались заметным снижением меткости огня на дистанции свыше 600 м. Более изощренное британское изделие – подкалиберный снаряд с отделяющимся поддоном (*Armour Piercing Discarding Sabot/APDS*, – *Прим. пер.*) – представляло собой выстрел меньшего калибра, помещенный в алюминиевый «башмак», или поддон, который самопроизвольно удалялся после прохождения снаряда по каналу ствола пушки. Рост начальной скорости полета снаряда имел важнейшее значение, как показывает то приведенная ниже таблица сравнения характеристик бронепробиваемости британской 76-мм и немецкой 88-мм пушек при условии встречи снаряда с листом гомогенной брони при угле 30° от нормального.

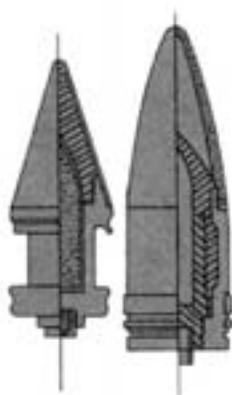
Данные наглядно показывают не только эффективность *APDS*, но и важность роли британской 76-мм пушки, известной как 17-фунтовка. Она являлась единственной пушкой в стане союзников, способной пробить броню последних немецких танков с нормальной в условиях поля боя дистанции, то есть с расстояния до 1000 метров. Отсюда и приоритет, который отдавали британские воен-

76,2 мм	APCBC (см. стр. 98 и 132)	при 884 м/сек поражает 118 мм с 1000 м
	APDS	при 1204 м/сек поражает 170 мм с 1000 м
88 мм	APCBC	при 811 м/сек поражает 101 мм с 1000 м
	APCR	при 936 м/сек поражает 103 мм с 1000 м (но при более низкой вероятности попадания)

ные вопросу вооружения как можно большего процента танков именно этой пушкой в преддверии вторжения в Западную Европу в 1944 г., а также и опасения в отношении того, как бы что-нибудь не помешало им установить орудие в башне «Шермана», поскольку осенью 1943 г. американцы положили на полку проект T20 – танка, который готовили в преемники «Шерману», но вооружали 76-мм пушкой, уступавшей по характеристикам британской одного с ней калибра. Американская 76-миллиметровка, устанавливавшаяся на последние модификации «Шермана», по характеристикам бронепробиваемости уступала даже британской 57-мм пушке, стрелявшей *APDS*, в то время как раз нашедшей применение на «Кромвеле» – последнем (но уже устаревшем) британском крейсерском танке. К счастью для британцев – и косвенно также для американцев, – небольшая группа убежденных в собственной правоте британских офицеров сумела ближе к концу 1943 г. продемонстрировать разумность установки 17-фунтовки на «Шерман». Им очень своевременно удалось «продвинуть» конверсию M4, получившую позднее название «Шерман Файрфлай» (букв. «Светлячок», – *Прим. пер.*), которая летом 1944 г. в Нормандии помогла союзникам выправить баланс сил в противоборстве с «Тиграми», «Пантерами» и чрезвычайно мощными 46-тонными САУ «Ягдпантера» с 88-мм пушкой длиной в 71 калибр. Отказавшись от

Подкалиберный снаряд с отделяющимся поддоном (APDS)

Подкалиберный снаряд с сердечником (APCR)

Оба эти изделия представляли собой британскую (в первом случае) и немецкую (во втором) попытку поднять начальную скорость полета снаряда за счет применения более легкого выстрела в пушечном стволе того же диаметра. Таблица показывает то, каких результатов позволяла добиться то или иное нововведение.

дальнейших разработок Т20 и сделав вместо этого выбор в пользу гигантского валового выпуска устаревших «Шерманов», незначительно компенсируя недостатки за счет улучшения их брони и вооружения в модификации *Easy Eight* (бука. «Легкая восьмерка», жаргонное название для M4A2E8; см. стр. 136. — *Прим. пер.*), американцы сознательно основались на количестве против качества, предпочитая терять больше солдатских жизней и не заботясь о падении боевого духа союзнических западных перед лицом превосходства вражеских танков.

РАСПЛАТА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

На протяжении зимы 1944 г. советские армии продолжали наступление, начатое осенью прошлого года, отбросив немцев от Ленинграда на севере и почти завершив освобождение Украины на юге. Последовали удары и контрудары, в ходе которых оказавшиеся в нескольких местах окруженными крупные немецкие группировки прокладывали себе путь в западном направлении, порой порождая такие явления, как «подвижные котлы». К началу периода распутицы немецкие танковые дивизии оказались сильно потрепанными, причем уже

без надежды на полное восстановление сил во время оперативной паузы, поскольку, несмотря на рост показателей выпуска валовой продукции немецкими заводами, в сложившейся обстановке командование видело для себя жизненно важным держать крупные подвижные силы в Западной Европе для противодействия ожидаемого со дня на день вторжения союзников на континент.

Когда 6 июня 1944 г. союзные армии вышли на берег Нормандии, одним из арсенала используемых ими приемов стала революционная тактика, частью которой служила высадка плавающих танков впереди пехоты и — на британских участках — широкое применение танков специального назначения, предназначенных для устранения и преодоления заграждений и разминирования участков на направлении продвижения живой силы и техники. Успех принятых мер позволил британцам до наступления темноты углубиться на несколько километров и создать эшелонированную оборону в преддверии предполагаемой контратаки немецкой бронетехники. С другой стороны, на американском участке неудача с применением плавающих танков, вызванная волнением на море, а также нехватка специализированной техни-

ТЕХНИКА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

ЦЕЛЫЙ РЯД МАШИН СПЕЦИАЛЬНОГО назначения нашел применение в ходе амфибийных операций и штурмов хорошо подготовленной обороны противника.

Вверху: «Шерман» в роли противотанкового танка (под названием «Крэйб» с целой кучей других).

Вверху справа: Гусеничный бронетранспортер «Баффало» передвигался в воде за счет специальных клапанов на tracks.

Дальний справа: «Черчилль-IV», превращенный в бронированную машину Королевских инженерно-саперных войск и вооруженный для штурмовых операций. Машина применялась как укладчик fascins или как мостовой танк при наведении переправ, а также и для многих других надобностей.

ки (поскольку американским генералам казалось, что они обойдутся и без нее) оставили пехоту перед лицом ожесточенного сопротивления и, как следствие, вызвали большие потери. Глубокое продвижение оказалось невозможным, и в течение нескольких жизненно важных часов вся операция находилась под угрозой и вполне могла закончиться провалом, если бы немцами танки атаковали немедленно. Отсутствие серьезного натиска на союзников на начальном этапе стало следствием задержек и промедлений, вызванных несогласованностью действий на самом верху, прежде всего разногласий по поводу правильности применения подвижного резерва, кроме того, немцы недооценили всей степени технологической изощренности десантной операции союзников и никак не ожидали появления танков в авангарде наступления, но в немалой степени запоздалость реакции объясняется сильными сомнениями в отношении места вероятного вторжения — уверенностью прежде всего Гитлера в том, что главный десант будет высажен через Па-де-Кале.

Немцы не ожидали, что главным направлением приложения усилий союзников станет Нормандия. В любом случае, приращенная ма-

невренной стратегии старой школы, такие как фон Рундштедт и Гудерман, считали правильной стратегией нанесения по десанту противника удара крупными подвижными силами, когда четко обозначатся вражеские плацдармы на берегу. Командующий группой армий «В», фельдмаршал Роммель, имел на сей счет противоназидское мнение и полагал, что за счет подавляющего превосходства в воздухе противник не позволит немцам сосредоточить крупные силы бронетехники или уничтожит их на пути к побережью. Роммель держался мнения, что силы вторжения следует опрокинуть за счет статичной обороны на берегу, минных полей и большого количества противотанковых пушек. Он намеревался расположить подвижные части тонким войском непосредственно в тылу у оборонительного рубежа, близко от берега для немедленного их вступления в боевые действия. В итоге Гитлер, как ему показалось, нашел соломоново решение, оставив ответственность за резерв бронетехники на собственное усмотрение. Тем не менее союзники оказались блокированы на береговом плацдарме, поскольку стягивание сил к нему немцами шло шаг и шаг с наращиванием присутствия на

Множество британских амфибийных танков и другой бронетехники специального назначения выходит на берег Нормандии 6 июня 1944 г.

нормандском берегу союзниками. Последние также не могли продвинуться и осуществить прорыв из-за особенностей местности в Нормандии — многочисленных бокажей (маленьких полей, окруженных насыпями высотой от полутора до двух метров с живыми изгородями на них. — *Прим. пер.*), идеальных для организации обороны. Находясь на таких позициях, уступавшие сразу количественно, но превосходившие его качественно немецкие танки могли, причем минимальными усилиями, сорвать любую из множества наступательных инициатив союзников, широко и всесторонне поддержанных бронетехникой.

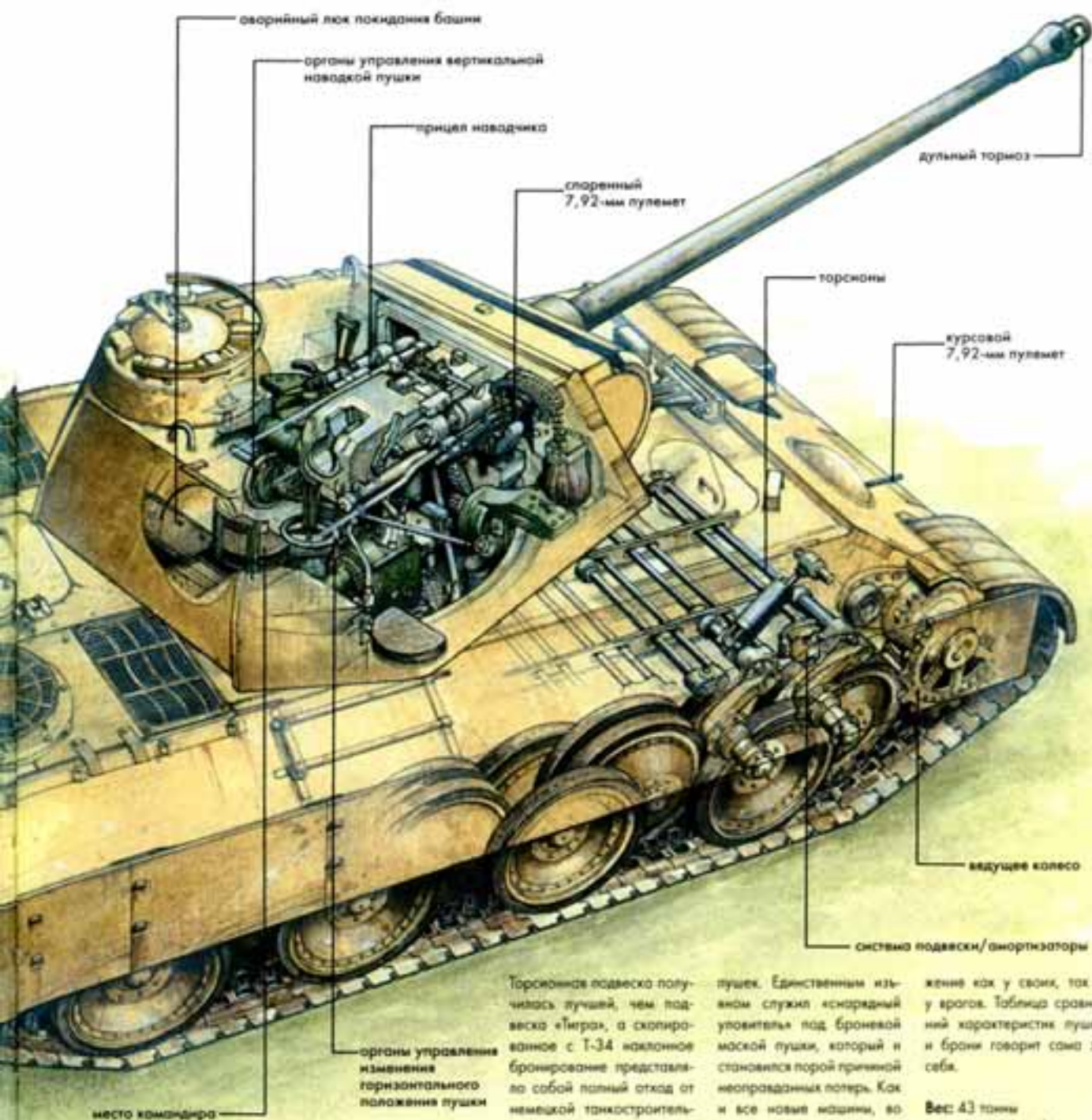
Бокажи представляли собой особую проблему для боевых столкновений в стиле танк против танка. Их толстые двойные изгороди и узкие проходы чрезвычайным образом снижали подвижность и обзор, тогда как малая площадь полей диктовала дистанции противостояний, ограничивая их примерно 400, а во многих случаях 150 и менее метрами. Потому в бокажах даже наилучшим образом обеспеченный броневой защитой союзный танк (британский «Черчилль-VII» с его 152-мм лобовым бронированием) становился значительно уязвимее, чем в обычных условиях, но меньшей мере перед хорошо вооруженными немцами *PzKpfw IV* (*PzKpfw III* к тому времени практически исчез из боевых частей), в то время как для немцев лишь «Пантера» с ее наклонными листами лобовой брони могла обеспечить защиту от британских 57-мм *APDS* (1219 м/сек) и 76-мм *APCBC* (бронебойного выстрела с баллистическим и защитным наконечником, или *Armor Piercing Capped Ballistic Capped/APCBC*. — *Прим. пер.*). Точно так же на коротких расстояниях американская 76-мм пушка имела верный шанс уничтожить «Тигр», тогда как 75-мм орудие, вполне адекватное в Тунисе и на Сицилии, уже устарело, что означало: ранние «Шерманы» и последние «Кромвелли» демонстрировали особую уязвимость, а это соответственно самым отрицательным образом отражалось на боевом духе экипажей (немцы часто расстреливали танки союзников в слабо защищенное днище, когда те карабкались на крутые изгороди бокажей. — *Прим. пер.*). И в самом деле, на протяжении противостояния в Нормандии — среди бокажей в центре и на западном фланге, равно как и на более открытой местности южнее Кана на восточном фланге — над ушами танкистов довлел ужас перед немецкими танками, более всего — перед «Тигром», хотя тех фактически построили всего 1353 единицы, лишь немногие из которых действовали в Нормандии. Важную роль играла удача и доблесть немцев, которые по-прежнему тщательно готовили и отбирали экипажи.

Тем не менее 29 июня, когда Роммелю удалось наконец собрать достаточное количество танков в шести танковых дивизиях (примерно по 100 в каждой) для проведения концентрированной контратаки против британцев, пытавшихся развер-

«ПАНТЕРА» D

СПРОЕКТИРОВАННАЯ в 1941 г. И СВПЕРВЫЕ «полюхавшая пороку» под Курском в 1943 г., «Пантера» в итоге стала лучшим танком Второй мировой войны. Строилась она прежде всего для того, чтобы дать достойный ответ Т-34/76, однако конструкторы заглядывали в будущее и создали машину, вполне способную померяться силами со следующей генерацией русских танков — Т-34/85 и наследниками КВ-1, — которым «Пантера», в общем и целом, стала вполне достойным противником.

Торсионная подвеска получилась лучшей, чем подвеска «Тигра», а скопированное с Т-34 наклонное бронирование представляло собой полный отход от немецкой танкостроительной традиции прошлого. Именно бронирование сделало танк в 1943 г. почти полностью защищенным спереди перед лицом вражеских высокоскоростных

пушек. Единственным изгибом служил «снарядный уповитель» под броневой маской пушки, который и становился порой причиной неоправданных потерь. Как и все новые машины, во время дебюта «Пантера» отличалась чрезвычайной надежностью, однако ближе к концу войны она стала грозной подвижной системой, вызвавшей ува-

жение как у своих, так и у врагов. Таблица сравнительных характеристик пушек и брони говорит сама за себя.

Вес: 43 тонны
Скорость: 45 км/ч
Лобовое бронирование: 80 мм (наклонное)
Вооружение: 1 пушка 75-мм 70 калибров, 2 пулемета

БОИ В НОРМАНДИИ

Вверху: «Пантера» на пути к передовой для противодействия наступлению союзников.

Вверху справа: «Шерманы» с придуманными уменьшениями на передовой совками для срезания изгородей бояжей. Приспособление изобрели сами солдаты, которые применили его — и удачно — против мешавших их продвижению изгородей в Нормандии.

Дальний справа: «Шерманы» во время боевых действий во Франции вскоре после высадки 6 июня.

Справа: Высадка союзников в Нормандии в июне 1944 г. На схеме показано дальнейшее развитие наступления с берегового плацдарма, связанное с изматыванием и подтягиванием сил немецкой бронетехники. На карте стрелками даны направления американского прорыва под Сен-Ло, что привело к окружению больших сил противника в «фалезском котле» и к дальнейшему преследованию разгромленного врага к немецким границам и рубежам обороны по их линии. К тому моменту изматанные и перетруженные артерии организации союзнического тылового обеспечения стали давать сбой, что способствовало ослаблению натиска на неприятеля.

ПРОРЫВ ИЗ НОРМАНДИИ В АВГУСТЕ

1944 г.

нуть наступление через бок, последние парировали удар противотанковыми пушками и в итоге заставили пантерцафе отступить, противопоставив им танковый заслон, поддерживаемый ураганным артиллерийским огнем, за счет которого уничтожали жизненно важную составляющую пехотной поддержки при прохождении неприятеля по закрытой местности. Едва ли только дожития немецких танков сумела прорваться, да и то добрая половина из них не вернулась назад.

Потери в танках в Нормандии достигали высокого уровня, как и ожидалось в связи с тем, что приходилось бросать в бой очень много бронетехники против расположенных на заранее подготовленных огневых позициях противотанковых пушек, при том что искусно привнесшие танки прикрывали лишь немногие легко вычисляемые маршруты на подступах к рубежам обороны и при этом никогда до срока не обнаруживали своего присутствия. Нантиснейший пример потерь по причине плотности применения танков — операция «Гудуд», цель которой, если верить генералу Монтоммери, состояла в том, чтобы «схватить бои немцами бронетехнику». В действительности

акция напоминала операцию «Крейсер» с ее химерическими идеями поголовно за немецкими танками среди пустыни в ноябре 1941 г., только на сей раз Монтоммери намеревался атаковать жизненно важные позиции, которые неприятель никак не мог уступить ему за здорово живешь. На открытой местности к югу от Кана 18 июля около 2000 единиц всевозможных боевых бронированных машин, принадлежавших обеим сторонам, сталкивались в поединках на площади 6500 м². Трое суток бои — таких же массовых и острых по накалу противостояния, как сражения под Курском в 1943 г. — завершились потерей 300 британских и около 60 немецких танков, при этом большинство машин пало жертвами САУ и танковых пушек. В первое утро немецкие САУ и противотанковые орудия привали на себя натиск трех бронетанковых дивизий, которым приходилось разворачиваться, следуя через очень узкий проход. Только подняв на жпленно важные высоты, господствовавшие над полем боя, выдвинулись немецкие танки и присовокупили собственные усилия к хору дальнов товарищей, однако пантерцафе и сами понесли урон, когда попытались спуститься со склона и сократили дис-

танки до менее чем 1000 м. И все же размеры потерь, как бы потрясающи они ни были, мало что говорят сами по себе: из 126 подбитых танков у британской 11-й бронетанковой дивизии лишь 40 не подлежали восстановлению, остальные представлялось возможным вернуть в строй; в одном танковом батальоне, потерявшем 41 танк, насчитывалось лишь 17 погибших и 39 раненых, некоторые из которых пострадали, уже покинув машины.

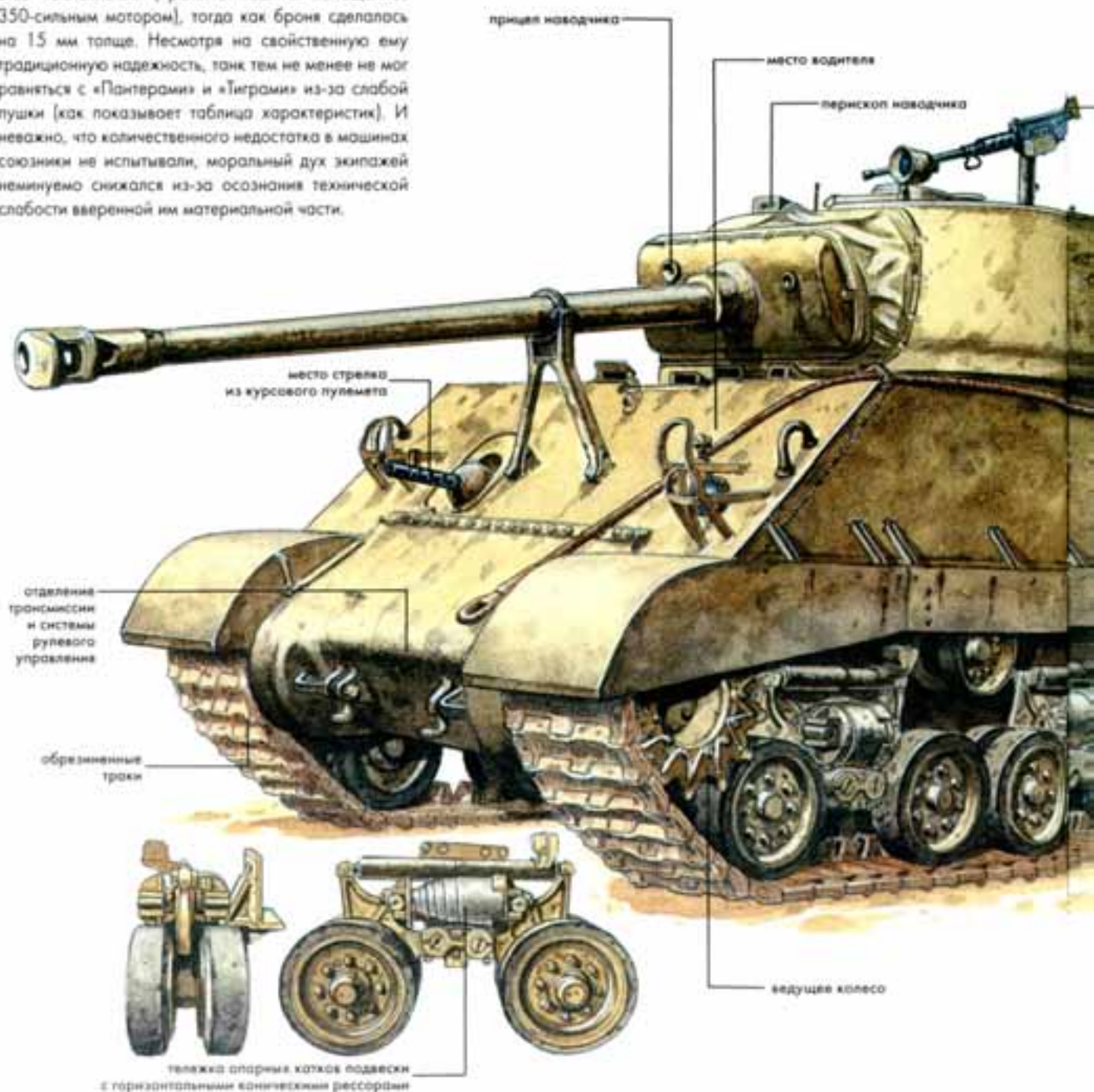
Процесс сведения на нет усилий британцев в операции «Гудвуд» протекал на выходе к так называемой «удобной танковой местности», похожей на Солсбери-Плейн в Англии или на степи Советского Союза. Но как ни парадоксально, основные танковые сражения в Нормандии происходили среди божай, где уровень потерь достигал значительных высот, а перелом наступил лишь за счет неисчерпаемых ресурсов бронетехники у союзников, а также сокращительного вклада в дело англо-американской артиллерии и авиации. На местности, где большую роль играли засады, устраиваемые на танки пехотой с бочками и панцирфугастами, немцы перестали вводить в боевые действия танки, передан задани

обеспечения ограниченно подвижной обороны противотанковым САУ. Подобная политика хорошо работала, пока береговой плацдарм отличался сравнительно скромными размерами, однако по мере того, как после каждой успешной попытки расширения занимаемой силами вторжения площади он увеличивался, немецкая оборона постепенно истончалась. Шаг за шагом количество неприкрытых брешей увеличивалось, а сами они становились шире. Так стала возможной инфильтрация довольно крупных соединений союзных танков с последующим развитием успеха, который становился все более многообещающим, поскольку немцы упорно избегали применения подвижных танковых дивизий на «мало танкодоступной местности». Важно отметить, что генеральный инспектор танковых войск, генерал Гудерман, бронетехника которого прекрасным образом действовала в условиях Арденн в 1940 г., не соглашался со стратегией, ватой на вооружение немцами в Нормандии. Массированные контратаки в божаях силами двух или трех танковых дивизий, как сказал он:

«БЫЛИ БЫ ВОЗМОЖНЫ, НО ТОЛЬКО если до-

«ШЕРМАН» М4А3Е8

ДАННАЯ МОДЕЛЬ «ШЕРМАНА» ПРЕДСТАВЛЯЛА собой попытку продлить жизнь и повысить степень универсальности танка за счет наращивания брони и мощности орудия. Подвеска претерпела улучшения по сравнению с ранними модификациями, гусеницы выросли вширь, увеличился двигатель, став 450-сильным (прежние машины оснащались 350-сильным мотором), тогда как броня делалась на 15 мм толще. Несмотря на свойственную ему традиционную надежность, танк тем не менее не мог равняться с «Пантерами» и «Тиграми» из-за слабой пушки (как показывает таблица характеристик). И неважно, что количественного недостатка в машинах союзники не испытывали, моральный дух экипажей неминуемо снижался из-за осознания технической слабости вверенной им материальной части.

Вес: 33 тонны
Скорость: 42 км/ч
Лобовое бронирование: 100 мм
Вооружение: 1 пушка 76-мм 53 калибра,
2 пулемета

сложности нем. морской артиллерии и если бы, исходя из условий местности, танковые дивизии разделились на малые группы из бронетехники и пехоты. Мы были готовы к действиям такого характера».

Однако готовность так и осталась неиспользованной возможностью. Час большого прорыва настал 25 июля, когда 1-я армия генерала Ходжеса (за которой через несколько суток последовала 3-я армия генерала Паттона) бросила удачно скомбинированные тактические силы танков, пехоты и артиллерии при должной поддержке саперов через бокажи южнее Сен-Ло. Если немцы и имели какой-то гипотетический шанс сдержать натиск всесторонне поддерживаемых смертоносными ударами с воздуха сухопутных соединений, он еще более уменьшался по причине отсутствия танковых дивизий на направлении наступления союзников. Они дислоцировались далее на восток, прикрывая вероятный участок ожидаемого прорыва в районе Кале.

Гитлер слишком поздно потребовал отправки недоукомплектованных танковых дивизий для противодействия прорыву. По мере их продвижения в западном направлении потери немцев росли, поскольку намерения противника не представляли собой тайны за семью печатями для союзной разведки, которая получала сведения за счет радиоперехватов, дешифровки сообщений, а потому в боях в районе Мортина панцерваффе ждал неизбежный и жестокий разгром. Лишенные своевременного подвоза всего необходимого из-за постоянных налетов авиации, теряющие время на загроможденных дорогах, танковые дивизии вступали в боевые действия по частям и по частям же уничтожались. Довольно часто случалось, что единичные «Тигры» или горстки «Пантеры» праздновали местные триумфы, подбывая четыре или пять танков противника за один или два своих. Однако даже подобные успехи не могли ничего изменить — повернуть вспять железный поток.

Когда немецкие силы сдерживания берегового плацдарма утратили способность противостоять натиску войск вторжения, вся оборона распалась на отдельные очаги сопротивления и подвижные колонны, лишь торжественное продвижение союзников, устремившихся в сердце Франции и далее к Бельгии, Голландии и Германии. Последнее крупное танковое сражение во Франции разгорелось вокруг крупнейшего из «мешков» в районе Фалеза. Британские и канадские войска наступали с запада и севера, американцы — с юга и в результате потеснили немцев, зажав их в тесные болота, где дено и ночью подвергали обстрелу. Главнейшей целью на тот момент для немецких танкистов служило бегство, но лишь немногим удалось найти путь к спасению. Ничего не могло помешать союзникам очищать Францию от захватчиков, вторгнувшейся волной подсылаваясь к границам Германии. Ничего — кроме столкновения по имени танковое обеспечение, который стал проваливать норы практически уже через несколько суток после начала

преследования. Однако на протяжении марша союзников в направлении немецкой границы продвижения не предпринимал ни одного контрнаступления, так типичных для России, не случилось ничего подобного даже тогда, когда стало очевидным, как стесняет действия танковых частей в авангарде наступления нехватка горючего. Нет, не желание со стороны немцев наносить контрудары, а совершенная их неспособность организовать их стала причиной столь легкого в ту пору продвижения союзников. Немцы почти не имели резервов, и потери их зачастую оказывались невосполнимыми. Более того, как будет сказано далее, 23 июня русские перешли в еще одно крупномасштабное наступление, устремляясь вперед то на одном, то на другом участке Восточного фронта, где одна за одной горели в горнилах гигантской битвы немецкие армии.

Итак, продвижение союзников застопорилось на западной границе Германии, отчасти ввиду нехватки снабжения, но также и перед лицом все крепнущей обороны, основанной на естественных и рукотворных препятствиях («линии Зигфрида»), где перебрасываемые с одного направления на другое танковые дивизии служили чем-то вроде пожарных команд.

Иногда, как это происходило под Арнемом, оказывалось, что танки дислоцировались именно там, где и требовалось, в этом случае они смогли нанести удар по 1-й воздушно-десантной армии союзников, когда та высадились в данном районе без танков. Какая-то горстка немецких танков и противотанковых САУ способствовала замедлению продвижения британской бронетанковой дивизии, которая следовала для соединения с воздушными десантниками, которые захватили переправу через реки на пути к равнинной местности севера Германии и в промышленное сердце рейха. Утрата иалора британской дивизией позволила двум танковым дивизиям СС под Арнемом снять оборону лишенных поддержки бронетехники и артиллерии паравозистов, действуя на полной воле в первоначальной шпостаси танков, служивших некогда «путалом для пехоты».

Неудача под Арнемом поставила крест на больших ожиданиях, связанных с предполагаемым крупномасштабным прорывом союзных войск в Германию, тогда как и советское наступление в Польше тоже стало выдыхаться. До середины декабря союзникам на западе приходилось сосредотачиваться на вопросах улучшения работы служб тылового обеспечения и накопления живой силы и техники для финального броска. Ситуация требовала проведения ряда дополнительных операций местного характера с целью овладения подступами к порту Антверпен и завоевания трамплинов для будущего броска через немецкую границу, в ходе таких атак случались и столкновения танков с танками, в которых отступающие немцы проявляли тенденцию чаще применять противотанковые САУ. В то же время немцы сосредоточивались на операциях сдерживающего характера с целью под-

держания обороноспособности «линии Зигфрида» и использования ее в качестве исходных рубежей для последнего контрнаступления. Танковые подразделения разгорались в процессе столкновения интересов сторон в условиях относительного затишья и подготовки к дальнейшим действиям, как, например, южнее Саарбрюккена, где американская 3-я армия Паттона продвигалась вперед через зиму и грязь в Лотарингии, а немецкая 1-я армия боролась за сохранение за собой Арденн вместе с важными транспортными и промышленными центрами. 5 декабря боевое командование «А» из состава американской 4-й бронетанковой дивизии (генерал-майора Хью Гэфин) продвигалось по шоссе к селу Биннинг, но отклонилось от прямого маршрута и пошло по второстепенной дороге, чтобы избежать поражения от огня из леса вдоль ее правой фланга. На пути у головных танков боевого командования лежало селение Зинглинг, над которым с севера господствовали высоты.

БОЙ ЗА ЗИНГЛИНГ — «ШЕРМАНЫ» ПРОТИВ «ПАНТЕР»

Ближе к вечеру 5 декабря рота «С» 37-го танкового батальона (подполковника Крейтона Абрамса) подступила к Зинглингу и с дистанции 800 м подверглась оживленному обстрелу прячущихся за домами «Пантер», «Ягдпанцеров» IV (САУ с 75-мм пушкой L48) и 75-мм противотанковых орудий. Не прошло и нескольких минут, как пять были подбиты, а еще девять машин, увязнув в раскисшей земле во время попытки покинуть зону поражения, получили повреждения от артиллерийского огня. Вместе с двумя танками с сидевшими в них офицерами артиллерийского наблюдения рота «С» подверглась истреблению под губительным огнем 1-го батальона 11-го танково-гренадерского полка 11-й танковой дивизии, не сделав и выстрела.

На следующий день Абрамс решил повторить подход, разработав четко скоординированный план. Танковая рота «В» капитана Лича и рота «В» лейтенанта Белдена из состава 51-го мотопехотного батальона при поддержке артиллерии стала приближаться к селу по тому же слабому грунту, что и несчастной судьбы рота «С» во второй половине предыдущего дня. Большинство танков Лича представляли «Шерманы» с 75-мм пушками, но пять приходилось на M4A3E2 с 76-мм пушкой, стрелявшей сверхскоростными бронебойным выстрелом (*Hyper Velocity Armour Piercing/HVAP*) последней разработки, очень похожим на немецкий подкалиберный выстрел (APCR), с начальной скоростью 1036 м/сек. Пехотинцы передвигались на полугусеничных бронемашинках с открытым верхом, пока последние не застряли в поле и личный состав с них не пересел на броню танков. Атаку поддерживали две батареи артиллерии и батарея открытых истребителей танков M18 «Хелюг» с 76-мм пушками.

Сознавая, что вражеские танки и пушки в селе

и на вершине холмов занимают господствующие позиции. Лич и Белден договорились о стремительном броске к зданию под плотной дымовой завесой, которую с помощью снарядов с белым фосфором устроила артиллерия. Задача «Хелдкостов» заключалась в том, чтобы стоять в тылу и уничтожать любой неприятельский танк, который только покажется, — в реальности приказ относился, конечно, только к противнику, засевшему в селении, потому что мало вероятно, чтобы имелся какой-то шанс для 76-мм пушки поразить танк с дистанции в 1500 м или более. План сработал, хотя дымовая завеса не покрывала всего крика с немецкой артиллерией, которая, корректируемая наблюдателями на холме, сумела отогнать слабо защищенные «Хелдкосты». Когда головные изводы «Шерманов» достигли окраины Зинсшлага, вражеская пехота поспыталась в подвалах, предоставив оборону пушкам и танкам.

Началась игра в прятки между боевыми машинами. Первую кровь пролили три «Пантеры», «Ягдпантер» и противотанковая пушка на западной окраине — три сделанных ими выстрела с дистанции 150 м подбили «Шерман» командира головного извода на левом фланге у Лича. Однако машина послужила для отвлечения внимания, что позволило двум танковым изводам с пехотой на броне достигнуть окраины Зинсшлага и высадить пехоту в центре и на востоке села. Однако почти тут же со стороны отступивших под градом пуль «Ягдпантер»-IV и вражеской пехоты, что вынудило их укрываться в домах и подвалах, где они оказались вместе с уже поспытавшими туда ранее немцами. По большей части скрытые от стороннего глаза, немцы вели невидимое сражение, и то время как танки дрались в поединках снаружи, поскольку в тот момент ни «Пантер» и два «Ягдпантера» на высотах, устроившись в удобном положении «корпус укрывает», открыли огонь с 1200 м.

Разыгралось как бы двухфазное сражение. На одном уровне была американская пехота в селении, пытавшая очистить от немцев подвалы и здания (почти без помощи со стороны «Шерманов», которые едва успевали выскочить пушкой из-за угла, как по ним с центральной улицы начинала падать вражеская самоходка), и даже

подсобили своим танкистам — пехота повредила «Ягдпантер» и вынудила экипаж покинуть машину. На другом уровне смертоносный огонь с вершины стоял американцам двух «Шерманов», которые загорелись, а остальные предпочли найти укрытие за домами. Хуже того, немцы не желали оставлять западной части села, видя, как «Пантеры» разносят выстрелами дома, что способствовало возмущению пехоты.

Хотя внимание его и притягивало происходящее на улицах, правофланговый танковый извод Лича тем не менее заметил двух контратаковавших «Пантер», которые покатались по склону с северо-востока, пользуясь поддержкой четырех товарищей на высоте. В это время артиллерийский огонь сосредоточился на восточной стороне. Сержант Финдджералд со 150 м выстрелил из 76-мм пушки по «Пантере», успешно остановившейся и подставившей тонкую броню борта башни под снаряд, и поджег танк противника. Второй же вражеский танк, в который Финдджералд выстрелил с 400 м, оказался удачливее и отступил под прикрытием собственной дымовой завесы. С дистанции 500 м Финдджералд сделал пристрелочный выстрел по третьей «Пантере», промахнувшись, но затем поразил ее с двух следующих попыток, добившись одного из двух попаданий. Однако когда Финдджералд попробовал продвигать то же самое с четвертой «Пантерой» с дистанции 800 м (в которую он попал), снаряд просто отскочил от наклонной брони.

Последние из семейства «Тигров», созданные при поддержке Билера, считавшего, что чем больше танков САУ, тем он или она лучше.

Слева: «Ягдтигр» представлял собой гигантский истребитель танков, хотя эффективность его так же сомнительна, как и не менее громоздкого «Элефанта».

Вес: 70,5 тонны

Скорость: 35 км/ч

Лобовое бронирование: 250 мм

Вооружение: 1 пушка 128-мм, 1 пулемет

Внизу: «Тигр-II» (известный как «Королевский тигр») выпускался в двух версиях, но, правда, не в больших количествах. Самый мощный танк Второй мировой, он имел ограниченную пригодность в бою из-за огромных размеров и относительно невысокой подвижности.

Вес: 70 тонны

Скорость: 38 км/ч

Лобовое бронирование: 185 мм (наклонное)

Вооружение: 1 пушка 88-мм 71 калибр, 3 пулемета

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ, ДЕКАБРЬ 1944 г.

ОГНЕВОЕ СОСТЯЗАНИЕ
ТАНКОВ ПОД ЗИНГЛИНГОМ

На сложных подступах к Биннингу американская 4-я бронетанковая дивизия пыталась обойти с фланга предполагаемые позиции противника, отклонившись в сторону селения Зинглинг. Сильное противодействие вражеской бронетехники в районе Зинглинга ожидало любого, кто попытался бы приблизиться к селу, совершая обходной маневр так же, как сделали

бы сами немцы, если бы не сидели в обороне, а вели наступление.

На панораме изображен момент развивающейся немецкой контратаки, которая развернулась вследствие попытки американских самоходок «Хеллкат» и «Шерманов» овладеть Зинглингом. Тем временем, пока пехота и танкисты сражались с противником в ожесточенных поединках посреди села, наступил критический момент, когда «Шерман» Финдджералда вышел на огневую позицию.

[См. продолжение далее]

ОГНЕВОЕ СОСТЯЖАНИЕ ТАНКОВ ПОД ЗИНГЛИНГОМ *[продолжение]*

«Шерман» М4А3Е2 Финдджералда с 76-мм пушкой в поединке с «Пантерами» на дистанции 400 м. Он уже уничтожил одну «Пантеру» впереди себя на расстоянии 150 м. Во вторую промахнулся с 400 м, и она спряталась за дымовой занесой, но третью «Пантеру» он поразил с 500 м HVAP. Скаррад, показавший в четвертую «Пантеру» с 800 м, отскочил от брони.

Однако немецкая контратака была решительно отражена не в последнюю очередь благодаря мастерству Финдджералда, ловко маскировавшегося за домами и не позволявшего вражеским противотанковым пушкам, поддерживавшим бросок своих танков, уничтожить себя. Мы можем видеть танк изводного командира Финдджералда, отсквавшего на себя внимание неприятельских САУ на вершине; машина вот-вот будет подбита. Водитель танка, родовой Нельсон, как раз протирал смотровой прибор, когда:

«БАХ! ЗВУК И ОПУЩЕНИЯ БЫЛИ ТАКИЕ, КАК БУДТО выстрелили наши собственные пушки, но оказалось, что все не так. Скаррад выскочил из танка. Я обернулся и увидел пламя дым. Я подумал, что пора выскочить, но тут... снова бах! Да будь я предател, если немецкая бронированная машина не оказалась лезе прямо на колеса».

Водитель и остальные члены экипажа выбрались из подбитого танка, в то время как завод, перешедший под командование Финдджералда, откатился и занял положение «корпус укрыт».

Танковый огонь с закрытых позиций привел к патовой ситуации. Ни одна сторона не могла взять верх. С наступлением ночи американцы отошли, оставив 20 подбитых танков, немцы же, по мере роста натиска с флангов, тоже отступили.

Взаимодействие пехоты и танков. Поддерживающий пехоту «Шерман» вступает в горящее село.

«БОЕВАЯ НИЧЬЯ» — БОЙ БЕЗ РЕШАЮЩЕГО ПЕРЕВЕСА

Немецкая контратака не достигла цели, поскольку «Пантерам» не удалось выжить с позиций Лича и Белдена, однако она остановила продвижение американцев и позволила немецкой пехоте в Зинглинге, пользуясь интенсивной поддержкой артиллерии, удержаться в селе. Когда во второй половине дня Abrams вновь попытался послать танки и пехоту, «Пантеры» вынудили их отступить. В тот день бой за Зинглинг завершился. Под прикрытием темноты оставшиеся элементы командования Лича и Белдена отошли, к чему их побудили зачастившие в небе траектории немецких высокоскоростных пушек, внимание расчетов которых привлекли попытки — так и оставшиеся бесплодными — завести и отогнать два подбитых «Шермана».

За 24 часа противостояния 20 американских танков были выведены из строя или повреждены ценой всего трех немецких машин. Возможно, Abrams имел основания утверждать, что сковал силы противника, отлеская его от других участков, пусть и столь высокой ценой. Немцы могли с удовольствием констатировать тот факт, что их танки в очередной раз продемонстрировали превосходство перед американскими, особенно если не прибегать к последним менее чем на 800 м. Если бы они не контратаковали, что, как выяснилось, вовсе и не требовалось, они, скорее всего, сумели бы удержать село, не потеряв ни одной «Пантеры». Как бы там ни было, Зинглинг едва ли стоил таких потерь в танках при соответствующем уровне погибших и раненых, поскольку главную цель на данном участке, Биннинг, неприятель очистил от своего присутствия в течение нескольких часов. Более того, скоро немного к северу предстояло разыграться куда более захватывающей драме, сцену которой немцы втайне от противника готовили, стягивая последние резервы бронетехники, чтобы бросить их через Арденны с последним приветом от панцерваффе врагу на западе.

ДЕБЮТ СУПЕРТЯЖЕЛОВЕСОВ

Состояние противотанковых пушек и танковой брони, заметно оживившееся уже в 1941 г., вступило в очередную фазу в 1943 г., когда немцы внедрили 88-мм орудие длиной 71 калибр, но не остановились на этом, продолжая работать над 128-мм моделью, а русские начали ставить на вооружение 100- и 122-мм пушки. Поскольку лафеты для подобных орудий получались чрезвычайно тяжелыми и громоздкими, срочно требовались подходящие самоходные носители. Результаты, в том, что касается габаритов такого рода самодвижущихся орудийных платформ, получились весьма впечатляющими, особенно если идти достижения Германии. Между тем силовые установки остались по большей части теми же, что приводило к поступательному снижению соотношения мощности и массы и, как следствие, к утрате подвижности гигантов. Созданный в Германии 69-тонный «Тигр-II»

(«Королевский тигр»), например, оставался тем же 700-сильным двигателем, что и 56-тонный «Тигр-I», тогда как русский 46-тонный ИС-2 имел 550-сильный мотор, как и первый из KB-1, на базе которого он разрабатывался. Точно так же и 70-тонный «Ягдтигр» со 128-мм пушкой и русская ИСУ-122 сохранили прежние моторы, хотя в данном случае сходство этим и заканчивается, поскольку немцы довели толщину брони до 150 мм, тогда как русские остановились всего на 45 мм. В общем и целом, русские производили больше эффективных в бою машин, полагаясь при создании новой техники на уже испытанные и проверенные узлы старой, причем придерживались подобной традиции и в машинах будущих поколений. Если говорить о русских самоходных орудиях, то, возможно, самой важной следует считать СУ-100, созданную на базе Т-34, но со 100-мм пушкой. СУ-100 вполне можно считать ровней «Ягдпантеры», но не неуклюжего «Ягдтигра», при условии, конечно, если тот добился бы попадания. В одной жизненно важной области русские, однако, сильно отставали от союзников и потому сталкивались с большими трудностями при поражении обладавших более толстой броней немецких танков. Советские конструкторы не отдали должной доли внимания подкалиберному выстрелу с отделяющимся поддоном (APDS), и потому в боях приходилось применять бронебойные с баллистическими наконечниками (APCBC), причем при скорости ниже 914 м/сек, что давало результат немаломо лучший, чем у американской 76-мм пушки с APCBC.

Что до союзников, здесь как британцы, так и американцы не уделили внимания тяжеловесам, или — что точнее — в действительности не показали себя в сверхтяжелых весовых категориях, хотя и произвели на свет первые — 50-тонный «Блэк Принс» с 76-мм пушкой (на базе «Черчилля») и 76-тонную «Черепашку» с 94-мм пушкой с ограниченным углом горизонтальной наводки, а вторые — 54-тонный M6A2 с 76-мм пушкой и M6A2A1 с 200-мм броней и 120-мм пушкой. Однако каждый из этих образцов бронетехники по тем или иным причинам — среди которых одну из первых скрипок играла проблема транспортировки подобных машин — так и не пошел в массовое производство. Британцы вместо того сосредоточились на доводке машины, которая появилась в 1945 г., чтобы стать их лучшим крейсерским танком времен Второй мировой, а именно «Кометы», с так называемой 77-мм пушкой (фактически 76-мм) длиной 50 калибров. Американцы закончили 42-тонный M26 «Генерал Першинг» с 90-мм пушкой, что делало машину — в соответствии с американской и советской терминологией — тяжелым танком, а с немецкой — средним, но так или иначе позволяло ей выступать в роли достойного противника «Пантеры» и «Тигра-I».

На протяжении 1944 г. поистине основным полем битвы гигантов в танковом приложении этой идеи стал Восточный фронт. Там с началом нового советского наступления 22 июня экзак-

жон «Тигров» с беспокойством отметили появление нового и неизвестного оппонента — дебютировавшего на полях сражений ИС-2.

АГОНИЯ НА ВОСТОКЕ

Если наступления русских осенью 1943 г. и зимой 1943–1944 гг. одарили немцев неприятным сюрпризом, показав, сколь богаты русские надеждами и эффективными танками, то лето 1944 г. могло бы вогнать в истерику даже кого-нибудь более психически уравновешенного, чем Гитлер. Нельзя сказать, чтобы подготовка личного состава или приемы ведения боя у русских претерпели бы какое-то радикальное изменение по сравнению с 1943 г. Они просто шли и шли вперед — шли массами, — не обращая внимания на то, сколь быстро выводятся из строя их машины немецкими танковыми экипажами, по-прежнему демонстрировавшими удивительное мастерство. Лишенные адекватных поступлений подкреплений, разрываясь между восточным, южным и западным ТВД, немцы неизбежно проигрывали. Русское наступление 23 июня предваряла артиллерийская подготовка на прибалтийском и центральном участках фронтов, где советские войска располагали примерно 14 000 орудий против 600 у немцев, для прорыва вражеских позиций и развития успеха они подготовили 5200 танков и САУ против лишь 900 у неприятеля.

Бои на лесистой местности между Смоленском и старой польской границей, где в 1941 г. познали самые блистательные триумфы Гудериана и Гот, не носили стремительного характера, присущего первым месяцам кампании немцев в России. На фронте протяженностью 700 км на позиции группы армий «Центр» обрушилось целых шесть царовых катков. Однако концентрация сил в боях отличалась от условий Нормандии меньшей плотностью, хотя и тут, и там, при внимательном взгляде, прослеживаются сходные аспекты. Как и в боях Нормандии в то же самое время, численное превосходство противника немцев позволяло ему преодолевать те трудности, которые неизбежно возникают у наступающих на довольно закрытой местности. В отличие от условий операций в степных районах, немцы лишались в лесах главного козыря — так свойственного им умения перенервировать врага на маневре. И все же они смогли бы, вероятно, сражаться лучше, если бы не одержимость Гитлера идеей хвататься за каждую пядь чужой земли, драться до последнего на бастионах обороны и в бесплодной надежде удержаться на позициях любой ценой обрекать целые армии на окружение и — впоследствии — на кровопролитные попытки прорываться или уничтожение. Безусловно, исход все равно оказался бы тем же, однако отступление (остановившееся на подступах к Варшаве, когда к концу августа натиск русских выдохся) могло бы протекать не столь быстро и обойтись немцам не так дорого, если бы Верховное командование развязало руки генералам и позволило им действовать со свойственной им пластичностью и

подвижностью. По крайней мере, они не потеряли бы такого большого количества бронетехники в безысходных лобовых столкновениях. Постоянные удары с флангов позволяли бы, с одной стороны, продлить агонию, а с другой — вероятно, спасти группу армий «Центр» от полного разгрома, которому она подверглась. Панцерфаусты с их кумулятивными гранатами, применяемые во все больших масштабах, способны были бы стать более дешевой заменой невосполнимым танкам и самоходкам на предельно малых дистанциях.

Но не на центральном фронте, а далее на юге, на более ровных и открытых просторах севера Украины (где русские перешли в наступление 13 июля, имея 14 000 орудий и 1600 танков и САУ) сумели показать себя новейшие тяжелые танки с их мощными пушками. Здесь сразу выяснилась недостаточная эффективность русских 76-мм противотанковых орудий, вполне соответствовавших задачам на более закрытой местности к северу, но оказывавшихся порой просто бессильными в ходе подвижных боевых соприкосновений, протекавших нередко на дистанциях свыше 1000 м. Зная, что их ждет при столь значительном численном превосходстве противника, немцы намеревались оттянуть редкие заслоны на подготовленные позиции, стремиться избежать губительного артиллерийского огня. Однако наступление русских развивалось столь быстро, что помало все планы противника. Крупные танковые силы вступили в действие раньше, чем ожидалось. Немцы начали утрачивать контроль за ходом событий, позволяя угрожающей ситуации превратиться в ситуацию безнадежную. Когда на штурм пошла пехота при действенной поддержке ИС-2 и самоходок, в немецкой обороне образовались бреши, допустившие проникновение значительных группировок наступающих войск (обстановка напоминала ту, которая вот-вот должна была сложиться и в Нормандии). На сей раз не потребовалась помощь Гитлера, директивами своими облегчавшего задачу неприятелю, позволяя ему окружать получившие приказ сражаться до последнего немецкие части. Русские обошлись и без содействия фюрера, причем порой с фатальными последствиями для их врага. Более того, экипажи «Тигров» и «Пантер», прежде наслаждавшиеся монопольным господством на поле боя в том, что касалось пушек и брони, теперь имели все причины для беспокойства.

Генерал Хассо фон Мантойфель уже имел дело с танками ИС-1 под Яссами на румынской границе на последнем этапе зимнего наступления русских.

«БЫЛО ПОТРЯСЕНИЕМ ОБНАРУЖИТЬ, ЧТО, хотя наши «Тигры» открыли огонь с 2000 м, снаряды не пробивали брони вражеских танков до тех пор, пока мы не приблизились на одну метловую дистанцию. Однако мне удалось нейтрализовать их техническое превосходство за счет маневра, подвижности и умелого использования рельефа местности».

Мантойфель имеет в виду, что русским не уда-

валось метко поражать цели на такой дистанции, что, несомненно, являлось следствием их традиционного неумения вести точный огонь на расстоянии свыше 1000–1200 м. Однако экипажам «Тигров» (даже и тем, кому достались немногочисленные тогда в действующих частях «Тигры II»), безусловно, довелось испытать потрясение и много свойств, когда в их танки попадали 25-кг 122-мм снаряды ИС-2. На дистанции 2000 м 122-мм поразила лобовое бронирование «Тигра-I», чего СУ-100 со своим 15-кг выстрелом достигала на 1500 м. Большие немцы не могли позволить себе, никогда не причась и с презрением глядя на врага, просто стоять и стрелять в него. Уровень вражеской огневой мощи заставлял их вернуться к старым тактическим приемам.

Огневая мощь накладывала отпечаток на тактику и — до известной степени — даже на стратегию. Способность танка уничтожать бронетехнику неприятеля на дистанции вдвое большей, чем в 1940 г., отражалась в экономическом плане: современный танк мог господствовать на более широком и глубоком участке территории. Теоретически это снижало потребность в количестве танков, хотя тут же вступал в дело обратный фактор, поскольку более эффективные с оперативной точки зрения танки требовались в большем количестве, что в свою очередь выражалось в увеличении нагрузки на производственные мощности и на ремонтно-технические службы. Иными словами, каждое улучшение стимулировало потребности в дальнейших шагах в данном направлении — то есть в совершенствовании танкостроительных технологий. Одним словом, они питали сами себя. В отличие от русских, немцы находились не в том положении, чтобы максимально вынрывать от усовершенствованных технологий или роста численности. Танковые дивизии на востоке располагали в то время всего 40 или 50 танками каждая, поскольку военное руководство сознательно шло на перекос баланса по сравнению с Западным фронтом, где на дивизию приходилось примерно 100 машин.

Образ, который навевает история боев на Украине, в Польше и в Румынии, примерно таков: всегда скромные по численности немецкие боевые группы, мечущиеся туда-сюда по всему фронту в попытках предотвратить прорыв или залатать дыры в обороне под мощными ударами советских войск. Такие соединения, как и пре-

жде, обладали способностью перестраивать врага на маневре, что часто и делали, равно как на западе, где — как и на востоке — немцы нередко обходили менее подготовленного, менее опытного противника, если можно так сказать, в счете по очкам, однако все, что могли такие группы, — замедлить продвижение русских, пока у тех не кончалось горючее, что и произошло на границах Болгарии и Югославии ближе к концу сентября.

АРДЕННСКОЕ КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

Когда огонь и дым сражений стали подкатываться ближе и ближе к довоенным границам Германии, Адольф Гитлер все чаще оказывался перед выбором: сдаться или драться до самого конца (первое отменялось решительно и бесповоротно). Забыв пока о проведении покалечивающего удара по русским, он решил как-то снизить опасность, которая, как он считал, наибольшим образом грозила ему с запада. В начале октября штабы принялись разрабатывать план назначенного сдвига на середину ноября наступления в Арденнах, где плещ из густых лесных зарослей на холмах предоставлял возможность отчасти компенсировать мощь авиации союзников. Если бы все пошло, как задумано, победносные танковые дивизии удалось бы затем перебросить на восток как раз вовремя, чтобы оказать достойную встречу ожидавшемуся в январе русскому наступлению. Ряд сложностей, среди которых нельзя не назвать катастрофических последствий бомбардировок, привел к переносу даты старта операции на 16 декабря. Танковые парии дивизий оставались на уровне ниже установленного, танке в результате воздушных нае-

РУССКИЕ САМОХОДНЫЕ ОРУДИЯ

Хотя русские не отдавали предпочтения самоходкам до такой же степени, как и немцы, они тем не менее с созданием СУ-76 (след) на шасси легкого танка получили действенную, быстроходную боевую машину, способную идти шаг в шаг с подвижными соединениями, обеспечивая им поддержку СУ-100 (внизу), сконструированная на основе Т-34, показала себе как чрезвычайно эффективная противотанковая система, равная таким немцам САУ, как StuG IV и «Ягдпантера».

СУ-76

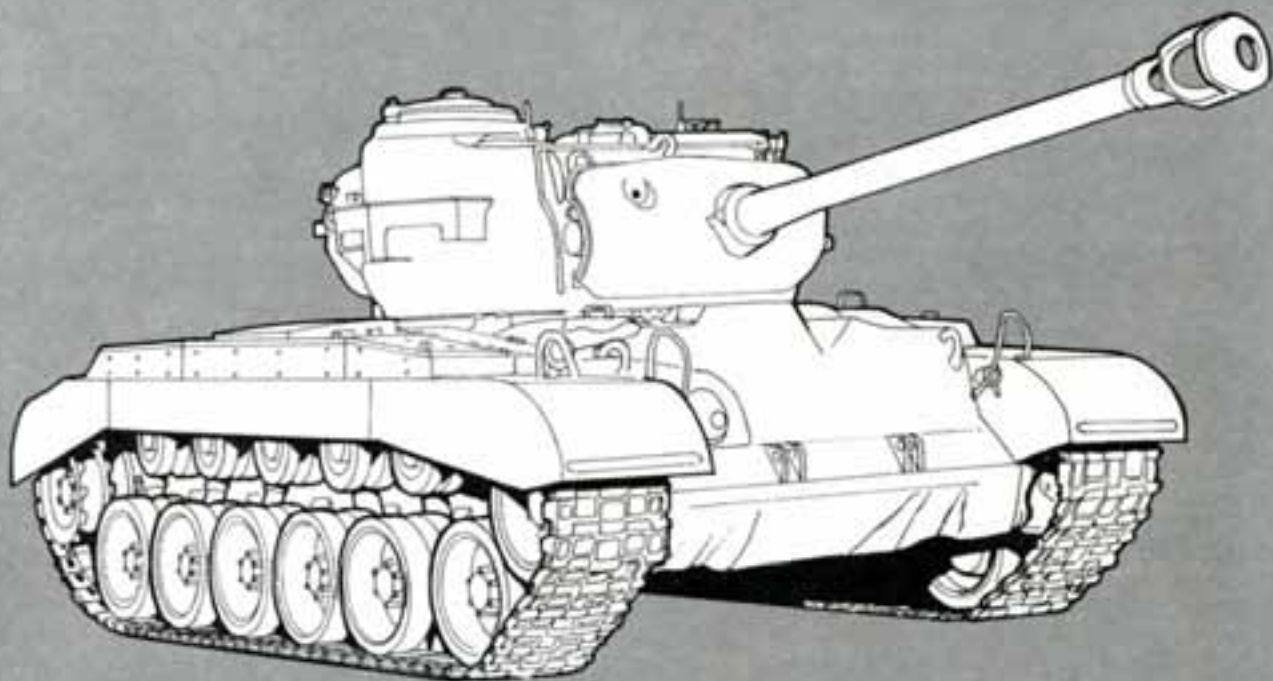
Вес: 11,5 тонны
Скорость: 56 км/ч
Лобовое бронирование: 55 мм
Вооружение: 1 пушка 76 мм 42 калибра, 1 пулемет

СУ-100

Вес: 30 тонн
Скорость: 56 км/ч
Лобовое бронирование: 45 мм (наклонное)
Вооружение: 1 пушка 100-мм, 1 пулемет

ПОКОЛЕНИЕ СОЮЗНЫХ ТАНКОВ, ПОЯВИВШЕЕСЯ НА ИСХОДЕ ВОЙНЫ

ЗАПОЗДАЛЫЙ ПРОДУКТ разработки старого американского проекта T20, «Першинг», представлял собой весьма важный танк. Как и британская «Комета», он успел все же попасть на войну в преддверии вторжения союзников в Германию в 1945 г. В машине воплотились полностью пересмотренный концептуальный взгляд на конструктивные

решения в танкостроении, что видно из сравнения данной машины с «Шерманом». Но хотя «Першинг» с его наклонным бронированием и значительно усовершенствованной подвеской, что называлось, исходя от многих последующих американских танков, 90-мм пушка стала разбалансирующим моментом (см. таблицу характеристик) и

означивала собой начало процесса сдвига в области эффективности орудия и характеристик бронепробиваемости к американскому противотанковому вооружению.

Вес: 41 тонна

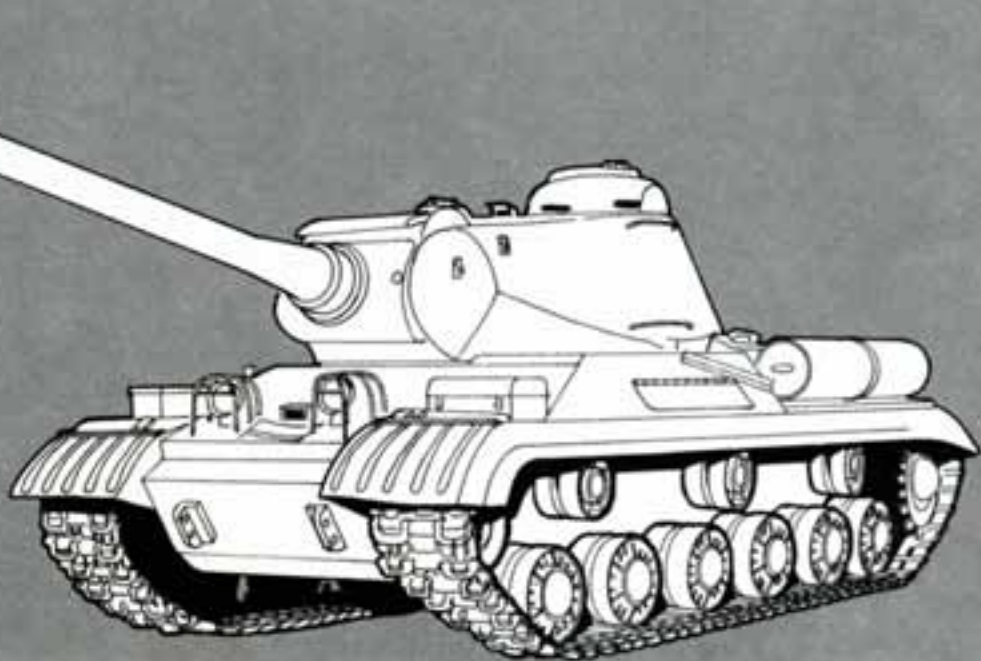
Скорость: 48 км/ч

Лобовое бронирование: 102 мм (наклонное)

Вооружение: 1 пушка 90-мм, 3 пулемета

ИС-2

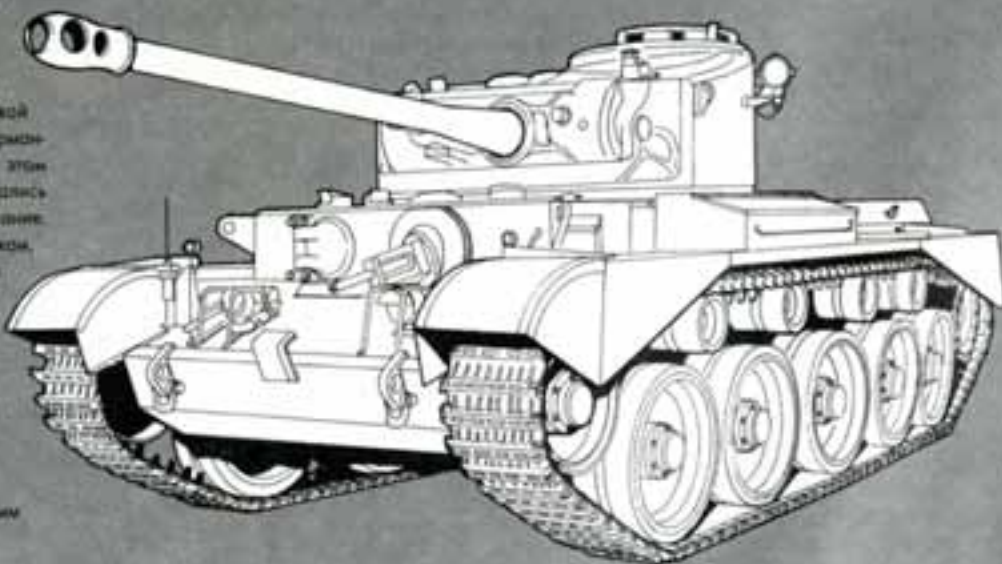
ОТВЕТ РУССКИХ НА «ТИГР». ИС-2, представлял собой радикальным образом усовершенствованный КВ-1 и превосходил по всем данным как его, так и его соперников. Используя те же компоновку и подвеску, что и в КВ-1, конструкторы ИС-2 не поспушили для него на лучшую броню и куда более мощную пушку, что — особенно последнее — превратило ИС-2 в грозную боевую машину. Вес: 46 тонн. Скорости: 35 км/ч. Лобовое бронирование: 160 мм (наклонное). Вооружение: 1 пушка 122-мм, 3 пулемета.

«КОМЕТА»

СТАЛА ПЕРВЫМ БРИТАНСКИМ крейсерским танком, в конструкции которого решили отказаться от подвески системы Кристи. Так называемая 77-мм пушка по характеристикам почти ничем не отличалась от 17-фунтовой (76-мм), установленной на «Шерман-Файрфлай». Однако даже на этом этапе конструкторы не поспушили внедрить наклонное бронирование. «Комета» вошло в историю как танком, в котором инженеры сделали заметный шаг по пути вперед, по сравнению с «Крокодилом», однако несомненные недостатки все говорят о том, как далеко остался на том этапе в танкостроении британцы.

Вес: 33 тонны. Скорости: 45 км/ч. Лобовое бронирование: 101 мм. Вооружение: 1 пушка 77-мм и 2 пулемета.

«Шерманы» в снегах Арденн.

тов на заводы. Валовый выпуск «Тигров», «Пантер» и PzKpfw IV, достигавший 2438 единиц в июне-августе, упал до 1764 единиц в сентябре-ноябре, хотя данный показатель для новых противотанковых САУ повысился с 766 в августе до 1199 в ноябре. Так или иначе количество доступных машин немногим недотягивало до 1500, которые распределялись между семью закаленными в битвах (и порядком измотанными) танковыми дивизиями и 14 пехотными дивизиями в первом эшелоне наступления — ничтожно мало по сравнению с тем количеством, которое принимало участие в великолепным образом задуманной и столь же блистательно проведенной операции 1940 г.

По характеру боя в Арденнах мало чем отличался от подобного рода сражений, которые приходится вести в условиях закрытой местности. Как в боях на севере Франции или в русских лесах под Смоленском, исход боя часто зависел от одного танка или пехотного взвода и от инициативы (или отсутствия ее) одного или нескольких человек. Нередко боевое соприкосновение протекало на уровне танка или — максимум — группы из двух или трех машин с каждой стороны. Заставляли солдат платить высокую цену и мины. Немцев, успех которых зависел от скорости и глубины продвижения через неплатные американские рубежи в первые несколько часов, ждало разочарование, несмотря на то что им удалось заставить американцев прервать и отбросить или обратить в бегство на многих участках. Хотя американская разведка не страдала от отсутствия информации в отношении того, что у противника заваривается нечто особенное, все же командование предпочло обойти вниманием полученные данные и не дать должной оценки поступившим сведениям. Американцы понесли урон в стратегическом и тактическом плане и потеряли много снаряжения. Всегда, когда представлялась возможность, немцы знали, использовали трофейные американские «Шерманы», так что нередко на узких дорожках и

тропах лесистых холмов Арденн «Шерманы» сошлись в поединках с «Шерманами».

Главная причина провала немцев на пути к главной цели, Антверпену, который они планировали захватить за несколько суток, состояла в неспособности ударной 6-й танковой армии СС в первый день овладеть Элизенборнским хребтом, что открыло бы наступающим дорогу к так необходимым им американским топливным складам поблизости от Стакло на пути к переправам на реке Маас в районе Льежа, на что оптимистичным планом отводилось 48 часов. Как и повсюду, возжеланная мечта Гитлера повторить успех 1940 г. оборачивалась кошмаром, поскольку и враг и условия, в которых приходилось действовать, радикальным образом отличались от прежних. В отличие от французов в 1940 г., американцы не спешили отдавать территории и отказываться к Маасу. Опять же в отличие от французов, союзники располагали бронетанковыми войсками, хорошо знакомыми с новейшими приемами руководства боем и способными к подвижным операциям и быстрой переброске с одного фронта на другой без создания на своем пути катастрофических транспортных пробок. В отличие же от 1940 г., немецкие войска в 1944 г. не могли даже мечтать о полном господстве в воздухе — очень важный фактор, значение которого поначалу отчасти компенсировалось плохими погодными условиями, не позволявшими союзникам широко применить могучие ВВС, по который затем, когда ближе к Рождеству небеса расчистились, зазвучал в полный голос. И кроме того, поскольку немцы оказались неспособны расширить плацдарм, как в 1940 г., им пришлось сосредоточить свои усилия в одном броске на узком фронте. Провал попытки преодолеть сопротивление неприятеля на Элизенборнском хребте привел к тому, что значительно продвинуться удалось лишь 5-й танковой армии фон Мантойфеля, наступавшей на Бастонь и на Динан с его мостами через Маас. По этой причине данное соединение и стало основной точкой приложения сил союзников на первом этапе.

Успех 5-й танковой армии, основанный на внезапности и ошибочном решении американцев удерживать позиции, которыми стоило бы пожертвовать, тем не менее не мог гарантировать победы из-за слишком медленных темпов наступления. Немецким боевым группам и отрядам удалось прорвать вражеский фронт, однако сложный рельеф местности и отчаянное очаговое противодействие американцев не позволяли наступающим дотянуться до их главных целей. Кроме всего прочего, решимость американцев оборонять транспортные узлы, такие как Бастонь, автоматически вела к удешевлению немецкой системы снабжения, не говоря уже о необходимости тратить силы и средства на нежелательные осадные операции. Весь этот набор факторов не позволил фон Мантойфелю в полной мере придерживаться стратегии обхода отде-

льных участков сопротивления и предоставил союзному Верховному командованию шанс оправиться от шока, залатать брешь, а потом перейти к нанесению контрударов по обоим фасам так назывно вытянувшегося в западном направлении неприятельского клина. Американские войска наращивали противотанковую оборону за счет наскоро отремонтировавшихся во фронтовых мастерских танков, в то время как все изменилось в тылу части срочно отправлялись на передовую. Британцы тоже отрядили корпус, с большим количеством танков в его составе, для блокирования подступов к Динау. Паттон приступил к развороту на 90 градусов влево 3-й армии с целью деблокирования Бастони как предпосылки к мощному контрудару по 5-й танковой армии. Тем временем северный участок фронта операции, шаг за шагом стабилизировавшийся вдоль линии от Эльзенборна к Мальмеди и к Ставло, вскоре послужил трамплином для сильнейшего броска против все той же 5-й танковой армии.

По прошествии двух суток с начала наступления высшие немецкие офицеры уже осознали, что добиться первых целей не удалось и что до Антверпена им не добраться. Они высказывали мнение, что будет разумнее сберечь подвижной резерв бронетехники Германии для решения более насущных проблем. Однако Гитлер настаивал на своем, источая оптимизм и приходя в восторг по поводу самых крошечных успехов на фронте. Когда авангард наступления, 1-й танковой дивизии СС ЛАГ, возглавляемому Йохеном Пайпером, удалось достигнуть прорыва на местном уровне около Эльзенборна, фюрер пришел в восторг, не зная, однако, о том, что основное ядро дивизии, отставшее от Пайпера и имевшее в своем распоряжении только два из четырех необходимых маршрутов наступления, подвергается мощным артиллерийским обстрелам. В ближайшие же дни Пайпер потерял 39 танков, весь транспорт и более половины из находившихся при нем 2000 человек; к тому времени немцы лишились последних надежд на прорыв. Пробки на дорогах не способствовали повышению подвижности. Фен Мантойфель, лично оказывавший помощь в регулировке дорожного движения и гнавший танковые колонны в направлении Динау, служил еще одним источником вдохновения для Гитлера, который требовал только продвижения вперед. Однако 25 декабря 5-й танковая армия, ее головная часть — ослабленная 2-я танковая дивизия — все еще не добралась до Мааса. Спавившие все горячее, страдавшие от нехватки боеприпасов, ожидавшие поддержки и уже осознававшие, что британские танки концентрируются, дабы стать надежным заслоном на пути к реке, немцы даже не подозревали, что 2-я бронетанковая дивизия США готовится нанести сокрушительный удар по их северному флангу. В тот же день Гитлер дал отрицательный ответ на мольбы Гудермана (в июле ставшего начальником Генерального штаба сухопутных войск и отвечавшего за оборону на востоке) отменить наступление

и передать резервы ему. Как предполагалось, в середине января следовало ожидать возобновления русского наступления в направлении Берлина.

Промедление с отменой операции в Арденнах повлекло за собой весьма плачевные последствия для немецких танковых войск. Вдобавок к потерям, которые уже понес танковый корпус СС в закончившихся неудачно атаках, «сидящие на мели» головные части 5-й танковой армии — 2-я, 9-я и Учебная танковые дивизии — оказались обессиленными и окруженными 2-й американской бронетанковой дивизией и британцами. Настал черед немецких танков, как некогда французской 1-й подвижной кирасирской дивизии под Флавином (всего в нескольких километрах отсюда) в мае 1940 г., остаться без горючего и подвергнуться почти полному уничтожению: 82 танка, 16 противотанковых САУ, 83 орудия и 280 единиц моторной техники осталось на поле сражения. Немногие избежавшие гибели или пленки танкисты оказались, как выяснилось потом, участниками последнего в той войне полномасштабного наступления панцерваффе, обреченными теперь на отступление с боями под ударами противника, шедшего, чтобы покончить с гитлеровской Германией с запада, юга и востока.

КОНЕЦ ПАНЦЕРВАФФЕ

Когда в первый новогодний день 1945 г. Гитлер с опозданием отменил наступление в Арденнах и начал перебрасывать дивизии на Восточный фронт, вред, нанесенный промедлением, не представлялось возможным исправить. Объемы выпуска продукции немецкой военной промышленности катастрофически падали, поскольку ее объекты и транспортная система служили постоянными целями союзных бомбардировщиков. Переброска войск с одного места на другое стала требовать огромных усилий и протекала неизменно медленными темпами. Танковый корпус СС, который Гудерману очень хотелось задействовать для обороны Берлина, послали вместо этого в Венгрию, где 12 января русские атаковали по всему фронту. Немецкие танковые дивизии лихорадочно перенаправлялись с одного кризисного участка на другой, где действовали неизменно в меньшинстве, в условиях постоянной нехватки снабжения и запчастей, разрываясь на части, вынужденно бросая на полях сражений невозможную технику и вместе с тем не теряя присущего им боевого мастерства, гордости и находчивости даже в самые трудные минуты, что и позволило им с боями пройти многие и многие километры за прошедшие с начала войны почти шесть лет.

Тысячи союзнических танков, хотя и в меньшинстве случаев технически уступающих противнику, разламывали на части немецкую оборону. Вместе с тем постоянно прибывавшие на фронт все более крупными партиями русские ИС-2 и американские М26 «Першинг» могли теперь на равных или почти на равных померяться силами с лучшими танками Германии. Последний

Разгром Германии следующими на встречу друг другу союзными армиями в 1944–1945 гг. Каждая стрелка олицетворяет собой массы танков, поддерживаемые артиллерией, пехотой и авиацией. Эти бронированные клинья сломали сопротивление немецкой армии, танковые войска которой сохранили присущее им мастерство до конца, не имея, однако, никаких шансов выстоять в битве с многократно превосходящим их противником.

МАЗЕР, так называемый «Супер-Шерман» и британская «Комета» (лучше вооруженные, чем их предшественники) повышали уверенность экипажей за счет возросших характеристик защищенности. Что особенно важно, повысилось качество хранения боеприпасов и снизилась возгораемость, после того как американцы внедрили защитные кожухи, наполненные этиленгликолем (позднее водой), которые затопляли боеприпасы в случае пробития брони.

Лишь 700 танков смогли противопоставить немцы 4000 русских танков и САУ 12 января 1945 г. и неизбежно были принуждены отступать до тех пор, пока у русских не стало кончатся снабжение и пока численное неравенство, таким образом, несколько компенсировалось сбоями системы тылового обеспечения. Соревнования танк против танка часто заканчивались на местном уровне, в пользу немцев, однако не столько противодействие, сколько перенапряжение сил снабженцев послужило причиной, заставившей в конце концов русских остановиться, что не являлось частным феноменом — подобное во время войны происходило повсюду. Мощности русской системы снабжения могли бы подвести наступающие армии гораздо раньше, если бы американцы не поставили СССР 400 тысяч единиц колесного грузового транспорта, чтобы заполнить пробелы, с которыми было не под силу справиться советской промышленности. В Италии и на западе оставалось теперь еще меньше немецкой бронетехники, а тем временем союзники оправлялись от поражений в ходе боев в Арденнах и приступали к бесовщадному изматыванию обороняющихся на Рейне. Когда в середине января русские приблизились к реке Одер, последние немецкие части уже в спешке покидали запад-

ный берег Рейна, оставляя на память о себе множество боевых машин, которым более уже не суждено было принять участия в операциях. Подвижные войска, сосредоточенные Германией на пути наступления союзников через Рейн, которое развернулось позднее, в марте, представляли собой более символическую, чем реальную силу. В частях отмечалось значительное численное преобладание САУ над танками и бросалась в глаза чересполосица материальной части, представленной разномастными боевыми машинами, которые только сумели наскрести отовсюду в безнадежной попытке выполнить задание и удерживать рвущегося вперед и вперед противника.

Противостояния между танками носили фрагментарный характер. В Италии единственный недокомплектованный танковый корпус, действующий на исключительно хорошо подходящей для обороны местности, около двух лет сдерживал инициативу превосходявшие его силы, потонул в потоках вражеской бронетехники, которыми смывало его и несло в направлении Австрии, пока немецкие войска не капитулировали в апреле. Войска союзников, впервые форсировав Рейн по неожиданному захваченному мосту 7 марта в Ремегене, вышли на правый берег великой реки на более широком фронте, начиная с 22 марта, чтобы развивать наступление при лишь слабом противодействии неприятеля. То там, то тут ждали их засады, устроенные одним или несколькими танками или противотанковыми САУ, однако редко — почти никогда — нечто похожее на контратаку, пусть и на местном уровне, не нарушало планов союзников. Вполне уместным стало бы сравнение обстановки, сложившейся у немцев и их противников применительно к танкам весной 1945 г., с ситуацией 1918 г. Соревнования танк против танка лишь

изредка протекли на уровне более массовом, чем под Виллер-Бретонне, пусть техника, которая участвовала в этих поединках, отличалась несравненно большей мощностью. Итог всегда бывал предопределен вступлением в действие согласованных союзных сил всех родов войск, где особенно важный вклад вносила могучая и ведущая авиация, устремлявшаяся вперед непреодолимым девятым валом, чтобы расчищать путь сухопутным войскам. В обороне Германии ее танки служили наступающим не препятствием, а скорее помехой, хотя порой и весьма досадной. Проиллюстрируем это двумя примерами.

Бой под Кюстрином 22 марта разгорелся, когда танковая дивизия из 27 «Пантер» и 28 «Тигров» (последняя крупная танковая часть, оставшаяся у Германии) претронула путь по Берлинскому шоссе крупным соединениям русских танков и пехоты. Превосходно действуя с заранее подготовленных огневых позиций, немцы быстро уничтожали приближавшегося противника. Русской пехоте пришлось залечь, а танкам откатиться, чтобы двинуться в бой новой приливной волной, которая — накатив с фланга при действенной поддержке артиллерии, — позволила захватить село, прикрывавшее немецкий командный пункт и резервную роту «Тигров». В замешательстве немцы отступили под дымовой завесой, но успели собраться как раз к тому моменту, когда русские показались из села. Словно бы высеченные на фоне дыма, русские танки превратились в превосходные мишени на короткой дистанции и были принуждены покинуть поле, оставив 60 выведенных из строя или горящих Т-34, сумев уничтожить лишь незначительное число немецких машин.

Бой за последний мост в Вене разыгрался 12 апреля, когда одна «Пантера» и пять PzKpfw IV из 2-й танковой дивизии СС удерживали береговой плацдарм на каждом берегу для того, чтобы выиграть время и позволить товарищам на северном берегу подготовить оборону. «Пантерой» командовал лейтенант Арио Пизен, имевший на счету 97 уничтоженных танков — под Курском, в Нормандии, в Арденнах и в Венгрии. «Пантеру» Пизена отправили через мост ночью, чтобы усилить оборонявшихся на плацдарме и привести им так необходимые боеприпасы. Среди пылающих развалин разгорелось отчаянное сражение, в котором главенствовали русские ИС-2 и Т-34, бросающиеся к мосту на широком фронте через прилегавший к реке парк. Но русская пехота, действуя скрытно в ночной темноте, тоже сыграла немалую роль в истреблении вражеской бронетехники, уничтожив ни много ни мало четыре PzKpfw IV. Многие Т-34 были выведены из строя огнем прямой наводкой в попытках ворваться на мост. Их темные корпуса и башни блокировали подступы. В какой-то момент Пизен выбрался из танка и с панцирфаустом устремился на русские танки, которые не могли уничтожить его «Пантера». К концу дня он записал себе в актив еще 14 побед, а вечером и ночью находился сре-

ди тех, кто прикрывал отступление через мост, прежде чем тот был взорван. Пизен ушел на ту сторону одним из последних.

СМЕРТЕЛЬНЫЙ УДАР НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

Когда 8 августа 1945 г. русские перешли в наступление против японцев в Маньчжурии силами в полтора миллиона человек при 5500 танках, представлялось маловероятным, что миллионная армия с 1155 устаревшими танками сможет сдержать ее натиск. Разработка танков у японцев шла крайне медленными темпами, если не назвать их и вовсе едва заметными. Достаточно сказать, что объем выпуска танков в 1944 г. составил всего 295 единиц. Более того, тактические приемы японцев в том, что касалось применения бронетехники, безнадежно отстали от моды, в основном из-за отсутствия практики — необходимости действовать против пользующегося изощренными методами на открытой местности противника. Танки — по принципу «всем сестрам по серьгам» — задействовались против британских танковых войск в Бирме и против высаживавшихся на тихоокеанских островах американцев. 2-я танковая дивизия, действовавшая против американцев на Лусоне в 1944 г., никогда не применялась сосредоточенно, какую роль командование резервировало для состоявшей из трех танковых дивизий так называемой танковой армии в Маньчжурии. Но даже и в этом случае вооруженные главным образом слабыми 47-мм и 57-мм пушками японские танки с самой толстой броней 50 мм вряд ли могли соревноваться с Т-34/85 или даже с устаревшими к тому времени Т-34/76.

Русское вторжение в Маньчжурию протекало по всем правилам, наработанным за долгие и страшные четыре года войны с немцами, и аттестовалось русскими комментаторами как некий образец ведения подвижных операций:

«СРЕДНЯЯ ДИСТАНЦИЯ дневного перехода (для 6-й танковой армии) составляла 80 км, а в некоторые из дней операции она проходила 160 км, причем несмотря на сложности ведения боевых действий в горно-пустынных районах Большого Хингана. Советские войска мастерски создавали крупные группировки живой силы и техники на направленных главных ударах, особенно при штурме укрепленной».

В таких обстоятельствах японские танки быстро уничтожались в боях или оказывались на обочинах позиций и, брошенные экипажами, оставались ржаветь там. К 23 августа все уже почти закончилось, японское правительство не откликнулось на предложение о мире 10-го после событий, которые затмили собой русское вторжение в Маньчжурию, поскольку 6 и 9 августа американцы сбросили атомные бомбы на японские города Хиросима и Нагасаки. Таким образом мир узнал о разрушительной мощи нового оружия, не только революционизировавшего политику и военное дело, но, хотя и как бы походя, изменившего требования к танкам в будущем.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ —
НОВЫЕ ТАНКИ

ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ все страны-победительницы, кроме Советского Союза, приступили к широкой программе утилизации танковых парков, СССР же продолжал строить танки в больших количествах, сохраняя при этом и имевшиеся ранее. Помимо политической важности подобных тенденций, в основе которых лежал рост взаимного недоверия между вчерашними союзниками по антигитлеровской коалиции и страх перед возобновлением военных действий, возникла и окрепла новая стратегическая и тактическая угроза. И хотя не переводились те, кто считал танки вышедшими из моды, особенно при наличии у пехоты мощных гранатометов и ракет с кумулятивными боеголовками, совершенно очевидным становился тот факт, что в мире имеется некий центр, в котором сосредоточены сильнейшие танковые силы, способные грозить бронированным кулаком не только Западной Европе, но также и странам в других уголках мира, поскольку Советы стали экспортировать устаревшие, но все еще эффективные Т-34/85 и тяжелые танки так называемым неприсоединившимся странам, а также своим сателлитам и союзникам. Военный баланс неизбежно нарушался. По прошествии нескольких лет после окончания Второй мировой в западных некоммунистических странах назрела потребность в перевооружении и воссоздании танковых флотов, способных противопоставить себя массам танков, готовым в любой момент хлынуть в Европу с востока. В тот период родились танковые войска — причем войска немалой силы — многих стран коммунистической и некоммунистической ориентации: в Китае, в Северной Корее, в Восточной Европе и во вновь созданных государствах, таких как Израиль, Египет, Сирия, Индия и Пакистан.

Коммунистическая армия Мао Цзедуня, которая завершила подчинение себе Китая в 1949 г., представляла собой по большей части пехотное войско с незначительным количеством танков, отбитых у японцев, и американских машин, которые поставляли США противникам Мао. До тех пор пока Северная Корея при значительной поддержке китайцев и русских не вторглась в июне 1950 г. в Южную Корею, никаких серьезных состязаний танк против танка на Дальнем Востоке не происходило. Северная Корея располагала около 240 Т-34/76 и Т-34/85, а войска Южной скоро получили усиление за счет американских танков, из числа которых первыми в боевых действиях приняли участие легкие танки М24 «Чаффи» с 75-мм пушкой. Северные корейцы применяли танки преимущественно как средство пехотной поддержки, при этом Т-34 себя вполне оправдывали (за исключением противостояний с «Чаффи» на малых расстояниях) до тех пор, пока им не пришлось столкнуться с М26 «Першинг» и последними М46 и М47 «Паттон».

Северокорейское вторжение проходило через традиционные фазы ослабления и снижения накала наступательного порыва по мере того,

как наступающие на передовой обгоняли тыл и снабженцы переставали поспевать за боевыми частями при одновременном росте противодействия со стороны врага. В схватках танк против танка, протекавших главным образом на дорогах или возле них среди рисовых полей и гор, верх обычно брали лучше вооруженные и обладавшие более толстой броней американские танки. Однако налеты авиации, наносившей удары нападком по севернокорейским танкам и по грузовикам снабжения, ослабляли нападавших намного сильнее и в итоге вынудили их остановиться перед береговым плацдармом, прикрывавшим жизненно важный порт Пусан. После того как это случилось, дальнейшее стало лишь вопросом времени, которое потребовалось американцам для сосредоточения штурмовых формирований и высадки их с моря в тылу у противника с последующим разгромом его войск под Пусаном. Не прошло и нескольких суток, как северокорейские танковые войска перестали существовать. И хотя война продолжалась потом еще почти три года, северные корейцы, на выручку к которым пришла китайская армия, никогда уже не применяли в боях танки.

«Гарца»
вместе
местно
и рисом

НОВЫЙ ВИТОК СОРЕВНОВАНИЯ ПУШКИ И БРОНИ

Оценивая степень советской танковой угрозы в Европе, западные союзники среди многих других факторов беспокоились и о том обстоятельстве, что последние тяжелые ИС-3 с их улучшенной броневой защитой могут оказаться неуязвимыми перед находившимися тогда на вооружении 90- и 83,4-мм пушками. Кроме того, они опасались, что окажутся в значительном численном меньшинстве перед Т-34 и их наследниками. В ответ на угрозу со стороны ИС-3 как американцы, так и британцы разработали тяжелые танки — соответственно 55-тонные М103 и 65-тонные «Конкверер», — вооруженные 120-мм пушкой и защищенные наклонной броней толщиной от 178 до 200 мм. Одновременно они дали старт целой серии проектно-исследовательских изысканий в целях дальнейшего повышения поражающей способности противотанковых орудий, равно как радикального повышения темпов огня и его точности.

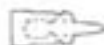
Требование вооружить танк высокоскоростной пушкой ставило перед конструкторами ряд сложных проблем: прежде всего, как при таких возросших запросах удерживать стоимость, размеры и массу изделия в разумных с практической точки зрения пределах. Те же проблемы не давали спокойно спать и разработчикам самых обаятельных противотанковых орудий, которые тоже, конечно же, стали слишком большими и громоздкими. Изобретатели решительно вознамерились создать оружие, которое давало бы тот же эффект, как пушка с высокой начальной скоростью полета снаряда, но не заставляло бы платить за это ценой снижения подвижности. Появились и проводили испытания всевозможные безоткатные орудия, стрелявшие кумулятивными боеголовками со значительной бронепробиваемостью, которые, однако, страдали от определенных присущих им недостатков, прежде всего в том, что касалось дальности и меткости огня. Самыми революционными можно считать управляемые реактивные снаряды, или ракеты, запускавшиеся с легкой техники или просто с земли, наводившиеся на цель за счет пульта управления (что оставляло за бортом проблему

определения расстояния) и — по причине наличия у них кумулятивных боеголовки — не нуждавшиеся в большой скорости для достижения нужного эффекта, оставаясь одинаково действенными на любой дистанции. Началом начал для подобного рода средств противотанкового управляемого вооружения (по английской классификации *Anti-tank Guided Weapon/ATGW* или, что более распространено, *ATGM/Antitank Guided Missile* — соответствует русской аббревиатуре ПТУР/противотанковая управляемая ракета, — *Прим. пер.*) стал немецкий проект ракеты «воздух-воздух» 1944 г. под индексом Х7; контроль за полетом снаряда производился за счет электрических сигналов, подававшихся по очень тонким проводам, страивавшимся из ракеты в процессе полета. Модификации противотанкового оружия, разрабатывавшиеся и развивавшиеся на протяжении 50–60-х годов, привели к созданию серьезной угрозы танкам на дистанции до 4000 м не только со стороны наземных пусковых установок, но также и с вертолетов.

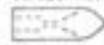
Однако сумма факторов за и против вносила тем не менее решительный приворот в пользу высокоскоростной пушки. Именно на этом оружии западные союзники — с британцами во главе процесса — и сконцентрировали основное внимание. Удлинение стволов пушек давало увеличение скорости полета усовершенствованных выстрелов (самым перспективным из которых оставался подкалиберный оперенный с отделяющимся поддоном, в соответствии с английской терминологией — *Armor Piercing Fin-Stabilized Discarding Sabot/ APFSDS*, — *Прим. пер.*), позволявших пушке во всех ситуациях при применении на приемлемых дистанциях боя поразить любую броневую защиту противника. Однако все старания были бы напрасными, если бы экипажи не научились добиваться высокой степени попадания: уровень в 90 процентов попаданий при темпе огня 10 выстрелов в минуту считался необходимым, принимая во внимание, что массированные вражеские танковые соединения наступают с большой скоростью, при условии подержки их дружными танками с дистанции.

Проблему пристрелки в обстановке возникновения помех с видимостью после выстрела пушки

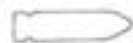
БРОНЕБОЙНЫЕ СНАРЯДЫ И ИХ ДЕЙСТВИЕ

Сплошной выстрел, или APDS (ARMOR PIERCING DISCARDING SABOT), стабилизируется вращением для достижения большей меткости огня.

Кузнечный, или HEAT (HIGH EXPLOSIVE ANTI-TANK), вращение снижает меткость.

Броневко-фугасный, или снаряд с деформируемой головной частью, т.е. HESH (HIGH EXPLOSIVE SQUASH HEAD), вращение снижает меткость.

Подкалиберный оперенный с отделяющимся поддоном, или APFSDS (ARMOR PIERCING FIN STABILISED SABOT), не вращается и действует скорее как HEAT.

предполагалось решить за счет простой тренировки. Оптические дальномеры отличались тенденцией к неадекватности и не обеспечивали должного порога точности, который требовался при стрельбе по малым мишеням. Для начала британцы изобрели прием, состоявший в том, чтобы производить один за другим три выстрела по цели с дистанции до 1000 м: первый с установкой прицельной планки на 800 м, второй — на 1000, а третий — на 600 м. Таким образом попадание гарантировалось, если исходить из гарантии надежности боеприпасов и точной балансировки пушки к прицелу. На дистанции свыше 1000 м сначала делался выстрел осколочным, позволявшим определить расстояние, после чего производилась вышеописанная процедура из трех последовательных выстрелов. Данный прием приводил к значительному перерасходу боеприпасов, принимая во внимание, что редкие танки несли боеукладку больше чем на 60 артиллерийских выстрелов. Не гарантировал подобный метод и от погрешностей и ошибок, поскольку разные боеприпасы имели разные характеристики, прицельные приспособления нередко страдали от изгибов, а четкого обозначения, или приведения к нормальному бою, не позволял достигнуть целый ряд факторов, первым из которых заслуженно считается «изгиб ствола». Воздействие дождя или холодного бокового ветра на раскаленный ствол в течение примерно двух часов могло дать отклонение от нуля на 5° от нормальной траектории — достаточно, чтобы стать причиной промаха на 1000 м.

На протяжении 50–60-х годов борьба за повышение качества огня за счет улучшения качества боеприпасов, усовершенствования прицелов и дальномеров в сочетании с облегчающими задачи приемами, а также путем тщательной подготовки вооружения заняла центральное место в методах решения проблемы эффективного про-

тивостояния вражеским танкам. С целью уменьшения расхода боеприпасов и упрощения прицеливания в середине 50-х годов британцы представили подкалиберное «пристрелочное орудие», стрелявшее трассирующим боеприпасом по цели с задачей помочь определить дистанцию перед произведением выстрела из основного вооружения. Достигалось это за счет установки американского 12,7-мм пулемета, спаренного с 105-мм пушкой последних танков «Центурион». Система, в которой пристрелочное орудие давало короткую очередь из трех специальных трассирующих выстрелов, позволяла достигнуть 90 процентов гарантии попадания с первого выстрела из основного вооружения и значительно превосходила любые из уже имевшихся в наличии ручные или автоматические оптические установки. Американцы, однако, так и не приняли ее на вооружение. Вместе с тем проблема «изгиба ствола» тем не менее оставалась нерешенной. Появление в начале 60-х годов лазера, дававшего верный шанс легкой ценой достигнуть целей при применении его для определения дистанции, подарило конструкторам и военным надежду значительно усовершенствовать приемы управления огнем.

Сложности с поражением целей тесно соседствовали с проблемой передвижения и ведения огня в ночное время. Во время Второй мировой войны, когда танковые сражения редко происходили ночью, но передислокации формирований бронетехники в темное время суток при применении фар и просто при лунной луне являлись обычным делом, предпринимались попытки оснащения танков приборами ночного видения. Британцы отдали немалую дань экспериментам (хотя практически не нашедшим применения на практике) с прожекторами с дуговыми лампами в 15 миллионов свечей, которые устанавливались на «Матильды» и «Гранты» для освещения поля боя, чтобы облегчить нахождение и уничтожение целей и ослепить противника за счет эффекта мерцания: в целях секретности проект получил название «световой обороны канала» (Canal Defence Light/CDL). Немцы, далеко продвинувшиеся в разработках в области невидимых инфракрасных лучей, использовали знания для создания танкового осветительного прибора, позволявшего запяжью видеть в темноте, оставаясь незамеченным для невооруженного глаза. Однако источник «активного» инфракрасного света позволял засечь его, а потому оставался незамеченным удавалось только до тех пор, пока неприятель не располагал соответствующим снаряжением. После войны русские с энтузиазмом ухватились за исследования и разработки в области инфракрасных приборов, попавших им в руки. В середине 50-х на западе вдруг открыли, что русские Т-54 и Т-55 оснащены инфракрасным оборудованием, обеспечивавшим экипажам возможность передвигаться и стрелять ночью. Естественно, не понадобилось много времени, чтобы Соединенные Штаты, Франция и Британия стали устанавливать инфракрасные де-

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИННОВАЦИИ В ТАНКОСТРОЕНИИ У РУССКИХ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

ИС-3

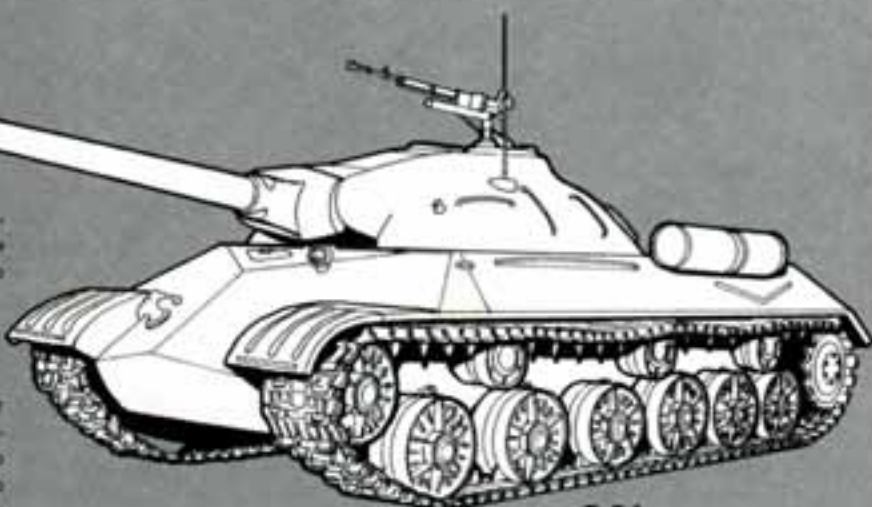
ИС-3 ПРЕДСТАВЛЯЛ СОБОЙ следующий шаг русских по пути развития ветви тяжелых танков КВ и ИС. В момент своего появления в 1945 г. машина с ее куполообразной башней и складывавшихся под углом этакими широкими клепан-листками лобовой брони корпуса вызвала неприятие озноб у западных союзников. Если не брать в расчет неудобств, которые создавала экипажу вынужденная необходимость существовать в довольно тесном пространстве внутри машины, можно было бы назвать танк довольно удачным, тем более что разработчики гарантировали его защищенность перед лицом существовавших противотанковых орудий. В действительности же, как выяснилось на практике, ИС-3 имел определенные слабости, заключавшиеся не в отсталости вперед в верхнем броневом листе лобовой части башни.

Вес: 46 тонн

Скорость: 40 км/ч

Лобовое бронирование: 200 мм (наклонное)

Вооружение: 1 пушка 122-мм, 2 пулемета

T-54

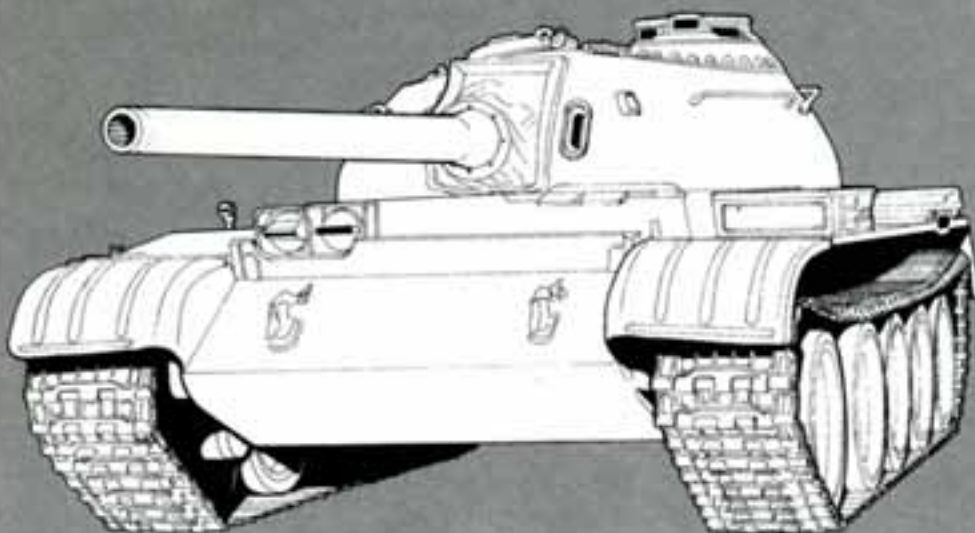
КОНСТРУКЦИЯ T-54 в очередной раз иллюстрирует прогресс русской танкостроительной политики, заключавшейся в том, чтобы брать за основу при разработке нового танка удачные в прошлом модели. Итак, в этом наследнике T-34 сохранилась подвеска системы Кристи, хотя выросла мощность двигателя (до 520 л/с), появилась куполообразная башня с действенной 100-мм пушкой, что отразило в себе попытку русских — и весьма удачную — повысить мощность орудия и броневую защиту, при этом понизив высоту силуэта. Как важное новшество, внедренное на более поздних моделях, следует отметить появление усилителя качки орудия, которыми уже обладали американские и британские машины. Следом за T-54 шел более сложный по устройству T-55 с 35-мм прицелом, позволившим экипажу вести огонь в ночное время на дистанции до 1000 м.

Вес: 36 тонн

Скорость: 50 км/ч

Лобовое бронирование: 75 мм (наклонное)

Вооружение: 1 пушка 100 мм, 2 пулемета

тектуры на свою бронетехнику, чтобы во всеоружии встретить ожидавшегося очередным новшеством потенциального противника.

ТАНКИ И УГРОЗА ПРИМЕНЕНИЯ АТОМНОГО ОРУЖИЯ

В послевоенную эру Советский Союз, Соединенные Штаты и Великобритания и следом за ними Франция встали во главе процессов создания танков нового поколения. Русские, следуя ранее избранной политике поэтапного развития существующих моделей, поставили в строй тяжелый ИС-3 и со временем его еще более массивного наследника Т-10, вооруженных 122-мм пушками, а также продолжали парадигму основанных на подвеске Кристи Т-34 путем создания танков Т-54 и Т-55 со значительно улучшенными башнями, 170-мм бронированием и 100-мм пушками. Действуя в том же духе, американцы разрабатывали М26 «Першинг», что привело к появлению целой секвенции моделей американских танков — М47, М48 и М60. К сожалению для США, экспериментальный проект Т95 (танка с газотурбинным двигателем, независимой подвеской и гладкоствольной 90-мм пушкой) окончился полным фиаско, что побудило их обратить внимание на британскую 105-мм пушку как необходимую замену устаревшей 90-мм. Не менее радикальная затея британцев тоже завершилась провалом. Серия FV 200, на основе корпуса которой в будущем предполагалось строить целое семейство боевых бронированных машин, оказалась неприемлемой ни с какой стороны. В результате конструкторы пошли другим путем, что привело к созданию «Центуриона», который в будущем получил более толстую броню, приборы для ведения боя в ночное время и успешно менял главное вооружение с 76,2 до 83,4 и до 105 мм. Несмотря на некоторую ненадежность ходовой части, «Центурион», как мы увидим далее, зарекомендовал себя как отличный боевой танк. Однако только 105-мм пушка, совмещенная с той же затворной частью, что и у 83,4-мм, стала действительно превосходным оружием двойного назначения, позволявшим вести чрезвычайно точный огонь и принятым на вооружение для установки на танках в большинстве стран мира, за исключением советского блока.

Появление таких новых машин восстановило в военных веру в будущее этого оружия не только как средства наступления или противодействия танкам, поскольку танки обрели способность давать укрытие от огня, взрывной волны и радиации при действии ядерного оружия, которое в 50-е годы стало появляться в миниатюрном исполнении для тактического применения на поле боя. Бронетехника предоставляла защиту от физического воздействия ядерного взрыва, подвижность же танков позволяла сухопутным силам избегать ядерных ударов или же быстро продвигаться через опустошенные районы. Таким образом, будущее танка было гарантировано.

М48А2

М48А2 СТАЛ ЧЕТВЕРТЫМ АМЕРИКАНСКИМ ТАНКОМ в линии наследников «Першинга», который поступал в армию США ближе к концу Второй мировой войны и принимал участие в боевых действиях в Корее. За «Першингом» один за другим шли М46, М47 и М48 (известные также как «Паттон-I, -II и -III»). Ни один в действительности до конца не отвечал требованиям армии, хотя на каждой из модификаций появлялось нечто новое, как, например, улучшенная полуавтоматическая трансмиссия, ручка управления типа «джойстик», усиленный корпус, более совершенная по конструкции башня и стереоскопический дальномер, правда довольно сомнительной точности.

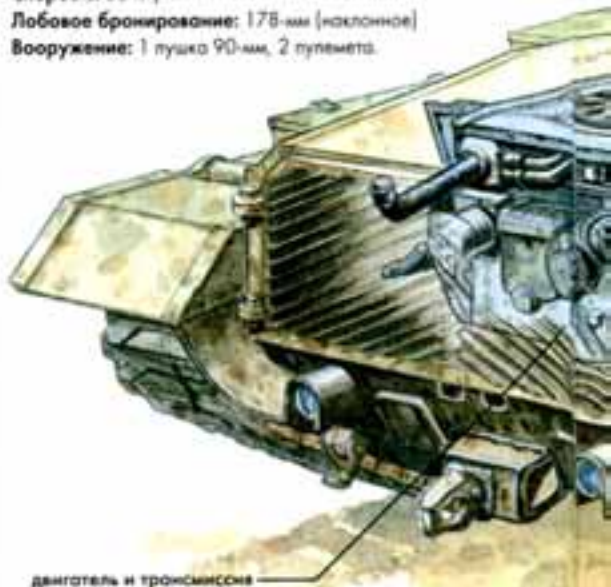
Разработанный в 1951 г., М48А2 представлял собой заметный шаг вперед по сравнению с предшественниками. Он оснащался 850-сильным двигателем с инжекторной системой впрыска топлива и отличался от предыдущей модели слегка переработанным корпусом и башней. Между тем он, к сожалению, сохранил неадекватную 90-мм пушку, вследствие преклонения американцев перед гладкоствольным вооружением, которое, однако, не сумело вписаться в рамки технического задания (по цене).

Вес: 46 тонн

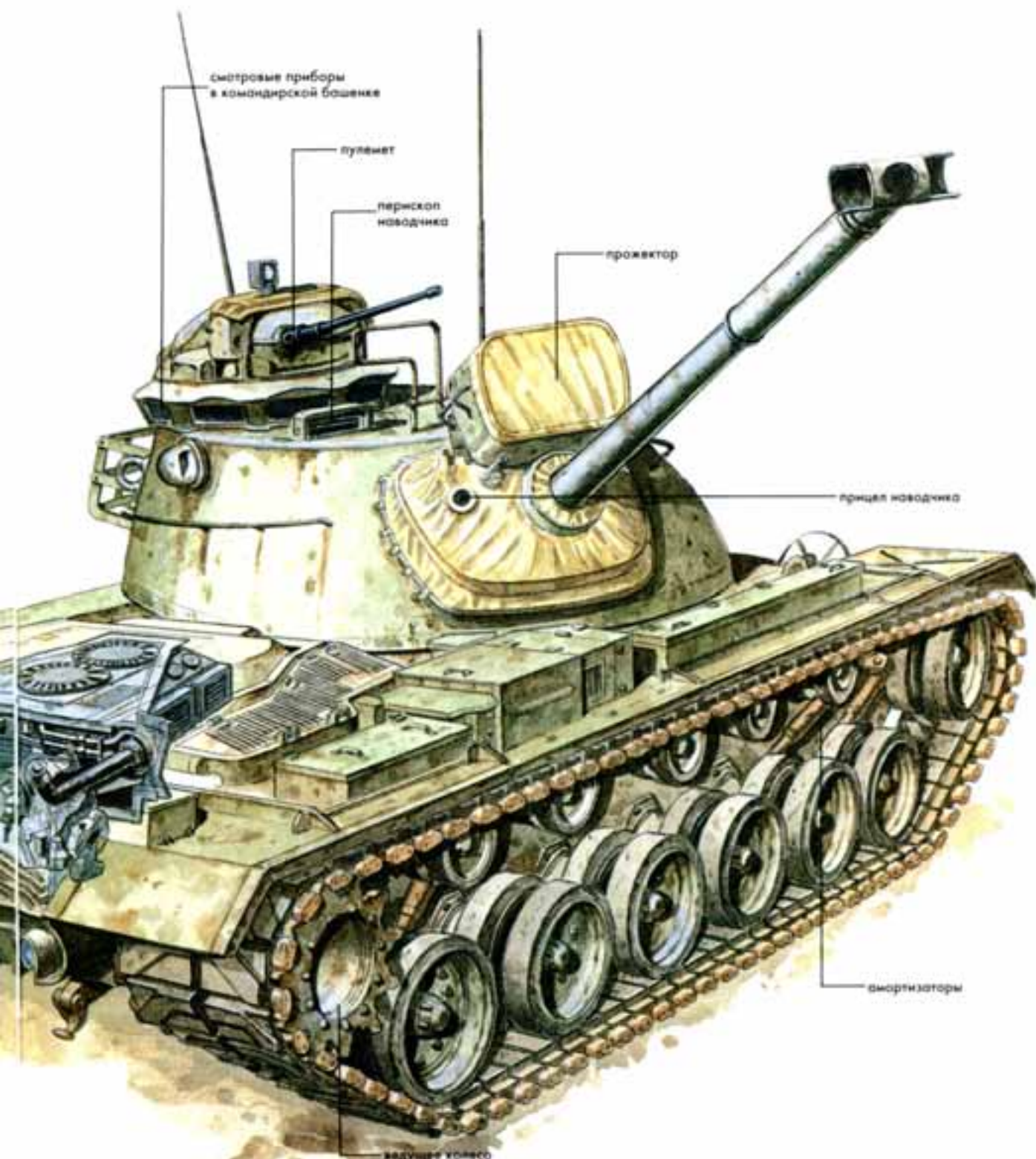
Скорость: 53 км/ч

Лобовое бронирование: 178-мм (наклонное)

Вооружение: 1 пушка 90-мм, 2 пулемета

двигатель и трансмиссия

АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЕ КОНФЛИКТЫ

Начиная со смехотворно малого — одного «Шермана», двух «Кривелей» и 12 легких танков «Точик» M35, плюс нескольких разномастных бронемашин и джипов, — израильтяне сумели создать один из самых результативных танковых войск в послевоенную эру. Коль скоро новоиспеченное государство Израиль в 1948 г. оказалось втянуто в крупномасштабный вооруженный конфликт с соседствующими с ним арабскими странами, его выживание зависело от эффективности действий пехоты, поддерживаемой любым тяжелым оружием, которое только представлялось возможным купить, выпросить, украсть или захватить в виде трофея.

В процессе роста израильские бронетанковые войска, как и вооруженные силы страны в целом, столкнулись с вызванными экономическими и политическими ограничениями сложностями при приобретении нового снаряжения. До начала регулярных поставок импортного вооружения — из Франции с 1955-го, из Британии с 1959 и из Соединенных Штатов с 1965 гг., — израильтянам приходилось обходиться тем, что теми или иными путями попадало к ним или перепало им «от чужих-нибудь щедрот», то есть применительно к танкам они по большей части довольствовались «Шерманами» самых разных моделей с самыми разными пушками. В войсках Израиля был правлен в основном *позитивный* взгляд высшие офицеры, не дававшие хода танкистам и не стремившиеся развивать танковую доктрину, несмотря на подходящую для бронетехники местность тех регионов, где традиционно находила применение армия. Проведенные дважды или трижды приближенные к реальным боевым действиям учения и войны на Синайском полуострове в 1956 г. привели к пересмотру концепции и позволили энтузиастам танкового дела доказать необходимость перераспределения приоритетов в области укомплектования частей и выделения им средств на пополнение материальной части. Премьер-министр Давид Бен-Гурион принял решение в пользу танкистов.

После того как в 1955 г. египетская армия с ее «микстурой» из «Шерманов» и всевозможных британских бронемашин получила дополнительное влияние в виде поставленных из СССР через Чехословакию 230 Т-34/85 и 100 СУ-100, израильтяне уговорили Францию выделить им еще 100 «Шерманов» и около 100 AMX-13, вооруженных немецкими 75-мм пушками L70 легких танков. Таким образом, когда Израиль перешел в наступление на Египет 29 октября 1956 г., танки, которые выставили стороны на поле боя, были в основном представлены образцами бронетехники, принимавшими участие во Второй мировой войне и уступавшими последним «Центурионам», которые британцы высадили с моря в Порт-Саиде 6 ноября.

Израильтянам понадобилось двое суток на разгром египетской обороны в районе Кусеймы на восточной окраине Синая и на то, чтобы пок-

рыть следующие 150 км к стратегически важному перевалу Митла, перерезав вражеские линии коммуникации. Кусейма давалась наступающим сравнительно легко за счет осуществленного в стиле блицкрига броска 7-й бронетанковой бригады полковника Бен-Ари. Ожесточенные бои танков против танков и противотанковых пушек полыхали у опорных пунктов Ум-Катеф и Бир-Шихан. Израильтяне, стремясь минимизировать потери, обычно оставляли позади неготового быстро сложить оружие противника, избегая кровопролитных иштурмовок, предпочитая входить в тыл вражеских расположений и идти вперед к поставленным целям, нигде не задерживаясь. За довольно короткое время израильтяне сломали непритязательное сопротивление и в течение двадцати восьми часов соединились с ирашкитистами, выброшенными у перевала Митла в момент старта кампании. Не более чем через три дня после начала операции египетская оборона в центре Синая начала необратимо рушиться, противник откатывался к Суэцкому каналу, что позволило наступающим к 5 ноября овладеть всем Синайским полуостровом до того, как долго расканивавшиеся англо-французские командиры осуществили высадку в Порт-Саиде.

Реакцию египетских танкистов на израильские броски следовало бы назвать сдержанной. Танковые соединения откровенно избегали столкновений с противником, а приданная пехотным частям бронетехника обычно действовала неподвижно в обороне, часто вкопанная в землю по башни. Как правило, танки и САУ уничтожались там, где стояли. Во всяком случае гораздо чаще, чем те, которые в отчаянной ситуации снимались с места и, выезжая на открытое пространство, становились добычей бойко маневрировавших израильских танков, самоходных орудий или — что даже чаще — самолетов. Когда египтяне перешли во всеобщее отступление на северном побережном направлении от Эль-Ариша к Эль-Кантаре, грузовики снабжения и бронетехника сделались легкими мишенями для атакующих. С крушением организованной обороны начался разгром. Что самое удивительное — египетская бронетанковая бригада, получившая приказ атаковать десантников у перевала Митла, так и не появилась у их позиций. Израильские потери в танках можно считать минимальными, особенно учитывая тот факт, что многие машины подлежали ремонту и восстановлению. Кампанию никак нельзя назвать кровопролитной для Израиля, достаточно сказать только, что число убитых составляло около 150 человек. Победителям досталось около 55 египетских полевых пушек, 110 противотанковых орудий, 125 танков и 60 бронетранспортеров вместе с безнадежно устаревшими британскими транспортерами «Брен».

Есть все основания считать последствия кампании 1956 г. поистине судьбоносными для израильских бронетанковых войск. В 1959 г. они приобрели у Британии «Центурионы» с 105-мм пушками, а

в ноябре 1966 г. (точнее в 1964 г. – *Прим. ред.*) применили их против двух немецких PzKpfw IV, поставленных в глубокие танковые окопы с целью оказания поддержки операциям сирийских рейдеров в Нухейле. Открыл огонь примерно с 1500 м и выпустил за полтора часа боевой работы 89 снарядов, израильтяне сумели поднять тучи пыли и дыма, но ухитрились не попасть ни в один из PzKpfw IV, которые отстреливались с той же эффективностью. С тех пор израильтяне под началом назначенного командующим танковыми войсками генерала Исраэля Талья сосредоточились на укреплении дисциплины, совершенствовании мастерства и отработке приемов стрельбы.

ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА

Подготовка сценария первого противостояния современной советской бронетехники, с одной стороны, и танков британских и американских поставщиков, с другой, началась в мае 1967 г., когда египтяне принялись накапливать войска на Синайском полуострове, тогда как сирийцы и иорданцы тоже выказывали признаки оживления деятельности в направлении наращивания сил с целью поддержать Египет в предстоящей агрессии против Израиля. Численность египетского танкового парка выросла примерно до 1000 единиц, включая 60 ИС-3, 450 Т-54 и Т-55 и 30 «Центурионов». Иорданцы располагали примерно 50 «Центурионами» и 150 легкобронированными танками «Чарджер», вооруженными – как те, так и другие – 83,4-мм пушками. Против этих сил арабского противника, дополненных еще примерно 400 сирийскими танками (из них 150 Т-54), израильтяне располагали приблизительно 1000 танков, треть из которых приходилась на «Центурионы», еще треть на М48, а оставшаяся на «Шерманы» и AMX13. Баланс сил, таким образом, нельзя назвать безнадежно смещенным в пользу арабов, тогда как качество израильских танков и выучка личного состава позволяют считать расклад более чем благоприятным для Израиля.

Сухопутная армия дружно ударила по египетским войскам на оборонительных позициях вдоль границы от Сектора Газа до Кусеймы. Египетская сторона следовала современной советской доктрине, продиктованной так называемыми советниками. Передовые эшелоны состояли из обороняемых пехотой опорных пунктов, усиленных статичными ИС-3, Т-34 и СУ-100 и пользовавшихся всецелой поддержкой артиллерии, в тылу находились подвижные силы, широко представленные Т-54 и Т-55 и предназначенные либо для того, чтобы купировать возможный вражеский прорыв, либо чтобы развивать успех в случае удачного хода событий в процессе вторжения в Израиль.

На суше израильтяне избрали оборонительную тактику против Иордании и Сирии, тогда как 5 июня нанесли неожиданный удар по Египту

стремительными бросками на трех направлениях. Слева дивизия генерал-майора Ариэля Шарона нацеливалась на Кусейму и Абу-Агейлу; в центре дивизия Авраама Йоффе наступала на Бир-Лафан, откуда она смогла бы взаимодействовать либо с Шароном на южном фланге, либо с дивизией Талья на правом, или северном, поскольку последняя продвигалась дорогой вдоль побережья Средиземного моря к Эль-Аришу. Каждой из дивизий удалось значительно продвинуться, оказывая непрямую поддержку другой.

БИТВА ЗА ПЕРЕВАЛ ЭЛЬ-ДЖЕРАДИ

Город Рафах служил первой целью Талья, которую атакующие взяли в первое же утро в ходе ожесточенных танковых атак и фланговых обходов силами пехоты и танковых частей. Одновременно Таль ударил в направлении Эль-Ариша, посылая на прорыв авангард из 17 «Центурионов» и двух М48 из состава 7-й бронетанковой бригады полковника Шмуэля Гонена. Держась шоссе (и таким образом избегая минных полей по обеим его сторонам), атакующие с налета обрушились на сильно укрепленные позиции противника в Эль-Джереди, обходя крупные силы временно деморализованных египтян из 7-й дивизии. Однако египтяне быстро привели в себя и вновь заняли бетонные «редуты» Джеради силами пехоты, артиллерии и ИС-3, уничтожить которые не потрудились атакующие. Таким образом, дорога на Эль-Ариш оказалась блокирована, а израильские танки, у которых уже заканчивались горючее и боеприпасы, очутились перед угрозой уничтожения в том случае, если бы они в кратчайшие сроки не получили снабжения и подкреплений. Оценив обстановку, Таль понял, что не может ждать до ночи, чтобы развернуть атаку объединенными усилиями. Он приказал Гонену атаковать с ходу. Тот взялся за дело с присущей ему энергией. Если бы сержант Шукаль, командир разведывательного дозора, состоявшего из джипа и полутусенечной бронемашинки, не успел остановить Гонена прежде, чем полковник выехал к перевалу в пределах полной видимости для противника, командовать израильтянами в развернувшейся там затем бою пришлось бы кому-нибудь другому.

Шукалю повезло, когда обороняющиеся стерли с лица земли его маленький отряд, он сумел без единой царапины вернуться назад и успеть предупредить Гонена, чтобы и тот не попал в засаду. Гонен попросил Талья все же придерживаться изначального плана штурма силами двух бригад. Между тем, зная об отчаянном положении маленького танкового отряда, отрезанного под Эль-Аришем, Таль повторил приказ Гонену перейти в атаку немедленно силами единственного батальона М48, осознавая, что тому придется действовать практически без поддержки, поскольку остальные части будут подтягиваться по одиночке после того, как завершат овладение Рафахом.

ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА, ИЮНЬ 1967 г.

БРОСОК И ПРОРЫВ НА ПЕРЕВАЛЕ ДЖЕРАДИ

Развернутый израильскими штурм перепада Джеради стал полной неожиданностью для египетской обороны, однако после достигнутого головным отрядом бронетехники прорыва египтяне пришли в себя. В результате их противодействия техника крохотного дозорного отряда сержанта Шувала превратилась в обломки и осталась дотрывать на обочине дороги, а рядом с ней заняли место М48 из танкового батальона майора Элада. Он попытался принять в сторону, где преградой служили в основном не мины, а глубокий песок. М48 справа пострадал от мины, а те, что слева, — от орудийного огня ИС-3 и противотанковых пушек.

Элад, чувствуя себя обязанным достигнуть цели, лично принял руководство боем и попытка обойти заслоны через дюны, хотя еще легче. На панораме мы видим М48 Элада разворачивающимся под вражеским огнем. Не желая прозвонить на столь открытой и невыгодной позиции, Элад, не дожидаясь, пока можно будет организовать полную огневую поддержку прорыву, выкатывал самоубийственный бросок. Комбат решительно преодолел подъем и вывел танк на склон, где мгновенно позже в буквальном смысле лишился головы.

Офицер по оперативным вопросам, лейтенант Амирам Минца, не сумев связаться по ради с заместителем Элада, чтобы тот принял командование, тотчас же отменил атаку и приказал танкам разворачиваться. Тем временем заместитель погибшего комбата полностью поглотили события боя у дороги, а потому лейтенанту пришлось спешить к самому Гоницу, которого он нашел на обочине шоссе, откуда Гониц, импровизируя в пожарном порядке, пытался скоординировать действия атакующих.

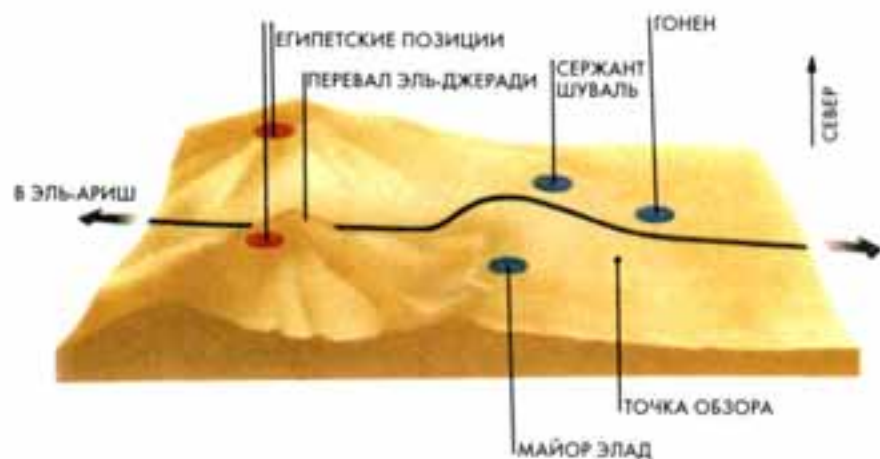
Положение батальона вполне заслуживает определения очень рискованного и незавидного. Несколько М48 полностью вышли из строя, остальные получили те или иные повреждения. Для второй попытки, поддержку которой осуществляли тяжелые минометы и орудия все еще способных стрелять танков батальона, осталась только третья рота лейтенанта Эйи-Гило, который помчался на врага со скоростью 40 км/ч по незаминированной дороге, стреляя во всех направлениях. Эйи-Гило удалось достигнуть перевала, что называется, почти без царапинки, поскольку египетские орудийные расчеты оказались неспособны попасть в столь быстро двигавшиеся цели и, видя это, стали один за другим бросать пушки, разбегався кто куда. Заместитель Элада наконец получил известие о смерти комбата и принял батальон, приказав Эйи-Гило уничтожить обходившие им с фланга ИС-3 на склоне позади него. Наводчики ИС-3

с их медленно вращающимися башнями оказались неспособны идти на принцип скоростные М48, и вот египетские танки стали один за другим вспыхивать или взрываться, получая удары в сравнительно тонкие борта с малой дистанции.

Отрезанному отряду израильтян грозила немедленная разгром и уничтожение, если бы Тонен не вмешался и не приказал заместителю Элада продолжать продвижение и подать помощь «Центурионам» у Эль-Ариша. Эль-Ариша наступающие достигли, однако перевал за их спиной остался в руках противника, что могло бы привести к печальным последствиям для оторвавшихся от своих израильтян, если бы не четвертый штурм силами пехоты с наступлением темноты, которая за четыре часа ожесточенного боя окончательно сломала сопротивление египтян.

[См. продолжение далее.]

БРОСОК И ПРОРЫВ НА ПЕРЕВАЛЕ ДЖЕРАДИ

(продолжение)

Как бы смело и решительно ни действовали израильтяне в наступлении и как бы стойко ни противостоял им египетский контингент в обороне, нельзя сказать, чтобы та или другая сторона заслужила особых похвал за свое поведение в описанном выше эпизоде. Трудно приписать с двумя случаями упущенной израильтянами возможности уничтожить противника, коль скоро они сумели выйти во фланг и в тыл весьма и весьма прочным вражеским позициям. Равно непростительно упущение египетских защитников перевала, так и не переторгованных дорожными минными заграждениями после того, как неприятель воспользовался ею на начальном этапе, а также не пожелавших контратаковать и покончить с отрядом «Центурионов» под Эль-Аришем и затем усилить оборону на перевале. Однако необходимо вместе с тем отдать должное израильтянам, которые, несмотря на их безрассудство, всегда стремились извлечь максимальную выгоду из огневой мощи, броневой защиты и подвижности бронетехники, чему египтяне редко могли противопоставить что-нибудь существенное.

ИСРАЭЛЬ ТАЛЬ

ИСРАЭЛЬ ТАЛЬ РОДИЛСЯ В 1924 г., а в 1941 г. поступил в британскую армию, где дослужился до инструктора по стрельбе, а чине сержанта в составе Еврейской бригады принимал участие в боях в Италии. Окончив философский факультет и защитив диссертацию, Таль пошел служить в Армию обороны Израиля и принял участие в вооруженной борьбе за выживание и сохранение независимости страны. Находясь на кадровой службе в армии, он снискал себе репутацию строгого поборника дисциплины, специалиста в области применения пулеметов и подрывного дела и талантливого изобретателя, а также ставался ярким поборником идеи создания танков и высококачественных пушек в деле обороны Израиля. Изучение боевой техники прошлого привело Таль к убеждению, что будущее есть у танка, который не только способен выжить в бою, но и способен нанести поражение.

Инцидент убедил Таль, что танки будут неспособны показать себя полностью, если только не улучшить технику стрельбы и дисциплину. Как только бронетанковые войска, он в 1964 г. приступил к созданию порядка и дисциплины в танковом составе всей важности внедрения четких огневых принципов, позволяющих значительно повысить ценность таких машин, как «Центурион» и M48 «Паттон», за приобретение которых в 1965 г. также стоял Таль. По крайней мере, в одном из порочивших инцидентов генерал Таль выступал как наблюдатель, показав истинное мастерство артиллериста и заложив себе на счет несколько удачных попаданий. Великий час пробил для Таль 5 июня 1967 г. Как командир дивизии, осуществлявшей ряд впечатляющих прорывов на северном направлении вдоль шоссе, связывающего Газу и Эль-Ариш, он привнес свое соединение к полной победе, имея все основания гордиться высоким уровнем огневой подготовки и качеством применения боевой тех-

ники личным составом частей, комплектуемых главным образом из резервистов. Позднее он принимал роль управляющего противотанкового оружия, не сумев развить в ракетно-серийной угрозы танковым войскам Израиля, а также выступая против строительства фортифика-

ционных оборонительных сооружений вдоль Суэцкого канала. Как он утверждал, пушка всегда окажется предпочтительнее ракеты, а неподвижная оборона — верный путь к поражению. Хотя в последнем он и оказался прав, беззастенчивость и презрение, с которым он относился к противотанковым управляемым ракетам и реактивным снарядам, а также слишком слепая вера во всемогущество танка во многом привели к поражению израильтян на начальном этапе боев на западе Синаи во время войны 1973 г. После войны Судного дня (Июн-Кипур) 1973 г., в ходе которой Таль служил в должности заместителя начальника Генштаба, он сделался советником министра обороны Израиля по вопросам развития и организации и сыграл ведущую роль в разработке и строительстве первого отечественного — и конструктивно весьма примитивного танка, названного «Меркава» (Бука, «Колесница», — Прим. пер.).

ЛИХОЕ БЕСЧИНСТВО ИЗРАИЛЬЯН

События развились так быстро и носили столь катастрофический характер для египтян, что они не смогли вовремя ввести в действие танковые боевые группы для исправления положения на границе. Потому 6 июня и в последующие дни танки арабов попадали в переделку либо на марше к передовой для развертывания контратаки, либо в процессе попыток спастись бегством. По всему фронту дивизии Шарона, Йоффе и Тали наступали и бесповоротно уничтожали египетские танковые части. Действия танкистов Тали под Бир-Лафаном, пользовавшихся интенсивной поддержкой артиллерии в ходе штурма укрепленного района противника, можно назвать просто великолепными: предельно метким и смертоносным огнем танков и орудий наступающие вытеснили уцелевшего врага прямо на направление наступления танков Йоффе южнее. Шабтай Тевет (автор книги «Танки Таммуза» о танковых войсках Израиля и о Шестидневной войне, которую широко использует в этом разделе автор данной работы. – Прим. пер.) описывает момент встречи так:

«РОТЫ НАСТУПАЛИ раздельно, один за одним, машина за машиной, наводчики пользовались подаренным им редким спокойствием и тщательно прицеливались».

Наступил час, когда израильские танкисты получили воздаяние за многие нелегкие дни упрямлений по упрощающим прицеливание методам, когда оказалась уверенность танковых экипажей в машинах и в их вооружении.

Израильяне бесчинствовали во вражеских тыловых районах, громя противника как им заблагорассудится и бесповоротно уничтожая службы его тылового обеспечения. Йоффе и Шарон рвались к перевалу Митла, чтобы скоро стать свидетелями полного коллапса неприятельской обороны и упадка боевого духа врага. Египетские колонны снабжения пылали в огне, подожженные нещадно атаковавшими их ВВС. Система руководства частями у египтян переставала функционировать, командование утрачивало контроль над войсками. На подступах к перевалу ночью 6 июня рота израильских танков перемешалась в темноте с танковым батальоном египтян, причем последние не осознали случившегося. Израильяне же быстро поняли, что происходит, и продолжали следовать в колонне до тех пор, пока командир не отдал приказа принять в сторону, включить прожекторы и осыпать недвинувших спутников градом снарядов и выстрелов с короткой дистанции, что привело к уничтожению целой египетской части. Конечно же, у израильян тоже назрела проблема тылового обеспечения — на снабженцев стало часто невозможно полагаться. Несколько израсходовавших горячее танков пришлось на буксирях тащить к огненным позициям на перевале Митла, и порой машины сохраняли подвижность только благодаря перекачке топлива из брошенной врагом техники. Размеры материальной части, оставляемой бегущим врагом, не могут не поражать. Около

Нахля бойцы дивизии Шарона нашли египетскую 125-ю бронетанковую бригаду, в превосходном порядке выстроившуюся по обочинам дороги, при этом экипажи покидали машины и бежали кто куда, даже не попытавшись уничтожить танки, поскольку не получали соответствующего приказа, как потом объяснил взятый в плен командир. Спустя несколько часов, Шарон догнал остатки 6-й дивизии, в которую и входила упомянутая выше бригада, записав себе на счет еще 60 танков, 100 орудий и 300 единиц прочей техники.

Подобное происходило не везде и не всегда. То тут, то там египтяне сражались отважно, однако распад армии зашел слишком далеко, чтобы что-то могло спасти войска Египта на Синае. Когда 8-го числа израильские части достигли канала и развернулись по его берегам, стали очевидными масштабы одной из величайших из известных истории побед в танковых сражениях. Около 800 египетских танков, сотни орудий и еще 10 000 единиц техники, что составляло до 80 процентов материальной части египетской армии, достались израильянам, заплатившим за крупнейший успех уроном в 1300 человек (в том числе всего лишь 300 убитых). Потери же египетских войск, по разным оценкам, составили от 10 до 15 тысяч человек.

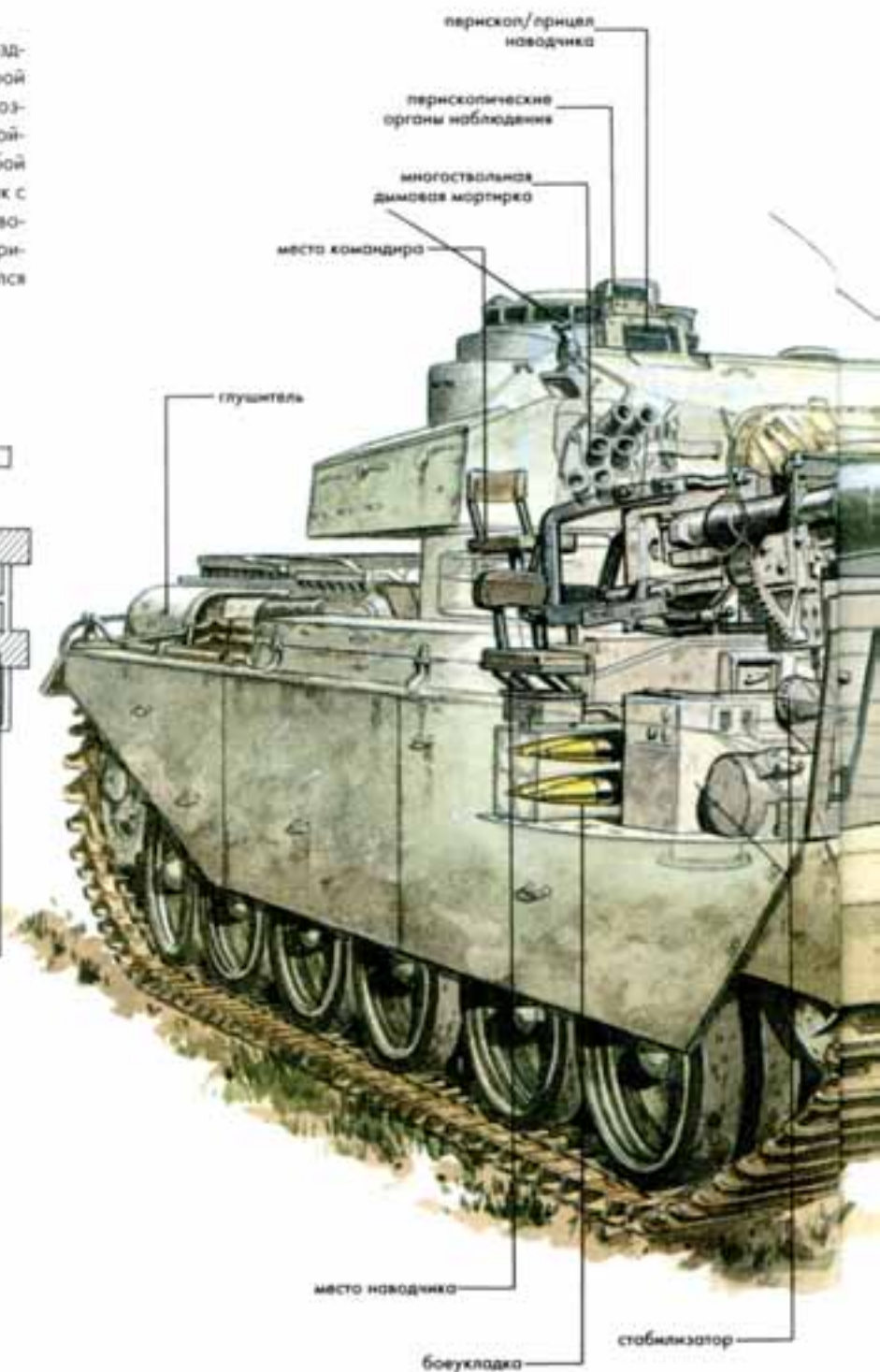
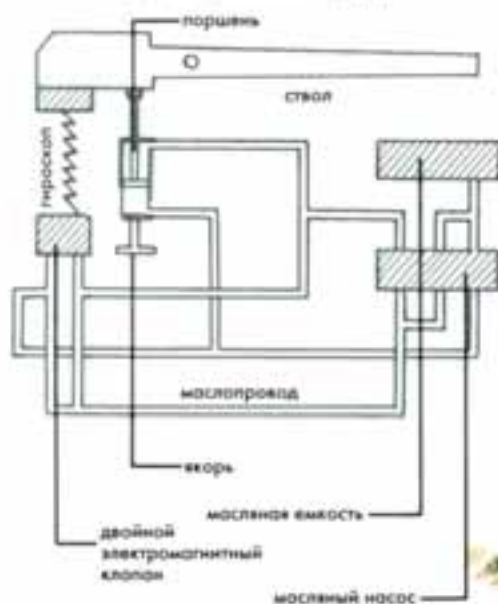
Иорданская армия понесла столь же убедительное поражение, правда с меньшими по масштабам потерями. В то время как в ожесточенных боях за Иерусалим принимал участие преимущественно пехота и десантники, основное столкновение бронетехники протекало в Самарии, где 5 июня две бригады израильских «Супер-Шерманов» схлестнулись с почти равными им по численности группами вражеских «Центурионов» и «Чарентиров». Здесь израильянам пришлось столкнуться с достойным противником: в начале боевого соприкосновения иорданцы на маневре сумели окружить атакующие «Шерманы», встречая каждый удар израильян поблиз Дженина и Кабатин с непоколебимой стойкостью. Однако постоянный напор израильских танкистов и вмешательство никем не тревожимой в небе военной авиации Израиля позволили сломить сопротивление на позициях арабов, 105-мм пушкам «Шерманов» оказались вполне по зубам даже «Центурионы», которые и уничтожались на дистанции обычно не свыше 1000 м. Однако только прорыв израильян в районе транспортного центра Наблус, выход в тыл иорданцам и захват всех мостов через реку Иордан смогли принести быструю и решительную победу наступающим 6 июня. Крушение иорданской обороны 7-го числа с потерей почти всех танков стало неизбежным.

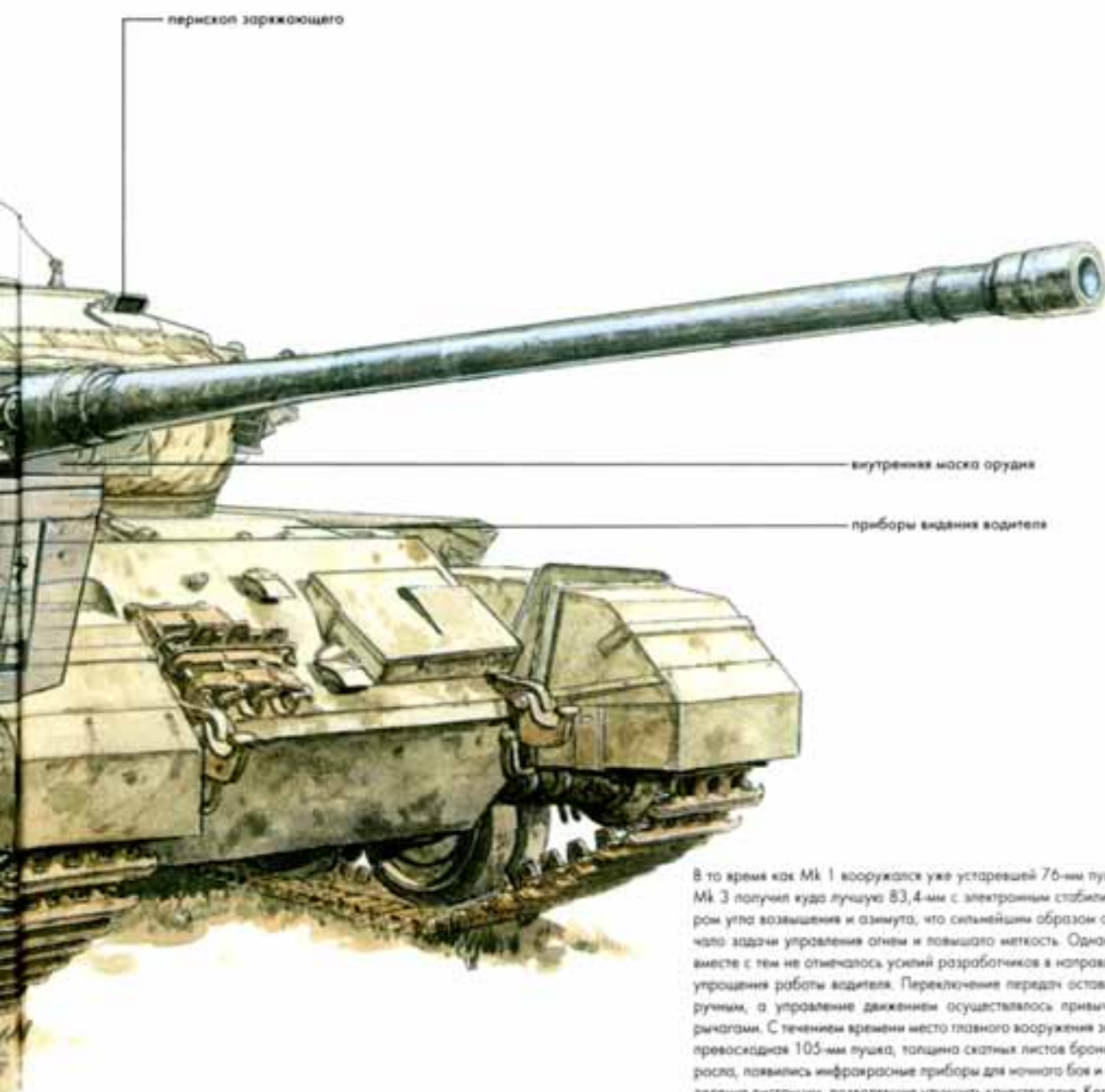
Падение Иерусалима 7-го и вывод уцелевших иорданских частей развязали Израилью руки для штурма Голанских высот 9 июня, где с самого начала вспыхнул военных действий 5-го числа сирийцы проявляли примечательную осторожность. Действуя против окончившегося на укрепленных высотах противника, израильянам

«ЦЕНТУРИОН-3»

«ЦЕНТУРИОН» МК I появился слишком поздно, чтобы успеть принять участие во Второй мировой войне, однако именно он, наконец, позволил британским танкостроителям занять достойное их призовое место. Представлявший собой прорыв в британских танковых технологиях, танк с наклонной броней и значительно усовершенствованной по форме башней имел и еще одно привлекательное свойство — вполне легко поддавался дальнейшей модернизации.

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ
УСПОКОИТЕЛЯ КАЧКИ ОРУДИЯ

В то время как Mk 1 вооружался уже устаревшей 76-мм пушкой, Mk 3 получил куда лучшую 83,4-мм с электронным стабилизатором угла возвышения и азимута, что сильнее всего образом облегчало задачи управления огнем и повышало меткость. Однако же вместе с тем не отменялось усердие разработчиков в направлении упрощения работы водителя. Переключение передач оставалось ручным, а управление движением осуществлялось привычными рычагами. С течением времени место главного вооружения заняла превосходная 105-мм пушка, толщина скатных листов брони возросла, появились инфракрасные приборы для ночного боя и определения дистанции, позволявшие улучшить качество огня. Когда же в 60-е годы «Центурионы» стали сниматься с вооружения в Британии, другие страны — прежде всего Израиль — поспешили приобрести перспективную, на их взгляд, бронетехнику, которую в свой черед усовершенствовали, в частности заменив трансмиссию на более мощную и надежную, чем стояла на оригинальных танках.

Вес: 49 тонн

Скорость: 34 км/ч

Лобовое бронирование: 152 мм (наклонное)

Вооружение: 1 пушка 83,4-мм, 1 пулемет

приходилось полагаться на хорошо скоординированные силы пехотных и танковых частей. Как некогда давным-давно под Камбре, наступающие пробивали бреши в передовых заслонах сирийцев, в которые и устремилась бронетехника. Темпы вражеского продвижения (чему особенно способствовала перебрасывавшаяся на вертолетах пехота), да еще в условиях такой трудной местности покалебали волю сирийских защитников к победе. Пехота их дрогнула, танковые экипажи принялись бросать машины, а танковые резервы в основном предпочли поискать спокойных мест где-нибудь вдали от Голанских высот. Баланс во всех сошедших танк против танка, протескавших в ходе этого краткосрочного сражения, неизменно сводился в пользу лучше подготовленных и более опытных израильтян.

ИНДИЯ ПРОТИВ ПАКИСТАНА

Танковые поединки в Пенджабе в 1965 г. велись между М47 Пакистана и «Центурионами» и AMX-13 Индии и представляют интерес для Запада прежде всего тем, что в них танки американской постройки состязались с бронетехникой, выпущенной в Британии и во Франции. Более того, события разыгрались на местности, где обе стороны предпринимали попытки глубоких прорывов и активного маневрирования. Однако в итоге все противостояние вылилось в серию кровопролитных лобовых столкновений, в которых индийцы с их упрощенной техникой управления огнем и 83,4-мм пушками валили верх над пакистанцами, баллистические компьютеры

которых, оперируемые вручную, оказались слишком медлительными.

Распознаваемое всего лишь как пограничный — пусть и весьма дорогостоящий в смысле ущерба — инцидент, случившееся опровергло теории некоторых командиров в индийской армии, показав, что хорошо бронированный танк сохраняет значение как ценное противотанковое оружие. AMX-13 с 40-мм бронированием показал себя как безнадежно уязвимый, а М47 со 110-мм — как недостаточно защищенный по сравнению с «Центурионом» с его 152-мм броней.

ЭКЗОТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОГНЕМ

В 60-е годы на танкостроителей начали оказывать серьезное влияние последние технологические новинки, особенно в части того, что касалось электроники. Появление транзистора в 50-е и последовавшая затем разработка микропроцессора не только сделала реальностью куда более надежные и удобные в обращении средства коммуникации, но позволила в 60-е разработать электронные усилители изображения в ночное время (обеспечивавшие экипажам возможность видеть в темноте при общем свете и без необходимости использования источника активной подсветки) и снабдить танки миниатюрными компьютерами. Изобретение лазера в 1958 г. стало залогом обеспечения невиданной и неслыханной прежде точности определения дистанции до цели. В сумме все эти и другие новшества на исходе 70-х годов сделали реальным создание приборов, позволявших за-

Русские Т-54 и -55, захваченные целыми сотнями у армий арабских стран и впоследствии поставленные на службу Израилю.

сечь цель и вести прицельный огонь по врагу ночью, в дыму и в тумане, при этом оставаясь незамеченным, кроме того, точно устанавливать дистанцию до объекта и вычислять и вносить поправки на погодные условия и отклонения от нормального состояния у пушки. Электронная резолуция подарила наводчикам устройства, которые с одного нажатия кнопки предоставляли людям вид излучения в перекрестии прицела, оставляя им нетрудную задачу навести его на центр объекта с почти полной гарантией поражения цели первым же выстрелом на дистанции 3000 м и выше.

Одновременно произошли революционные перемены в артиллерийском деле, касавшиеся повышения точности огня орудий и качества боеприпасов с такой высокой скоростью полета, что некоторые стали невольно задаваться вопросом в отношении целесообразности применения ПТУРов даже на больших расстояниях. Скептицизм подобного рода получил дополнительное влияние вследствие разработок британцами в 50–60-х гг. так называемого композитного — комбинированного или сложенного — бронирования, в котором стальной сплав призван был выдерживать кинетическую энергию выстрела, а другие материалы — керамика, пластик и стекловолокно — брать на себя поглощение и химической реакции, происходящей при столкновении с броней кумулятивной боеголовки. Калибр последних для гарантированного поражения композитной брони приходилось значительно увеличивать, доводя до 150 мм и более, эффективность же повышать за счет усовершенствования формы конуса, направлявшего струю газа. Однако подозрения в отношении способности кумулятивных гранат эффективно поражать цели бронели стали сомнениями на ПТУРы как таковые, что и будет разъяснено позднее.

Однако очень немногое из упомянутых здесь выше новых изобретений нашло применение во время двух наиболее крупных военных кампаний конца 60-х — начала 70-х годов XX века, несмотря на то что в ходе обеих танки находили самое широкое применение.

ВОЙНА ВО ВЬЕТНАМЕ

Танки играли лишь незначительную роль в противоборстве, разгоревшемся с 1946 г. между французскими колониальными войсками и сторонниками вьетнамского самоопределения и закончившемся поражением США и поддерживавших их австралийских и южновьетнамских войск. В войне во Вьетнаме доминировали пехотные части и артиллерия, танки же поначалу выполняли лишь весьма ограниченные задачи, поскольку вьетнамцы практически не располагали бронетехникой, а их противник считал местность, идеально подходившую для ведения боевых действий в партизанском духе, мало пригодной для применения танков. Так продолжалось лишь до 1967 г., когда американские военные провели исследования и установили, что танки

вообще могут использоваться на 61 проценте территории страны в сухое время года и на 46 процентах в сезон дождей, тогда как бронетранспортерам доступны 66 процентов Вьетнама, причем круглый год. После этого открытия Южный Вьетнам быстро нарастил свой бронетанковый контингент, которому его противник, однако, по-прежнему мало что мог противопоставить. В результате танки стали почти постоянно задействоваться при поддержке пехоты, а источником главной опасности для них служили мины и пехотное противотанковое оружие, включая управляемое (ПТУР). Итак, бронетехника была признана весьма целесообразным средством на полях сражений, где правили бал вертолеты.

Отмечалось только одно столкновение между северовьетнамскими и американскими танкистами — стычка под Бен-Хет ночью 3 марта 1969 г., когда два легких танка ПТ-76 русской постройки из 202-го танкового полка оказались замеченными на дистанции примерно в 1000 метров М48 1-го батальона 69-го бронетанкового полка. Инфракрасные прожекторы ослепили из-за густой дымки, как обнаружил это специалист (воинское звание равное званию младшего сержанта. — Прим. авт.) Фрэнк Хембри:

«Я МОГ НАВОДИТЬ ТОЛЬКО по телевизору его выстрел, однако мне не приходилось ждать лучшей возможности, поскольку вражеские снаряды стали падать все ближе от нас».

Вторым выстрелом Хембри поджег защищенный лишь тонкой броней ПТ-76, сделав это как раз перед тем, как снаряд второго ПТ-76, заметившего противника в свете осветительной ракеты, попал в М48. В следующий момент и этот ПТ-76 вспыхнул, поскольку свет от пожара второго горящего северовьетнамского танка помог американцам прицелиться. Только в 1971 г. северные вьетнамцы в очередной раз попытались счастья с танками. До тех же пор они довольно успешно применяли противотанковые ракеты, пока американцы не нашли противоядия, начав

Французский AMX-13 с 75-мм пушкой (с автоматическим заряжанием) — той же, что в свое время и у «Пантер», — отличался, однако, слишком тонким бронированием (40-мм), что делало его особенно уязвимым в ближнем бою.

T-54 (на заднем плане) и T-55 идут в бой во взаимодействии с пехотой. Солдат на переднем плане сжимает в руках гранатомет РПГ-7, противотанковый кумулятивный снаряд которого позволял эффективно поражать цели на малой дистанции и имел, таким образом, значительную тактическую важность. Как и его предки — баззук и панцерфусты, — РПГ-7 служил действенным противотанковым оружием пехоты, что заставляло танковых командиров прибегать к осторожности и действовать, как правило, во взаимодействии с пехотным сопровождением, помогавшим избежать засад. Внедрение современной композитной брони, однако, заметно подорвало значение подобного оружия со сравнительно небольшими боеголовками.

обстреливать возможные позиции пусковых установок беслым огнем, чтобы *отвлечь* внимание операторов. Когда же северовьетнамская бронетехника, в том числе T-54 русской постройки, действительно дебютировала в массе силами 100 машин под Ан-Локом в апреле 1972 г., южновьетнамская оборона строилась на артиллерии, пехотных гранатометах, а также на противотанковых ракетных комплексах и ракетах, которыми стреляли с вертолетов. За полтора месяца боев коммунисты недосчитались 80 танков.

Тем временем после вывода американцами войск расклад сил поменялся. Скорому коллапсу Южного Вьетнама в 1975 г. способствовали и задействованные противником 1000 единиц бронетехники, которые быстро разделялись с деморализованными южновьетнамскими экипажами, хотя о боях этих и довольно мало известно. Достаточно сказать, что коммунисты уничтожили или захватили свыше 600 танков американской постройки, а столкновения танков с танками должны были носить лишь фрагментарный характер на фоне быстрого и полного разгрома, учиненного северными с их бронетехникой противнику на юге.

ВОЙНА СУДНОГО ДНЯ, ИЛИ ЙОМ-КИПУР

Отличие предыдущих агрессивных попыток арабов уничтожить Израиль от войны, начавшейся в так называемый Судный день (день покаяния) 6 октября 1973 г., заключалось во внезапности нападения и в координированных действиях врагов израильтян. Наступление в священный для верующих евреев день не только застало вражес-

ких вооруженные силы страны, но и позволило египтянам с сирийцами нанести мощный удар одновременно, не давая израильской армии сосредоточиться на разгроме кого-то одного, как случалось прежде. Более того, как на северном, так и на южном фронте, сирийцы — в первом случае — и египтяне — во втором — применяли весьма подходящую к местности тактику и демонстрировали знание вражеской обороны, делая упор на применении бронетехники.

На севере сирийцы, имея 1500 танков и готовые на все ради захвата Илланских высот, сумели довольно легко достигнуть решения первых задач. Однако затем, несмотря на подавляющее численное превосходство в танках в пропорции 5:1 (а на некоторых участках до 12:1), наступающие не смогли захватить жизненно важных мостов через реку Йордан. От обладания мостами зависело поступление израильтянам подкреплений. Бой между разумно сбалансированными отрядами из танков и пехоты, действовавшими при поддержке артиллерии, напоминали многие другие «классические» лобовые столкновения в истории. Перед лицом хорошо подготовленных, хотя и прикрываемых незначительным количеством солдат вражеских позиций, сирийцам предстояло сначала пробить бреши в защитных рубежах противника, чтобы затем бросить в «окна» танковые бригады, действуя, так сказать, как по учебнику. Поступая в том же *промысловом* духе, 170 израильских танков — некоторые с закрытых позиций, а другие как подвижный резерв для контратак — сумели продержаться до тех пор, пока не начала подтягиваться помощь. Израильская тактика могла оправдать себя только за счет

M60

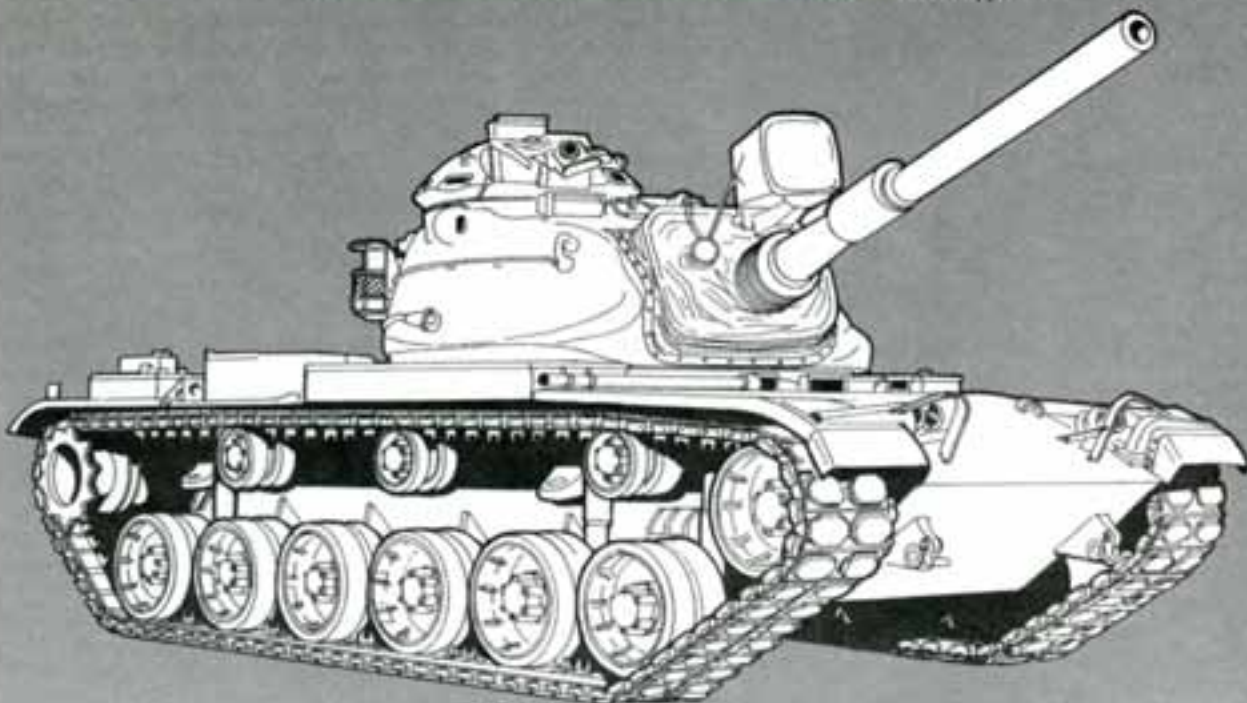
Американский M60 (первоначально M48A4), с представлением которого в 1962 г. США компенсировали незначительный недостаток огневой мощи из бронетехники за счет установки британской 105-мм пушки и дальнейшего усовершенствования конструкции башни. Машина строилась на базе M48 с его узкой подвеской, 865-сильным дизельным двигателем воздушного охлаждения и штурвала дорожки поступательному процессу модернизации, продолжавшемуся в 70-е годы, который выразился, например, в установке на M60A3 новейшего оборудования для ведения боя в ночных условиях, лазерного дальномера, улучшения ходовой части и электроники, а также во внедрении шарниров, позволяющих преодолевать водные преграды вброд.

M60A1 с 105-мм пушкой

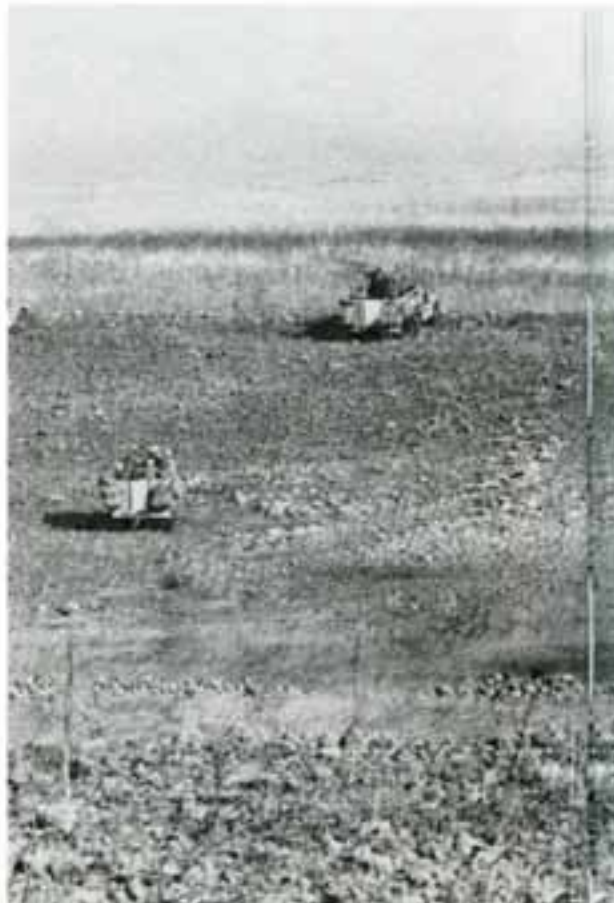
M60A2 с 152-мм пушкой, служивший в качестве пушечной установки ракеты «Шиллер». Комбинирован не оправдал надежд, поскольку ракета показала себя неадекватной по сравнению с 105-мм оружием.

очень высокой дисциплины огня, строжайшей экономии сил и отказа от отчаянных «кавалерийских» бросков. Противник их располагал отличным вооружением — помимо Т-54 и Т-55, сирийцы получили от русских Т-62 с установленными на них 115-мм пушками и инфракрасными приборами. Такого врага приходилось волей-неволей уважать.

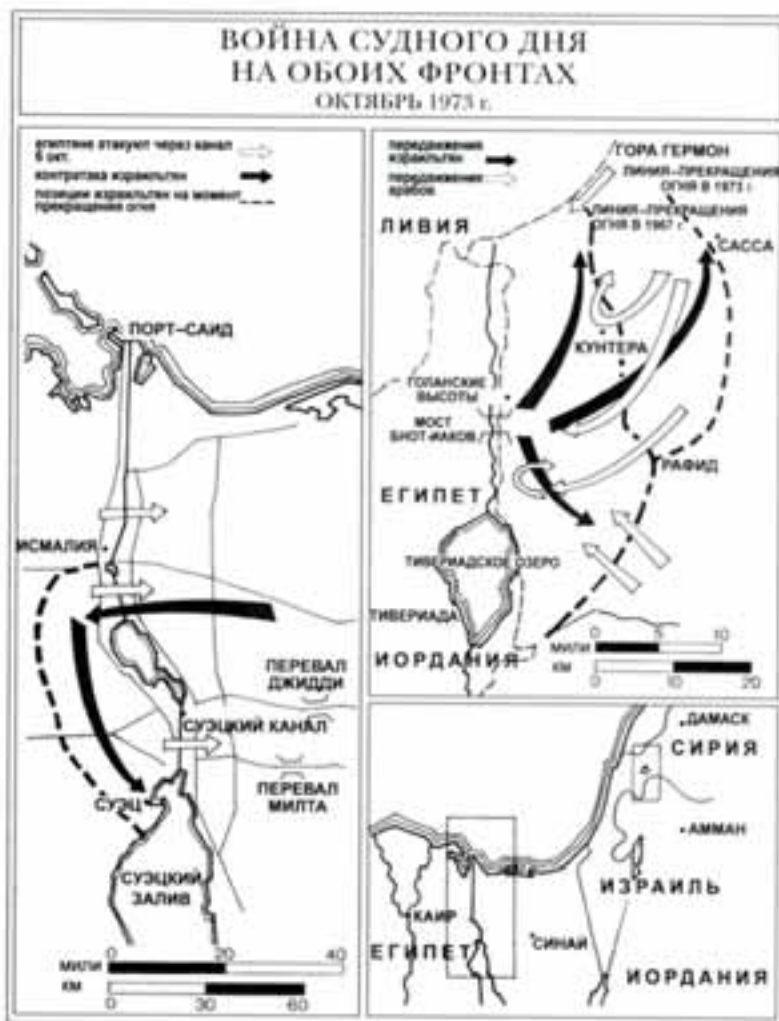
На начальном этапе израильтяне несли серьезные потери, отчасти оттого, что неприятель застиг их врасплох, а отчасти потому, что сирийцам удалось искусно применить во взаимодействии пехотные команды охотников за танками с ПТУрами и поддерживавшую их бронетехнику: в течение первых суток боев они практически полностью уничтожали оборону на границе. Однако, несмотря ни на какую внезапность нападения противника, израильтяне сумели один за другим ввести в бой свежие силы и решительно перекрыть сирийцам путь в километре-другом от жизненно важного моста Арна. Владение ключевыми позициями позволило повернуть прилив вспять. Израильтяне, превосходно знакомые с местностью и знавшие участки, которые позволяли лучшим образом уничтожать вражеские танки, действовали безошибочно. Остановленные отчаянными действиями противника, сирийские бронетанковые части очутились в опасных секторах, где стали легкой мишенью метких стрелков в «Центурионах» и «Супер-Шерманах», записавших за четверо суток кровопролитных и ожесточенных боев на свой счет около 500 вражеских машин. Вместо того, чтобы использовать первый успех пехотных танково-истребительных отрядов, сирийцы позволили неприятелю сжать свои танковые колонны в мощных бронетанковых клещах. Инфракрасные приборы для ночного боя не спасали арабов, поскольку израильтяне располагали инфракрасными приборами наблюдения, позволявшими отслеживать местонахождение врага, в то время как экипажи, измотанные боями и дневные часы, находились не в лучшем состоянии для продолжения сражения и ночью.

К 10 октября израильтянам удалось сместить баланс сил в свою пользу настолько, чтобы перейти в контрнаступление по всему фронту и выйти в тыл сирийцам. Они потянули врага вспять в беспорядке, уничтожая его с воздуха и огнем танков на суше, отражая любую местную контратаку и пресекая все попытки исправить положение. Когда иракские и иорданские танки численностью в 300 единиц повзбавили было 12 октября прийти на помощь Сирии атакой с фланга против израильских войск, развивавших натиск в направлении Дамаска, произошло кровавое побоище, наподобие тех, которые часто выпадали на долю союзников от рук немцев во время Второй мировой войны. За двое суток боев танк против танка, когда стычки происходили нередко на убийственных дистанциях в 200 или 300 м, обе стороны понесли тяжелые потери,

однако урон арабов был значительно большим. В итоге, когда троица израильских танков внезапно появилась у арабов на фланге, который казался им обеспеченным, иракцы обратились в бегство, оставив на поле боя около 60 горящих танков. Сальдо материальных потерь сторон не может не поразить: 1150 танков недосчитались арабы на этом фронте против 250 подбитых израильских машин, из которых 150 подлежали восстановлению.

На юге египетской армии вначале, когда она устремилась на штурм израильских оборонительных сооружений по Суэцкому каналу, сопутствовал куда больший успех. Зная, как устроены рубежи израильтян, каким образом обеспечивается безопасность на их опорных пунктах, египтяне уверенно распланировали собственные шаги. Отправив отряды пехоты на широком фронте с целью сбить с толку израильтян, арабы сумели задержать нанесение противником танкового контрудара достаточно надолго для того, чтобы закрепиться на восточном берегу, сосредоточив там крупные силы установок ПТУР и пехотных танково-истребительных групп, поддерживаемых бронетехникой. Израильтяне же уцепились за статичную оборону, которая свела их руки. Высокомерно брошенные в контратаку без поддержки пехоты и артиллерии танки по-

Вверху слева: Титановая боевая группа бронетехники для 1973 г. Пехота все еще передвигается на американских полугусеничных бронемашин образца 1943 г.
 Слева: «Центурнони» иорданской армии.

несли огромные потери: 100 из 200 машин остались на поле боя — урок, заплаченный за недавнюю новизну в прошлом. Сумев быстро навести мосты через канал, египтяне, располагавшие примерно 2200 танками, обеспечили себе возможность создания значительного численного превосходства над израильтянами, вынудив последних 9 октября отказаться от обороны укрепленной линии по Суэцу. Однако египтяне слишком медленно действовали в развитии достигнутого первоначального успеха, особенно если учесть тот факт, что им не только удалось ошеломить израильтян, но и то обстоятельство, что последним приходилось отвлекать немалые силы на борьбу на северном фронте.

Конечно, египтяне оказались перед лицом проблемы, хорошо знакомой по ранним противостояниям. Не сумев полностью уничтожить вражескую бронетехнику в самом начале, они столкнулись с подвижной обороной силами танков, которые компенсировали численное превосходство противника за счет выучки и огневой мощи. Более того, израильтяне быстро нашли средства для противодействия новым видам оружия из арсенала неприятеля, взяв на вооружение активную тактику нейтрализации противотанковых ракетных комплексов (ПТРК), вернув этим бывшей нес вооруженным высокоскоростными пушками танкам. Когда бы египтяне ни атаковали, они шли в бой нескоординированно, вводя части поодиночке. Неизбежно противник блокировал вполне предсказуемые маршруты их продвижения, что очень напоминало индо-пакистанский конфликт 1965 г. Горьким желанием познать лавры победителей и оказать максимальную поддержку ведущим упорные бои на севере союзникам, египтяне перебросили основные силы танков на восточный берег канала, оставив на западной стороне всего лишь 500 машин.

ЕГИПТЯНЕ НЕСУТ БОЛЬШИЕ ПОТЕРИ

Наступление египтян достигло кульминации 14 октября, когда они предприняли последнюю попытку добиться успеха, действуя шестью колоннами при поддержке артиллерии. Израильтяне уже поджидали их на скрытых позициях, позволив танкам приблизиться местами на расстояние до 100 м, прежде чем открыли огонь. Пятьдесят египетских танков было подбито на северном участке, следующие 93 (против трех израильских, уничтоженных ПТУРами) — в центре, где держала оборону дивизия Шарона. На юге, на пути к перевалам Джиди и Митла, египтяне оставили еще 90 танков, не считая множества другой бронетехники. Понадобилось всего 500 израильских М48, М60 и «Центурионов», чтобы добиться победы в течение лишь нескольких часов. Впоследствии среди египетских военных находились те, кто утверждал, что наступление развернулось по политическим мотивам, однако если бы атаку проводили как сконцентрирован-

ный удар всеми танковыми соединениями, победа вполне могла бы остаться за Египтом. Возможно! Но на тот момент начальник египетского Генштаба, генерал Саад Шаали, привел к следующему заключению:

«НЕЛЬЗЯ ОБЕСПЕЧИТЬ УСПЕХ атаки — неважно, какими силами она проводится, танками или мотехотой, — не подана предварительная вражеской ракетной противотанковой обороны».

Однако Шаали упускает из виду тот факт, что израильтяне по-прежнему не очень доверяли ракетам и продолжали основывать ударную мощь на танковых пушках и артиллерии. Как сбрасывает он со счетов и то обстоятельство, что противник довольно благоразумно строил оборону на идее минимизировать потери в ожидании переброски бронетехники с северного фронта. И еще он не мог не отдавать себе отчет в том, что последние русские Т-62, услужливо поставленные Египту из СССР, часто демонстрировали скверную склонность воспламениться, куда бы их ни поразили. Как бы там ни было, Саад Шаали хотел отослать бронетанковые дивизии в резерв на западный берег на случай, если израильтяне прорвутся к каналу и форсируют его. Однако руководство страны, движимое политическими соображениями, не позволило военным отступить.

И вот израильтяне отважились на дерзкий шаг, сопряженный с большим риском. 15 октября дивизия Шарона устремилась к выбранному для переправы участку с намерением пробить коридор в египетских порядках. Осуществляли задуманное, бойцы Шарона ворвались в расположение двух египетских дивизий, чтобы устроить там фантастическую огненную феерию, пали из тысяч стволов во все стороны без разбора и не отличая, что называется, правых от виноватых; сотни единиц различной техники остались дотгорать за снивкой дерзких рейдеров. Потенциально более сокрушительный характер обещали носить танковые контратаки, которые начали разворачиваться на северном фланге, но были остановлены ценой потери 70 израильских танков и вдвое большего числа египетских. Однако все это стало лишь предюдием к следующему шагу — изматыванию противника израильтянами огнем с дальней дистанции, что на следующий день вынудило египтян к отходу. К тому моменту под угрозой находилось уже само существование арабских войск. Вскоре после полуночи израильтяне форсировали канал и устранили опасность для их южного фланга, а к рассвету усилили положение передовых отрядов за счет переправки на паромов нескольких танков. Однако поскольку большая часть египетской бронетехники оставалась на восточной стороне, наносить контрудар ей приходилось оттуда, причем действуя перед лицом противодействия израильских танков, стоявших наготове и ожидавших противника. Терзаемые скверными предчувствиями, египетские командиры посылали экипажи в смертельный марш 17 октября, когда израильтяне, успев

шие уже подвинуть к каналу собранный мост, усилили береговой плацдарм и укрепили «стены» продолженного и непринудительной обороне коридора. В песчаных дюнах египетские танкетки умирали под смертоносным огнем 105-мм пушек. Две атаки с севера были отбиты. Ударные силы, действовавшие с юга и состоявшие из 96 Т-62, напоролись на ловушку в виде минного поля, потеряв там 86 танков и все сопровождавшие их БТР.

Тем временем оживились и перешли в контратаку египтяне на западном берегу, хотя и со скудной надеждой произвести впечатленье на неприятеля, все расширявшийся береговой плацдарм которого представлял собой ползучую угрозу Каиру, в то время как на востоке продолжался процесс беспощадной эрозии морального духа отрезанных египетских войск. Програв все танковые сражения, тем или иным образом лишавшись всех пусковых установок ракет «земля-воздух» в зоне канала, с горсткой танков перед лицом готовых продолжить наступление израильтян, Египет стоял готовый для завоевания, чего не случилось из-за вступления в действие 24 октября режима прекращения огня.

Как ни парадоксально, война, в которой господствующей силой выступали выигравшие в итоге ее танки, предстала в устах комментаторов и так называемых специалистов из информаци-

онных средств как некая погрязшая пещь танкам, якобы потесненным и посрамленным ПТУРами. Между тем подвигший анализ показал — и выводы эти не оставляют ниц для сомнений, — что подавляющее большинство потерь в танках следует с полным правом приписать пушкам, тогда как урон, понесенный от применения ракет, относится в основном к начальному этапу кампании, то есть приходится на отрезок времени до того момента, когда израильтяне успели оценить размеры угрозы и принять соответствующие меры тактического характера для исправления ситуации. Умники, сделавшие поспешные и неверные выводы, причем не постыжась распространить свои умозаключения по всему свету, почему-то обожали вниманием тот факт, что свыше 3000 арабских танков, потерянных в боях противниками Израиля, были уничтожены в первую очередь пушками. В то же время из 2000 машин израильского танкового парка более половины все еще сохранили способность действовать в конце войны, при этом значительная часть потерянных машин подлежала восстановлению. «Эксперты» пропустили из виду и то обстоятельство, что, как только прошел этап битвы на истощение, победоносные израильские танки тотчас же вырвались на оперативный простор, осуществляя решительные стратегические маневры.

Британский «Чифтен». Поступившая на вооружение в 60-е годы, машина с ее прямой конструкцией броней, мощной 120-мм пушкой (стрелявшей составными из двух частей боеприпасом с картриджными зарядами), встроенным прожектором, прицельным орудием и широким набором оборудования для преодоления водных преград по глубокому броду, заложила новые стандарты для основного боевого танка. К несчастью, идея с едиными двигателями — мотором, работавшим на разном топливе, — дала, что называется, обратный эффект из-за больших сложностей в разработке этой передовой, но не основной технологии. Однако со временем «Чифтен» с честью прошел через все выпавшие на его долю трудности. Машина обладалась лазерным дальномером, компьютерным оборудованием для управления огнем и пассивными приборами ночного видения, а также наращивала броню. Броне по-прежнему сохраняла возможность как боевое оружие и нацел применение, в частности, в Иране.

Вес: 54 тонны
Скорость: 45 км/ч
Вооружение: 1 пушка 120-мм, 2 пулемета

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ТАНКОВЫЕ СРАЖЕНИЯ
БУДУЩЕГО

ПОСКОЛЬКУ МЕЖДУ ЗАРОЖДЕНИЕМ КОНЦЕПЦИИ И ВСТУПЛЕНИЕМ в строй нового танка проходит от 10 до 15 лет, все инновации 60-х годов нашли полное оперативное применение где-то к концу 70-х или в начале 80-х. Своим появлением основные боевые танки (ОБТ), такие как британский «Шир» (позднее развившийся в «Челленджер»), немецкий «Леопард», американский «Абрамс» и израильская «Меркава», явили миру радикальное изменение форм, обусловленное внедрением композитного бронирования, а также поразительное улучшение ходовых характеристик и рост ударной мощи. Попытки поднять маневренность и обеспечить плавность хода, а также найти ответ на вызов, бросааемый растущей массой, колеблющейся между 55 и 60 тоннами, привели к установке двигателей в 1500 л/с и сложнейших гидроразвиваемых подвесок. В результате, появилась возможность достигнуть на пересеченной местности скорости в 50 км/ч без риска свести тряской в могилу экипаж и превратить в металлолом саму машину. Способность находить цель ночью или за укрытием подарили танкам индикаторы теплового излучения, дополнившие компьютеризированные системы определения дистанции и управления огнем. Командир и наводчик получили возможность, нажав несколько кнопок и повернув пару рычажков, с большой вероятностью накрыть цель на дистанции свыше 3000 м, тогда как попадание высокоскоростного снаряда 120-мм пушки, пришедшей на смену и без того уже мощной 105-мм, способно привести к самым опустошительным последствиям.

Технологические изменения диктуют свою волю, выводя на первый план новые требования к членам танковых экипажей. Радиооператору и заряжающему больше нет нужды тщательно и едва заметными движениями поворачивать регулятор настройки радики — достаточно надавить на кнопку, зато ему необходимы известная доля физической силы и выносливости, чтобы вставить в затвор тяжелые снаряды заметно выросшей в размерах пушки. Наводчик, задачи которого прежде не отличались большой премудростью, теперь должен уметь обходиться со множеством хитроумных приборов, характерных для последних систем управления огнем. Смысл самого существования заряжающего в танке поставил под вопрос приход автоматического оружия, особенно у русского Т-72. Однако не ошибемся, если назовем эту ситуацию противоречивой: с одной стороны, сокращение штатной единицы и упрощение процесса заряжания, а с другой — излишние механические сложности и опасность возмущения экипажа до трех человек потенциально грозит увеличением рабочей нагрузки на каждого из них. Шансы экипажа остаться в живых в случае попадания в танк вражеского снаряда даже при поражении брони тоже повысились (но только не в случае с Т-72, применение автоматики при заряжании в котором повышало взрывоопасность. — *Прим. пер.*). Наряду с так называемым влажным

хранением боеприпасов, появились средства подавления возгораний за счет быстродействующих автоматических огнетушителей, разбрызгивающих нетоксичный газ галоген — долгожданное благо. Но и сама опасность поражения значительно снизилась в первую очередь за счет внедрения композитной и активной брони (последняя состоит из взрывчатых шашек, которые, взрываясь, приводят к нарушению концентрации реактивной струи кумулятивного снаряда и способны также отклонить сплошной выстрел), так что возникли сомнения в том, сможет ли пушка даже с высокой начальной скоростью снаряда привести к поражению на любых дистанциях, исключая самые малые. За счет разумных изгибов и наклонного положения листов при меньшей толщине брони достигается защита, обеспечиваемая 600- или даже 700-мм листом однородной стали, что делает особенно маловероятным эффективное поражение танка за счет существующих ПТУРов или легкого противотанкового пехотного оружия с кумулятивными боеголовками. Поистине наступил момент, когда становится просто необходимым приложить больше усилий, чем когда-либо прежде, для нанесения ударов по танку в его относительно слабо бронированное «брюхо» или же в верхние поверхности. Для атаки снизу хорошо подошли мины особой конструкции со специальными запалами, позволяющие производить взрыв не под гусеницей, а непосредственно под днищем

Слева: Американская боевая машина пехоты «Браздлер» с 23-мм пушкой и со встроеной пусковой установкой ПТУР «Тоу» (TOW/Tube-launched Optically Wire, что расшифровывается так: запускаемая из трубы, наводимая с помощью оптики и провода. — Прим. пер.) представляет собой шаг вперед по сравнению с аналогичными русскими БМП. Однако она куда больше по габаритам (хотя и лучше бронирована) и тактически весьма негибка из-за невозможности в случае необходимости снять «Тоу» и применить ее там, где не может пройти машина.

Внизу слева: Русская боевая машина пехоты БМП-1, вооруженная пусковой установкой устаревших противотанковых ракет и 73-мм пушкой.

Внизу: Американские БТР М113 демонстрируют «врожденную» плаваемость.

машины, для атак сверху — самонаводящиеся снаряды, рассчитанные на попадание в крышу башни, и сбрасываемые с воздуха также самонаводящиеся бомбы. Все эти изобретения заставляют конструкторов бронетехники хорошо задуматься над тем, что противопоставить новой угрозе.

Еще одним источником новой грозной опасности для танка стал вертолет, вооруженный сверхзвуковыми самонаводящимися ПТУРами, которые пришли на смену поколению полуавтоматических управляемых ракет. Данное оружие играет важную, хотя и второстепенную роль в противодействии танкам. Однако даже вертолет, оснащенный последним навигационным оборудованием и самонаводящимися ракетами, не служит заменой танку (несмотря на утверждения некото-

рых). Прежде всего потому, что вертолеты сами чрезвычайно уязвимы перед управляемым оружием, к тому же подвержены влиянию плохой погоды, сложны в применении в темноте и (если вообще пригодны) на закрытой местности. Потому, по мере того как растут и множатся сомнения по поводу действенности ПТУРов, экономический эффект машины, которая со всеми дополнительными приборами и устройствами перевалила в 90-е годы по цене за отметку в 22 млн долларов за единицу, начинает говорить сам за себя.

Однако неуверенность в эффективности применения не делает ПТУРы и подобные им носители решительно и бесспорно устаревшими. Более легкое противотанковое оружие, действующее за счет высокой кинетической или химиче-

СОВРЕМЕННЫЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ТАНКИ

Вверху: Шведский Strv 103, или так называемый 5-танк. Он обладает удачным наклонным бронированием и жестко закрепленной 105-мм пушкой, наводка которой осуществляется за счет изменения горизонтального и вертикального положения всей машины. На заднем плане — боевые машины пехоты.

Справа: 56-тонный немецкий «Леопард-2» со 120-мм гладкоствольной пушкой, вертикально расположенными листами композитной брони башни и новейшими электронными приборами. 1500-сильный двигатель обеспечивает танку скорость свыше 50 км/ч.

кой энергии все же имеет несколько путей для применения. Его снаряды не только позволяют добиться поражения самых хорошо защищенных основных боевых танков за счет попадания в наиболее слабо защищенные их части, но и принимают на себя жизненно важные функции уничтожения легкой бронетехники — разведывательных машин, бронетранспортеров или БМП, особенно когда те применяются массированно и могут служить неоправданным поводом для траты на них мощных снарядов крупных пушек. В действительности же появление таких легких видов бронетехники, как русские БМП и БМД, немецкая «Мардер», американская «Бродли» и британская «Уорриор», вооруженных пушками калибра от 73 до 25 мм (а иногда и ПТУРом), предполагают действия БТР против БТР или БМП против БМП, а не только привычную схему ОБТ против ОБТ.

ВОЗРОЖДЕНИЕ САМОХОДНОГО ОРУДИЯ

Желание получить более простые в производстве, но эффективные против бронетехники бое-

вые машины всегда диктовалось соображениями ограниченности бюджета. В то время как ОБТ обходились в сумму до 3 млн долларов, скажем, в 1987 г., сердца людей из военных кабинетов и министерств обороны оттаивали, когда им предлагали нечто более простое и дешевое, но при сохранении большинства боевых характеристик. Представлялось разумным изучить более дешевые средства поражения брони, чтобы выработать меньший по размеру, традиционному вооруженный истребитель танков ограниченной тактической пригодности. А коль скоро 120-мм пушка сохранила неотъемлемый потенциал и привлекательность, на заре 80-х годов у многих стран стали появляться машины, напоминавшие давно уже ушедшие в историю «Ядзиданьеры». Как раз тогда уже сделалось ясным, что в 90-е годы стоимость основного боевого танка может подскочить до 4,5 млн долларов, тогда как истребитель танков представляется возможным запустить всего за половину этой суммы.

С 1945 г. производилось несколько самоходных противотанковых пушек с ограниченным углом

Слева: Т-72 являл собой конструктивно не только новый, но и, если можно так выразиться, обновленный русский танк, в котором разработчики отказались от подвески на основе Кристи. Об этом весьма противоречивом также говорилось много хорошего и плохого, равно как верного и неверного, часто просто по причине того, что данную машину путали с другими. Наиболее заслуживаю-

щая доверия информация касалась 125-мм пушки с системой автоматического заряжания. Т-72 развивает скорость до 72 км/ч, однако другой вопрос заключается в том обстоятельстве, как новая подвеска показывала себя на подобной скорости в условиях пересеченной местности. Куда менее определенные сведения имеются в отношении скатного бронирования. Нет сомнения, что ему при-

сущи черты и свойства композитной брони, русские не прошли мимо и активной брони, так что и это изобретение нашло воплощение в Т-72. Т-80 (выше) стал продуктом дальнейшего развития данной машины.

Т-72

Вес: 41 тонна

Скорость: 72 км/ч

Лобовое бронирование: 280 мм

Вооружение: 1 пушка 125-мм, 2 пулемета

горизонтальной наводки, из которых шведский Strv 103 — или так называемый Станк, вооруженный 105-мм пушкой с автоматическим заряжением, жестко установленной по центральной линии корпуса, — можно считать одной из интереснейших и по праву получивших большое признание машин. Уменьшение вертикального угла наводки производилось за счет подъема и опускания всего корпуса на гидравлической подвеске, корректировка горизонтального угла — путем вращения машины на гусеницах. Однако даже если отвлечься от сравнительно высокой стоимости изделия, механизм наведения пушки не позволял достигнуть желательного уровня меткости огня. Кроме того, необходимость наводить орудие таким экзотическим способом давала определенные тактические неудобства (и порой делала меткий огонь вообще недостижимым) при боевой работе против цели и не в последнюю очередь потому, что в силу конструкции машина фактически лишалась способности стрелять на ходу (оказываясь, таким образом, в очень невыгодном положении, будучи застигнутой неприятелем на открытой местности). К то-

му же любой сбой ходовой части — поломка или попадание могли вообще лишить экипаж возможности продолжать бой. Оригинальная концепция, заложенная еще в «Ягдпантерах», обладавшая все же пусть и ограниченной способностью менять горизонтальный угол, не прибегая к развороту корпуса, осталась, пожалуй, единственно правильной для САУ. Такие изделия вполне могут сочетать в себе и новые средства повышения защищенности экипажа и узлов внутри машины, как комбинированное бронирование, хотя — приходится повторяться — врожденные, так сказать, тактические ограничения оставались и остаются неразрешимыми с данной разновидностью боевых машин.

НЕТРАДИЦИОННЫЕ НОВЫЕ ФОРМЫ

По мере того, как предпринимались самые различные попытки повысить эффективность традиционных танков с целью поддержать их конкурентоспособность в противотанковых состязаниях, появлялись иногда совершенно нетрадиционные машины. Израильская «Меркава», в разработке которой ведущая роль принадлежала Исраэлю

ПРИБОРЫ НОЧНОГО ВИДЕНИЯ И ВЕДЕНИЯ БОЯ ТАНКА «ЧЕЛЛЕНДЖЕР-1» ПОЛНОСТЬЮ ПАССИВНОГО СВОЙСТВА

Вверху: Перископический прицел командира «Челленджера», позволяющий ему или командиру производить засечку цели, просто выставив на нее прицел, наживая кнопку электронного устройства определения дистанции и привода в движение спуск, после чего первый же выстрел 120-мм пушки гарантированно достигал цели на дистанции свыше 3000 м.

- 1 Прицел командира и наводчика со встроенными лазерными дальномерами.
- 2 Индикатор теплового излучения, проецирующий изображение на телевизионный экран.
- 3 Смотровые приборы водителя, также позволяющие ему видеть ночью.

Также, отличалась нетипичной для ОБТ (исключая при этом размещение узлов и деталей в агрегатах боевых машин) компоновкой, а прежде всего, установленным впереди двигателем. Подобная компоновка позволила заметно повысить защищенность, так как самое корабельное оснащение танка — боеприпасы — оказывалось далеко в корме машины, что позволяло в любой момент пополнить его через задние двери, которые задом давали экипажу шанс покинуть машину без риска быть немедленно расстрелянными вражескими пулеметами. В конструкцию вооруженной 105-мм пушкой «Меркава», что очень важно, сразу же закладывалась возможность модернизации машины, за счет установки 120-мм орудия.

Еще более радикальным, чем «Меркава», является проект создания машины, которая бы открывала как можно меньшую часть силуэта противнику с огневой позиции, концепция эта воплотилась в танке с «пушкой над корпусом». Предпринимались перспективные изучения — особенно в Швеции и Соединенных Штатах (насколько известно) — в отношении практической возможности установки пушки (или ракетного комплекса) и прицельного оборудования в поднимающуюся башню, управляемую экипажем вилку в корпусе. Конечно, при такой компоновке возникают сложности с заряданием пушки — технические проблемы, которые, однако, можно преодолеть. Эта новая, странного вида машина, возможно, оправдает

затраты, поскольку дает важное тактическое преимущество: стрелять с поднятой пушкой из положения «корпус укрыт», наименьшим образом открываясь перед неприятелем. Очень примечательно, что данная машина сохраняет способность вести огонь на ходу, как любой привычный танк. Дополнительные конструктивные сложности могут с легкой охотой возникнуть за счет значительного подъема морального духа экипажей, получающих возможность бить по врагу прямой наводкой, оставаясь в безопасности от его контрдействий. Ошибочная концепция тех, кто в 1942 г. предлагал применять танки против танков только с закрытых позиций, теперь могла бы воплотиться в жизнь без утраты, однако, важнейшего преимущества — возможности стрельбы прямой наводкой. Так разом будет сделан еще один шаг вперед в танке против танка, что приведет к новым требованиям и пересмотру тактических приемов.

Критики иногда осуждают технические задания, в которых слишком большое место, как им кажется, уделяется вопросам безопасности экипажа. Затраты и хлопоты, как они говорят, не сопоставимы по пропорциям с крайне малыми преимуществами, которые дают все эти усовершенствования. Война — рискованная работа, утверждают они, и солдат не может быть гарантирован от всего на свете. Конечно, подобные меры дорогостоящи, но нельзя отрицать и того факта, что экипажи, когда шагами их на выживание неоправданным обра-

жим пренебрегают, имеют все законные основания чувствовать себя обделенными. Когда уверенность танкистов падает, снижается энтузиазм — боевой дух — и проявляется острое нежелание вступать в сражение. Опыты французских экипажей в 1940 г., а также американских и британских их коллег в 1944 г., осознававших слабость своих пушек по сравнению с пушками противника, незаслуженно отнесены в сторону и забыты, однако не потеряли поучительности. Достаточно рассмотреть обстоятельства боя в Ливане между израильскими и сирийскими танками, чтобы увидеть, сколь мало изменилась ситуация в этой связи.

Хотя израильские и сирийские танки неоднократно вступали в боевые соприкосновения в Ливане, масштабы и размах боя никоим образом не напоминали прошлые столкновения бронированных армий в прежних арабо-израильских конфликтах. Поскольку теперь сирийцы, располагавшие боевым танковым парком в 700 единиц, сдавали позиции до появления их грозных оппонентов и в большинстве случаев бронетехнике так или иначе принадлежала роль поддержки. Однако нельзя не коснуться важных обстоятельств дебитных выходов «Меркавы» и Т-72 советского происхождения. Первый показал себя отлично, снискав заслуженно высокую похвалу от экипажей, прежде всего тем, как вел себя при поражении, когда компоненты узлов и деталей машины, а также надежное и эффективное противопожарное оборудование позволяли снизить потери до минимума даже при пробитии брони вражескими снарядами. В противоположность этому, экипажам Т-72 приходилось воздавать хвалу конструкторам за то, как те позаботились о безопасности танкистов, поскольку хотя их 125-мм пушка удовлетворительно поражала броню «Центурионов» и «Супер-Шерманов» даже со слоем активного бронирования, собственный защищенность танкистов Т-72 оставалась желать лучшего. В одном бою, в котором было подбито девять Т-72, в случае взрыва танков экипаж погибал полностью. Подобная репутация — когда сведения о предательской карьероопасности распространялись как среди советских танкистов, так и их коллег армий стран, в которые поставлялись эти машины, — не могла не служить обескураживающим фактором и не сказаться на рвении экипажей в настоящем сражении.

БИТВЫ БУДУЩЕГО

В любых прогнозированных того, что будет, и того, что должно быть, следует в любом случае внимательно прислушаться к мнению танковых экипажей — к тому, что они думают о собственных шансах уцелеть в бою, и о том, как расценивают тактику, применить которую призваны. Так повелось с самого начала — с тех пор, как экипажи осознали необходимость принимать меры предосторожности, маневрировать и уклоняться от излишней опасности (как поступали «Энниеты» под Виллер-Бретонне), если оказываются вынуждены действовать под огнем тяжелых

орудий. Несмотря на огромную разницу между танками 1916 г. (с их скоростью 6–7 км/ч, 8-мм броней и 57-мм пушками, а иногда лишь пулеметами) и бронетехникой 80-х (со скоростью 50 км/ч, броней эквивалентной 600-мм гомогенной стали и 120-мм орудиями), принцип применения во многом остался тем же. Все производившие изменения в сути своей, так сказать, сравнительного характера и касаются повысившейся скорости движения, увеличившейся дистанции противостояния и пропорциональных им качеству защиты и размеру ущерба в случае пробития брони. В сражении бронетехника продолжает показывать себя наилучшим образом во взаимодействии с частями других родов войск, танки зависят от общего огня при продвижении, от способности использовать укрытия и преодолеть вражеские засады, сводя на нет принятые неприятелем контрмеры. Бронетехника была и остается по сути своей наступательным оружием, которому также отводится определенное место во всех военных операциях: в обороне, в отступлении и, что само собой разумеется, в контратаке.

На протяжении многих последних лет сложилась привычка представлять себе будущие конфликты между крупнейшими державами — особенно применительно к европейской территории — как некие сухопутные баталии, где тон изначально будет задаваться хлынувшим валом с востока в западном направлении танковыми армиями стран Варшавского договора, командование которых не привыкло и не станет считаться с потерями. Соответственно военные Запада исходили из того, что армии НАТО будут стремиться остановить этот прилив за счет применения гибкой подвижной обороны, основанной на естественных и рукотворных препятствиях до тех пор, пока не удастся измотать противника, тыловое обеспечение войск которого к тому времени перестанет справиться с потребностями передовой из-за растягивания и перенапряжения линий коммуникаций. Подобная картина немедленно вызывает ассоциации с боями на последних этапах Второй мировой войны, когда массированные группировки союзных армий, прорвав немецкую оборону, выходили на простор и мчались вперед с головокружитель-

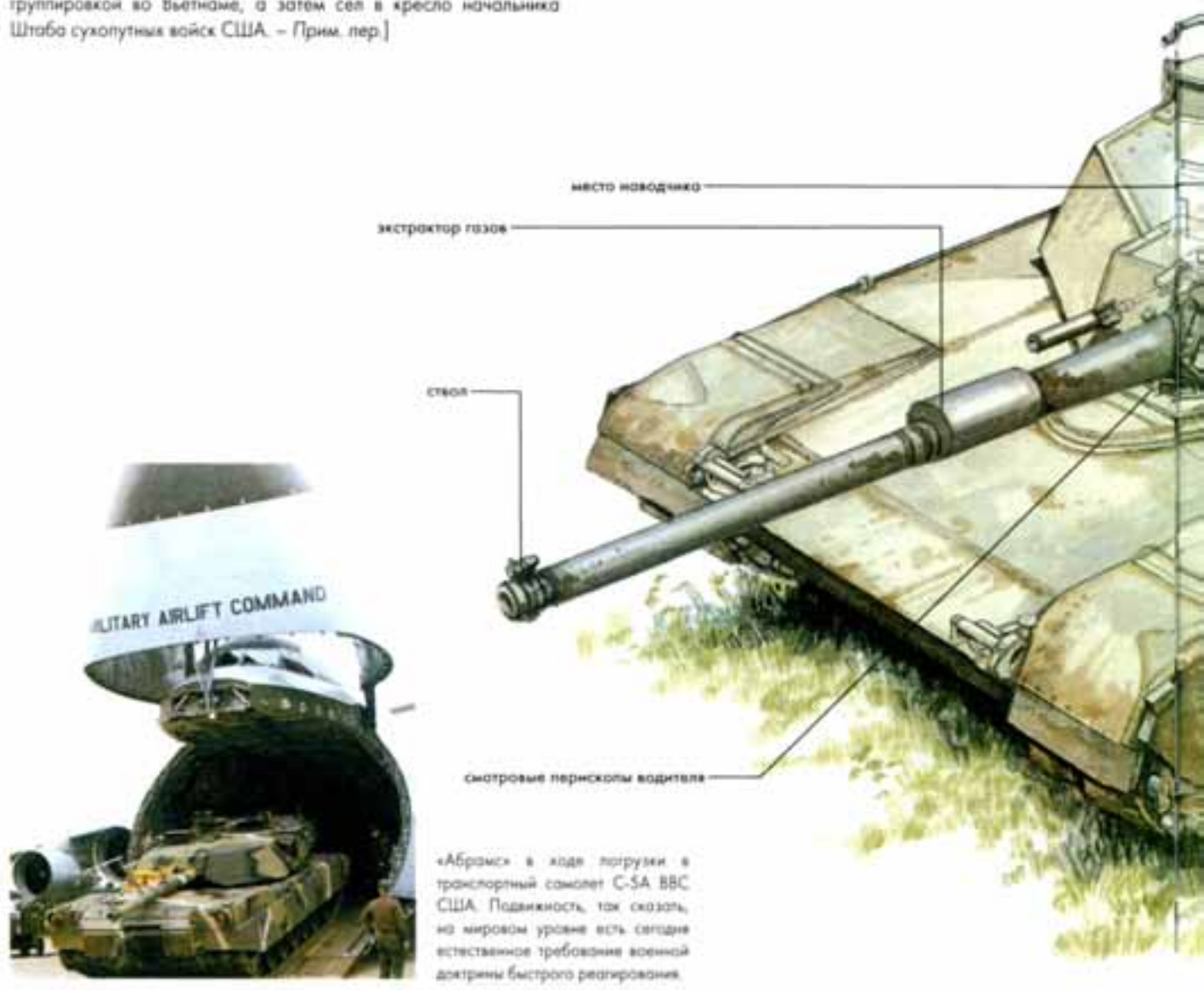
Нетрадиционный образ компоновки израильской «Меркавы» со 105-мм пушкой, 900-сильным передним расположением двигателем и топливными баками. Большие кормовые двери, ведущие в боевое отделение, где располагаются боеприпасы, позволяют экипажу пополнить боезапас в бою или безопасно покидать вышедшую из строя машину; расположение боевого отделения в кормовой части давало шанс также использовать танк и как БТР, поскольку он вполне мог принять на борт легкое отделение. Сконструированная с расчетом впоследствии усилить главное вооружение машина «испыхала пороку» в Ливане. В качестве дополнительного вооружения служат 60-мм миномет и пулеметы.

Вес: 58 тонн

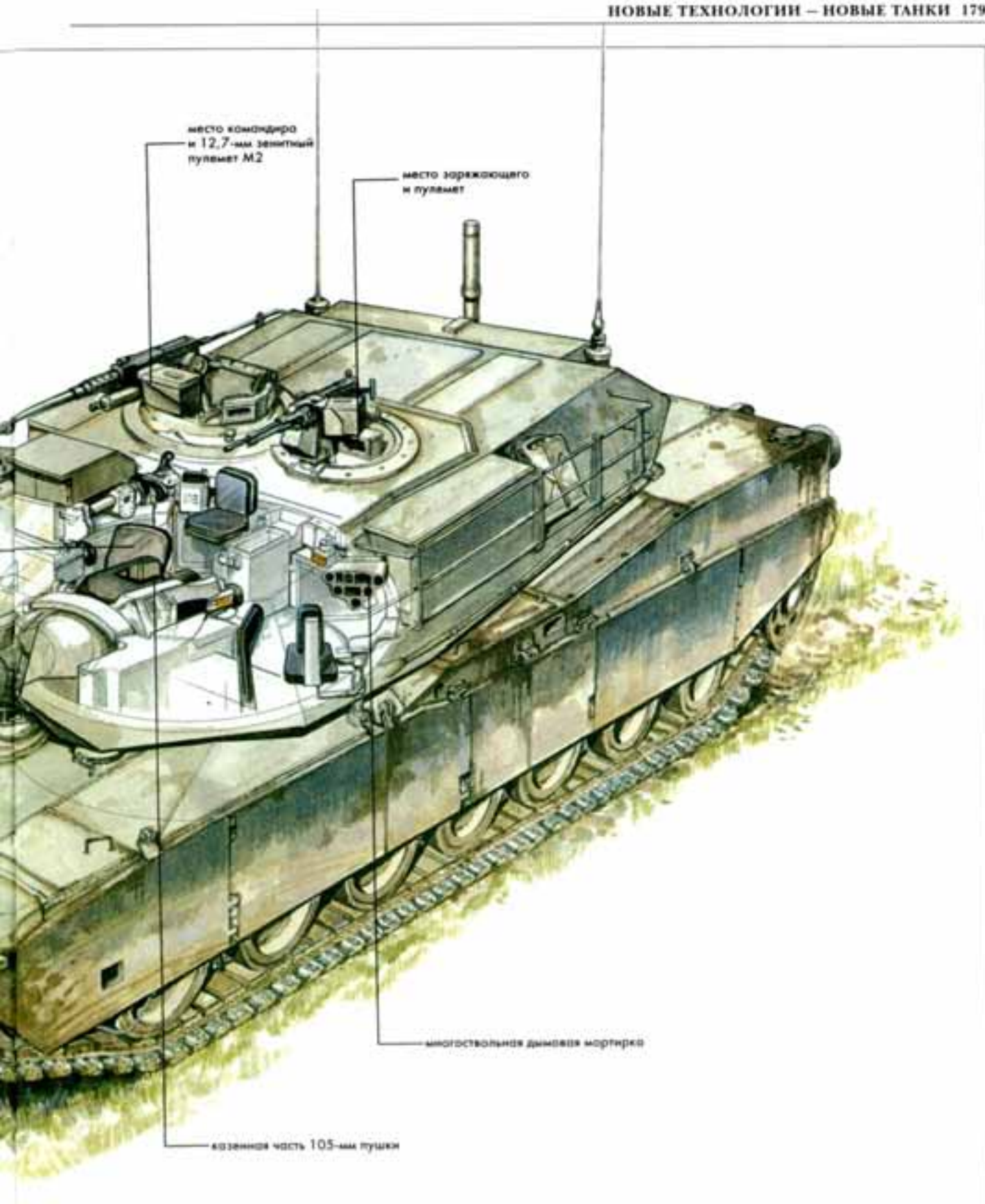
Вооружение: 1 пушка 105-мм, 2 пулемета

«АБРАМС»

АМЕРИКАНСКИЙ «АБРАМС» с его удачной наклонной композитной броней изначально вооружался 105-мм пушкой, но позднее получил немецкую 120-мм пушку, что продолжает традицию танкостроителей США делать выбор в пользу зарубежных производителей танковых орудий. Пожалуй, лучший современный танк, производимый в США, оснащен 1500-сильным газотурбинным двигателем, напичкан последними новинками электроники, особенно в том, что касается смотровых и прицельных приборов, пушка же его полностью стабилизирована. Даже при массе 55 тонн он с хитроумной торсионной подвеской обладает значительной степенью маневренности. (Небезынтересен тот факт, что танк назван так в честь того самого подполковника Крейтана Абрамса, части батальона которого сражались с немцами в Зинглинг (см. на стр. 138) и который впоследствии командовал американской группировкой во Вьетнаме, а затем сел в кресло начальника Штаба сухопутных войск США. — Прим. пер.)

«Абрамс» в ходе загрузки в транспортный самолет C-5A BBC США. Подвижность, так сказать, на мировом уровне есть сегодня естественное требование военной доктрины быстрого реагирования.

Внизу слева: Британский «Челленджер-1/2» в районе Персидского залива. Танк с его наклонным композиционным бронированием вооружен 120-мм пушкой и оснащен 1200-сильным дизельным двигателем. Гидропневматической подвеска способна обеспечивать машине ровный ход по пересеченной местности со скоростью около 50 км/ч.

Внизу справа: Британские боевые машины пехоты «Уорриор» активно маневрируют в ходе учений в процессе подготовки к войне в Персидском заливе. Их 30-мм пушки продемонстрировали способность пробивать броню иракских Т-55.

ной скоростью до тех пор, пока слабейшие на дальнем конце длинных маршрутов поступления снабжения, запутавшиеся, как в путанице, в бесчисленных водных потоках — ручьях, реках и речушках, — стиснутые в развалинах улиц городских кварталов и в лесах, не дозревали до кондиции, в которой становились особенно уязвими перед ударами вроде контрнаступления Манштейна под Харьковом, способного не только нанести наступающим чувствительные потери, но и значительно отбросить их. Нарисованная картина есть продукт традиционной веры в то, что центральной партией на полях боя станет линия бронетанковых соединений, где доминирующий характер будут носить боевые соприкосновения танков с танками. Однако сложившийся образ может оказаться неверным, пусть даже танково-противотанковая составляющая в раскладе и сохранится — ибо она должна сохраниться. Давайте же потому приведем проверку того, какие формы может принять состязание танк против танка, если в нем примут участие новейшие машины.

АТАКА НА БЛОКИРОВАННУЮ ПОЗИЦИЮ

В военных сценариях будущего оказалось, что советские танковые и мотострелковые дивизии, наступая против оказывающих им уверенное противодействие на заранее подготовленных позициях войск НАТО, будут пользоваться широкой поддержкой массированного огня артиллерии, в задачи которой будет входить подготовка атак бронетанковых боевых групп за счет уничтожения и нейтрализации значительного количества ПТУРов, которые, как предполагалось, найдут широкое приме-

нение в боевом соприкосновении со стороны защищающихся. При этом атакующие вводили бы большие надежды на дымовые завесы и облака пыли, которые помогли бы создать обстановку замешательства у неприятеля и — сверх того — скрыли бы продвигающиеся танки и позволили им максимально сократить дистанцию без потерь для себя. Прорыв позиции войск НАТО ценой сравнительно малых потерь, наступающие рассчитывали захватить жизненно важные участки территории и повести бронетехнику противника в нежелательное положение, уничтожая вражеские танки на их позициях в целой серии танковых дуэлей, прежде всего за счет численного превосходства.

Со своей стороны войска НАТО должны были сделать все от них зависящее, чтобы подвести неприятельскую артиллерию и одновременно направить продвигающиеся бронетанковые колонны на особо защищенные участки, где мины, орудия с приборами термального наведения, ПТУРы и истребители танков нанесли бы врагу максимально возможный урон. За счет этого, а также минирования пространства между естественными препятствиями, которые претерпевают путь противнику, уничтожения мостов и привязывания обороны к мелким населенным пунктам и танко-недоступным рощам (как поступали прежде в 30–40-е годы) удастся свести все преимущества нападающей советской стороны до введения в действие танковых сил НАТО. Все это было особо нетрудно провести в жизнь по причине бурного роста городов и повальной урбанизации Европы в период после 1945 г. Обороняющимся надлежало ни в коем случае не забывать о необходимости законсервировать парк из основных боевых тан-

ков и держать его в готовности для сосредоточенной наступательной операции против ослабленного и измотанного неприятеля.

Идеальным для обороняющихся стало бы по возможности более быстрое оповещение о начале советского броска, что позволило бы снизить вынужденный противника от эффекта внезапности и вступить в бой против него с господствующими позициями на максимальной дистанции. Данные от воздушной разведки, включая беспилотные самолеты, от артиллерийских наблюдателей, а также от легких танков и бронемашин разведывательных частей, прикрывавших основные силы с флангов и по открытым флангам, также позволяли бы обогатить командование важными сведениями о положении дел у неприятеля накануне непосредственного столкновения главных сил. Стычки и перестрелки легкой бронетехники с дистанции 1500 м постепенно перешли бы в боевое соприкосновение более тяжелых боевых машин. На открытой местности расчеты тяжелых ПТРК имеют уверенные шансы обнаружить и уничтожить врага на максимальном расстоянии в 3500 или 4000 м и достигнуть нескольких удачных попаданий, начиная процесс изматывания противника. Возможно, сказать свое веское слово довелось бы и некоторым действующим из засад вертолетам с ПТУРами. Однако ПУ ПТУР — вне зависимости от того, что служат им в качестве носителя, — сразу же продемонстрируют собственную ненадежность, как только дым и пыль станут помехой для оператора или же противодействующий огонь послужит следствием отвлечения внимания последних. Что еще хуже и куда опаснее, даже в случае попадания боеголовок в цель, их поражающей способности может не хватить для уничтожения объекта.

Только тогда, когда дистанция сократилась бы до 3000 м, можно было пойти на введение в действие истребителей танков или же танков с их 120-мм орудиями как средств противотанковой обороны, выведенных на заранее разведанные позиции с тем, чтобы вступить в ответную дуэль. Вне зависимости от знакомства или незнакомства с местностью и знания дистанции до критически важных точек, они все равно могли воспользоваться компьютеризированными лазерными прицелами при ведении смертоносного, но экономичного огня по врагу, ответ которого, возможно, не был бы столь же хорошо подготовлен. Как нередко случалось в прошлом, спрятанные в засаде и начинающие неожиданно стрелять танки могли стать ключом для побед на местном уровне. Главный шанс на успех со стороны атакующих лежит в их гибкости, умении быстро определить источники вражеского противодействия и, маневрируя, выйти на позиции, откуда бы представлялось возможным вести наиболее убийственный огонь по противнику — с фланга и с тыла. Как посылкой с давнего времени, краеугольным камнем успеха и впереди оставалось бы маневрирование — способность действовать более подвижно, обладая большей информацией о

противнике и в условиях лучшего контроля и координации усилий.

Однако, чего не приходилось наблюдать еще даже во время последних арабо-израильских войн, свое громкое — и, по всей видимости, решающее — слово скажет электроника. Хотя широкое применение радаров и радаров облетает задачи командования и управления боем, позволяет добиваться большей оперативной гибкости, чем представлялось возможным в прошлом, данное направление чревато большой опасностью, ибо на нем вооруженный до зубов электронный солдат рискует стать жертвой того же электронного противодействия. Модуляции со скачкообразной перестройкой частоты и хорошо защищенные приборы, конечно, снижают риск радиоперехвата, однако неприятель все еще располагает немалыми возможностями получать достаточную информацию о том, что происходит путем выводов из косвенных данных, как, скажем, из «подписей» переговаривающихся. Возможно также принять позитивные контрмеры за счет выявления целей путем засечки их радиоконтактов, особенно в том, что касается командных пунктов и центров управления. Сходную, так сказать, обоюдоострую негативную отдачу могут дать и приборы, позволяющие видеть ночью и через помехи на поле боя в дневное время. В целях оперативных потребностей и решения задач наиболее точным образом ночью должно рассматриваться как день, принимая во внимание, что спрятаться и замаскироваться становится фактически невозможно. Таким образом, на фоне сложности, присущие ведению боевых действий в темное время суток, накладывается еще и обязанность ночью принимать все меры предосторожности, которые обычно считаются насущно необходимыми днем. Ни темнота, ни дым не способны скрыть передвижений — передвижений, которые требуют в современной обстановке огневой поддержки даже ночью.

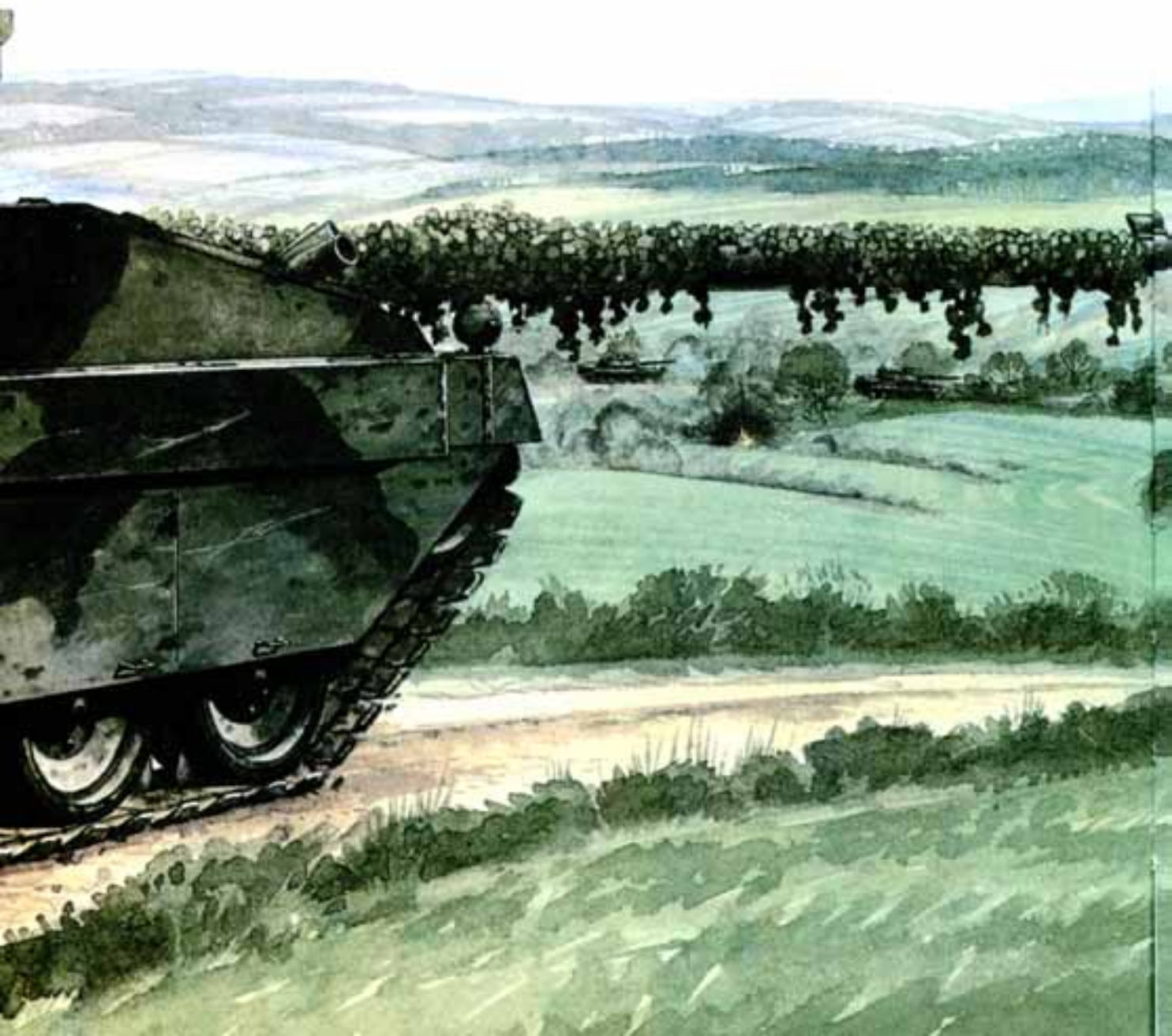
Танки советского производства (Т-55 и Т-62) во время боевых действий между Ираном и Ираком в 80-е годы.

ЕВРОПА — БЛИЖАЙШЕЕ БУДУЩЕ?

ТАНК ПРОТИВ ТАНКА В 90-е ГОДЫ

Получив по радио приказ от командира американского танкового взвода (т.е. тех трех «Абрамсов», что прячутся в засаде перед селом), командир истребителя танков «Болнаф», притаившегося среди домов селения, отдает распоряжение выйти вперед на заранее выбранную позицию в положении «башня укрыта». Оставаясь незамеченным для русских, он подтверждает засечку целей, переданных американским союзником, выстраивает машину в направлении головного Т-90, замеряет лазерным дальномером

расстояние до центра мишени и инструктирует наводчика дать знать водителю, когда танк продвинется вперед достаточно, чтобы гребень высоты не мешал стрелять из пушки, после чего приказывает водителю приступить к выдвиганию на огневую позицию. По команде наводчика водитель останавливает машину, командир нажимает на спуск (компьютеризированная система управления огнем уже произвела все действия, необходимые для наведения пушки: взяла поправку на расстояние, состояние ствола, температуру воздуха, направление ветра и так далее). Засада сработала, когда первый подкалиберный оперенный снаряд (APFSDS) достигнет цели. Поражение брони станет гарантией уничтожения Т-90.

ИНЦИДЕНТ 90-х

Противостояние танков между собой придерживается старых, давно выработанных схем и имеет под собой солидный исторический опыт. Большинство боёв происходит на дистанциях, диктуемых особенностями местности, на которой они проводятся, таким образом, редко более чем на 2000 м, а преимущественно на расстоянии менее 1000 м. Степень разрушения и повреждения не так уж отличается от привычной в прошлом. Представим себе вымышленный бой, в котором командир танка «Абрамс» имеет дело на 3000 м с зашиненным положением «корпуса» укрытым русским Т-90; последний, как должен рассуждать американец, защищен композитным бронированием и вооружен высокоскоростной пушкой, не уступающей по характеристикам 120-мм орудию «Абрамса». Подозрения в отношении высокого качества исправительской брони подтверждаются свидетельствами того, как бесславно и печально закончилась попытка ближайшей боевой машины пехоты (БМП) «Бродли» поразить Т-90 с помощью ПТУРа «Тоу», угнавшей танку прямо в скатную броню. Сама «Бродли» уже превратилась в пылающие обломки, уничтоженная оставшимся неповрежденным русским танком. Командиру «Абрамса» предстоит решить, сможет ли он поразить такую маленькую цель и пробить толстое бронирование Т-90 с экстремального расстояния. В целях осторожности он решает приберечь снаряды и подождать, пока Т-90 не приблизится и не станет более легкой целью или пока в процессе не выступит некий новый фактор — не появится нечто, позволяющее уничтожить врага с большей, а не то гарантией. Итак, он находится в безопасном положении «башня укрыта» и борется с искушением открыть огонь по двум русским БМП, нарисовавшимся на горизонте на

дистанции 1500 метров. Нет, не стоит делать врагу подарок и, поддаваясь соблазну, открывать свою позицию застигнутому Т-90 или кому-то из его товарищей, которые таясь и ждут подходящего момента. Точно так же и командир Т-90 не спешит, пока дружка «Бродли» стреляет в русские БМП из 25-мм пушки: он тоже нацелился на критичную позицию. Американец передает донесение и слышит, как заводной командир приказывает поддержке отреагировать на следующий шаг бронетехники противника. Наш командир танка с интересом узнает, что настал черед выдвинуться канадскому истребителю танков «Гольфа» (пока воображаемой машине) с приказом, в частности, уничтожить находящиеся на дальней дистанции Т-90. Вступление на авансцену событий «Гольфа» представляет собой источник проблем для командира Т-90 и ставит его в затруднительное положение. Русский не опознает исключительно приземистой машины или же представляет, что его чрезвычайно толстая лобовая броня Т-90 не под силу 125-мм пушке. Не зная всего, он осторожно продвигается вперед и приказывает наводчику начать работу по цели. Он отмечает результаты показаний лазерного дальномера на собственном прицеле устройстве. Нет ни секунды времени на раздумья и промедления, потому что вражеская скрининговая система автоматической маскировки самостоятельно приводит в действие дымовые мортиары и в случае обнаружения присутствия прощупывающего танк луча лазерного прицела, и русский командир знает, что в такую цель крайне трудно попасть.

Однако командир «Гольфа» намеренно выключил систему маскировки, потому что собирается развернуть огневую дуэль и не хочет, чтобы что-то мешало ей. Полностью введенный в курс дела относительно положения Т-90 командиром «Абрамса», командир «Гольфа» показал своему наводчику направление, в котором смотреть, и приказал ему выстроить прицел, а потом отдать команду водителю выдвинуться к гребню холма. Испытывая полную уверенность в том, что его наклонная композитная броня на такой дистанции отразит или даже разрушит русский подкалиберный оперенный снаряд (APFSDS), он готов получить выстрел, однако все же предпочитает максимально использовать эффект внезапности: определить расстояние, прицелиться и выпустить снаряд в направлении цели раньше, чем успеет выстрелить противник. Как выясняется, в его распоряжении не более нескольких секунд — то время, пока его наводчик захватит цель и пока русский командир выдвинется на огневую позицию. Первым же выстрелом «Гольфа» достигает попадания, пробивает броню Т-90, ссаивает смерть и разрушения.

Эпизод, ставший предисловием к попытке крупного прорыва русских на данном участке, характерен тем, что показывает исключительную важность продуманных действий командования, качества управления и подготовки, присущие

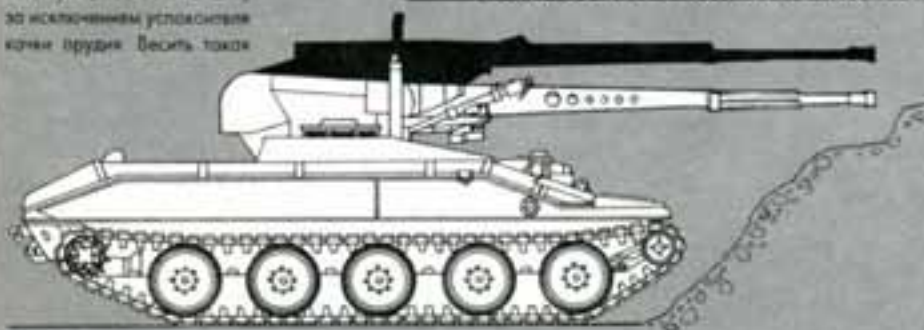
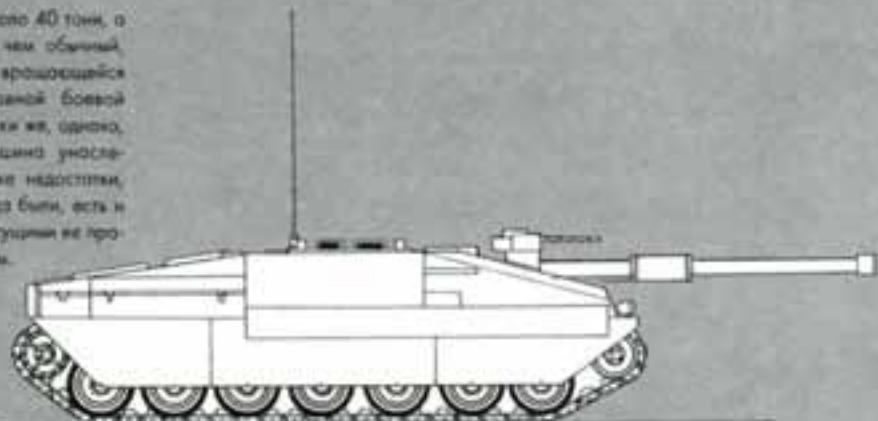
Показанный здесь русский вертолет, вооруженный управляемыми ракетами, один из типичных примеров смертельной угрозы для бронетехники. Вместе с тем, несмотря на действительную опасность со стороны обладающего высокой разрушающей способностью вооружения вертолета, сама машина чрезвычайно уязвима перед ракетами, тогда как эффективность нанесения вертолетом удара кумулятивными гранатами снижается за счет внедрения композитной брони. В тактическом же смысле, боевой вертолет представляет собой еще одну систему оружия, которую необходимо включать в общий процесс взаимодействия всех родов войск на поле боя. Сам по себе он не может служить заменой танку и является слишком дорогостоящим.

БОЕВАЯ МАШИНА БУДУЩЕГО

Внешний вид самоходной противотанковой пушки будущего, называемой в данной книге «Голнафа», появления которой ожидается в 90-е годы. Подобная машина будет иметь в качестве защиты композитное лобовое бронирование примерно 600 мм, вооружение в виде орудия калибра не менее 120 мм и, конечно, пользоваться самым современным прибором видения и прицелом со всеми соответствующими механизмами, за исключением усложнения конструкции. Весить такая

САУ будет около 40 тонн, а стоять ниже, чем обычный оснащенный вращающейся башней основной боевой tank. Тактически же, однако, подобная машина унаследует все те же недостатки, которые всегда были, есть и остаются присущими не прородительницам.

Пример того, как может выглядеть боевая машина с «пушкой» над корпусом. Такие машины уже существуют как опытные образцы, причем большинство технических проблем решены или находятся на стадии решения.

профессиональным солдатам армий стран НАТО и ставящие их в более выгодное положение по сравнению с солдатами срочной службы у неприятеля. Каким бы хорошим ни могло оказаться советское снаряжение с технической точки зрения, оно не всегда применяется достаточно полно, не все его возможности раскрываются максимально в руках нередко недостаточно подготовленного личного состава. Однако советская атака, которая развивается на наших глазах, все равно довольно грозное явление. Клубы пыли, поднятые в ходе массовой артиллерийской подготовки и выходящие над объектами штурма, кажется, становятся туше от дыма, примененного специально, чтобы осложнить задачи расчетов ПТРК и всем тем у обороняющихся, кто, не дрогнув сердцем, решительно готовится дать отпор врагу. Реакция обороняющихся прагматичная и многоходовая. Некоторые из тех, которых нападение застало на открытом месте и без прикрытия брони, залетают, пассивно ожидая развития событий. Те же, кто оказался в траншеях, спускаются пониже и надеются на лучшее. Экипажи легкой бронетехники, пользуясь преимуществом подвижности, получают соответствующий приказ, откатываются с особенно уязвимых участков, ищут представляющие большие гарантии безопасности альтернативные позиции, на которых появится возможность ответить огнем неприятелю, когда тот войдет в обозначенные зоны пора-

жения. Команды наилучшим образом защищены броней танков остаются на месте, чтобы заставить врага дорогой ценой заплатить за каждый метр захваченной территории, стреляя по движущимся мишеням со все более коротких дистанций. Но сам размах наступления противника и его численное превосходство приводят к тому, что сопротивление защитников будет в итоге сломлено. Ничего так уж серьезно не изменилось с 1944 г., когда армии союзников с двух сторон приближались к немецким границам.

Когда фаланги советских танков начинают появляться (несмотря на пыль и дым) на экранах терминальных приборов, командирам «Абрамсов» и «Голнаф», которые остаются впереди, чтобы встретить врага, приходится принимать в расчет способность пыли искажать данные их лазерных дальномеров. Потому танкисты предпочитают подпустить Т-90 поближе, на расстояние примерно в 1500 метров, где наиболее гарантирована вероятность поражения и уничтожения вражеской бронетехники. Только тогда, когда противник равняется или останавливается около какого-то приметного топографического объекта на местности, дистанция до которого точно вымерена заранее, наводчики получают приказ приступить к расхождению боеприпасов. Два Т-90 и один БТР выводятся из строя за счет использования подобного приема без потерь у танков НАТО, поскольку русским танкистам невозможно вести

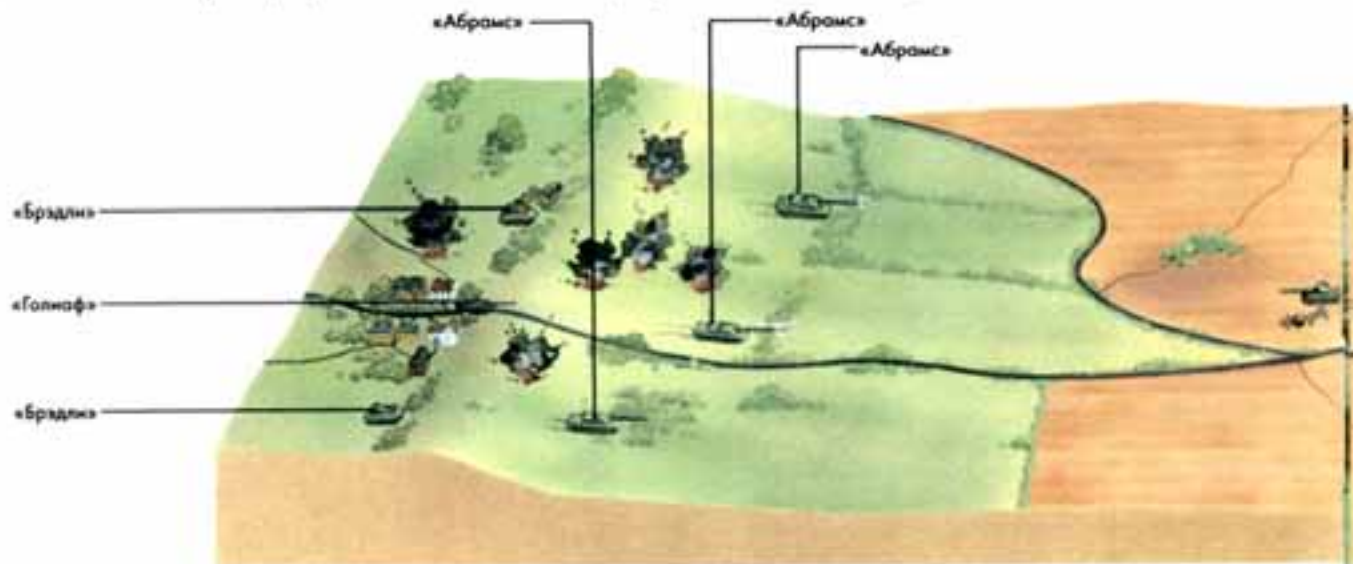
ЕВРОПА: БЛИЖАЙШЕЕ БУДУЩЕЕ?

БИТВА РАЗВОРАЧИВАЕТСЯ

Здесь изображены невероятные события воображаемого советского наступления против наземных войск НАТО в Европе, момент первого контакта с авангардом механизированных дивизий Советской армии и оборона на переднем крае американского и канадского рубежа. Наступая на большой скорости — возможно, слишком быстро, — головные Т-90 авангарда обогнали село и находятся как раз в районе видности и на дистанции огня от предполагаемой вражеской позиции. Бронемашинная разведка уже подверглась обстрелу с высоты вперед и некоторые укрылись в зарослях кустов, в рощицах и в складках местности, другие же ищут непрямых путей на флангах вокруг расположенного у них на пути села. Тем временем командир авангарда, получивший приказ продвигаться со всей возможной поспешностью, не имеет иных шансов, кроме быстрейшего наступления в лоб в надежде на то, что село вперед прикрывают не-

слишком сильные заслоны неприятеля или на то, что враг легкомысленно обнаружит себя, начав вести огонь из танков, ПТРК и артиллерийских орудий, дислоцированных в тылу в качестве средства поддержки.

Уловка сработала. На северной оконечности вершины склона американская машина, которая предположительно определена как БМП «Брадли», выпустила ракету типа «Тоу». Она попала в Т-90 одного из командиров взводов, но, к несказанной радости потрясенного экипажа, не поразила броню. Т-90 с максимальным ускорением поспешил в укрытие, в то время как один из его товарищей, командир которого успел прицельно по «Брадлю», достиг попадания первым же выстрелом. Поднимающийся к небу дым — от погребального костра экипажа «Брадли», которая довольно неразумно открыла большую, чем требовалось, часть сравнительно тонкой брони корпуса. Тем временем засуетился разведывательный вертолет авангарда, стремясь выявить характер и размеры оказываемого противодействия, избегнув при этом опасности со стороны

точный огонь из-за поднятых ими же самими пыли и дыма. Демонстрируя постоянную склонность подвергать местность, по которой будет протекать атака, массированным артиллерийским обстрелам с закрытых позиций (что ни в коем случае не гарантирует большого количества уничтожений вражеской бронетехники), русские обычно лишают сами себя возможности ведения точного и меткого огня прямой наводкой, который мог бы в противном случае служить ценным источником непосредственной поддержки на поле боя их штурмовым войскам.

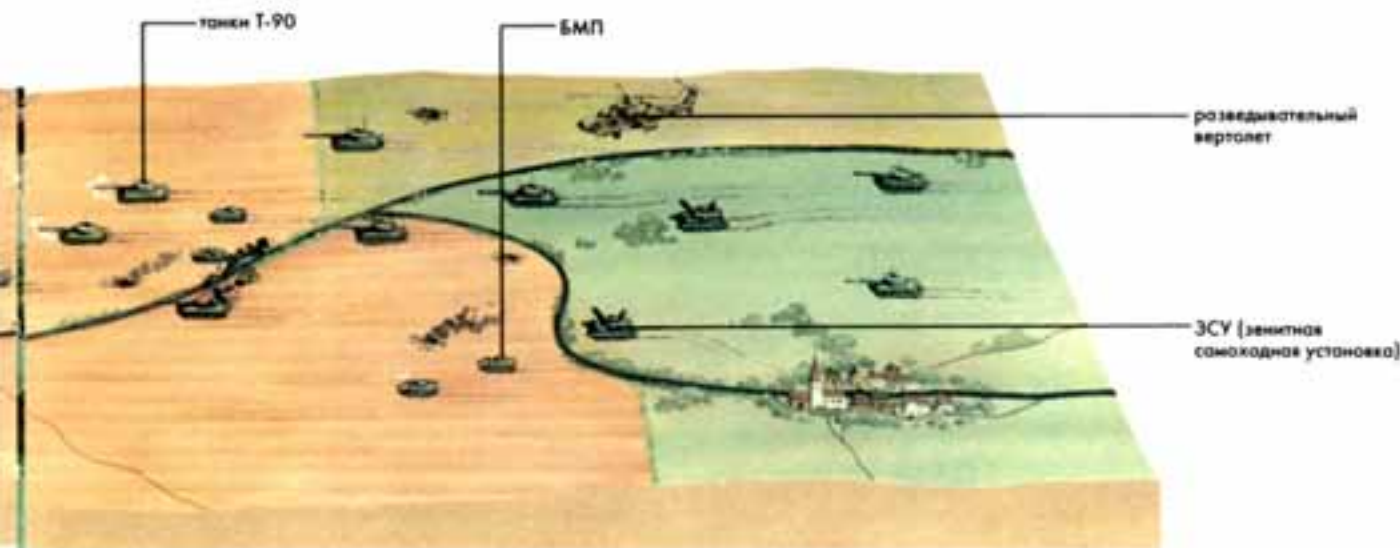
Лишь тогда, когда дистанция сокращается до 800 м, три «Абрамса» и «Полнаф» открывают беглый огонь, чтобы уничтожить противника, по-

которому едва ли способны промахнуться и могут достигнуть гарантированного поражения его брони. Кроме того, неприятель неспособен среагировать сразу же должным образом, поскольку ему не под силу быстро засечь находящиеся в положении «корпус укрыт» вражеские танки на так и не установленных ранее позициях. Приближающиеся Т-90 подвергаются опустошительному расстрелу, уцелевшим приходится заботиться лишь только о том, как найти укромное место, забывая о необходимости отстреливаться. Те же, которые действуют в роли поддержки с дальней дистанции, имеют мало шансов поразить композитное бронирование неприятельских танков. Только нашедшему укромное убежи-

ракет «земля-воздух», которые, как не может не понимать пилот, применит противник, если он будет барражировать слишком долго. В результате осторожности вертолетчику не удастся особенно много выяснить, он лишь высказывает предположение, что около села в укрытии скрывается один или несколько вражеских танков. Командир авангарда пытается соблазнить противника идеей ввести в бой свои танки и так обнаружить их, отправляя вперед в качестве наживки две БМП-2. Однако прием не срабатывает так, как надеялся на то русский командир. В дело вступает управляемая более искусным экипажем «Бродли», которая входит в боевое соприкосновение с БМП-2, не нанося вреда последней из 25-мм пушки, однако в действие включается кто-то еще, и этот неизвестный уничтожает русские Т-90. Речь идет о «Голлафе», о котором говорится на стр. 184 и который теперь получает возможность сказать, что называется, свое веское слово.

С данного момента боевое соприкосновение разворачивается по вполне предсказуемому сценарию: американский боевой отряд сохраняет пози-

цию за счет умелого местного маневрирования, наилучшим образом защищаясь комплексным бронированием от русских ПТУРов и наводясь на по тепловому излучению артиллерийских снарядов. Дыма и пыли становится все больше, а тем временем одна сторона старается получить рассмотреть положение другой, стремясь при этом не слишком обнаруживать себя. Т-90 с их 125-мм пушками постоянно находятся в значительно менее предпочтительной позиции по сравнению с «Абрамсами» и «Голлафом». Русские застигнуты на открытой местности, где их скорости — пускай и очень большой — недостаточно для того, чтобы помешать прицелиться натовским наводчикам, которым даже необходимость брать поправку на скорость мишени не особенно мешает и не отнимает времени — столь стремительны в полете выстрелы 120-мм пушек. Только ценой большого урона удастся Т-90 выйти на позиции, с которых они могут видеть и поражать врага. Однако к тому моменту жало авангарда уже вырвано. Ответственность за ведение боя переходит к приближающемуся основному звену атаки и фланговым частям.

ще Т-90, притаившемуся в 400 м, удастся попасть в «Абрамс» 125-мм прицельным выстрелом, в результате чего нанести серьезный ущерб внутренним узлам танка и даже вызвать потери, однако без возгорания, поскольку автоматические огнетушители «Абрамса» тотчас же погасили источник пламени. На этом участке советская танковая атака терпит напор — типичная судьба подобных, лишенных достаточной поддержки бросков бронетехники. Некоторый успех достигнут только на фланге, где роте советских танков и БМП удается найти брешь и вклиниться в оборону. Зона основного накола боя перекочевывает туда, вынуждая части НАТО маневрировать в попытке блокировать продвижение врага на фланге.

В условиях более подвижного боя русские эффективно применяют противотанковое оружие, достигают попаданий и усиливают натиск на противника. Расчеты ПТРК частей НАТО часто оказываются под угрозой гибели, если не успевают немедленно уничтожить врага. Аналогично и истребителям танков «Голлаф» надо находиться на чеку — велика опасность выхода атакующих ему во фланг и того, что, если это случится, машина не сможет своевременно развернуться и подготовить пушку для отражения угрозы. Вот именно на этой стадии и наступает пора для основных боевых танков сделать громкое заявление и продемонстрировать широкие качественные возможности как наступательного, так и оборонительного

го оружия, когда их командирам приходится действовать в условиях полного отсутствия поддержки со стороны частей других родов войск, особенно с приходом момента для своевременного контрудара по тылу того, который нанес русским в 1943 г. под Харьковом фон Манштейн.

Обходя центры сильного противодействия с целью минимизировать потери, бронетехника должна руководствоваться старыми принципами Гудериана, суть которых состоит в овладении жизненно важными позициями, неожиданными в качестве базы при отражении неожиданной вражеской контратаки огнем прямой наводкой из положения «корпус укрыт», и в нанесении затем еще более глубокого удара по неприятельским тылам с целью уничтожения вражеских командных пунктов и центров управления боевыми действиями, севания страха и ужаса, срыва работы налаженного механизма системы тылового обеспечения и подавления любого сопротивления на своем пути.

БИТВА ЗА КУВЕЙТ — 1991 г.

Ценность и пригодность технологий и тактики применения бронетехники у НАТО и Советского Союза до известной степени получила проверку в Кувейте в 1991 г. Иракская армия, вторгшаяся и оккупировавшая Кувейт в 1990 г., почти полностью укомплектовывалась советским вооружением, более того, в плане доктрины и подготовки она зависела от СССР, хотя тенденции иракцев полагать на статичных позициях мало сочеталась с подвижностью, традиционной для их русских наставников. Их противник — возглавляемые американцами союзные войска, включавшие в себя британские, французские и даже арабские силы, — в основном располагал принятым в НАТО снаряжением и пользовался соответствующими стратегическими концепциями, хотя прежде и готовился, главным образом, к войне в Европе, а не на Ближнем Востоке.

После того как 17 января начались открытые военные действия, главной поставленной на первом этапе союзниками задачи — завоевания полного превосходства в воздухе — удалось достигнуть за четверо суток, затем последовали бомбовые удары по объектам иракской экономики, разрушение коммуникаций и постоянные атаки на скопления сил иракской армии в Кувейте и в Южном Ираке. Ответные действия Ирака на сущее свелись к попытке провести в середине февраля одну-единственную упреждающую атаку силами бронетехники, которую удалось сдержать, а затем отбросить.

Прежде чем 24 февраля началось генеральное наступление союзников с целью освобождения Кувейта, иракские танковые силы на закрытых и неподвижных позициях — Т-55, более совершенные Т-62 и Т-72 — уже понесли серьезный урон от воздушных бомбардировок и артиллерийских обстрелов, против чего иракцы не могли ничего поделать. Прикрывавшие границу минные поля

и рвы не стали причиной задержки действий наступающих, через проделанные брешии в прорыв устремились «Абрамсы», М60 и «Челленджеры», а также «Брадли», М113 и «Уорриоры».

Не располагавшие разведанными о действиях неприятеля, полностью сбитые с толку, лишённые возможности вести переговоры по рациям, иракские танкисты десятками уничтожались на позициях точными ракетными залпами с самолетов-штурмовиков и вертолетов. Когда же состоялась встреча танков с танками, представлявшая собой ночной бой, сразу же выявились преимущества «Абрамса» и «Челленджера» с их термальными приборами видения над иракскими танками с инфракрасным оборудованием. Хорошо подготовленные экипажи союзников с их сложными компьютеризированными системами наведения легко добивались попадания и поражали иракские танки, экипажи которых терлись в боевых условиях, обрабатываемые еще к тому же вражеской артиллерией. Очень часто танкисты просто бросали машины, и лишь немногим удалось выстрелить в ответ. Более того, оказалось, что даже «Брадли» с их 25-мм и «Уорриоры» с 30-мм пушками обладали способностью пробить броню Т-55. Когда потери стали угрожающе расти, уже деморализованные иракцы принуждены сдаваться целыми толпами. Многие танки попали в руки союзников неповрежденными, поражение превратилось в полный разгром и закончилось изгнанием агрессора с захваченной земли и освобождением Кувейта. Потери союзников в танках ограничивались всего четырьмя единицами, у противника же урон составил уничтоженными или — чаще — захваченными 4900 танков и 2300 орудий.

Господство союзной авиации в небе имело крайне важное значение для разгрома сухопутных войск иракцев, которые не могли найти укрытий на широкой и открытой территории и чрезвычайно страдали от ударов с воздуха, которым постоянно подвергались линии коммуникаций, что, как следствие, привело к полному выходу из строя системы тылового обеспечения. Превосходящие броневая защита и ударная мощь решительно свели счет в составлении танк против танка в пользу союзников. Однако не стоит забывать об особенностях условий данного конкретного конфликта. Все получилось бы далеко не так легко на закрытой местности в условиях европейского поля боя, против лучше подготовленного противника или даже в том случае, если бы силы ПВО Ирака не подверглись почти полному уничтожению на самом раннем этапе.

С окончанием «холодной войны», развалом Советского Союза и устранением угрозы неограниченной войны в Европе сценарий событий, представленный здесь в главе 9, так и останется чем-то из области предположений и фантазии. И пускай тысячи и десятки тысяч основных боевых танков и прочих меньших боевых машин продолжают представлять источник опасности в арсеналах многих стран по всему миру, перспек-

тивны широкомасштабных боевых соприкосновений танков с танками по большей части почти или вовсе невозможны.

Однако нельзя сказать, что танковая война — область применения танков как важного оружия и сами основные боевые танки — стала теперь некой любопытной и даже впечатляющей, но всего лишь динозаврикой из эпохи прошлого, как, скажем, превратившиеся в этаких динозавров линкоры. В годы, прошедшие с Войны в Заливе в 1991 г., политические и этнические — порой очень кровопролитные — конфликты продолжают вспыхивать тут и там. В тех или иных столкновениях — когда для обеспечения прикрытия, а когда и для усиления ударной мощи собственных войск — у сторон находили применение самые разные боевые бронированные машины: иной раз даже и основные боевые танки, действовавшие в духе линкоров, как некие сухопутные эскадры, готовые включиться в бой и радикальным образом изменить расклад сил.

Отбросим в сторону небольшие всплески насилия и локальные противоборства, отмечающиеся то в одной, то в другой части мира и требующие порой ради примирения применить силу, упомянем лишь более или менее крупные и — что важнее всего — затянувшиеся противостояния, которые терзали, например, в недавнем прошлом Югославию, с ее жестокими политическими, национальными и религиозными распрями, что вынудило к вмешательству Вооруженные силы ООН и НАТО. Всякий раз, когда дело доходило до открытых боев на суше, легкая бронетехника находила в них применение. Крайне редко, однако,

сходились в поединках танки, и уж совсем нечасто доводилось им сделать друг по другу хотя бы единственный выстрел. Но не будем забывать об агрессивном Ираке, располагающем биологическим и химическим — а случись что, и ядерным! — оружием, которое вполне может быть использовано против очередного врага вместе с непрежневыми массовыми бронетанковыми войсками. Не станем упускать из виду факта наличия таких соперников, как Вооруженные силы Индии и Пакистана, обладающих даже мощными ядерными ракетами; а что стоит нерешенный конфликт между Северной и Южной Кореей?

Бои на любой из вышеперечисленных арен могут разгораться на местном уровне, но быстро принять характер широкомасштабного столкновения с использованием частей всех родов войск, в том числе, конечно, и бронетехники разных видов и назначения, при этом — что очень вероятно — с массовым их применением. И неужели, что потери среди танков, наносимые современными пушками и ракетами, могут достигать значительных объемов, факт остается фактом: если страны располагают обширным парком бронетехники, они наверняка решатся применить ее, вынуждая противника реагировать соответствующим образом. Неврожат перспектива, заставляющая военных и армии продвигаться в направлении технического совершенствования и модернизации существующих основных боевых танков, чтобы не оказаться в скверной ситуации перед врагом, располагающим количественным и качественным превосходством в боевых столкновениях танков против танков.

65-тонный британский «Челленджер-2» с комбинированным бронированием и 120-мм орудием с коррозийным стволом. Хотя и сходный видом, а также и силовой установкой с «Челленджером-1», танк претерпел значительные усовершенствования в плане внутренней компоновки узлов его конструкции, кодовой части, подвески и — прежде всего — системы управления огнем. Теперь командир и наводчик могут (за счет нажатия кнопки) вести меткий огонь даже на ходу, заряжающий вручную способен поддерживать темп огня 5 выстрелов в минуту, даже больший, чем при автоматической подаче снарядов. Объем боеукладки составляет 52 выстрела для орудия.

Американский «летающий танк» — вертолет «Апач», вооруженный целым набором противотанковых ракет и реактивных снарядов. Машина успешно действовала против иракских танков на открытых пространствах пустыни в ходе операции по освобождению Кувейта. Однако из-за опасений нанести большие потери в сложной горной местности Югославии, войска которой располагались в Косово в 1999 г., большое количество неподдавшихся и хорошо замаскированных средств ПВО, командование миротворческими силами приняло решение воздержаться от применения «Апачей».

Тем не менее нельзя не признать, что вероятность разработки и строительства нового поколения дорогостоящих машин, вроде улучшенного «Абрамса», последнего «Челленджера-2» и французского «Леклерка», довольно далека от цели в плане оправданности издержек. Те, что уже построены, смогут, если потребуются, проявить о себе на поле боя, как обычно, производя устрашающее воздействие огневой мощью, подвижностью и располагая надежной броневой защитой, выступая, как и надлежит, во взаимодействии со всеми родами войск в целях создания благоприятного тактического эффекта и для уничтожения или сведения на нет угрозы, исходящей от весьма подвижных, очень мощных систем оружия – таких, как вертолеты «Апач» с их самонаводящимися ракетами, оснащенными к тому же весьма разрушительными боеголовками. Однако нельзя забывать и о том, что в ходе недавнего конфликта на закрытой местности в Косово военные с большой неохотой шли на применение таких дорогостоящих машин против замаскированных целей, опасаясь больших и неоправданных потерь.

Вместе с тем легкие гусеничные или колесные бронемашинки, вооруженные реактивными снарядами или ракетами, вероятно, будут развиваться и множиться, поскольку весьма действенны в миротворческих операциях и эффективны вследствие присущей им способности вступать в боевые соприкосновения с основными боевыми танками при известных шансах на успех.

Хотя значение самих ОБТ и снизится, они не перестанут играть важной роли в боевых противостояниях в будущем. Проекты последних универсальных боевых машин средней массы уже существуют: машины весом примерно 20–30 тонн, с 600-сильным или что-то около того двигателем, вооруженные 30-мм автоматическими пушками, способные также нести в случае необходимости ПТУР, не забыты и сохраняют известную привлекательность. Обслуживаемые экипажем из трех человек, такие машины могут быть сравнительно легко бронированными, однако практически наверняка будут укомплектованы электромагнитными сенсорами последнего поколения – приборами, позволяющими обеспечить машине не только высокий уровень защищенности перед такими источниками опасности, как боевые вертолеты и самолеты, но и сделать их пригодными для наступательных действий против целей самого разного характера.

Более того, технический прогресс шагает вперед такими семимильными шагами, что совсем недалек тот день, когда сухопутные войска получат простое, но очень разрушительное оружие, установленное на боевых бронированных машинах и способное уничтожать летающие объекты – любые самолеты – в радиусе 8–10 км. Подобное изобретение снизит угрозу для бронетехники, исходящую со стороны действующих в воздухе летательных аппаратов противника, и вернет ОБТ их основную функцию – служить первостепенным противотанковым оружием.

Вид на телевизионном дисплее, которыми оснащаются рабочие места командиров и наводчиков боевых машин. Подобного рода приборы наблюдения и наведения имеют большое преимущество за счет того, что позволяют пользующимся ими солдатам видеть ночью и отслеживать «теплые» цели как днем, так и в темное время суток.

Кеннет Максей

ТАНК ПРОТИВ ТАНКА

**Иллюстрированная история
важнейших танковых сражений XX в.**

Ответственный редактор *А. Ефремов*
Научный редактор *С. Дробязко*
Дизайн переплета *М. Горбатов*
Художественный редактор *Б. Волков*
Технический редактор *М. Пенчковская*
Компьютерная верстка *Н. Симкин*
Корректор *Т. Пилула*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales: For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at
foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении
обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо» E-mail: project@eksmo-sale.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо», 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 268-83-59/60.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Препаритская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Букова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153. Тел./факс: (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Суваревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 26.04.2007.
Формат 84х108^{1/8}. Гарнитура «Нью-Баскервилль». Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 20, 16.
Тираж 5000 экз. Заказ № 962.

Отпечатано по технологии СІР
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Книга «Танк против танка. Иллюстрированная история важнейших танковых сражений XX века» – волнующее и глубокое исследование, в котором наглядно прослеживаются этапы эволюции танковых войск в XX веке. Это великолепное издание снабжено многочисленными фотографиями, схемами, диаграммами и специально для него выполненными панорамными иллюстрациями, на которых отражены ключевые моменты описываемых сражений.

Написанная майором Кеннетом Максеом, бывшим офицером Королевского танкового полка, участвовавшего в боевых действиях в Европе начиная с 1944 г., книга не разочарует как подготовленного читателя, так и того, кто лишь начинает свое знакомство с историей военного дела.

ISBN 978-5-699-20451-9

9 785699 204519 >